

История Вавилона от основания монархии до персидского завоевания

Л. В. Кинг

A HISTORY OF BABYLON

FROM THE FOUNDATION OF THE MONARCHY
TO THE PERSIAN CONQUEST

BY
LEONARD W. KING, Litt.D., F.S.A.

Assistant Keeper of Egyptian and Assyrian Antiquities in the British Museum
Professor of Assyrian and Babylonian Archaeology in
the University of London

WITH MAP, PLANS, AND ILLUSTRATIONS

LONDON
CHATTO & WINDUS
1919

The Project Gutenberg eBook of A History of Babylon, from the Foundation of the Monarchy to the Persian Conquest.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: A History of Babylon, from the Foundation of the Monarchy to the Persian Conquest

Автор: Л. В. Кинг

Дата выхода: 2 марта 2018 [eBook #56667].

Язык: Английский

Credits: Подготовлено Марком Д'Хуре в Free Literature (изображения щедро предоставлены Интернет-архивом).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A HISTORY OF BABYLON, FROM THE FOUNDATION OF THE MONARCHY TO THE PERSIAN CONQUEST ***

A HISTORY OF BABYLONIA FROM THE FOUNDATION OF THE MONARCHY TO THE PERSIAN CONQUEST

BY LEONARD W. KING, LITT.D., F.S.A.

Помощник хранителя египетских и ассирийских древностей в Британском музее

Профессор ассирийской и вавилонской археологии в Лондонском университете

С КАРТОЙ, ПЛАНАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ЛОНДОН

1915

МЕРОДАХ-БАЛАДАН II, ЦАРЬ ВАВИЛОНА, ДАРИТ ЗЕМЛЮ БЕЛ-АХКЕ-ЭРБЕ, ПРАВИТЕЛЮ ВАВИЛОНА.

Первая часть "Истории Вавилона" Леонарда В. Кинга доступна под названием A History of Sumer and Akkad, an Account of the Early Races of Babylonia from Prehistoric Times to the Foundation of the Babylonian Monarchy.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом томе этой работы был дан отчет о ранних расах Вавилонии с доисторических времен до основания монархии. Он закончился на том моменте, когда город Вавилон собирался закрепить за собой постоянное лидерство под властью династии западносемитских царей. Настоящий том описывает судьбу Вавилонии на протяжении всего династического периода и завершает историю южного царства. Прошлой осенью, в связи с войной, было решено отложить его публикацию; но по просьбе издателей я закончил его и выпустил в печать. В то время, когда британские войска оккупируют Южную Месопотамию, появление работы, посвященной ее ранней истории, возможно, не будет считаться совсем уж несвоевременным.

Благодаря недавним раскопкам Вавилон перестал быть абстракцией, и теперь мы можем восстановить основные черты одного из самых известных городов древнего мира. В отличие от Ашшура и Ниневии, великих столиц Ассирии, Вавилон практически без изменений сохранился при ахеменидских царях Персии, и со времен Геродота и далее мы имеем рассказы о его великолепии, которые последние исследования во многом подтверждают. Правда, мы должны изменить оставленное Геродотом описание ее размеров, но во всем остальном точность его информации подтверждается. Львиный фриз Цитадели и эмалированные звери на воротах Иштар позволяют нам кое-что понять о заклинаниях, которые она накладывала. На сайте утверждается, что на этом месте было обнаружено самое знаменитое ее сооружение - Висячие сады царского дворца; и если это окажется правдой, вряд ли можно сказать, что они оправдали свою репутацию. Гораздо большее впечатление производит Вавилонская башня с ее огромными Периболами, окружающими то, что метко называли Вавилонским Ватиканом.

Большинство обнаруженных зданий относятся к неовавилонскому периоду, но их можно считать типичными для вавилонской цивилизации в целом. Ведь храмы снова и снова перестраивались по старинке, а религиозный консерватизм сохранил глинобитные стены и примитивный декор более ранних периодов. Даже царский дворец Набополассара, должно быть, имел близкое сходство с дворцом Хаммурапи, а уличная сеть города, похоже, без особых изменений дошла до наших дней со времен Первой династии. Система, которую Хаммурапи ввел в законодательство своей страны, возможно, отразилась в самой ранней попытке научного планирования города. Самым поразительным фактом в истории Вавилона является непрерывность его культуры на протяжении всего династического периода. Основные изменения произошли в системе землевладения: примитивный обычай племенного или коллективного владения уступил место частной собственности в рамках политики покупки и аннексии, целенаправленно проводимой западносемитскими и касситскими завоевателями. Параллель с прежней системой и ее длительное существование можно увидеть в деревенских общинах Индии в наши дни.

В отличие от истории Ассирии, история Вавилона больше связана с развитием и распространением цивилизации, чем с военными достижениями расы. Наибольший период ее могущества пришелся на первую линию царей, а в последующие эпохи ее внешняя политика диктовалась исключительно торговыми потребностями. Письма из Богаз-Кеуи, как и письма из Телль-эль-Амарны, свидетельствуют о том, что, поддерживая торговые связи, она полагалась на дипломатию, а не на силу. То, что она могла сражаться в случае необходимости, доказывает ее долгая борьба с Северным царством, но в более поздний период ее войска никогда не могли сравниться с обученными легионами Ассирии. Возможно, что Набополассар и его сын в значительной степени были обязаны своей империей защищающей руке Мидии; и успех Навуходоносора при Кархемише не доказывает, что вавилонский характер внезапно изменился. Недавно найденное письмо проливает свет на неудовлетворительное состояние по крайней мере одной части армии в последние годы жизни Навуходоносора, и, кстати, оно позволяет предположить, что Гобриас, который способствовал персидской оккупации, может быть отождествлен с вавилонским генералом с таким именем. С падением Мидии он, возможно, отчаялся в успешном сопротивлении со стороны своей страны.

Огромное богатство Вавилона, обусловленное его почвой и полутропическим климатом, позволило ему пережить несколько иноземных владений и навязать свою цивилизацию завоевателям. Ее караваны разносили эту цивилизацию далеко за пределы страны, и одна из самых увлекательных проблем ее истории - проследить последствия такого общения в

литературных остатках других народов. В последнее время этому вопросу было посвящено много исследований, и большая ценность их результатов привела к тому, что в некоторых кругах возникло мнение, что в религиозном развитии Западной Азии и, в меньшей степени, Европы преобладало влияние Вавилона. Теория, лежащая в основе таких рассуждений, предполагает такое прочтение истории страны, которое нельзя игнорировать. В заключительной главе сделана попытка оценить, в какой степени это предположение согласуется с историческими исследованиями.

Задержка с публикацией этого тома позволила включить в него последние открытия, некоторые из которых еще не появлялись в печати. Профессору А. Т. Клею посчастливилось приобрести для коллекции Йельского университета полный список ранних царей Ларсы, а также другие документы, имеющие важное отношение к истории Вавилона. В настоящее время он готовит тексты к публикации, а тем временем очень любезно прислал мне расшифровки соответствующих материалов с полным разрешением использовать их. Полученная информация о наложении дополнительных династий на Первую династию Вавилона пролила новый свет на обстоятельства, приведшие к приходу Вавилона к власти. Но эти и другие недавние открытия в целом не влекут за собой радикальных изменений в хронологической схеме в целом. Они приводят скорее к локальным перестановкам, которые в значительной степени уравнивают друг друга. При поздних династиях Вавилона ее история и история Ассирии настолько тесно взаимосвязаны, что трудно выделить южное царство. Была предпринята попытка в общих чертах обозначить основные фазы конфликта и то, как были затронуты интересы только Вавилонии. Чтобы избежать ненужных повторений, более полное рассмотрение этого периода отложено до третьего тома данной работы. Тогда же будет дан сводный отчет о литературе и цивилизации обеих стран.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность месье Ф. Тюрю-Дангену, главному консерватору музеев Лувра, за предоставленную мне прошлой весной возможность изучить неопубликованные исторические материалы, находящиеся в его ведении. Информация, которую он предоставил в мое распоряжение, оказалась мне очень полезной во время последующей работы в Османском музее в Константинополе незадолго до войны. Уже упоминалось о моей задолженности профессору Клею, который время от времени снабжал меня другими неопубликованными материалами, за которые подробно благодарен в ходе этой работы. С профессором К. Ф. Берни я обсуждал многие проблемы, связанные с влиянием Вавилона на еврейскую литературу; и я в долгу перед профессором А. К. Хедламом за разрешение перепечатать часть статьи на эту тему, которую я опубликовал в 1912 году в журнале *"Church Quarterly Review"*.

Д-р Э. А. Уоллис Бадж заслуживает моей благодарности, поскольку именно он предложил мне написать эти истории и дал мне свои советы. Ему, а также сэру Фредерику Кеньону и мистеру Д. Г. Хогарту я обязан разрешением использовать иллюстрации, которые появились в официальных изданиях Британского музея. Я также благодарен месье Эрнесту Леру из Парижа за разрешение воспроизвести некоторые таблички из *"Mémoires de la Délégation en Perse"*, опубликованные им под редакцией месье Ж. де Моргана; а также Совету и секретарю Общества библейской археологии за предоставление блока, использованного для иллюстрации статьи, которую я представил в их *"Трудах"*. Большая часть табличек, иллюстрирующих раскопки, сделана с фотографий, сделанных на месте; а планы и чертежи, приведенные в тексте, - это работа мистера Э. Дж. Ламберта и мистера К. О. Уотерхауса, которые не пожалели усилий для обеспечения их точности. На обложке этого тома изображены две самые выдающиеся фигуры в вавилонской традиции. На лицевой стороне обложки изображен национальный герой Гильгамеш, чей эпос отражает вавилонский

героический идеал. На задней стороне переплета изображен Мардук, бог-город Вавилона, держащий в правой руке пылающий меч, которым он разрубил дракона хаоса.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ: МЕСТО ВАВИЛОНА В ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ

ГЛАВА II

религиозное настенное убранство - храм Ниниб-Э-сагила и Вавилонская башня - Периболос или священные пректы - Э-...зида и храм-башня Борсиппа - мост через Евфрат - Меркес и уличная сеть Вавилона - страты разных периодов - раннее вавилонское градостроительство - материальное влияние Запада - семитская династия - преемственность вавилонской культуры 14

ГЛАВА III

ВАВИЛОНСКИЕ ДИНАСТИИ: ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ОТКРЫТИЙ

Хронология - скелет истории - Основной дефект вавилонской схемы - Династии Нисина, Ларсы и Вавилона - Открытие списка царей Ларсы - Внесение новой неопределенности - Отношения царей Вавилона и Нисина - Отсутствие синхронизмов - Очевидность формулы даты? - Новая и более надежная линия исследования - Двойные даты обеспечивают недостающее звено для хронологии - Эра Нисина - Объяснение двойных дат - Проблема Рим-Сина - Метод согласования данных - Другая линия доказательства - Археологические исследования и Вторая династия списка царей - Дата-формулы Хаммурапи, Самсу-илуна и Илума-илума - Методы фиксации периода Первой династии - Знамена Амми-задуги от планеты Венера - Сочетания Венеры, Солнце и Луна - Возможность фиксации периода наблюдений - Альтернативные даты в их отношении к историческим результатам - Время сбора урожая в земледельческих контрактах периода - Предположительная дата Первой династии - Пересмотр хронологических отметок в более поздних текстах - Династии Бероса и начало его исторического периода - Влияние последних открытий на хронологическую схему в целом - Наша новая картина возвышения Вавилона 87

ГЛАВА IV

ЗАПАДНЫЕ СЕМИТЫ И ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ ВАВИЛОНА

Первоначальная родина амурру, или западных семитов - Аравия была одним из основных мест размножения Великие семитские миграции и их причины - Свидетельства уменьшения количества осадков в Аравии - Жизнь пастуха-кочевника в условиях пустыни - Переход от пастушеской к сельскохозяйственной жизни - Последовательные стадии ханаанской цивилизации - Неолитические жители и миграция аморитов - Ханаанеи в истории и их культура - Восточная Сирия и средний Евфрат - Последние раскопки в Кархемише и его окрестностях - Ранний вавилонский цилиндр Печати на Саджуре - торговля Кархемиша с Северной Вавилонией - западносемитские поселения на Хабуре - царство Хана - вторжение аморитов в Вавилонию - династии Нисина и Ларсы - недавние открытия в Ашуре - протомитанцы - западные семиты в Вавилоне и их конфликт с Ассирией - ранняя борьба и методы экспансии - завоевание Ларсы эламитами - трехугольное соперничество Нисина, Падение Нисина и поединок между Вавилоном и Эламом - Поражение Хаммурапи от Рим-Сина и присоединение Шумера к Вавилону - Территория империи Хаммурапи - Хаммурапи - основатель величия Вавилона - Его деятельность как законодателя и администратора 119

ГЛАВА V

ЭПОХА ХАММУРАПИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПЕРИОДЫ

Энергия западного семита и увековечивание им умирающей культуры - его эпоха была переходной - Современные свидетельства о социальных и политических

условиях - Три класса в социальной шкале Вавилона - Знатные люди - расовая аристократия - Происхождение и права среднего класса - Положение рабов - Пастушеская и сельскохозяйственная жизнь в ранней Вавилонии - Правила, санкционирующие давно установленные обычаи - Корве. *корвея* для общественных работ - каналы и права на рыбную ловлю - методы ирригации и их современные эквиваленты - выживание вавилонского плуга и дрилла - важность датировки. Торговая деятельность Вавилона и крупных городов - Партнерство в области внешней торговли - Жизнь в городах - Семейная жизнь в ранней Вавилонии - Положение женщин - Привилегии, которыми пользовались жертвователи - Отправление правосудия - Взаимоотношения короны и жреческой Царское регулирование календаря и названия года - Система управления - Изменения в религиозной сфере и пересмотр пантеона - Литературная деятельность - Полная семитизация страны, не сопровождавшаяся каким-либо перерывом в культуре - Позднейшая цивилизация Вавилона, сформировавшаяся в эпоху Хаммурапи 162

ГЛАВА VI

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ВАВИЛОНСКОЙ ДИНАСТИИ И ЦАРИ ИЗ СТРАНЫ МОРЯ

Состояние империи после воцарения Самсу-илуны - ранний касситский набег как сигнал к восстанию, эламское вторжение - Вавилон напряг ресурсы для подавления восстания - Возникновение независимого царства в Стране моря на побережье Персидского залива - Возможности Страны моря для обороны и как базы для наступательных операций - Шумерские элементы в населении - Потеря Вавилоном территории и его борьба с царями Страны моря - Симптомы упадка при поздних западно-семитских царях Вавилона. Семитские цари Вавилона - обожествление царской власти и возросшая роскошь ритуалов - свидетельства роста богатства и художественного прогресса Вавилона под иностранным влиянием - временное восстановление могущества Вавилона при Амми-дитане - возобновление активности Страны моря с последующим постепенным упадком Вавилона - конец западно-семитской династии, вызванный или ускоренный хеттским вторжением - период местных династий после падения Вавилона - продолжение преемственности царей Страны моря 197

ГЛАВА VII

КАССИТСКАЯ ДИНАСТИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ЕГИПТОМ И ХЕТТСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Касситское завоевание Вавилонии - Касситы, вероятно, арийцы по расе и сродни более поздним правителям Митанни - Характер их правления в Вавилоне - Введение ими лошади в Западной Азии - Касситское завоевание Страны Моря и присоединение Вавилона. Страна касситов и ее присоединение к Вавилону - пробел в наших знаниях о преемственности касситов - письма из Телль-эль-Амарны и Богаз-Кеуи - Египет и Западная Азия в конце пятнадцатого века - дипломатия и баланс сил - династические браки и международные связи этого периода - Амен-Хетеп III. и Кадашман-Энлиль - Ахенатен и его политика долей - караваны Вавилона в Сирии - переписка Бурна-Буриаша и Ахенатена - Потеря Египтом своих азиатских провинций - Возникновение Хеттской империи - Хетты и их цивилизация - их столица Хатти - присоединение Митанни и египетская война - отношения Хаттусила с Кадашман-тургу и Кадашман-Энлилем II. - Характер хеттской переписки - Рост Ассирии и ее отношения с Вавилоном - Первая фаза долгой борьбы двух царств - Поздние члены Касситской династии - Ее падение можно отнести к эламскому

вторжению -Экономические условия в Вавилонии при Касситах -Кудурру - надписи или межевые камни - Их свидетельства о вавилонской системе землевладения - Постепенное исчезновение племенного владения в результате западносемитской и касситской политики - Переход от коллективной к частной собственности 214

ГЛАВА VIII

ПОЗДНИЕ ДИНАСТИИ И АССИРИЙСКОЕ ГОСПОДСТВО

Добыча в Сузах после вторжения эламитов - возвращение территории Вавилоном при Навуходоносоре I.-Возобновление конфликтов и договоров с Ассирией - Разорение Вавилонии сугами - Эфемерные вавилонские династии - Состояние Сиппара, характерное для состояния страны - Возрождение Ассирии - Завоевания Ашшур-уасир-пала и неудачное сопротивление Вавилона - Вавилонское искусство в девятом веке - Вмешательство Шалманесера III. Его поход в Халдею - Урартское царство и его влияние на ассирийскую экспансию - Независимость провинциальных правительств во время ослабления центрального контроля - Временное восстановление Вавилона при Набонассаре - Постепенное ужесточение контроля Ассирии над южным царством - Характер ее поздней империи - Тиглат-Пилесер IV. Политика депортации и присущая ей слабость - исчезновение Эрарту как буферного государства - Саргон и Меродах-баладан - попытка Сеннахериба разрушить Вавилон - Эсархаддон отменяет политику своего отца - завоевание Ассирией Египта - Ашур-бани-пал и восстание Шамаш-шум-укина - разграбление Сузы - Вавилон при Саргонидах - политика поощрения и принуждения - эффект от их чередования 252

ГЛАВА IX

НЕОВАВИЛОНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Набополассар и его зарождающееся царство - Скифское вторжение и его последствия - Сыновья Ашшур-бани-пала - Набополассар и мидяне - Падение Ниневии - Раздел ассирийской территории - Конфликт Вавилона с Египтом - Навуходоносор II. Битва при Кархемише - Взятие Иерусалима и депортация евреев - Захват Финикии и осада Тира - Поздний поход Навуходоносора в Египет - Вавилон и Мидийский сюзеренитет - Лидия при преемниках Ардиса - Конфликт Киаксареса и Алятта на Халисе и вмешательство Вавилона - Навуходоносор как строитель - Состояние вавилонской армии в последние годы жизни Навуходоносора и при его преемниках - Губару, полководец, Смерть Нериглиссара - Характер Набонида - Упадок империи под защитой мидийцев - Возвышение Кира - Его легкость в овладении Мидией, Его поражение и пленение Креза и падение Лидии - Его наступление на Вавилон - Возможность того, что Гобриас был коренным вавилонянином - Его мотив в содействии персидской оккупации - Поражение и смерть Белшаззара - Популярность Кира в Вавилоне - Спокойствие страны под властью персов - Вавилон последние попытки обрести независимость - Его дальнейшая история - Сохранение вавилонских культов в христианскую эпоху 275

ГЛАВА X

ГРЕЦИЯ, ПАЛЕСТИНА И ВАВИЛОН: ОЦЕНКА КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ

Влияние Вавилона все еще заметно в современном мире - мать астрономии и сохранение ее древней системы деления времени - политическая и религиозная история евреев в свете вавилонских исследований - отголоски вавилонских легенд

в греческой мифологии - вавилонская концепция вселенной - астральная теория и ее всеобъемлющие предположения - была ли вавилонская религия по сути звездопоклонством? - Применение исторического теста - Эволюция вавилонского бога - Происхождение божественных эмблем и животного символизма - Мировые века и астральная теория - Последние свидетельства и более ранние исторические периоды - Астральные века Ближнего Востока, Ветхий Завет и Одиссея в астральной интерпретации - Астрономические недостатки астральной теории - Эпоха вавилонской астрономии - Гиппарх Никейский и прецессия равноденствий - Евреи и вавилонская астрология - Контраст вавилонского и эллинского темпераментов - Месопотамия и побережье Малой Азии - Сказки, которые рассказывают 289

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ДИНАСТИЙ НИСИКСА, ЛАКСА И ВАВИЛОНА 318

II. ДИНАСТИЧЕСКИЙ СПИСОК ВАВИЛОНСКИХ ЦАРЕЙ 320

ИНДЕКС 323

СПИСОК ПЛАСТИН

I. Меродах-баладан II, царь Вавилона, дарит землю Бекл-Ахек-Эрбе, правителю Вавилона
Фронтиспис

II. (i) Храм-башня Э-зида в Борсиппе. (ii) Вавилонский лев на кургане Kaşr 18

III. Тронный зал во дворце Навуходоносора в Вавилоне с изображением углубления в задней стене, где когда-то стоял трон 39

IV. Восточные башни ворот Иштар, сохранившиеся части которых легли в основу последних ворот 48

V. Траншея, показывающая часть Священного пути Вавилона, к востоку от Периболоса 61

VI. Два вида храма Ниниба в процессе раскопок 72

VII. Кирпич Син-идиннама, царя Ларсы, с записью прокладки канала и восстановления храма бога Луны в городе Ур 90

VIII. Хаммурапи, царь Вавилона, с рельефа в Британском музее, посвященного от его имени западносемитской богине [Аш]ратум Итур-ашдумом, правителем провинции 97

IX. Кирпич Варад-Сина, царя Ларсы, фиксирующий строительные работы в городе Ур 105

X. Курган-крепость Кархемиша с северо-запада 128

XI. Верхняя часть Кодекса Хаммурапи с выгравированной сценой, изображающей царя, получающего свои законы от бога Солнца 144

XII. (i) Бронзовый конус и вотивная фигурка, (ii) Каменный цилиндр с вотивной надписью Варад-Сина, царя Ларсы 153

XIII. Часть текста кодекса Хаммурапи, столбцы 6-8 168

- XIV. Современная гуфа, форма короля, описанная Геродотом и представленная на памятниках 177
- XV. (i) Небольшой келек на Тигре у Багдада, (ii) Паромные лодки на Евфрате у Биреджика 184
- XVI. Оттиски вавилонских цилиндрических печатей, гравированные на мифологические сюжеты 193
- XVII. Впечатления от касситских цилиндрических печатей 199
- XVIII. Кирпич Син-гашида, царя Эреха, с записью строительства его дворца в этом городе 210
- XIX. Голова колоссальной статуи Амен-Хетепа III 220
- XX. Хеттская иероглифическая надпись в Кархемише 241
- XXI. Касситские кудурры, или межевые камни, установленные в царствование Мели-Шипака II и Нази-марутташа 248
- XXII. Божественные эмблемы на верхней части акурдурру, или межевого камня, с гравировкой привилегированной хартии, дарованной Навуходоносором I 255
- XXIII. Памятная табличка Набу-аплу-иддина, царя Вавилона, на которой запечатлено восстановление храма Солнца в Сиппаре 260
- XXIV. Шалманесер III, принимающий покорность халдеев, с бронзовой обшивки его Ворот в Британском музее 269
- XXV. Ашур-бани-пал, изображенный с корзиной строителя, как реставратор Э-сагилы, храма Мардука в Вавилоне 273
- XXVI. Бронзовая ступенька двери из Э-зиды, храма Набу в Борсиппе, с надписью имени и титулов Навуходоносора II. 278
- XXVII. (i) Обожженный глиняный фундамент-цилиндр Набонида с упоминанием поражения Астиагеса от Кира, (ii) Обожженный глиняный фундамент-цилиндр Кира с записью его вступления в Вавилон "без боя и без сражения" 287
- XXVIII. Впечатления от неовавилонских и персидских цилиндрических печатей 287
- XXIX. Известняковая статуя бога Набу в Нимруде 292
- XXX. Божественные эмблемы, изваянные на нижней части пограничного камня с гравировкой грамоты Навуходоносора I (см. пл. XXII) 297
- XXXI. Два вида глиняной модели печени овцы с разделенной поверхностью и маркировкой для целей гадания 303
- XXXII. Неовавилонский трактат по астрономии, снабженный классифицированными списками главных звезд и созвездий, гелиаических восходов и заходов, кульминаций на юге и т. д. 311
-

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

1. Диаграмма, иллюстрирующая политический центр тяжести в Вавилонии 8
2. Карта окрестностей Вавилона и Бирс-Нимруда; по карте Управления Индии 16
3. План развалин Вавилона; по Колдевею и Андрае 24
4. План части внешней городской стены; по Колдевею и Андрае 26
5. Предположительная реставрация южной цитадели; по Андрае 29
6. План Южной цитадели; по Кольдевею, Ройтеру и Ветцелю 31
7. План причальных и крепостных стен в северо-западном углу Южной цитадели; по Кольдевею 32
8. Разрез причальных и крепостных стен вдоль северного фронта Южной цитадели; по Андрае 34
9. План тронного зала Навуходоносора II и части личного дворца; по Кольдевею 42
10. Рисунок из эмалированного кирпича с фасада Тронного зала 44
11. План северо-восточного угла дворца со сводчатым зданием; после Кольдевея 46
12. Бык из эмалированного кирпича с ворот Иштар 50
13. Дракон из эмалированного кирпича с ворот Иштар 51
14. План ворот Иштар; после Колдевея 52
15. Секция ворот Иштар; после Андрае 53
16. Схема, показывающая расположение зверей ворот Иштар; после Колдевея 54
17. Эмалированный фрагмент ворот Иштар на месте 56
18. План более поздних оборонительных сооружений Цитадели с северной стороны, показывающий стены с Львиным фризом и Ворота Иштар 57
19. Лев с фриза Священного пути к северу от ворот Иштар 59
20. План Э-мах, храма богини Нинмах; после Андрае 64
21. Предположительная реставрация Э-мах; после Андрае 65
22. Золотая бляшка с архитектурным рисунком из неовавилонского погребения; увеличение по фотографии Колдевея 67
23. План неопознанного храма, известного как "Z"; после Андрае 68
24. Предположительная реставрация неопознанного храма, известного как "Z"; по Андрае и Колдевею 69
25. План храма Иштар Аккадской; после Ройтера 70
20. План храма Ниниба; после Андрае 71

27. План храмов Э-темен-анки и Э-сагила; по Ветцелю 74
28. Предположительная реконструкция Э-темен-анки и Э-сагила; после Андрае 75
29. План Э-зида и храма-башни Набу в Борсиппе; по Колдевею 78
30. Грубая гравировка храма-башни на межевом камне 80
31. План кургана Меркес, показывающий часть уличной сети Вавилона; по Кольдевею 82
- 32-33. Арабы седьмого века до н.э., со скульптуры в Ниневийской галерее Британского музея 123
34. Голова архаичной известняковой фигуры из Ашура 137
- 35-30. Головы архаических фигур из Ашура и Телло 138
- 37-39. Примеры архаической скульптуры из Ашура и Телло, демонстрирующие ту же условность в обработке шерстяной одежды 140
40. Старовавилонская форма используемого плуга; после Клея 175
41. Ассирийский келек на Тигре; после Ла Ярда 178
42. Ассирийский прототип гуфы; с барельефа в Британском музее 179
43. Ассирийский плот из бревен на Тигре; с барельефа в Британском музее 181
44. Болото в Южной Вавилонии, или Стране моря; с барельефа в Ниневии 201
45. Зебу или горбатые волю Страны моря; с барельефа из Ниневии в Британском музее 204
46. Ахенатен со своей царицей и дочерьми-младенцами на балконе своего дворца; по Н. де Г. Дэвису 223
- 47-48. Изображения хеттов в египетской скульптуре; по Мейеру 226
49. Хеттские пешие солдаты в битве при Кадеше; по Мейеру 227
50. Хеттский вождь, пленник Рамсеса III; по Мейеру 228
51. Фигура, вероятно, хеттского царя, из царских ворот в Хатти; по фотографии Пухштейна 229
52. Царские ворота Хатти, столицы хеттов, вид снаружи; после Пухштейна 231
53. Предположительная реставрация хеттских ворот, вид снаружи; после Пухштейна 232
54. Продольный разрез нижнего западного шлюза в Хатти; по Пухштейну 234
55. Поперечный разрез Нижнего Западного шлюза в Хатти; после Пухштейна 235
56. Одна из двух священных лодок Хонсу, египетского Мунгода, который отправился в Каппадокию, чтобы изгнать дьявола из хеттской принцессы; после Розеллини 238
57. Рамсес II, возносящий благовония на одну из лодок Хонсу перед тем, как отправиться в путь; после Розеллини 239

58. Сцена, изображающая Набу-мукин-апли, санкционирующего передачу земельных владений 258
59. Мардук и его дракон из вотивного подношения Мардук-закир-шум; по Вайсбаху 261
60. Ассирийская армия в Халдее, 851 г. до н. э.; с Врат Шалманесера в Британском музее 262
61. Халдейский город IX века до н. э.; из Ворот Шалманесера 263
- 62-63. Дань халдеев; из Врат Шалманесера 264
64. Барельеф Шамаш-рекш-усура, правителя земель Сухи и Мари; по фотографии Вайсбаха 266
65. Бог Адад из вотивного жертвоприношения, посвященного Эсархаддоном в Э-сагиле; по фотографии Вайсбаха 271
- 66-68. Бог погоды и две богини с ассирийского барельефа; по фотографии Layard 294
69. Фигура божества в переносном святилище; по Лэйярду 295
70. Шумерская арфа с корпусом, над которым возвышается фигура быка 298
71. Львы-хранители восточных небесных врат, с оттиска цилиндрической печати в Лувре; после Хейзи 299
72. Крылатое чудовище на эмалированном фризе в Персеполисе; после Дьелафоя 300
-

КАРТЫ И ПЛАНЫ

- I. Диаграмма, иллюстрирующая политический центр тяжести в Вавилонии (рис. 1) 8
- II. Карта окрестностей Вавилона и Бирс-Нимруда (рис. 2) 16
- III. План развалин Вавилона (рис. 3) 24
- IV. План части внешней городской стены (рис. 4) 26
- V. План южной цитадели (рис. 6) 31
- VI. План причальных и крепостных стен в северо-западном углу южной цитадели (рис. 7) 32
- VII. План тронного зала Навуходоносора и части личного дворца (рис. 9) 42
- VIII. План северо-восточного угла дворца со сводчатым зданием (рис. 11) 46
- IX. План ворот Иштар (рис. 14) 52
- X. План более поздних оборонительных сооружений цитадели с севера, показывающий стены с Львиным фризом и ворота Иштар (рис. 18) 57
- XI. План Э-мах, храма богини Нинмах (рис. 20) 64
- XII. План неопознанного храма, известного как "Z" (рис. 23) 68
- XIII. План храма Иштар Аккадской (рис. 25) 70

XIV. План храма Ниниба (рис. 20) 71

XV. План храмов Э-темен-анки и Э-сагила (рис. 27) 74

XVI. План Э-зида и храма-башни Набии в Борсиппе (Рис. 29) 78

XVII. План кургана Меркес, показывающий часть уличной сети Вавилона (рис. 31) 83

ИСТОРИЯ ВАВИЛОНА

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ: МЕСТО ВАВИЛОНА В ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ

Название Вавилона говорит об одном из великих центров, из которого цивилизация распространялась на другие народы древнего мира. И действительно, начиная со второго тысячелетия, мы имеем свидетельства постепенного распространения вавилонской культуры на большую часть Западной Азии. До конца пятнадцатого века, чтобы привести один пример такого влияния, мы видим, что вавилонский язык стал языком восточной дипломатии. Нет ничего удивительного в том, что египетский царь перенял вавилонский язык и способ письма для переписки с правителями самого Вавилона или Ассирии. Но примечательно, что он использовал эту иностранную письменность и язык для отправки приказов губернаторам своих сирийских и палестинских владений, и что эти ханаанские чиновники использовали тот же самый язык для отчетов, которые они отправляли своему египетскому господину. В тот же период арийские правители Митанни в Северной Месопотамии писали клинописью на языке принятой ими страны. Несколько десятилетий спустя хетты Анатолии, отбросив свою старую и неуклюжую систему иероглифов, за исключением монументальных целей, заимствуют тот же символ для своей собственной речи, а их договоры с Египтом составляются на вавилонском языке. В девятом веке могущественная раса урартов, обосновавшаяся в горах Армении у берегов озера Ван, принимает в качестве своей национальной письменности Ассирии, которая, в свою очередь, была заимствована из Вавилона. Элам, ближайший сосед Вавилона, в очень ранний период, как и хетты более позднего времени, заменил своими грубыми иероглифами язык и более древние символы Вавилона, а позже они развили из той же письменности свой собственный символ. Наконец, в шестом веке ахеменидские цари изобрели клинопись для выражения древнеперсидского языка, чтобы их собственная речь была представлена в царских прокламациях и памятниках наряду с речью их подвластных провинций - Вавилона и Сузиании.

Эти иллюстрации вавилонского влияния на иноземные расы ограничиваются только одним отделом культуры - языком и системой письма. Но они имеют гораздо более широкое значение. Ведь когда используется иностранный язык и на нем пишут, необходимо определенное знание его литературы. А поскольку все ранние литературы в значительной степени носили религиозный характер, изучение языка предполагает знакомство с легендами, мифологией и религиозными верованиями расы, у которой он был заимствован. Таким образом, даже если не принимать во внимание очевидное влияние торговых связей, одна группа приведенных примеров обязательно подразумевает сильное культурное влияние на современные расы.

Поэтому может показаться парадоксом утверждение, что цивилизация, с которой связывают название Вавилон, не была вавилонской. Но факт остается фактом: за тысячу с лишним лет до появления этого города как великого центра культуры цивилизация, которую он передал другим, приобрела во всех существенных чертах свой поздний тип. В художественном совершенстве, действительно, уже был достигнут стандарт, который, так далеко не превзойденный, никогда впоследствии не был достигнут в Месопотамии. И хотя вавилонянину можно по праву приписать большую системность в законодательстве, обширную литературу и, возможно, повышенную роскошь ритуалов, его усилия были полностью подчинены более ранним образцам. Если исключить сферы поэзии и этики, то семит в Вавилоне, как и в других местах, проявил себя умным приспособленцем, а не творцом. Он был пророком шумерской культуры и лишь увековечил достижения расы, которую он вытеснил политически и поглотил. Поэтому тем более примечательно, что в его конкретном городе мало что происходило из того процесса, в котором эта культура постепенно развивалась. В те богатые событиями века Вавилон был не более чем провинциальным городом. И все же этому неясному и неважному городу было уготовано впитать в себя результаты этого долгого процесса и предстать перед последующими эпохами как первоисточник культуры, которой он наслаждался. Прежде чем подробно проследить ее политическую судьбу, стоит вкратце рассмотреть причины, способствовавшие удержанию ею места, которое она так неожиданно для себя застолбила.

Тот факт, что при ее западносемитских царях Вавилон должен был стать столицей, сам по себе не объясняет, что она навсегда закрепила за собой это положение. Ранняя история земель Шумера и Аккада изобилует подобными примерами внезапного возвышения городов, за которым, после некоторого периода могущества, следовал столь же внезапный откат в сравнительную безвестность. Политический центр тяжести постоянно перемещался из одного города в другой, и проблема, которую нам предстоит решить, заключается в том, почему, придя в Вавилон, он должен был там остаться. Самим западным семитам после трехсотлетнего политического существования, должно быть, казалось, что их город вот-вот разделит судьбу своих многочисленных предшественников. Когда хеттские налетчики захватили и разграбили Вавилон и унесли его божеств-покровителей, казалось, что события развиваются своим чередом. После того как страна с ее обильным плодородием получила время, чтобы оправиться от временной депрессии, можно было ожидать, что она снова возникнет, согласно прецеденту, под эгидой какого-нибудь другого города. Однако именно в древних стенах Вавилона касситские завоеватели основали свою штаб-квартиру; и именно в Вавилон, давно отстроенный и вновь ставший могущественным, вели свою дипломатическую переписку фараоны XVIII династии и хеттские цари Каппадокии. Во время долгой борьбы Ассирии с южным царством Вавилон всегда был главным действующим лицом, и ни один набег арамейских или халдейских племен не смог вытеснить его с этой позиции. На пике могущества Ассирии она продолжала оставаться главным сдерживающим фактором расширения империи, а колебания Саргонидов в отношении города в достаточной степени свидетельствуют о том, что она продолжала играть главенствующую роль в политике. А когда Ниневия пала, ее место в значительной части Западной Азии занял Вавилон.

Это постоянное главенство одного города разительно отличается от эфемерного авторитета более ранних столиц, и объяснить его можно только какими-то радикальными изменениями в общих условиях страны. Один факт выделяется со всей очевидностью: Географическое положение Вавилона должно было обеспечить ему в этот период стратегическое и торговое значение, которое позволяло ему пережить самые грубые потрясения материального процветания. Взглянув на карту, можно увидеть, что город находился на севере Вавилонии,

чуть ниже слияния двух великих рек в их нижнем течении. Построенный изначально на левом берегу Евфрата, он был защищен его течением от любого внезапного вторжения племен пустыни. В то же время она находилась в непосредственном контакте с широкими просторами аллювиальной равнины на юго-востоке, пересекаемой сетью каналов.

Но настоящая сила ее положения заключалась в соседстве с трансконтинентальными путями сообщения. При подходе к Багдаду с севера месопотамская равнина сужается до ширины около тридцати пяти миль, и, хотя на широте Вавилона она уже начала снова расширяться, этот город находился в непосредственной близости от обеих рек.

Следовательно, он находился в точке пересечения двух великих торговых путей. Евфратский путь связывал Вавилонию с Северной Сирией и Средиземноморьем и был ее естественной линией контакта с Египтом; он также соединял ее с Каппадокией, через Киликийские ворота через Тавр, по пути более поздней Царской дороги.^[1] Дальше на север магистральный путь через Анатолию с запада, усиленный притоками с Черного моря, поворачивает у Сиваса на Верхний Халис и, перейдя Евфрат в горах, сначала впадает в Тигр у Диарбекра; затем, оставив эту реку на более легкой равнине, он вновь соединяется с потоком в окрестностях Ниневии и продвигается на юг к Сузам или Вавилону. Третьим важным путем, который контролировал Вавилон, был путь на восток через ворота Загроса, самую легкую точку проникновения на Иранское плато и естественный выход торговли из Северного Элама.^[2] Таким образом, Вавилон лежал поперек потока движения народов и находился на прямом пути любого захватчика, продвигавшегося на южные равнины.

То, что она была обязана своим значением стратегическому положению, а не каким-то особым достоинствам ее жителей, становится ясно из более поздней истории страны. Действительно, было отмечено, что географические условия обуславливают необходимость существования большого городского центра вблизи слияния месопотамских рек.^[3] И этот факт убедительно подтверждается относительным положением столичных городов, сменявших друг друга в этом регионе после того, как господство перешло к Вавилону. Селевкия, Ктесифон и Багдад сгруппировались в узкой горловине Месопотамской равнины, и лишь на один короткий период, когда нормальные условия были приостановлены, центр управления был перенесен в какой-либо южный город.^[4] Единственное изменение заключалось в постоянном выборе Тигра в качестве места расположения каждой новой столицы, с явной тенденцией к перемещению ее на левый или восточный берег.^[5] То, что Евфрат таким образом уступил место своей сестре-реке, вполне естественно, учитывая более глубокое русло и лучшие водные пути, которые приобрели значение, как только появилась возможность морского сообщения.

На протяжении всего периода господства Вавилона Персидский залив, не являясь каналом международной торговли, был таким же большим барьером, как и любой горный хребет. Несомненно, определенный объем местных каботажных перевозок осуществлялся всегда, и тяжелые блоки диорита, которые привозил в Вавилонию из Магана ранний аккадский царь Нарам-Син, а в более поздний период - Гудеа из Лагаша,^[6] должны были перевозиться по воде, а не по суше. Традиция также приписывает Саргону Аккадскому завоевание острова Дильмун, современного Бахрейна; но это был крайний предел вавилонского проникновения на юг, и завоевание, должно быть, было не более чем временной оккупацией после серии набегов на аравийское побережье. Тот факт, что две тысячи лет спустя Саргон Ассирийский, записывая получение дани от Упери из Дильмуна, так сильно отклонился в оценке его удаленности от вавилонского побережья,^[7] свидетельствует о том, что воды залива по-прежнему не использовались в качестве средства сообщения. Исходя из этого, мы можем легко понять трудности, с которыми столкнулся Сеннахериб при переправе своей армии

через верховья залива против некоторых прибрежных городов Элама, и необходимость, с которой он столкнулся, строить специальные корабли для этой цели.

Есть свидетельства, что в неовавилонский период возможности транспортировки через залив уже начали привлекать внимание, и Навуходоносор II, как говорят, попытался построить гавани в болоте в устье дельты.^[8] Но его цель, должно быть, сводилась к поощрению прибрежной торговли, поскольку морской путь между Персидским заливом и Индией, безусловно, не использовался до пятого века и, по всей вероятности, был открыт Александром. Согласно Геродоту^[9], он был открыт Дарием после возвращения грека Сцилакса из Карианды из путешествия в Индию, предпринятого в качестве одной из геодезических экспедиций, на основе которых Дарий обосновал оценку своих новых сатрапий. Но, хотя нет необходимости сомневаться в историческом характере этого путешествия, мало что указывает на то, что Сцилакс обогнул Персидский залив или даже вошел в него.^[10] Более того, очевидно, что, хотя международная торговля Вавилона получила большой импульс под влиянием эффективной организации Персидской империи, выгоду от нее получили именно сухопутные маршруты. Выступы скал, или катаракты, преграждавшие Тигр для судов с большой осадкой, не были устранены до тех пор, пока Александр не выровнял их; и проблема вавилонского морского сообщения, которой он посвятил последние месяцы своей жизни, несомненно, была одним из факторов, который, впервые выйдя на первый план, повлиял на Селевка при выборе места на Тигре для своей новой столицы.^[11]

Но это была не единственная причина низложения Вавилона. После захвата Киром в игру вступили новые силы, которые благоприятствовали переносу столицы на восток. В более ранние периоды своей истории главный соперник и самый упорный враг Вавилона находился на его восточной границе. Для ранних шумерских правителей городов-государств Элам был "горой, наводящей ужас",^[12] и в последующие периоды города Шумера и Аккада никогда не могли быть уверены в своей защищенности от вторжения из этой области. Мы увидим, что в Эламе западные семиты Вавилона нашли главное препятствие для распространения своей власти на юг, и что в более поздние периоды любой симптом внутренней слабости или раздора был сигналом для повторного нападения. Правда, ассирийская опасность на время сблизила этих древних врагов, но даже разграбление Суз Ашшур-бани-палом не положило конец их торговому соперничеству.

В течение всего этого периода не было большого соблазна перенести столицу в любую точку, находящуюся на более близком расстоянии от столь могущественного соседа; а поскольку основные проходы для перевозок на восток находились под иностранным контролем, было естественно, что путь через Евфрат в Северную Месопотамию и на побережье Средиземного моря продолжал оставаться главным выходом для вавилонской торговли. Но после включения страны в состав Персидской империи всякая опасность помех для ее восточной торговли была устранена; и свидетельством того, какую роль сыграл Вавилон в истории, является то, что он продолжал оставаться столицей Азии на протяжении более чем двух столетий. Кир, как и Александр, вошел в город как завоеватель, но каждый из них был встречен народом и его жрецами как восстановитель древних прав и привилегий. Поэтому политика Кира была направлена против любых попыток ввести радикальные новшества. Престиж города и величие его храмов и дворцов, несомненно, также влияли на ахеменидских царей, когда они выбирали Вавилон для своей официальной резиденции, за исключением летних месяцев. Тогда они удалялись в более прохладный климат Персеполиса или Экбатаны, а ранней весной могли перенести двор в Сузы; но они продолжали признавать

Вавилон своей истинной столицей. Фактически, город утратил свое значение только тогда, когда центр управления был перенесен в Селевкию, расположенную в непосредственной близости от него. Тогда, сначала, возможно, по принуждению, а затем по собственной воле, торговые классы последовали за своими правителями на западный берег Тигра, и Вавилон пострадал пропорционально. В стремительном возвышении Селевкии в ответ на официальные распоряжения мы видим явное доказательство того, что влияние старого города было основано на естественных условиях, которые в равной, а теперь даже в большей степени, разделялись местом расположения новой столицы.

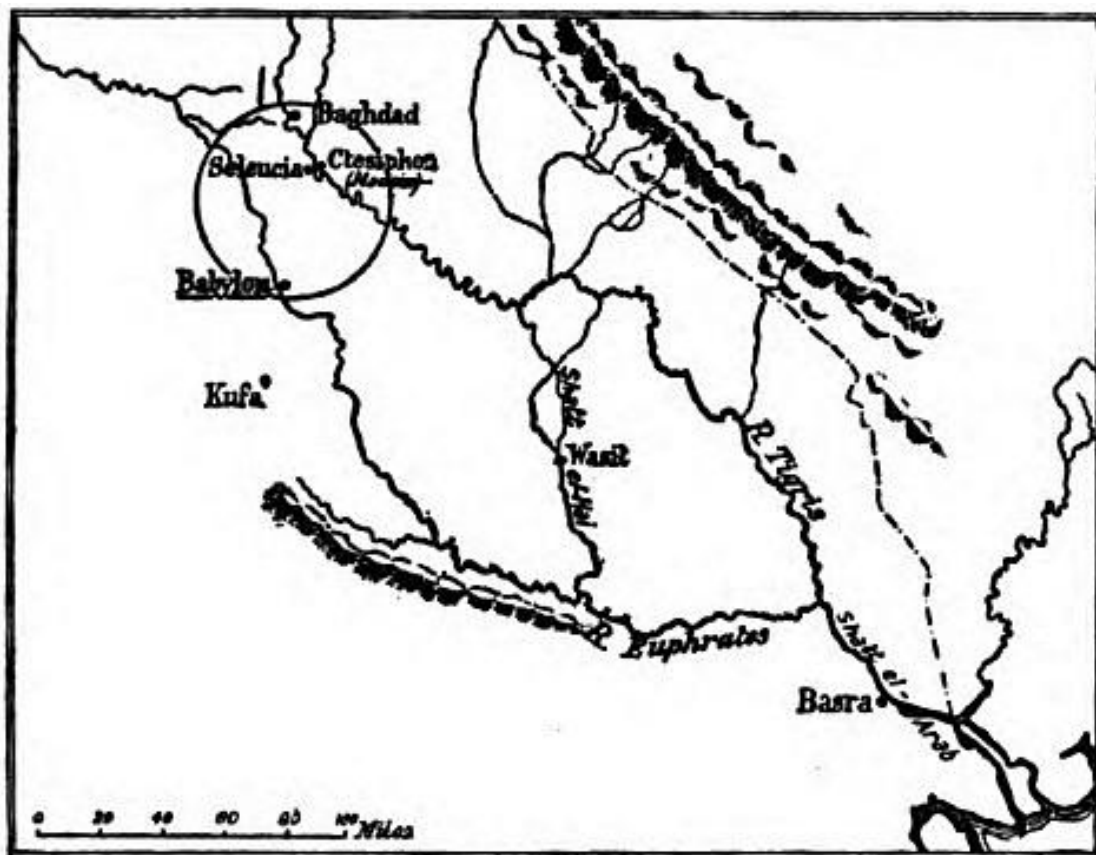

РИС. 1.

СХЕМА, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ В ВАВИЛОНИИ.

Круг обозначает пределы, в которых столица перемещалась с периода Первой династии и далее. Только в аномальных условиях, вызванных мусульманским завоеванием, Куфа и Басра на пять поколений стали столицами-близнецами Ирака; этот промежуток времени представляет собой параллель с более ранним периодом до возвышения Вавилона.

Секрет величия Вавилона далее иллюстрируется еще более поздними событиями в долине Евфрата и Тигра. Возвышение Ктесифона на левом берегу реки стало еще одним результатом развития торговли на восток. Но он находился прямо напротив Селевкии и не означал нового смещения центра тяжести. Не имевший большого значения при селевкидских правителях, он стал главным городом Арсакидов, а после завоевания Парфянской империи Ардаширом I продолжал оставаться главным городом провинции и стал зимней резиденцией сасанидских царей. Когда в 636 году мусульманские завоеватели разгромили персов у развалин Вавилона и в следующем году захватили Ктесифон, они обнаружили, что этот город и Селевкия, которой они дали общее название Аль-Мадаин, или "города", все еще сохраняют то значение, которое они приобрели в третьем веке до н.э. Затем следует период в сто двадцать

пять лет, который особенно поучителен для сравнения с более ранними эпохами вавилонской истории.

Последняя из великих семитских миграций из Аравии привела к завоеваниям ислама, когда после смерти Мухаммеда арабские армии хлынули в Западную Азию, стремясь обратить весь мир в свою веру. Ход этого движения и его влияние на устоявшиеся цивилизации, которые были свергнуты, можно проследить в полном свете истории; в долине Тигра и Евфрата мы находим результат экономического состояния, которое образует близкую параллель с тем, что было в эпоху до возвышения Вавилона. Военная оккупация Месопотамии арабами на время закрыла великие пути трансконтинентальной торговли, и в результате политический контроль над страной перестал осуществляться из столицы сасанидских царей и был распределен по нескольким областям. Новые города возникали вокруг постоянных лагерей арабских армий. После завоевания Месопотамии на крайнем юге страны на реке Шатт-эль-Араб был построен город Басра, а в том же 638 году н. э. на северо-западе, на пустынном берегу Евфрата, была основана Куфа. Третий великий город, Васит, был добавлен шестьдесят пять лет спустя, и он возник в центре страны на обоих берегах Тигра, воды которого в то время проходили по нынешнему руслу Шатт-эль-Хая. Правда, Мадаин сохранял определенное местное значение, но во времена халифата Омайядов Куфа и Басра были столицами-близнецами 'Ирака.[13]

Таким образом, ослабление международных связей сразу же привело к распределению власти между северным и южным Вавилоном. Правда, обе столицы находились под единым политическим контролем, но с экономической точки зрения мы поневоле вспоминаем эпоху городов-государств в Шумере и Аккаде. Тогда тоже не было внешнего фактора, который бы удерживал центр притяжения на севере; и Эрех не раз обеспечивал себе гегемонию, а самой стабильной из сменяющихся династий была последняя из южного города Ур. Возвышение Вавилона как единственной и постоянной столицы Шумера и Аккада можно проследить, как мы заметим, по возросшим отношениям с Северной Сирией, которые последовали за установлением династии западносемитских царей.[14] И снова мы видим повторение истории, когда мусульманская власть перемещается в Багдад в конце первого этапа арабской оккупации Месопотамии. Ведь после падения династии Омайядов и переноса столицы Аббасидов из Дамаска на восток торговые связи с Сирией и западом были восстановлены на прежнем уровне. Басра и Куфа сразу же не смогли соответствовать изменившимся условиям, и потребовался новый административный центр. Знаменательно, что Багдад был построен на несколько миль выше Ктесифона, в пределах малого круга старых столиц;[15] и что, за исключением одного короткого периода,[16] она должна оставаться столицей 'Irâk. Таким образом, история Месопотамии под властью халифата поучительна для изучения тесно схожих условий, которые позволили Вавилону в гораздо более ранний период обеспечить гегемонию в Вавилонии и впоследствии удержать ее.

Из этого краткого обзора событий следует, что господство Вавилона приходится на средний период истории страны, в течение которого она распространяла цивилизацию, в возникновении которой она не играла никакой роли. Когда она ушла, культура, которую она передала, ушла вместе с ней, хотя на месопотамской земле ее упадок был постепенным. Но она уже успела передать свое послание, и оно оставило свой след на дошедших до нас останках других древних рас. Мы увидим, что ее влияние проявилось в трех основных периодах за пределами родной земли. Самым ранним из этих периодов внешних контактов была эпоха Первой династии западносемитских правителей, хотя наиболее яркие свидетельства ее влияния появляются лишь по прошествии нескольких столетий. Во второй период процесс был непрямым: ее культура распространялась на север и запад в результате

экспансии Ассирии. Последняя из трех эпох совпадает с правлением неовавилонских царей, когда благодаря своим природным ресурсам страна не только вернула себе независимость, но и на короткое время создала империю, которая намного превзошла все ее предыдущие усилия. И несмотря на то, что под властью персов она быстро вернулась к положению подвластной провинции, ее иностранное влияние можно считать действующим, правда, с меньшей интенсивностью, вплоть до эллинского периода.

В заключительной главе мы подробно рассмотрим некоторые особенности вавилонской цивилизации и то, в какой степени она могла повлиять на культурное развитие других рас. В связи с последним был выдвинут ряд требований, которые нельзя игнорировать при любом рассмотрении истории этого народа. Некоторые из наиболее интересных вкладов, которые были сделаны в последнее время в ассириологию, несомненно, касаются влияния идей, которые, как показали более ранние исследования, имели вавилонское происхождение. В последние годы в Германии возникла школа, которая подчеркивает роль, сыгранную Вавилоном в религиозном развитии Западной Азии и, в меньшей степени, Европы. Доказательства, на которые опираются, чтобы доказать распространение вавилонской мысли по всему древнему миру, были представлены в основном Израилем и Грецией; и утверждается, что многие черты как в еврейской религии, так и в греческой мифологии могут быть правильно изучены только в свете вавилонских параллелей, из которых они в конечном итоге были извлечены. Поэтому необходимо вкратце рассмотреть теорию, которая лежит в основе последних спекуляций на эту тему, и по возможности выяснить, насколько на нее можно положиться, чтобы получить результаты, имеющие постоянную ценность.

Но очевидно, что если теория должна быть принята полностью или частично, необходимо показать, что она опирается на прочную историческую основу, и что любое исследование ее достоверности целесообразно отложить до тех пор, пока не будет рассмотрена история самой нации. После того как будут детально изучены доказательства фактического контакта с другими расами, можно будет с большей уверенностью судить о вопросах, решение которых зависит исключительно от сопоставления вероятностей. Поэтому оценка внешнего влияния Вавилона была отложена до заключительной главы этого тома. Но прежде чем рассматривать историческую последовательность ее династий и периоды, к которым их можно отнести, будет хорошо узнать, что последние раскопки могут рассказать нам о фактических останках города, который стал постоянной столицей Вавилонии.

[1] Ср. Хогарт, "Ближний Восток", стр. 212 и далее, и Рамсей, "Историческая география Малой Азии", стр. 27 и далее. Геродот (V, 52-54) описывает "царскую дорогу" персидского периода как проходящую из Эфеса через Киликийские ворота в Сузы, и она получила свое название от того, что по ней проходили все государственные дела персидского двора; расстояния, указанные Геродотом в парасангах и стадиях, вполне могут быть взяты из какого-то официального персидского документа (см. How and Wells, "Commentary on Herodotus," II, p. 21). Но он проходил по еще более ранней Царской дороге, по которой Хатти, столица старой Хеттской империи, поддерживала связь на запад и с долиной Евфрата.

[2] В настоящее время эта дорога является великой магистралью через горные районы Персии, ведущей в Кирманшах; а со времен мусульманского завоевания она является главным сухопутным маршрутом с дальнего Востока для всех, кто совершает паломничество в Мекку.

[3] Cp. Hogarth, *op. cit.*, p. 200 f.

[4] См. ниже, стр. 9 и далее.

[5] Не исключено, что переход из одного банка в другой был продиктован отношениями правящей империи с Персией и Западом.

[6] См. "Шумер и Аккад", с. 242.

[7] Cp. Delitzsch, "Paradies", pp. 178 ff., и Meyer, "Geschichte des Altertums", 1., ii.; p. 473.

[8] См. ниже, гл. IX, с. 280.

[9] IV., 44.

[10] Cp. Myres, "Географический журнал", Mil. 1896, p. 623, и How and Wells, "Commentary on Herodotus," Vol. I., p. 320.

[11] См. Bevan, "House of Seleucus", I., pp. 242 ff., 253.

[12] Cp. "Сум. и Акк.", с. 149.

[13] В таком виде эти два города были известны как Аль-Иракан или Аль-Иракайн, что означает "две столицы Ирака"; см. G. Le Strange. "Земли Восточного халифата", с. 25.

[14] См. далее, гл. IV. Тот факт, что время от времени другие города Аккада закрепляли за собой лидерство, говорит о том, что силы, которые в конечном итоге поставили Вавилон во главе страны, уже начали ощущаться. Несомненно, в немалой степени они были сдержаны отсутствием внутренней администрации, обладающей какой-либо прочной стабильностью во время острого расового конфликта, характерного для этого периода.

[15] Город был основан вторым аббасидским халифом в 762 году нашей эры.

[16] В течение пятидесяти шести лет (336-392 гг. н.э.) халифат был перенесен в Самарру. Обстоятельства, приведшие к переносу халифата, можно напрямую связать с гражданской войной, разразившейся после смерти Харун-ар-Рашида; см. Le Strange, *op. cit.*, p. 32.

ГЛАВА II

ГОРОД ВАВИЛОН И ЕГО ОСТАНКИ: ОБСУЖДЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ РАСКОПОК

Фактическое местоположение Вавилона никогда не терялось в народной традиции. Несмотря на полное исчезновение города, последовавшее за его постепенным упадком под властью Селевкидов и парфян, его древней славы хватало, чтобы постоянно помнить о нем. Старое семитское название Bâb-ilî, "Ворота богов", сохранилось за городом, и в форме Babil до сих пор является местным обозначением самого северного из городских курганов. Традиция также не перестает связывать открытую кирпичную кладку главной цитадели и дворца Навуходоносора с его именем. Qaşr, арабское название главного дворца-кургана и цитадели Вавилона, означает "дворец" или "замок", и когда в XII веке Вениамин Тудельский посетил Багдад, евреи этого города рассказали ему, что в соседних руинах, недалеко от Хиллы, путешественник все еще может увидеть дворец Навуходоносора рядом с огненной печью, в которую были брошены Ханания, Мисаил и Азария. Не похоже, чтобы этот отважный

раввин действительно посетил это место,^[1] хотя маловероятно, что его отпугнул страх перед змеями и скорпионами, которыми, по словам его информаторов, кишат руины.

В XVI веке английский торговый путешественник Джон Элдред совершил три путешествия в "Новый Вавилон", как он называет Багдад, пройдя из Алеппо вниз по Евфрату. В последнем случае, после описания высадки в Фалудже и того, как за неимением верблюдов он раздобыл сотню ослов для перевозки своих товаров в Багдад, он рассказывает, что "в этом месте, которое мы пересекли, стоял старый могучий город Вавилон, многие старые развалины которого легко увидеть при дневном свете, которые я, Джон Элдред, часто видел в свое свободное время, совершив три путешествия между новым городом Вавилоном и Алеппо по этой пустыне".^[2] Но, судя по его дальнейшему описанию, "старая Вавилонская башня", которую он посещал "много раз", на самом деле была руинами Акаркуфа, которые он должен был миновать по пути в Багдад. Вениамин Тудельский, напротив, принял Бирс-Нимруд за Вавилонскую башню^[3] и отметил, что руины вавилонских улиц все еще тянутся на тридцать миль. На самом деле, вполне естественно, что некоторые из ранних путешественников считали весь комплекс руин, которые они видели все еще стоящими вдоль дороги в Багдад, частями древнего города; и неудивительно, что некоторые из ранних раскопок впали в подобную иллюзию, когда речь шла о территории между Бабилом и Эль-Бирсом.^[4] Знаменитое описание Геродота и те сведения о размерах города, которые оставили нам другие классики, способствовали укреплению этого убеждения; и хотя центр Вавилона был определен достаточно правильно, размеры его территории были сильно преувеличены. Вавилон наложил свои чары на человечество, и потребовалось шестнадцать лет терпеливых и непрерывных раскопок, чтобы подорвать эту упрямую веру. Но в процессе уменьшения, когда точные знания постепенно уступили место предположениям, старое заклинание вновь появилось в неизменном виде. Возможно, стоит рассмотреть на сайте некоторые подробности результатов недавних работ на этом месте и отметить, в какой степени останки города пролили свет на его историю, оставив при этом некоторые проблемы нерешенными.

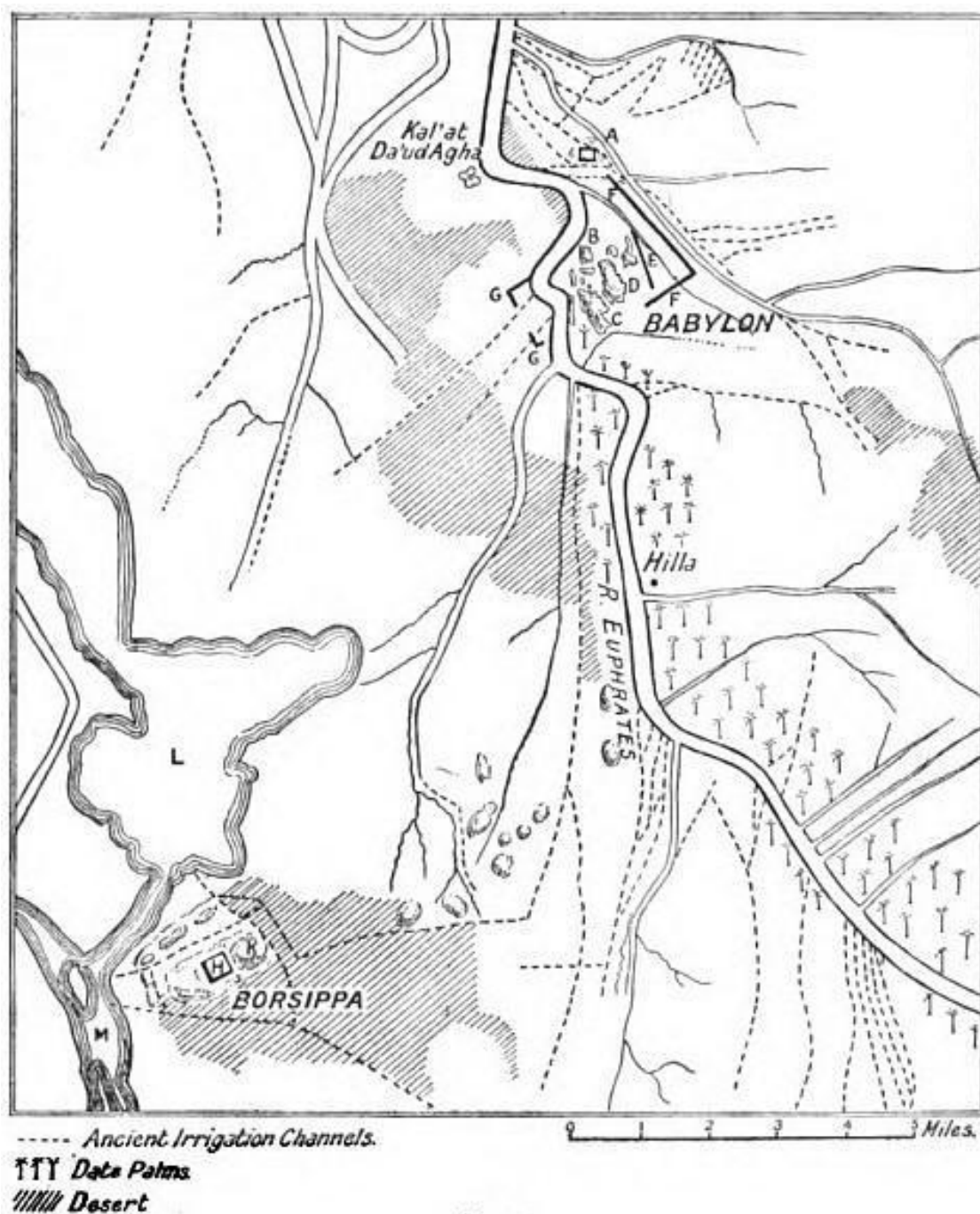

РИС. 2.

КАРТА ОКРЕСТНОСТЕЙ ВАВИЛОНА И БИРС-НИМРУДА.

А: Курган Бабиль. В: Курган Kaşr. С: Курган 'Амран-ибн-'Али. D: Курган Меркес. Е: Внутренняя городская стена Вавилона. F: Внешняя городская стена Вавилона. G: Руины западных стен. Н: Храм-башня Э-зида. К: Руины Э-зиды. L: Болото. М: Канал Хиндия.

(По карте Управления Индии.)

Ввиду революции в наших знаниях о вавилонской топографии, которая стала одним из наиболее ярких результатов недавних работ, не будет практичным проследить более ранние, но очень частичные исследования этого места, которые были предприняты последовательно Ричем в 1811 году,^[5] Лэйярдом в 1850 году,^[6] Оппертом во главе французской экспедиции в 1852-54 годах,^[7] и Ормуздом Рассамом между 1878 и 1889 годами, когда он был занят на

раскопках для Британского музея.[8] В последний из этих периодов Британский музей получил ценную серию табличек из Вавилона, некоторые из текстов которых представляют большой литературный и научный интерес. В 1887 году, и снова после десятилетнего перерыва, доктор Роберт Колдевей посетил Вавилон и собрал фрагменты эмалированных кирпичей на восточной стороне Kašr. В последнем случае он отправил некоторые из них в Берлин, и доктор Рихард Шене, в то время директор Королевских музеев, признал их художественный и археологический интерес. Таким образом, именно с надеждой на скорые и поразительные открытия Немецкое восточное общество начало работы на этом месте в конце марта 1899 года; и тем больше заслуга раскопщиков, что они не позволили никаким трудностям или разочарованиям сократить и преждевременно остановить неуклонный прогресс их исследований.

Масштабы территории, покрытой останками древнего города, и большое скопление обломков над некоторыми из основных зданий сделали работу более трудной, чем предполагалось, и, следовательно, публикация результатов была отложена. Правда, с самого начала работ эксперт был в курсе общего хода раскопок благодаря письмам и отчетам, которые общество рассылало своим подписчикам каждые несколько месяцев.[9] Но только в 1911 году, после двенадцати лет непрерывных раскопок, вышла первая часть научного издания. Она была посвящена только храмам города и впервые поставила изучение вавилонской религиозной архитектуры на научную основу.[10] В следующем году доктор Кольдевей, руководитель раскопок, дополнил свой первый том вторым, в котором под давлением общества он в некоторой степени предотвратил будущие выпуски подробного отчета, обобщив результаты, полученные к настоящему времени на всех участках объекта.[11] Таким образом, стало возможным составить цельное представление об остатках древнего города, насколько они были восстановлены.

В своей работе в Вавилоне раскопщики, конечно же, использовали современные методы, которые значительно отличаются от тех, что применялись в эпоху, когда Лэйард и Ботта привезли крылатых быков Ассирии в Британский музей и Лувр. Необычайный успех, сопутствовавший тем ранним раскопщикам, действительно, никогда не был превзойден. Но теперь стало ясно, что только благодаря тщательности поиска и тщательной классификации пластов можно заставить останки прошлого полностью раскрыть свои секреты. Прекрасный музейный образец сохраняет свое значение; но он приобретает огромную значимость, когда перестает быть изолированным продуктом и занимает свое место в подробной истории своего периода.

(I) ХРАМ-БАШНЯ Э-ЗИДА В БОРСИППЕ.
(II) ВАВИЛОНСКИЙ ЛЕВ НА КУРГАНЕ QASR

Чтобы понять характер новых свидетельств и методы, с помощью которых они были получены в Вавилоне, следует помнить о некоторых общих характеристиках вавилонской архитектуры и о том, как на строительное искусство влияли природные условия страны. Важно понимать, что строители всех периодов находились в обороне, и не только от врагов-людей, поскольку

в этом аспекте они были похожи на других строителей древности. Больше всего они боялись врага - Гуда. Защита от наводнения обусловила идеал архитектора: он стремился исключительно к высоте и массе. Когда король строил дворец для себя или храм для своего бога, он не ставил перед собой сознательной цели сделать его изящным или красивым. Он всегда хвастался тем, что сделал его "как гору". Он с удовольствием поднимал уровень своего искусственного кургана или строительной платформы, и современный раскопщик во многом обязан этому постоянному засыпанию остатков прежних сооружений. Материал, который был в его распоряжении, также не мог не повлиять на создание зданий "как горы", предназначенных для спасения от наводнений на равнине.

Аллювиальное происхождение вавилонской почвы лишило ее жителей важного фактора в развитии искусства строителя: она не давала им камня. Но вместо него он поставлял очень эффективный строительный материал - прочную клейкую глину. На протяжении всей своей истории вавилонские зодчие строили из сырцового и обожженного кирпича. В неовавилонский период мы видим, что они проводят интересные технические эксперименты с этим материалом: здесь это первая попытка покрыть широкую площадь сводами, в других местах противодействуя последствиям оседания с помощью своего рода расширительного шва. Мы также увидим, что именно в этом материале они достигли настоящей красоты дизайна.

Кирпич оставался основным строительным материалом и в Ассирии, поскольку эта страна черпала свою культуру из нижней долины Евфрата.^[12] Но на севере были доступны карьеры мягкого известняка. Поэтому в Ассирии стены из глинобитного кирпича облицовывали плитами из известняка, вырезанными в рельефе и ярко раскрашенными; а по флангам дворцовых входов устанавливали огромные каменные колоссы. Это использование камня, как для облицовки стен, так и для их фундамента, составляет главное отличие вавилонского архитектурного дизайна от ассирийского. Кстати, это объясняет, почему ранние раскопки были намного успешнее в Ассирии, чем в Вавилонии; ведь в обеих странах они прокладывали свои туннели и траншеи в большинстве крупных курганов. Они могли прокладывать туннели с полной уверенностью, когда у них были эти каменные облицовки стен для ориентира. Но чтобы проследить план здания, построенного только из необожженного кирпича, с глиной или грязью в качестве раствора, требуется более медленный и систематический процесс исследования. Ведь необожженный кирпич сваривается в сплошную массу, едва отличимую от окружающей почвы, и линии здания из этого материала можно восстановить только путем полного раскопа.

Представление о том, сколько труда это иногда влечет за собой, можно получить на примере работ, предшествовавших идентификации Э-сагила, великого храма Мардука, вавилонского бога. Храм находится на глубине не менее двадцати одного метра под верхним уровнем холма *из обломков*; части двух массивных стен из глинобитного кирпича, а также соседние тротуары были открыты путем телесного удаления большой глубины грунта грузовиком. Но здесь даже немецкое терпение и тщательность были побеждены, и прокладка тоннелей была в конечном итоге принята для установления внешних границ плана земли, большая часть внутренней части которой все еще остается неисследованной.^[13]

Вавилон, который сейчас частично расчищен, хотя в своей центральной части он восходит к Первой династии и периоду Хаммурапи, в основном относится к Невавилонской империи, когда Навуходоносор II. и Набонид, последний коренной вавилонский царь, подняли свою столицу до состояния великолепия, которого она не знала прежде. Этот город с небольшими изменениями сохранился во время господства ахеменидских царей Персии, а со времен Геродота Вавилон прославился на весь древний мир. В то время Ашшур и Ниневия, великие

столицы Ассирии, прекратили свое существование, но Вавилон все еще был в своей славе, и описания города дошли до нас в произведениях классических писателей. Соотнесение этой литературной традиции с реальными останками города поставило ряд увлекательных проблем. Как, например, объяснить озадачивающее несоответствие между современным положением внешних стен и огромной оценкой площади города, данной Геродотом или даже Ктесием? Ведь Геродот, похоже, сам побывал в Вавилоне, а Ктесий был врачом Артаксеркса II. Мнемон, который оставил память о своем присутствии в мраморном здании на *Qaşr*.

По подсчетам Геродота, стены Вавилона простирались на четыреста восемьдесят стадий, а территория, которую они окружали, образовывала точный квадрат, по сто двадцать стадий в длину в каждую сторону.^[14] Другими словами, он хотел бы представить нам город более чем на пятьдесят три мили в окружности. Оценка Ктесия не столь велика: его сторона в шестьдесят пять стадий дает окружность более сорока миль.^[15] Такие цифры, как предполагается, сами по себе не являются невозможными, например, Колдевей сравнивает Великую китайскую стену, которая простирается более чем на пятнадцать сотен миль, и, таким образом, примерно в двадцать девять раз длиннее, чем вавилонская стена по оценке Геродота.^[16] Но последняя была не просто пограничным укреплением. Это была ограждающая стена города, и более уместным будет сравнение со стенами Нанкина, крупнейшего города в Китае и творения империи, еще более великой, чем Вавилон.^[17] Последние измеряют менее двадцати четырех миль в окружности, и это сравнение не способствует принятию цифр Геродота на основании общей вероятности. Правда, Опперт принял их, но он сделал это только благодаря тому, что растянул свой план города на всю территорию от Бабила до Бирс-Нимруда,^[18] и увидел следы города и его стен во всех промежуточных курганах любого периода.

Фактически, часть великой стены, которая окружала город с неовавилонского периода и далее, сохранилась до наших дней, и ее все еще можно узнать по невысокой гряде земли или ряду последовательных курганов,^[19] которые пересекают равнину на значительном расстоянии к юго-востоку от Бабила. Путешественник из Багдада, перейдя по мосту нынешний канал Нил,^[20] через брешь в северо-восточной стене, прежде чем увидеть справа изолированный курган Бабиль с обширным комплексом *Qaşr* и его соседом, Телль 'Амран-ибн-'Али, простирающимся впереди и слева от него.^[21] По расположению этих низких земляных насыпей можно проследить всю длину городской стены вдоль северо-восточной стороны, и они доказывают, что город с этой стороны был не более двух и трех четвертей мили в длину. Восточный угол стены также сохранился, а юго-восточную стену можно проследить еще на протяжении мили с четвертью, когда она удваивается по направлению к Евфрату. Эти две стены, а также Евфрат ограждают единственную часть древнего города, на которой сохранились руины. Но, согласно Геродоту и другим авторам, город был окружен двумя такими же стенами на западном берегу, и в этом случае место, которое он занимал, должно было представлять собой неровный четырехугольник, разделенный по диагонали рекой. От западных стен не осталось никаких следов,^[22] а все остатки зданий, похоже, полностью исчезли на этой стороне реки. Но на данный момент можно предположить, что город занимал примерно равное пространство на западном берегу; и даже в этом случае его полная окружность не превышала бы одиннадцати миль, что очень мало по сравнению с данными Геродота, Ктесия и других авторов.

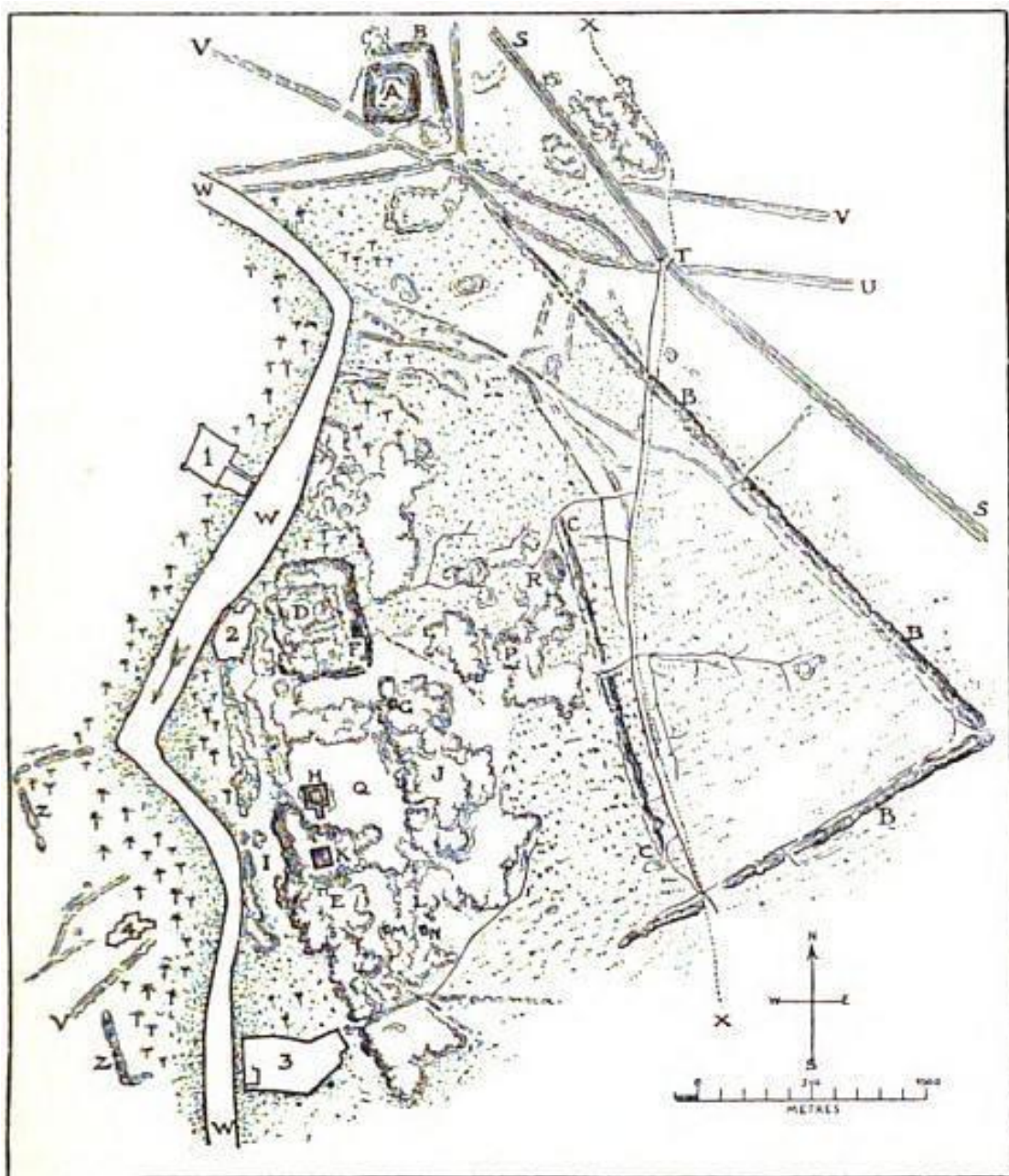

РИС. 3.

ПЛАН РАЗВАЛИН ВАВИЛОНА.

А: курган Вавилон. В: Внешняя городская стена. С: Внутренняя городская стена. D: Курган Қашр. Е: Курган 'Амран-ибн-'Али. F: Э-мах, храм богини Нинмах. G: Храм Иштар Аккадской. H: Э-томен-анки, Вавилонская башня. I: Древнее русло Евфрата. J: Курган Меркес. K: Э-сагила, храм Мардука. L: Курган Ишин-асвад. M: Неопознанный храм, известный как "Z". N: Э-патутила, храм Ниниба. P: Греческий театр. Q: Сахн, небольшая равнина, покрывающая территорию Вавилонской башни. R: Курган Гомера. S: Канал Нил. T: Мост через канал Нил. U: Бывшее русло канала Нил. V: Старый канал. Y: Евфрат. X: Дорога из Багдада в Хиллу. Z: Курганы, покрывающие руины стен. I: Деревня Анана. 2: Деревня Квайреш. 3: Деревня Джумджумма. 4: Деревня Синджар.

(По Колдевею и Андрае.)

Д-р Колдевей предполагает, что, поскольку оценка Ктесия приближается к четырехкратному правильному измерению, мы можем подозревать, что он принял цифру, относящуюся ко всей окружности, за меру одной стороны квадрата. Но даже если мы примем это решение, оно оставляет необъясненной еще большую цифру Геродота. Предпочтительнее рассматривать все подобные оценки размеров не как основанные на точных измерениях, а лишь как отражающие впечатление от величия, произведенное на автора записи, будь то посещение самого города или сообщения о его великолепии из вторых рук.

Раскопки пока не уделяли большого внимания городской стене, и до тех пор, пока не будут проведены более масштабные раскопки, невозможно составить очень подробное представление о системе укреплений. Но уже сделано достаточно, чтобы доказать, что внешняя стена была очень массивной и состояла из двух отдельных стен с промежуточным пространством, заполненным обломками. Внешняя стена, или лицевая, которая принимала на себя удар любой атаки и возвышалась над рвом, окружавшим город, была сложена из обожженного кирпича, залитого битумом. Толщина стены превышала семь метров, а ниже уровня земли она была защищена от вод рва еще одной стеной, толщиной более трех метров и, как и она, построенной из жженого кирпича с битумом в качестве раствора. За внешней стеной, на расстоянии около двенадцати метров от нее, находилась вторая стена почти такой же толщины. Она была обращена внутрь города и построена из сырцового или необожженного кирпича, так как не подвергалась прямому нападению осаждающих; раствор использовался глиняный.^[23] Стену из сырцового кирпича невозможно точно датировать, но она, несомненно, старше правления Навуходоносора, и во времена его отца она, вероятно, единственной защитой внешнего города.^[24] Стена из жженого кирпича и ров перед ней в своем нынешнем виде относятся к эпохе Навуходоносора, поскольку они построены из его квадратных кирпичей, оттиснутых его обычным клеймом, которые так часто встречаются на всей территории Вавилона.

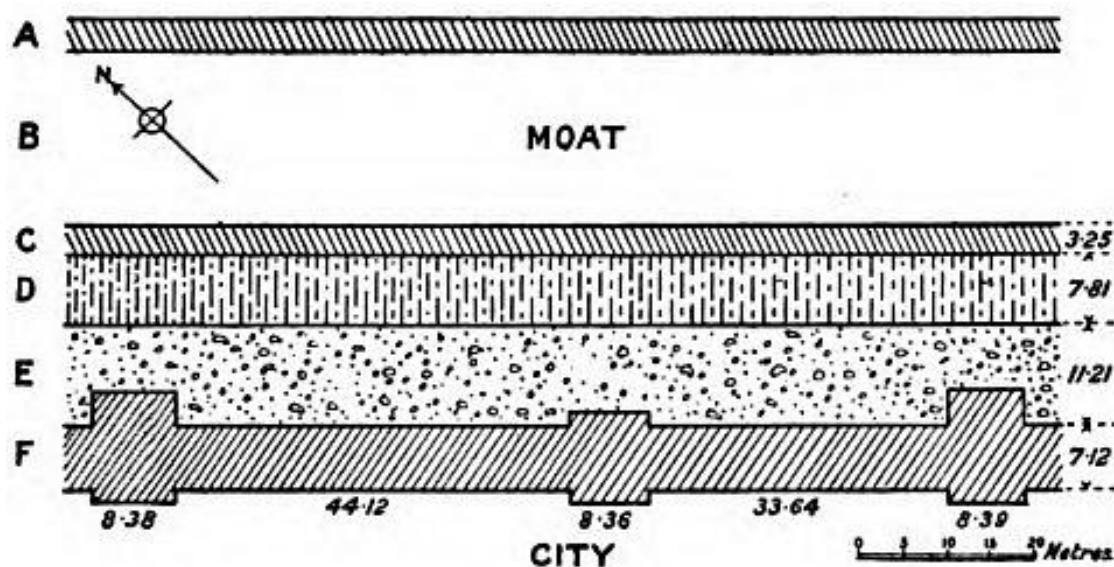

РИС. 4.

ПЛАН ЧАСТИ ВНЕШНЕЙ ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ.

А: Внешняя облицовка рва из жженого кирпича. В: Ров. С: Внутренний ров, облицованный жженым кирпичом. D: Внешняя стена из жженого кирпича. E: Заполнение из щебня. F: Внутренняя стена из сырцового кирпича, с башнями, построенными через определенные промежутки. Цифры на плане указывают размеры в метрах.

(По Колдевею и Андрае.)

Через определенные промежутки вдоль стены из сырцового кирпича стояли башни, слегка выступающие за пределы каждой грани.^[25] Сохранились только основания башен, поэтому любое восстановление их верхней структуры должно основываться на предположениях. Но поскольку щебень до сих пор заполняет пространство между двумя стенами из обожженного и необожженного кирпича, можно предположить, что заполнение продолжалось до венца внешней стены. Возможно, что внутренняя стена из сырцового кирпича была поднята на большую высоту и образовывала завесу между каждой парой башен. Но даже в этом случае свободное пространство впереди, состоящее из щебневой засыпки и стены из жженого кирпича, образовывало широкую проезжую часть шириной около двадцати метров, которая тянулась вокруг города вдоль верхней части стены. В этом отношении раскопки полностью подтвердили рассказ Геродота, который утверждает, что "на вершине, по краям стены, они построили здания из одной камеры, обращенные друг к другу, оставляя между ними место для поворота колесницы с четырьмя лошадьми".^[26] Даже если бы по внешнему краю были построены башни меньшего размера, места было бы вполне достаточно, чтобы проехать вдоль стены на четверке лошадей, а в промежутках между башнями две такие колесницы могли бы легко проехать друг мимо друга. Было остро отмечено, что такая конструкция стены не только обеспечивала защиту благодаря ее размерам, но и имела большое стратегическое значение, поскольку позволяла обороняющимся с большой скоростью перебрасывать свои силы из одной точки в другую, где бы ни происходило нападение в данный момент.^[27]

Фактически только в вопросе размера и протяженности описание вавилонских стен, данное Геродотом, можно отбросить; и это как раз те детали, которые древний путешественник принял бы без вопросов от своего местного гида. Его общее число городских ворот также, несомненно, завышено,^[28] но его описание самой стены как построенной из обожженного кирпича точно соответствует конструкции ее внешней стороны, которая была единственной частью, видимой любому, кто проходил за пределами города. Более того, в одной части стены, реконструированной Навуходоносором, внутренняя и внешняя половина, похоже, была сложена из жженого кирпича. Это небольшая прямоугольная пристройка, которую Навуходоносор выстроил для защиты своей более поздней цитадели, ныне покрытой курганом, известным как Бабиль.^[29]

Вавилонский курган представляет собой последнее дополнение к системе укреплений Навуходоносора, и его строительство перед старой линией внешних стен было продиктовано желанием, о котором мы находим все больше свидетельств на протяжении всего его правления, укрепить столицу против нападения с севера. Курган еще не был систематически раскопан, но уже сделано достаточно, чтобы доказать, что, как и великая цитадель на Kaşr, он защищал царский дворец, состоящий из большого количества палат и галерей, сгруппированных вокруг открытых дворов. Из этого факта ясно, что вавилонская цитадель была не просто крепостью, которую использовал гарнизон для обороны города в целом: это была еще и царская резиденция, в которой монарх и его двор могли укрыться для безопасности, если внешняя стена города будет пробита. Даже в мирное время король жил там, а в его бесчисленных хранилищах размещались королевские запасы и казна, а также национальное вооружение и арсенал. В случае с Южной цитаделью Вавилона, раскопки которой непрерывно ведутся вот уже шестнадцать лет, мы увидим, что она сама по себе представляла настоящий город. Это был город внутри города, второй Вавилон в миниатюре.^[30]

Южная, или главная, цитадель была построена на кургане, известном сейчас как *Qaşr*, и в ней Навуходоносор возвел свой главный дворец, частично перестроив более раннее здание своего отца Набополассара. Дворец и цитадель занимают старую городскую площадь или центр Вавилона, который в надписях называется *irsit Babili*, "место Бабила".[31] Хотя по размерам она намного меньше цитадели Навуходоносора, можно сделать вывод, что главная крепость Вавилона всегда стояла на этом месте, и город вполне мог получить свое название *Bâb-ilî*, "Ворота богов", из-за стратегического положения своей древней крепости, которая, как и она, командовала главным подходом к Эс-Сагиле, знаменитому храму города-бога.[32] Самые ранние руины Вавилона, которые датируются эпохой Хаммурапи и Первой династией западносемитских царей, лежат под курганом Меркес[33] к востоку от Эс-Сагилы и Вавилонской башни, доказывая, что первая столица группировалась вокруг святилища города-бога. Улицы в этом квартале претерпели незначительные изменения, и их основные линии оставались неизменными на протяжении всего касситского периода, в неовавилонское и более позднее время.[34] Естественно, что даже в более ранний период цитадель располагалась выше по течению, к северу от города и храма, поскольку наибольшая опасность вторжения всегда исходила с севера.

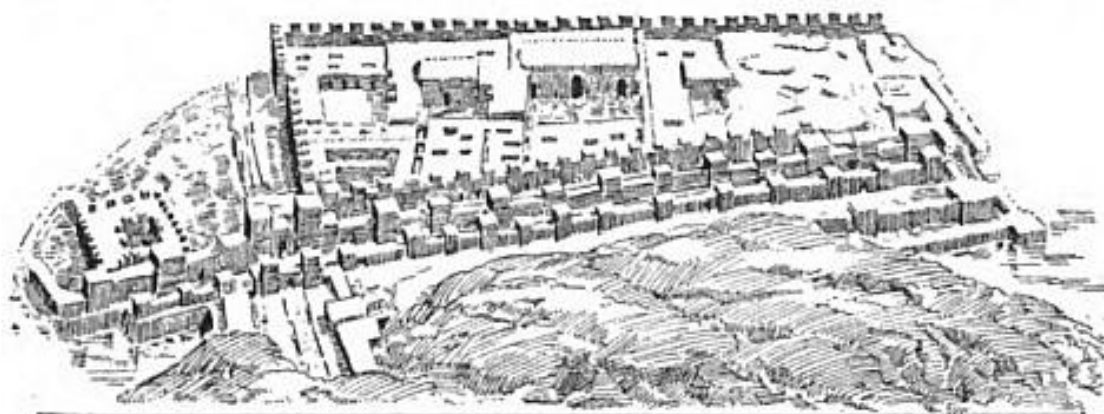

РИС. 5.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ ЮЖНОЙ ЦИТАДЕЛИ.

Вид реконструирован с севера, условный курган на переднем плане прикрывает Центральную цитадель, которая сейчас частично раскопана. Священная дорога проходит через ворота Иштар и вдоль восточной стороны дворца; дальше к востоку и внутри укреплений находится небольшой храм Нинмах. Внутренняя стена окружает дворец Навуходоносора с четырьмя открытыми дворами; в Большом дворе виден фасад Тронного зала с тремя входами. Плоские крыши дворца то тут, то там прорезаны небольшими дворами или световыми колодцами. Сравните с планом на стр. 30, рис. 6.

(После Андрае.)

Внешняя городская стена, уже описанная выше, относится только к неовавилонскому периоду, когда более ранний и маленький город расширился благодаря процветанию, последовавшему за победами Набополассара и его сына. Восточные пределы этого раннего города, во всяком случае, к концу ассирийского господства, не выходили за пределы внутренней стены, которая тогда была единственной линией обороны и напрямую соединялась с главной цитаделью. Ход внутренней стены до сих пор можно проследить на протяжении семнадцати сотен метров по низкому гребню или насыпи,[35] идущему

примерно на север и юг, от точки к северо-востоку от кургана Хомера.[36] Это было двойное укрепление, состоящее из двух стен из сырцового или необожженного кирпича, с промежутком между ними более семи метров. Более толстая из стен, западная, шириной шесть с половиной метров, имеет большие башни, построенные поперек нее, глубоко выступающие с внешней стороны, и чередующиеся с меньшими башнями, расположенными вдоль нее. Внешняя, или восточная, стена имеет более мелкие башни, расположенные через равные промежутки. Теперь вдоль северной стороны главной или южной цитадели тянется пара очень похожих стен,[37] также из грубого кирпича, и они продолжаются к востоку от цитадели до того места, где в персидский период Евфрат, изменив русло, уничтожил все дальнейшие следы от них.[38] Можно с уверенностью предположить, что во времена Навуходоносора[39] они были связаны с внутренней городской стеной к северу от Хомени и составляли ее продолжение после того, как она повернула под прямым углом на пути к берегу реки. Эта линия укреплений представляет значительный интерес, так как есть основания полагать, что она может представлять собой знаменитую двойную линию вавилонской обороны, о которой снова и снова упоминается в надписях.

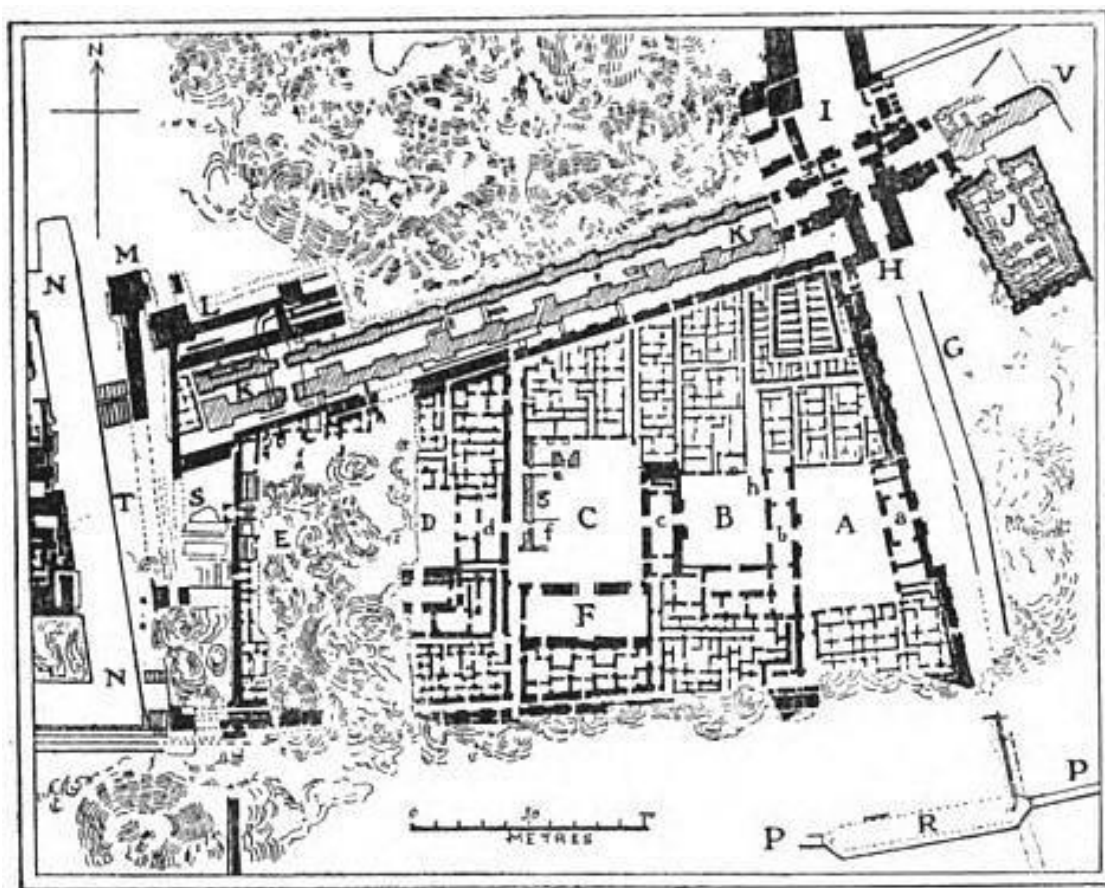

РИС. 6.

ПЛАН ЮЖНОЙ ЦИТАДЕЛИ.

А: Восточный двор дворца Навуходоносора. В: Центральный двор. С: Большой двор. D: Частная часть дворца, построенная над более ранним дворцом Набополассара. Е: Западное продолжение дворца. F: Тронный зал Навуходоносора. G: Священная дорога, известная как Айбур-шабу. H: Ворота Иштар. I: Продолжение Священной дороги с Львиным фризом. J: Храм Нинмах. K: Пространство между двумя крепостными стенами из сырцового кирпича, вероятно, Имгур-Бекль и Нимитти-Бекль. L: Более древний ров-стена. M: Более поздний ров-стена. N: Позднее укрепление, сброшенное в русло Евфрата. P: Южный канал, вероятно,

часть Либиль-Хегалла. Р: Бассейн канала. S: Персидское здание. Т: Ров, бывший левым берегом Евфрата. V: Речная набережная персидского периода, а: Ворота в Восточный двор, b: Ворота в Центральный двор, с: Ворота в Большой двор, d: Двойные ворота в частную часть дворца, e, f: Временные пандусы, использовавшиеся во время строительства дворца, g: Временная стена из сырцового кирпича, h: Широкий проход, ведущий на север к Сводчатому зданию.

(По материалам Колдевея, Ройтера и Ветцеля).

Два названия, которые вавилоняне дали этим стенам, были обусловлены их благодарностью и доверием к Мардуку, богу-городу, который для них был "Бел", или Владыка, *par excellence*. Большой из двух стен, *дуру*, или внутренней, они дали имя *Имгур-Бекл*, что означает "Бекл был милостив"; а *шайху*, или внешнюю, они называли *Нимитти-Бекл*, то есть, вероятно, "Основание Бекла" или "Мое основание - Бекл".^[40] Идентификация по крайней мере одной из стен из сырцового кирпича возле Хомеры с Нимитти-Белем была определенно доказана несколькими цилиндрами фундамента Ашшур-бани-пала, знаменитого ассирийского царя, который сверг своего брата Шамаш-шум-укина с вавилонского престола и присоединил страну к Ассирии.^[41] На цилиндрах он сообщает, что стены Имгур-Бела и Нимитти-Бела пришли в упадок, и пишет о восстановлении последнего, в фундаменте или структуре которого цилиндры были первоначально замурованы. К сожалению, они были найдены не на месте, а среди обломков в пространстве между стенами, так что теперь нельзя с уверенностью сказать, из какой стены они произошли. Если они были вложены в более толстую или внутреннюю стену, то Нимитти-Бекль должен был быть двойной линией укреплений, и обе стены вместе должны были носить это название; и в этом случае мы должны искать Имгур-Бекль в другом месте. Но в равной степени возможно, что они происходили из узкой или внешней стены; и в этом случае Нимитти-Бекль может быть внешней, а Имгур-Бекль - более широкой внутренней стеной с широко выступающими башнями. Правда, только дальнейшие раскопки могут решить этот вопрос; но тем временем укрепления на *Қағ* предоставили дополнительные доказательства, которые, кажется, поддерживают последнее мнение.

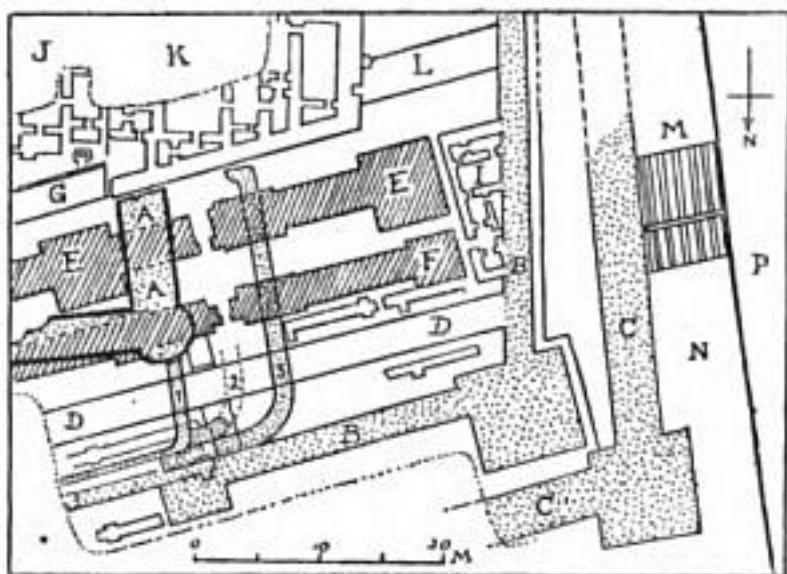

РИС. 7.

ПЛАН ПРИЧАЛЬНЫХ И КРЕПОСТНЫХ СТЕН В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ УГЛУ С. ЦИТАДЕЛЬ.

А: Причальная стена Саргона. В: Более древний ров-стена. С: Более поздний ров-стена Навуходоносора. D: Промежуточная стена. Е: Южная крепостная стена из сырцового кирпича, вероятно, Imgur-Bêl. F: Северная крепостная стена из сырцового кирпича, вероятно, Нимитти-Бель. G: Северная стена Южной цитадели. I: Руины здания, возможно, покои капитана Стены. J: Дворец Набополассара. К: Западное расширение Южной цитадели. L: Соединительная стена. М: Более поздняя стена через канал с решеткой для воды. N: Вода, первоначально левая сторона Евфрата. П: Позднее укрепление Навуходоносора в бывшем русле Евфрата. 1-3: Причальные стенки Набополассара. N.B. Набережные и рвы выделены точками.

(По Колдевею.)

Масштабные изменения, происходившие в укреплениях старой цитадели, особенно во время сорокатрехлетнего правления Навуходоносора, привели к постоянному демонтажу прежних сооружений и расширению территории, огражденной с севера и запада. Это особенно заметно в его северо-западном углу. Здесь, на значительной глубине под более поздними крепостными стенами, были найдены остатки четырех более ранних стен,^[42] открытие которых пролило свет на топографию этой части Вавилона. Все четыре стены представляют собой древние причальные стенки, их северная и западная стороны резко наклоняются внутрь по мере подъема. Каждая из них представляет собой новую перестройку набережной, поскольку она постепенно расширялась к северу и западу. К счастью, при их строительстве в значительных количествах использовались кирпичи с клеймами и надписями, так что можно точно датировать периоды перестройки.

Самая ранняя из причальных стен, которая также является самым ранним зданием, обнаруженным на *Qasr*, является самой массивной из четырех,^[43] и укреплена под углом выступающим круглым бастионом. Это работа Саргона Ассирийского,^[44] который излагает цель строительства в тексте, начертанном на нескольких кирпичах. Перечислив свое имя и титулы, он заявляет, что его желанием было восстановить Имгур-Бель; с этой целью он велел изготовить обожженные кирпичи и построил причальную стену из смолы и битума на глубине воды от ворот Иштар до берега Евфрата; и добавляет, что "основал Имгур-Бель и Нимитти-Бель на горе".^[45] Две стены Саргона, которые он здесь определенно называет Имгур-Бекл и Нимитти-Бекл, были, вероятно, из сырцового кирпича, и, несомненно, были разрушены и заменены более поздними постройками времен правления Набополассара и Навуходоносора. Но они должны были занимать примерно то же положение, что и две стены из грубого кирпича над пристанью Саргона,^[46] которые тянутся от старого берега Евфрата до ворот Иштар, именно в тех двух местах, которые упоминаются в тексте Саргона. Поэтому его свидетельства убедительно говорят в пользу того, что эти более поздние стены из сырцового кирпича, которые мы уже связывали с внутренней городской стеной, являются прямыми преемниками его Имгур-Бела и Нимитти-Бела, а значит, и наследниками древних названий.

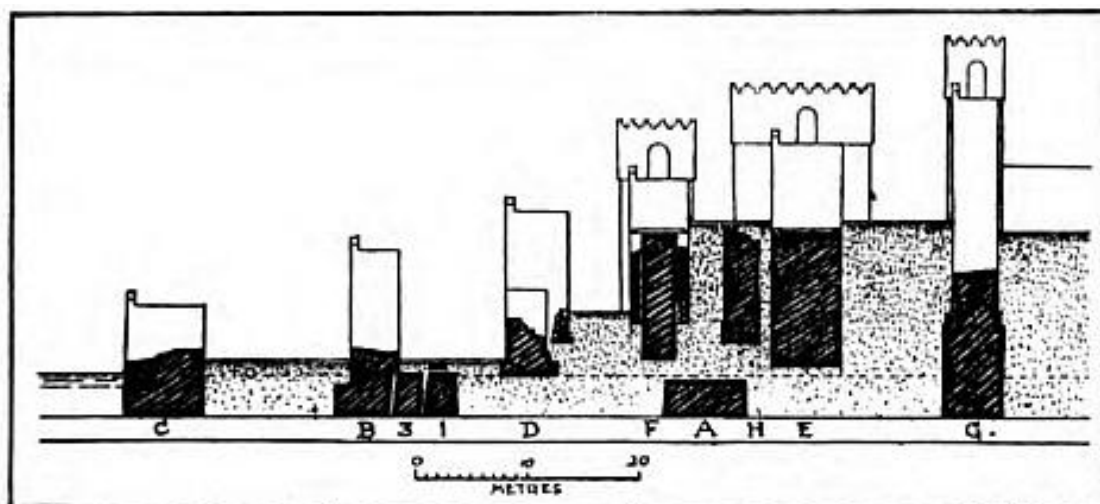

РИС. 8.

РАЗРЕЗ ПРИЧАЛЬНЫХ И КРЕПОСТНЫХ СТЕН ВДОЛЬ СЕВЕРНОГО ФРОНТА ЮЖНОЙ ЦИТАДЕЛИ.

А: Причальная стена Саргона. Б: более древний ров-стена. О: более поздний ров-стена Навуходоносора. D: Промежуточная стена. Е: Южная крепостная стена из сырцового кирпича, вероятно, Imgur-Bêl. F: Северная крепостная стена из сырцового кирпича, вероятно, Нимитти-Бель. G: Северная стена Южной цитадели. Н: Остатки более древней стены из сырцового кирпича.

(После Андрае.)

Дополнительное подтверждение этой точки зрения мы находим в одной из более поздних причальных стен, сменивших стену Саргона. Три узкие стены, о которых уже упоминалось^[47], были делом рук Набополассара и представляли собой три последовательных расширения набережной на запад к руслу потока, который в надписях на их кирпичах получил название Арахту.^[48] Но в этих текстах нет никаких упоминаний о городских стенах. Не найдено никаких надписей и на конструкции следующей пристройки, представленной стеной В, которая, как и самая поздняя причальная стена (С), не закруглена в более раннем варианте, а укреплена на углу массивным прямоугольным бастионом. Именно на этой самой поздней и самой основательной из всех причальных стен были найдены дальнейшие надписи, относящиеся к Имгур-Белу. Они доказывают, что эта стена была делом рук Навуходоносора, который ссылается в них на восстановление Имгур-Бела Набополассаром и сообщает, что он возвел его берега с помощью битума и жженого кирпича на высоту горы. Поэтому ясно, что это была причальная стена Имгур-Бела, которую она поддерживала по образцу более раннего сооружения Саргона. То, что менее важный Нимитти-Бекль не упоминается в этих текстах, не заставляет нас помещать его в другое место, учитывая более раннее упоминание Саргона.

Поэтому мы можем условно считать две стены из сырцового кирпича вдоль северного фронта *Qaşr*^[49] частью знаменитых оборонительных сооружений Вавилона и представить их как идущие на восток до пересечения с внутренней городской стеной у Гомеры. Точку, в которой они простирались на запад через Евфрат, пока можно только предполагать. Но важно, что угол западных стен, которые все еще можно проследить под курганами к северу от деревни Синджар,^[50] примерно совпадает с северным фронтом *Qaşr* и концом внутренней стены Гомеры. Если включить эти западные стены в нашу схему, то ранний

Вавилон будет прямоугольным в плане, примерно четверть его будет находиться только на правом берегу, а часть к востоку от реки образует примерно квадрат. Вавилон эпохи касситов и Первой династии, должно быть, был еще меньше, его площадь не превышала трех главных курганов; и, хотя часть его уличной сети была восстановлена, никаких следов его укреплений, очевидно, не сохранилось.

Свидетельства, касающиеся стен и укреплений города, были изложены достаточно полно, поскольку они стали главным предметом споров в связи с раскопками. Следует добавить, что предложенную выше точку зрения не разделяет д-р Колдевей, чьи возражения против предложенной идентификации Имгур-Бея основаны на его интерпретации двух фраз в цилиндре Набополассара, который был найден без места в *обломках* недалеко от восточной стены Южной цитадели. В нем Набополассар описывает свое восстановление Имгур-Бея, который, по его словам, пришел в упадок, и заявляет, что "основал его в первобытной бездне", добавляя слова: "Я заставил Вавилон быть заключенным в нее к четырем ветрам".[51] Из упоминания о бездне доктор Колдевей делает вывод, что у него был глубокий фундамент, и, следовательно, он должен был быть построен из обожженного, а не сырцового кирпича; а из второй фразы он правильно заключает, что он должен был образовывать четырехугольник, замкнутый со всех сторон. Но это, как мы видели, именно тот план, который мы получаем, включая остатки стен к западу от реки. И, учитывая известную склонность к преувеличениям в этих неовавилонских записях, мы, конечно, не должны доверять ни одной метафоре с точностью спецификации современного архитектора. Если бы хоть один участок стены во время реставрации был оснащен подконструкцией из жженого кирпича, этого было бы достаточно, чтобы оправдать царские притязания.

То, как Евфрат использовался для обороны и водоснабжения цитадели, также было проиллюстрировано раскопками. Открытие надписей Саргона доказало, что в его время река текла вдоль западной стороны его причальной стенки;[52] в то время как надписи на кирпичах из трех последовательных причальных стенок Набополассара[53] утверждают, что в каждом случае он использовал их для восстановления стены канала, который он называет "Арахту", используя это название точно так же, как Саргон относился к Евфрату. Самое простое объяснение заключается в том, что во времена Набополассара "Арахту" называли ту часть Евфрата, которая омывала западную сторону цитадели, и что это название в любом случае включало часть цитадели-моата, или канала, вдоль ее северной стороны, которая образовывала бассейн, выходящий прямо к реке.[54] Таким образом, "Арахту" могло быть общим термином не только для этого бассейна, но и для всей набережной от северо-западного угла цитадели до какой-то точки на левом берегу к югу от нее. Возможно, оно включает в себя и речной фронт Вавилонской башни, поскольку именно в Арахту Сеннахериб сбросил башню при разрушении города. На этом участке воды, особенно вдоль северных набережных, могли быть пришвартованы суда и *келеки*, которые прибывали вниз по течению с припасами для дворца и гарнизона. Арахту, по сути, вполне могло быть названием древней гавани или дока Вавилона.

Некоторое представление о внешнем виде набережных можно получить по правому углу реставрации на рис. 5.[55] Правда, внешняя причальная стенка, похоже, была построена взамен внутренней, тогда как на иллюстрации показаны обе. Но поскольку высота цитадели и ее стен постоянно увеличивалась, предложенное здесь расположение отнюдь не исключено. Но в конце своего правления Навуходоносор полностью изменил облик набережной реки. К западу от причальных стен, в русле реки, он выстроил массивное укрепление с огромной толщиной стен, от двадцати до двадцати пяти метров в ширину.[56] Оно было построено полностью из жженого кирпича и битума, и, судя по упоминанию о нем

в надписи из Сиппара, его целью было предотвратить образование песчаных отмелей в реке, которые в прошлом могли стать причиной затопления левого берега выше Э-Сагила.[57] Между ним и старой пристанью был оставлен узкий канал[58], по которому речная вода продолжала течь через решетки. Он, несомненно, служил переливом для старого северного рва цитадели, так как последний питал подводящий канал, который проходил вокруг дворца и до сих пор прослеживается вдоль его южной стороны.[59] Возможно, что последующее изменение русла Евфрата частично связано с этим огромным речным укреплением. Его массивная структура предполагает, что оно должно было выдерживать значительное давление воды, и это вполне могло усилить любую тенденцию потока к отклонению на восток. Как бы то ни было, несомненно, что в течение значительного времени в персидский и селевкидский периоды она текла в обход к востоку от *Qaşr*, недалеко от трех сторон цитадели, и вновь вливалась в свое прежнее русло к северу от храма Мардука и Вавилонской башни. Ее русло к востоку от ворот Иштар отмечено позднейшей насыпью, наклоненной наружу, которая поддерживала более толстые стены из сырцового кирпича в том месте, где они внезапно обрывались.[60] За этой насыпью были найдены только грязь и речные отложения. Водоток к югу от цитадели, вероятно, является местом, где река вновь поворачивала к покинутому руслу. Выкопанная здесь траншея показала, что нынешняя почва состоит из ила, отложенного водой, а за остатками прежнего канала не было найдено никаких следов каких-либо построек. Это временное изменение русла реки, о котором убедительно свидетельствуют раскопки, объясняет еще одну загадку классической традиции - поразительное несоответствие между фактическим положением основных руин Вавилона по отношению к реке и их зафиксированным положением в персидский период. Геродот,[61], например, помещает крепость с дворцом царей (то есть *Qaşr*) на противоположном берегу от священного участка Зевса Белуса (то есть Э-темен-анки, Вавилонской башни). Но теперь мы получили доказательство того, что в то время они были разделены Евфратом, пока река не вернулась в свое прежнее и нынешнее русло, вероятно, до конца периода Селевкидов.

Большую часть Южной цитадели занимает огромный дворец, на строительство которого Навуходоносор тратил свои силы в течение многих лет своего правления. Взойдя на вавилонский престол, он обнаружил, что древняя крепость сильно отличается от того огромного сооружения, которое он завещал своим преемникам. Он жил там еще при жизни своего отца, но Набополассар довольствовался сравнительно скромным жилищем. Когда же его сын, окрыленный победой над египетскими войсками, вернулся в Вавилон, чтобы взять в руки Белу, он начал планировать дворец, который должен быть достоин империи, которую он получил. От старого дворца Набополассара, в котором он был вынужден жить первое время, теперь мало что осталось. То, что от него осталось, представляет собой самое раннее здание, следы которого сейчас существуют в пределах дворцовой территории. Навуходоносор описывает его, до начала своих строительных работ, как простирающийся от Евфрата на восток до Священной дороги; и старый дворец-ограждение, несомненно, занимал это место. Следы старой крепостной стены были найдены под восточным фасадом более позднего дворца, а арочный дверной проем, через который можно было попасть на открытый двор, впоследствии засыпанный и застроенный Навуходоносором, был найден в прекрасной сохранности.[62]

III. Тронный зал в вавилонском дворце Навуходоносора с изображением углубления в задней стене, где когда-то стоял трон.

Сам старый дворец[63] не выходил за пределы западной стороны большого двора Навуходоносора.[64] Верхнее строение, как мы узнаем из надписи East India House,[65] было из грубого кирпича, который был разрушен для последующего строительства. Но Набополассар, следуя обычаю, сохранившемуся со времен Хаммурапи, поставил свои стены из сырцового кирпича на фундамент из обожженного кирпича. Этим фундаментом воспользовался его сын, просто укрепив его перед возведением на нем собственных стен. Таким образом, эта часть нового дворца сохранила старый план в значительной степени без изменений. Прочность и размеры его стен поражают воображение и отчасти могут быть объяснены тем, что верхняя часть здания была построена из сырцового кирпича и требовала более широкого основания для стен.

Когда Навуходоносор начал строительство, он жил в старом дворце, пока укреплял стены его открытого двора на востоке и поднимал его уровень для прочной платформы, на которой должен был возвышаться его собственный дворец.[66] Некоторое время новый и старый дворец соединяли два пандуса из необожженного кирпича,[67] которые затем были засыпаны под поздним покрытием большого двора; и мы можем представить себе царя, поднимающегося по этим пандусам вместе со своим архитектором, который ежедневно осматривал работу. Как только новый дворец на востоке был готов, он переехал в него и, разрушив старый, возвел собственные стены на его фундаменте, а промежуточные пространства засыпал землей и щебнем, пока не поднял мостовую до восточного уровня. Еще позже он построил еще одну пристройку[68] вдоль западной стороны. В оставленном им рассказе о строительстве дворца царь говорит: "Я заложил прочный фундамент и возвел его на высоту горы из битума и жженого кирпича. Могучие кедры я заставил растянуться во всю длину для его кровли. Дверные створки из кедра, покрытые медью, пороги и подножия из бронзы я поставил в его дверных проемах. Серебро и золото, и драгоценные камни, все, что можно представить из дороговизны, великолепия, богатства, всего, что высоко ценится, я собрал в нем, я накопил в нем огромное количество царских сокровищ".[69]

Общее представление о плане дворца в его окончательном виде можно получить из рис. 6. Главный вход находился в восточной части дворца, через ворота, [70] окруженные с внешней стороны башнями и известные как Bûb Bêlti, или "Женские ворота", несомненно, из-за близости к храму богини Нинмах. [71] Ворота состоят из вестибюля с открывающимися по бокам комнатами для дворцовой стражи. Восточная часть дворца построена к северу и югу от трех больших открытых дворов, [72] отделенных друг от друга воротами [73], очень похожими на те, что находятся у главного входа во дворец. Следует заметить, что, в отличие от европейского жилища, большие комнаты всегда располагаются на южной стороне двора, обращенной к северу, поскольку в субтропическом климате Вавилонии летний зной не приветствовался, и эти покои должны были находиться в тени почти весь день.

Некоторые из больших помещений, включая, возможно, камеры внутренних ворот, должны были служить судебными инстанциями, поскольку, начиная с эпохи Хаммурапи, мы знаем, что царский дворец был пристанищем тяжущихся сторон, чьи апелляции в более ранний период разрешались самим царем, [74] а позже - судьями под его руководством. В пределах дворца велись всевозможные коммерческие дела, и не только обычные судебные процессы, но и любые сделки, требующие юридического подтверждения, проходили там с наибольшим удобством. Доказательством этого может служить тот факт, что многие неовавилонские контракты, найденные на месте Вавилона, датируются Аль-Бит-Шар-Бабили, "Городом жилища царя Вавилона", что, несомненно, является общим названием цитадели и дворцовой зоны. Здесь также велись все государственные дела, и мы можем условно отнести к высшим министрам и чиновникам двора большие апартаменты и прилегающие к ним жилые помещения на южной стороне Центрального двора дворца. [75] Здесь, несомненно, размещались многие важные офицеры, состоявшие на службе у короля; а для тех, кто был ниже по рангу, можно отнести аналогичные, но более скромные жилища, обрамлявшие три двора с северной и Входной двор с южной стороны. В пределах дворца находились даже царские мануфактуры, о чем можно судить по большому количеству алебастровых кувшинов, найденных рядом с цилиндрическими ядрами в одной из комнат в юго-западном углу у внешней стены дворца. [76]

На плане видно, что эти жилища состоят из комнат, построенных вокруг открытых дворов или колодцев; большинство из них - отдельные жилища, изолированные от соседних, с дверями, выходящими на большие дворы или в проходы, ведущие вверх от них. В зданиях не обнаружено никаких следов окон, и вполне вероятно, что они использовались очень редко. Но мы не должны делать вывод, что они никогда не использовались, так как ни одна стена дворца не сохранилась более чем на несколько футов в высоту, и, в основном, уцелели только их фундаменты. Но несомненно, что, как и современные дома в стране, все жилища, будь то дворцовые или городские, имели плоские крыши, которые служили естественным спальным местом для их обитателей в течение большей части года. Ближе к закату, когда дневная жара спадала, они поднимались на крыши домов, чтобы насладиться вечерним бризом; днем окно было лишь дополнительным входом для солнца. Общий вид дворца, несомненно, точно передан в уже приведенном эскизе. [77]

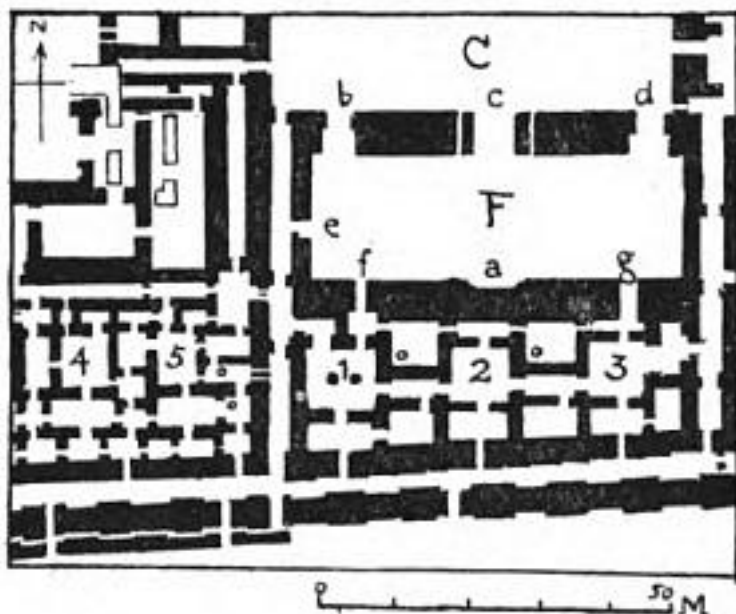

Рис. 9.

ПЛАН ТРОННОГО ЗАЛА НАВУХОДОНОСОРА И ЧАСТИ ЧАСТНОГО ДВОРЦА

С: Большой двор. F: Тронный зал, *a*: углубление в задней стене для трона, *b-d*: входы в тронный зал из двора, *e-g*: Входы с боковых и задних сторон. 1-3: Открытые дворы, окруженные комнатами для королевской службы. 4, 5: Открытые дворы в юго-восточном углу Личного дворца. (После Колдевея.)

Наиболее интересными во дворце являются апартаменты, которые можно идентифицировать как Тронный зал Навуходоносора. Это помещение находится сразу к югу от Большого двора.^[78] Это самая большая комната дворца, а поскольку толщина стен с длинных сторон составляет шесть метров, что намного больше, чем с торцов, возможно, что они поддерживали свод бочки. Она имеет три входа со стороны двора,^[79] а в задней стене напротив центрального находится широкая ниша, вдвое углубленная в структуру стены, где, как мы можем предположить, когда-то стоял королевский трон. Таким образом, во время любой сложной придворной церемонии король должен был быть виден на своем троне не только тем, кто находился внутри палаты, но и из центральной части Большого двора. Именно в этой части дворца были обнаружены некоторые следы более поздних вавилонских методов настенного декора. Если внутренние стены Тронного зала были просто покрыты штукатуркой из белого гипса, то кирпичная кладка внешнего фасада, выходящего во двор, была украшена эмалями ярких цветов.

На сайте были обнаружены лишь фрагменты эмалированной поверхности, но и их достаточно, чтобы восстановить схему декора. На темно-синем фоне выделяется ряд желтых колонн с ярко-синими капителями, окантованными белой каймой. Капители - самая яркая особенность композиции. Каждая из них состоит из двух наборов двойных волют, расположенных одна над другой, а над ними частично проступает белая розетка с желтым центром. Между каждым членом находится бутон в оболочке, образующий трилистник и соединяющий волюты капителей с помощью светло-голубых полос, ниспадающих неглубоким изгибом по обе стороны от него. Еще выше по стене шел фриз из двойных пальметт аналогичного цвета между желтыми линейными каймами, центры которых были выделены ромбами, окрашенными попеременно в черный и желтый, а также в черный и

белый цвета. Богатый эффект эмалированного фасада Тронного зала усиливался декором придворных ворот, поверхность которых была украшена аналогичным образом фигурами львов. Так же были украшены ворота других восточных дворов, судя по найденным там фрагментам эмали, но остальные стены двора остались без украшений или, возможно, были просто покрыты штукатуркой. Тот факт, что интерьер Тронного зала, как и остальных покоев дворца, был лишен каких-либо украшений, говорит в пользу того, что тепло, а вместе с ним и свет, были намеренно исключены отсутствием окон в стенах.

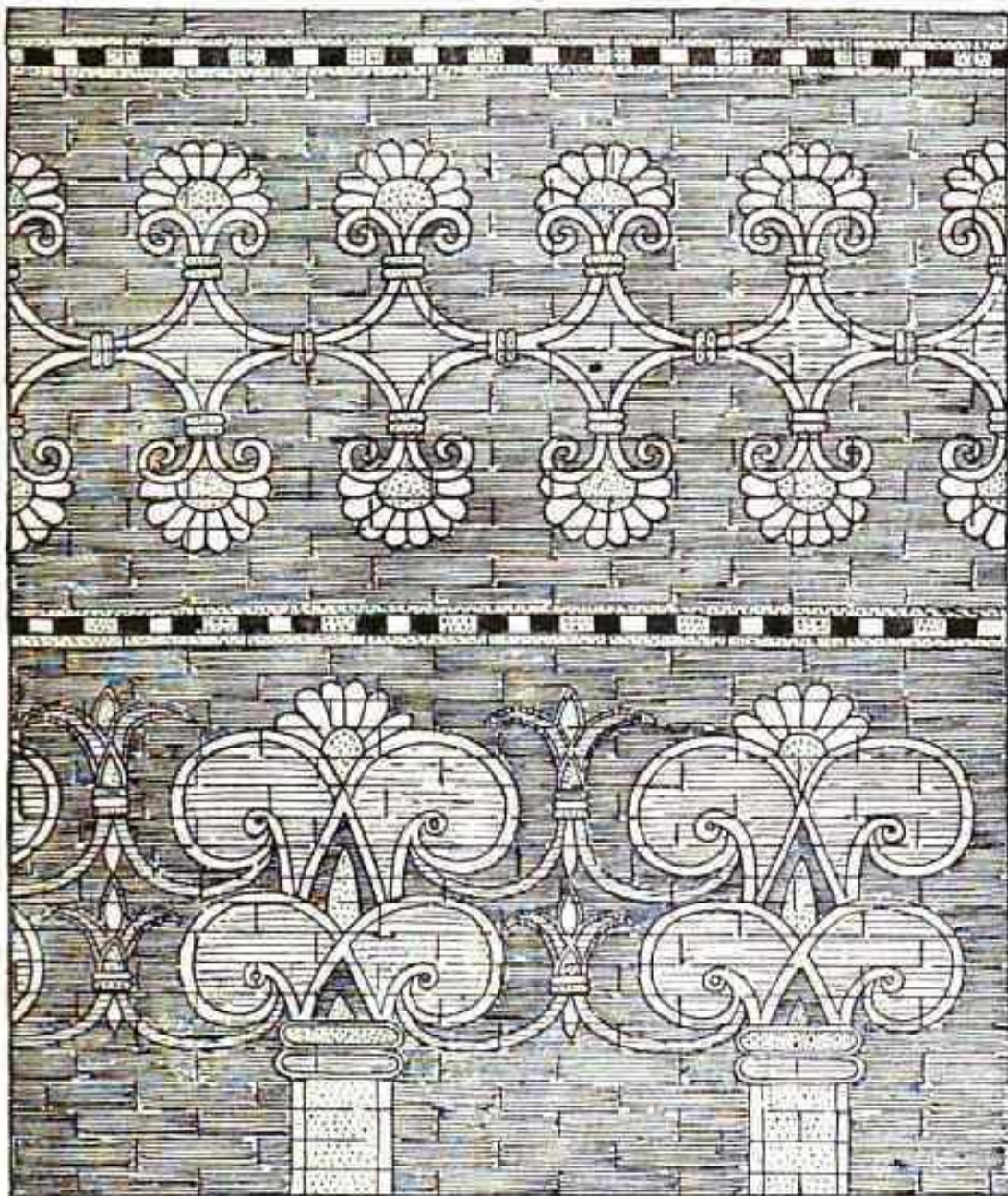

РИС. 10.

РИСУНОК ИЗ ЭМАЛИРОВАННОГО КИРПИЧА С ФАСАДА ТРОННОГО ЗАЛА

На рисунке светло- и темно-синий цвета обозначены легкой и тяжелой горизонтальной штриховкой, желтый - пунктирной поверхностью.

Палаты за Тронным залом, в которые ведут два дверных проема в задней стене,^[80] очевидно, предназначенные для царской службы, расположены вокруг трех открытых площадок; в юго-западных углах двух из них, которые находятся сразу за стеной Тронного зала, находятся колодцы, положение которых обозначено на плане небольшими открытыми кругами. Стены каждой из этих небольших камер спускаются через фундамент до уровня воды, а промежуточное пространство заполнено вокруг колодцев бутовым камнем. Такое устройство, очевидно, было принято для того, чтобы обеспечить абсолютно чистую воду для царского стола. Но частная часть дворца, которую занимали женщины и остальные члены царской семьи, очевидно, находилась дальше к западу и была построена над более ранним жильем Набополассара. На плане видно, что она совершенно отлична от восточной, официальной части дворца, от которой ее отделяет значительная стена и проход, идущий вместе с Большим двором по всей ширине дворцовой площади. Показателен и характер воротного здания, которое образовывало главный вход и выходило на Большой двор.^[81] Здесь полностью отсутствуют башни, обрамляющие проходы к официальным дворам, а проход проходит через два последовательных апартамента, второй из которых меньше первого и от него отходит служебное помещение для носильщиков. Вход для личного пользования короля находился в южной половине прохода и располагался непосредственно между боковым входом в Тронный зал^[82] и другим дверным проемом в проходе, ведущем в один из небольших дворов за ним.^[83] В двух камерах частного дворца, обе из которых выходят во двор 5, находятся еще два круглых колодца, замурованных для защиты, и здесь также фундамент каждой камеры снесен до уровня воды и засыпан кирпичной крошкой, как и в случае с колодцами за Тронным залом.

Та же забота о чистоте водоснабжения прослеживается и в продуманной дренажной системе, которой был оснащен дворец для отвода поверхностных вод с плоских крыш дворца, открытых дворов и крепостных стен. Большие водостоки были покрыты крышей с венчающими элементами; меньшие, более простые, но достаточно эффективные, были сложены из кирпичей в форме буквы V и закрыты сверху другими кирпичами, уложенными плашмя. Верхушки укреплений, как в самой цитадели, так и на внешней и внутренней городской стене, осушались с помощью вертикальных шахт, или желобов, спускавшихся вниз внутри массивных подконструкций башен; в случае зданий из сырцового кирпича они имели облицовку из жженого кирпича. В некоторых храмах, которые, как мы увидим, неизменно строились из сырцового кирпича,^[84] также была принята эта форма дренажа.

РИС. 11.

ПЛАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО УГЛА ДВОРЦА СО СВОДЧАТЫМ ЗДАНИЕМ.

А: Восточный двор дворца. Б: Центральный двор. Н: Ворота Иштар. I: Сводчатое здание. J: Южное укрепление-стена из сырцового кирпича, вероятно, Imgur-Bêl. h: Проход, ведущий в Сводчатое здание, m, n: Входы в Сводчатое здание. 1-15: Небольшие открытые площадки или колодцы в официальных резиденциях.

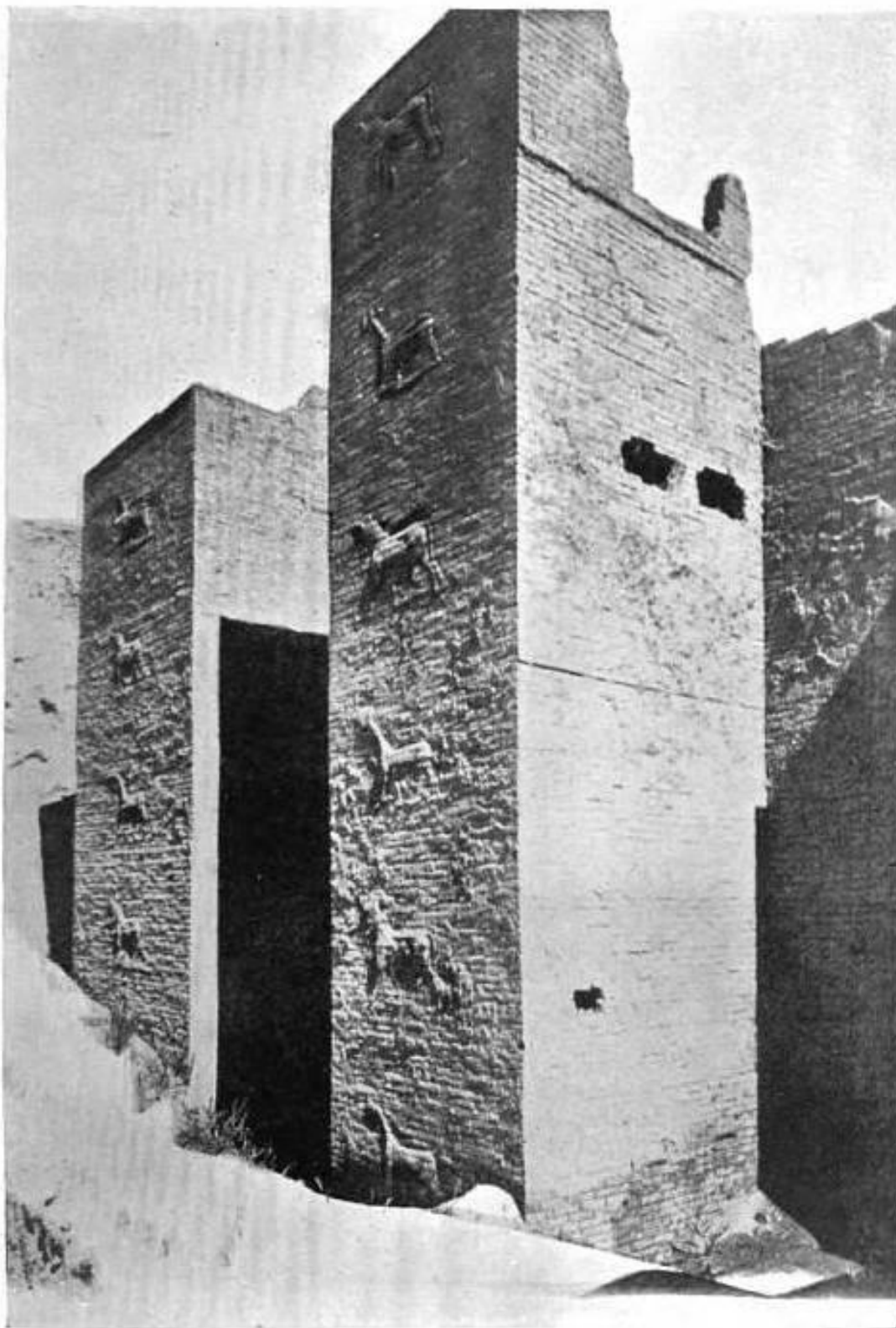
(После Колдевея.)

Еще одно здание на территории дворца заслуживает упоминания, поскольку было высказано предположение, что оно может представлять собой остатки знаменитых Висячих садов Вавилона.[85] К нему можно попасть от северо-восточного угла Центрального двора[86] по широкому проходу,[87] от которого под прямым углом отходит ответвление, а слева от этого более узкого прохода находятся два входа.[88] Надо признаться, что на первый взгляд план этого здания не напоминает ни одного сада, тем более такого, который прославился как чудо древнего мира. Видно, что центральная часть, или ядро, здания окружена мощной стеной, а внутри находятся четырнадцать узких камер, по семь с каждой стороны от центрального прохода.[89] Клетки были перекрыты полукруглыми арками, образующими бочкообразный свод над каждой; все это окружено узким коридором, с северной и восточной сторон обрамленным внешней стеной дворца. Эта часть здания, как сводчатые палаты, так и окружающий их коридор, находится полностью ниже уровня остальной части дворца. Небольшие палаты, некоторые из них длинные и узкие, как своды, которые окружают центральное ядро с запада и юга, находятся на уровне дворца, а в подземную часть ведет лестница в одной из комнат на южной стороне.[90]

Есть две основные причины, которые позволяют отождествить это здание с Висячими садами. Первая заключается в том, что при его строительстве использовался тесанный

камень, о чем свидетельствуют многочисленные разбитые фрагменты, обнаруженные среди его руин. За исключением Священной дороги и моста через Евфрат, на всей территории Вавилона есть еще только одно место, где тесаный камень использовался в большом количестве для строительства, и это северная стена Kaṣr. Во всей литературе, касающейся Вавилона, камень использовался для строительства зданий только в двух местах, и это северная стена Цитадели и Висячие сады, причем нижний слой кровли последних, ниже слоя земли, был описан как сделанный из камня. Эти факты, безусловно, указывают на отождествление Сводчатого здания с Висячими садами.^[91] Более того, Бероссус определенно относит их к постройкам, которыми Навуходоносор расширил дворец своего отца; но это упоминание в равной степени относится и к более поздней Центральной цитадели, построенной Навуходоносором сразу северу от своего главного дворца. У Страбона и Диодора размеры здания также намного больше, чем у Сводчатого здания, причем сторона четырехугольника, согласно этим авторам, примерно в четыре раза превышает длину последнего. Но расхождения в цифрах такого рода, как мы уже видели в случае с внешними стенами города, легко объяснимы и не должны рассматриваться как серьезное возражение.^[92]

Вторая причина, которая указывает на идентификацию, заключается в том, что в одной из небольших камер, расположенных в юго-западном углу внешней границы помещений с этих двух сторон, находится очень примечательный колодец. Он состоит из трех примыкающих друг к другу шахт, квадратной в центре и двух продолговатых. Такое расположение, уникальное для остатков древнего Вавилона, можно наиболее удовлетворительно объяснить, если предположить, что здесь находится водоснабжение гидравлической машины, построенной по принципу цепного насоса. Ведра, прикрепленные к бесконечной цепи, должны были подниматься по одному из внешних колодцев, преодолевать большое колесо, закрепленное над ними, и, сливая воду в корыто по мере прохождения, спускаться в другой внешний колодец для пополнения запасов. Квадратный колодец в центре, очевидно, служил смотровой камерой, в которую мог спуститься инженер, чтобы прочистить колодец или устранить какое-либо препятствие. В современных устройствах такого рода, которые иногда используются в Вавилонии для подачи непрерывного потока воды в оросительные траншеи, движущая сила для вращения лебедки обеспечивается лошадьми или другими животными, движущимися по кругу. В сводчатом здании едва ли нашлось бы место для такого приспособления, и, вероятно, для работы с парой тяжелых ручных лебедок были наняты бригады рабов. Обнаружение колодца, несомненно, укрепляет версию об идентификации.

ВОСТОЧНЫЕ БАШНИ ВОРОТ ИШТАРА

Для воссоздания верхней структуры этого здания предлагаются две альтернативные схемы. Массивные стены в любом случае указывают на то, что они были рассчитаны на значительный вес, и, возможно, ядро здания, построенное над подземными сводами, возвышалось над окружающими его камерами, расположенными на уровне дворца. Это соответствовало бы современному представлению о висячем саде; а поскольку с двух сторон он был ограничен дворцовой стеной, его деревья и растительность были бы видны из-за пределов цитадели. Если

смотреть на сад с нижнего уровня города, то его высота увеличивалась бы на всю высоту цитадели, на которой стоит дворец, и воображение могло бы свободно играть с его реальными размерами.

С другой стороны, полукруглые арки, сохранившиеся в центральном ядре, могли непосредственно поддерживать толстый слой земли, в который были посажены деревья сада. Тогда они росли бы на уровне дворца, как бы в саду-корте, возможно, окруженном колоннадой с колоннами, к которой с западной и южной сторон выходили внешние покои. В любом случае подземные хранилища могли использоваться только в качестве складов или магазинов, так как они были полностью лишены света. В лестничной камере, ведущей вниз, было найдено большое количество табличек, и, поскольку надписи на них касаются зерна, кажется, что некоторые из них, по крайней мере, использовались в качестве зернохранилищ. Но такое использование могло быть только в том случае, если пространство над ними не было садом, постоянно поливаемым ирригационным насосом, так как влага обязательно попадала бы под своды.^[93]

Какую бы альтернативную схему мы ни приняли, следует признать, что Висячие сады не оправдали своей репутации. А если они представляли собой просто сад-площадку, как склонен считать доктор Колдевей, то трудно объяснить прилагательные [κρεμαστός] и *pensilis*. Ведь подземные своды должны были быть полностью скрыты от глаз, и даже если было известно, что они находятся ниже уровня тротуара, они не были такими, чтобы вызвать удивление или навести на мысль о висении в воздухе. Нельзя не заподозрить, что сводчатое здание на самом деле может быть не более чем дворцовым зернохранилищем, а тройной колодец - одним из основных источников воды для домашних нужд. По крайней мере, в настоящее время мы можем надеяться, что после дальнейших раскопок в Центральной цитадели будет найдено более убедительное место для садов.

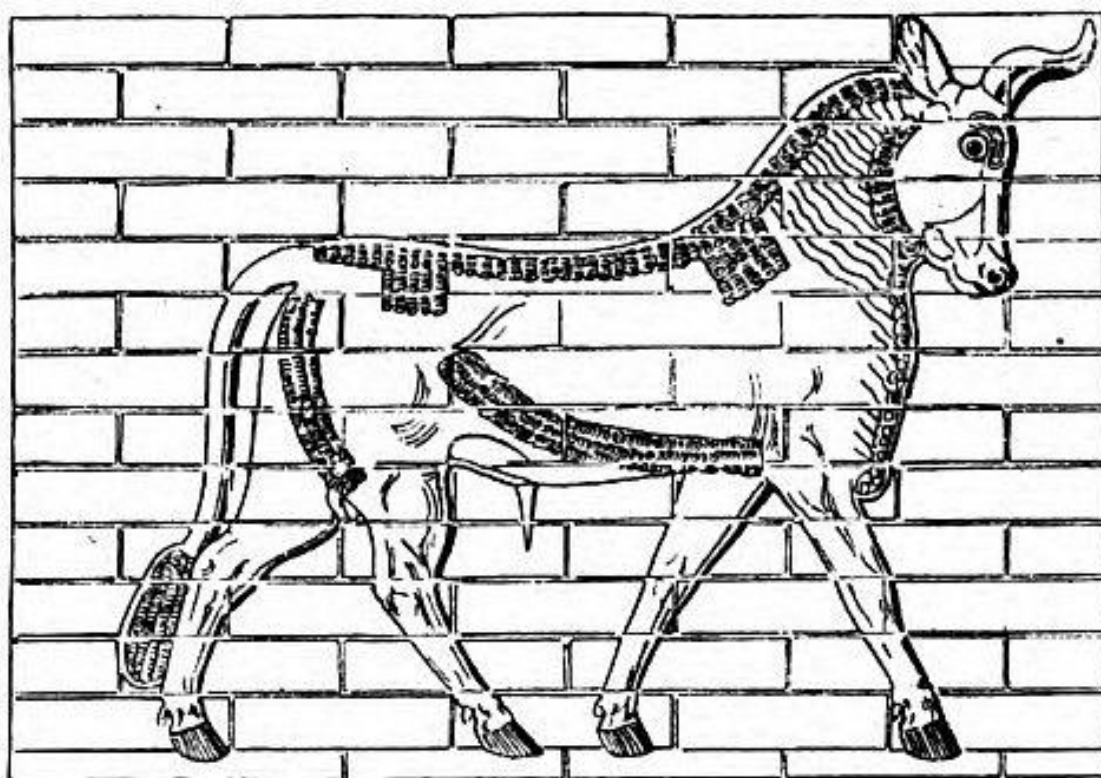

РИС. 12.
БЫК ИЗ ЭМАЛИРОВАННОГО КИРПИЧА С ВОРОТ ИШТАР.

Осенью 1901 года писатель провел некоторое время в Вавилоне, останавливаясь вместе с доктором Кольдевеем в значительном доме для экспедиции, который они построили из прекрасного жженого кирпича, оставшегося от дворца Навуходоносора. К тому времени он вскрыл значительную часть дворца, и уже тогда можно было проследить стены Тронного зала и отметить углубление, где стоял сам трон. Но, кроме фрагментов эмалированного фасада, художественного интереса было найдено мало, а на других участках результаты оказались еще более разочаровывающими. Глубокий раскоп Э-сагилы уже был сделан, храм богини Нинмах был полностью раскопан, а в храме бога Ниниба полным ходом шли работы. Все они оказались из необожженного кирпича,^[94] а главным украшением стен была тонкая известковая обмазка. Их первооткрыватель был склонен скептически относиться к сказочному великолепию Вавилона.

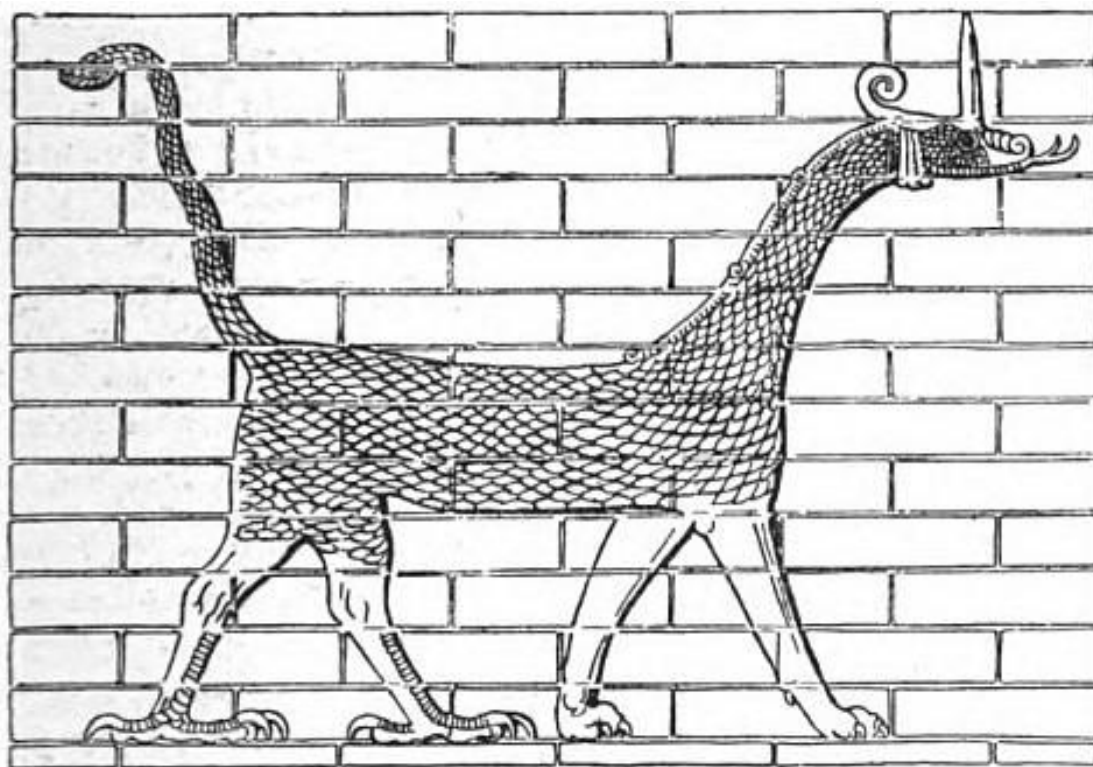

РИС. 13.
ДРАКОН ИЗ ЭМАЛИРОВАННОГО КИРПИЧА С ВОРОТ ИШТАР.

Но весной следующего года он сделал открытие, которое до сих пор остается самым ярким достижением экспедиции и реабилитирует славу этого древнего города. Это были великие ворота Иштар, перекинувшиеся через Священный путь Вавилона, а быки и драконы, которыми они были украшены, доказали, что глиптическое искусство Вавилонии достигло высокого уровня совершенства в поздний период ее существования. Ворота были возведены в том месте, где Священный путь входил в старый город. По сути, это были главные ворота в двух стенах из сырцового кирпича вдоль северной стороны Цитадели, которые, как мы полагаем, были знаменитыми оборонительными сооружениями, Имгур-Бекл и Нимитти-Бекл.^[95] Когда Навуходоносор перестроил крепость, ее конструкция была довольно сложной.^[96] Это двойные ворота, состоящие из двух отдельных привратников,^[97] каждый с внешней и внутренней дверью.^[98] Это объясняется тем, что линия укреплений двойная, и каждая из ее стен имеет свои ворота. Но ворота объединены в единую конструкцию с помощью коротких соединительных стен, которые завершают ограждение Двора ворот.^[99]

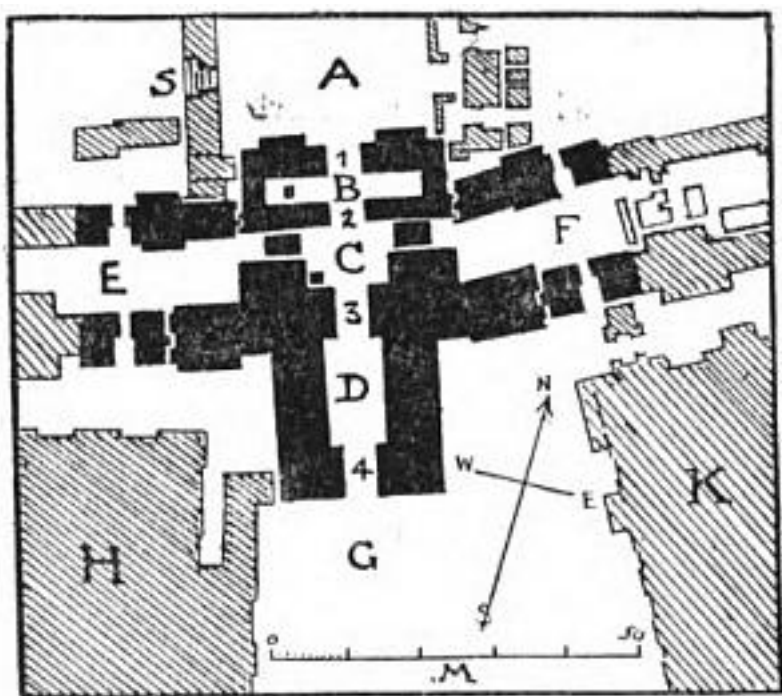

РИС. 14.

ПЛАН ВОРОТ ИШТАРА.

План ворот обозначен черным цветом; остальные стены и здания заштрихованы. А: Священный путь к северу от ворот. В: Ворота внешней стены. С: Двор ворот. D: Ворота внутренней стены. Е: Пространство между западными крыльями. F: Пространство между восточными крыльями. G: Священный путь к югу от ворот. Н: Северо-восточный угол дворца. К: Храм богини Нинмах. S: Ступени, ведущие вниз с уровня Священного пути. 1, 2: Двери внешних ворот. 3, 4: Двери внутренних ворот.

(После Колдевея.)

Д-р Колдевей считает вероятным, что этот двор был покрыт крышей, чтобы защитить от непогоды большую пару дверей, которые откидывались назад. Но если это так, то вся кровля ворот должна была находиться на том же низком уровне; в то время как толстые стены внутренних ворот предполагают, что они и их арочные дверные проемы были выше, чем внешние ворота, как предполагается в разделе [\[100\]](#) и в реконструкции Цитадели. [\[101\]](#)

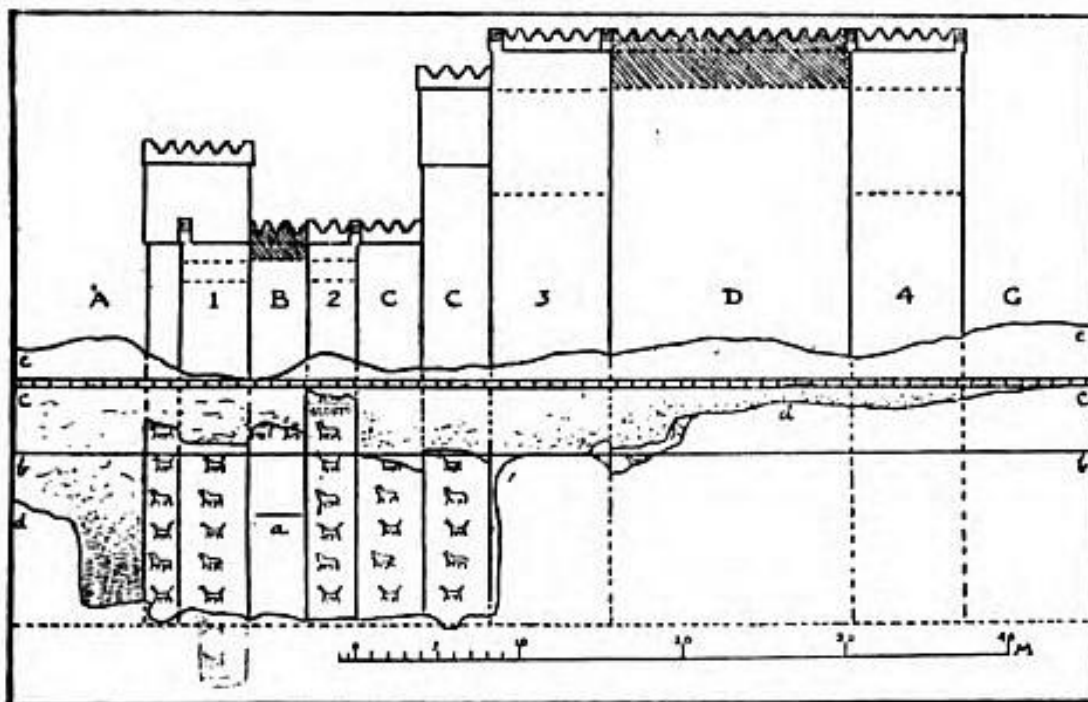

РИС. 15.

РАЗРЕЗ ВОРОТ ИШТАР.

Участок предположительно восстановлен, взгляд с запада на восток; указательные капители и цифры соответствуют указанным на рис. 14. А: Священный путь к северу от ворот. В: Ворота внешней стены. С: Двор ворот. D: Ворота внутренней стены. G: Священный путь к югу от ворот. 1, 2: Двери внешних ворот. 3, 4: Двери внутренних ворот, *a*: Следы мостовой. б: Уровень второго покрытия, с: Уровень последнего покрытия. *d*: Современный уровень земли, *e*: Уровень земли перед раскопками. Можно заметить, что все сохранившиеся части ворот находятся ниже уровня окончательного покрытия.

(После Андрэ.)

Таким образом, представляется более вероятным, что площадка между двумя воротами была оставлена открытой, а две внутренние арки[102] поднимались гораздо выше, чем арки внешних ворот.[103] И это тем более оправдано, что открытый двор давал бы гораздо больше света для просмотра замечательного декора ворот на их внутренних стенах.

На плане видно, что центральный проезд - не единственный вход в ворота; с каждой стороны от двух центральных ворот отходит по крылу, всего четыре крыла. Они также построены из жженого кирпича и служат для соединения ворот с двумя крепостными стенами из необожженного кирпича. В каждом крыле есть еще одна дверь, открывающая доступ в пространство между стенами. Таким образом, всего ворота имеют три отдельных входа и не менее восьми дверных проемов, четыре из которых расположены вдоль центральной проезжей части, а два - в каждом двойном крыле.

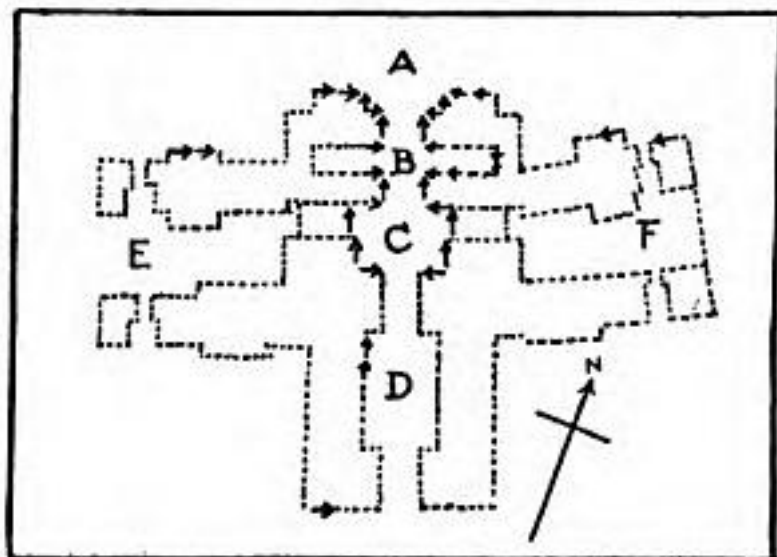

РИС. 16.

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ЗВЕРЕЙ В ВОРОТАХ ИШТАРА.

План ворот показан в общих чертах, стрелки указывают на положение быков или драконов, все еще находящихся на стенах. Голова каждой стрелки указывает в том же направлении, что и зверь, к которому она относится. Там, где звери не сохранились, фундамент сооружения обозначен пунктирной линией. Индексные буквы соответствуют буквам на рис. 14.

(По Колдевею.)

Вся поверхность стены ворот с северной стороны, как центральные башни, так и боковые крылья, была украшена чередующимися рядами быков и драконов в кирпичном рельефе, ряды располагались один над другим по поверхности стен и башен. Декор продолжается по всей внутренней поверхности центральных ворот и прослеживается вдоль южного фасада внутренних ворот. Звери расположены таким образом, что любому, кто входит в город, кажется, будто они выходят ему навстречу. На прилагаемой схеме^[104], где в общих чертах показан план ворот, стрелками обозначены позиции зверей, которые все еще находятся на стенах, а голова каждой стрелки указывает направление, в котором стоит животное. Можно заметить, что вдоль большинства стен, идущих на север и юг, звери обращены на север, в то время как на поперечных стенах они обращены внутрь, к центру. В камере В сохранилась одна торцевая стена, и там, в целях симметрии, два зверя стоят лицом друг к другу, продвигаясь с противоположных сторон. Было подсчитано, что на стенах и башнях ворот было изображено не менее пятисот семидесяти пяти этих существ. Некоторые стены с последовательными ярусами зверей до сих пор сохранились на высоте двенадцати метров. Лучше всего сохранились две восточные башни внешних ворот, и даже в своем нынешнем состоянии они дают представление о былом великолепии здания.

В большей части сохранившейся конструкции видно, что кирпичная кладка была выполнена очень грубо, а битум, использовавшийся в качестве раствора, остался там, где он сочился между рядами. Объясняется это тем, что сохранившиеся части ворот на самом деле являются фундаментом здания, и их всегда предполагалось заглубить ниже уровня тротуара. Очевидно, что во время строительства ворот высота проезжей части постоянно увеличивалась, и на ней видны следы двух временных тротуаров,^[105] впоследствии засыпанных, когда был достигнут окончательный уровень тротуара^[106].^[107] Видимая часть ворот над последним тротуаром была полностью

разрушена, но среди ее *обломков* были найдены тысячи фрагментов тех же двух животных, но из эмалированного кирпича яркой расцветки, белого и желтого на голубом фоне . Некоторые из них были кропотливо собраны в Берлине, а образцы теперь выставлены в Музее кайзера Фридриха и в Императорском османском музее в Константинополе. Только один фрагмент эмалированной части стены был найден на месте,[\[108\]](#) , и тот находился ниже окончательного покрытия. На нем изображены ноги быка над полосой из розочек с желтыми центрами.[\[109\]](#)

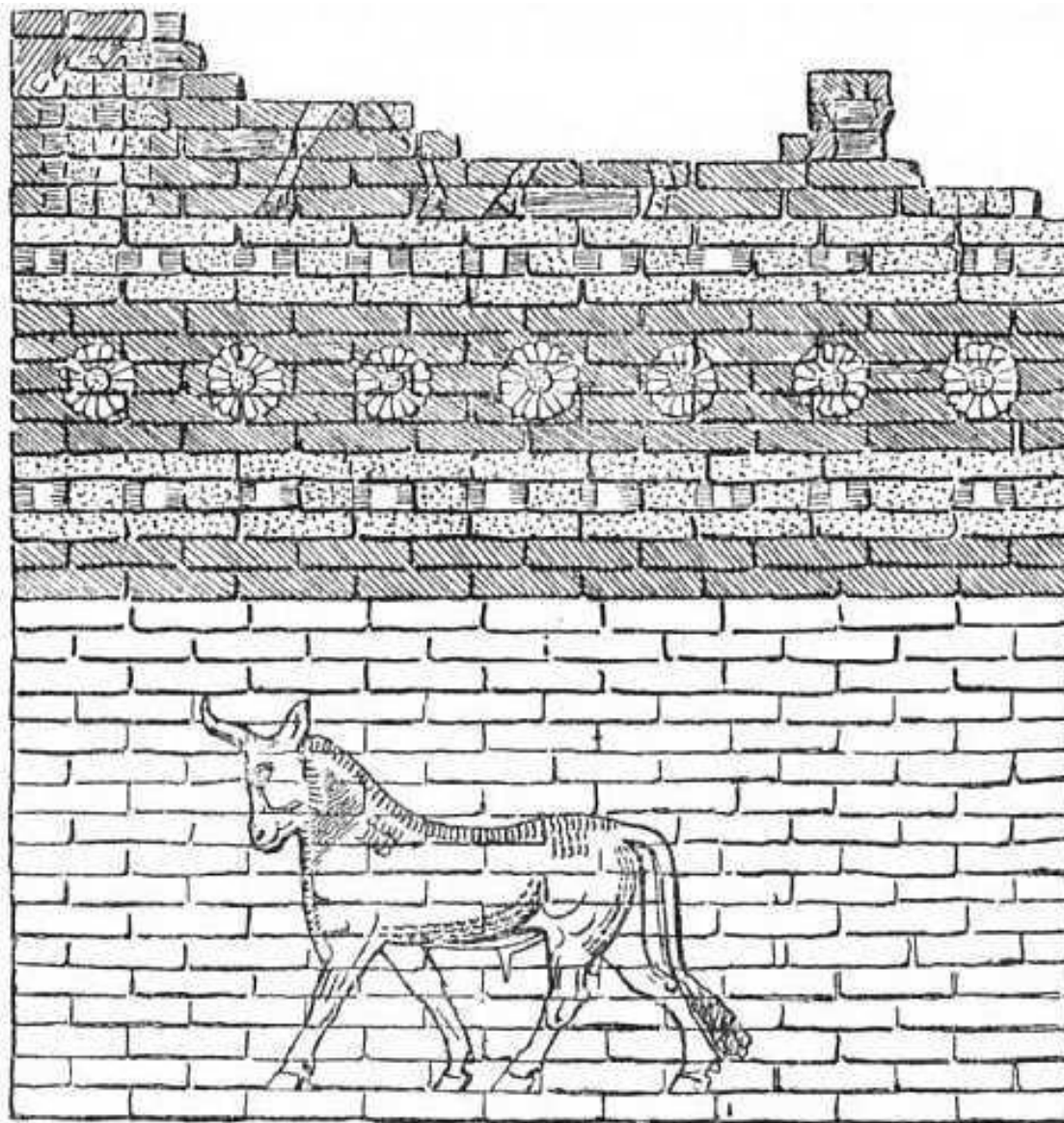

РИС. 17.

ЭМАЛИРОВАННЫЙ ФРАГМЕНТ ВОРОТ ИШТАРА НА МЕСТЕ.

Этот фрагмент, который был самой высокой частью ворот, сохранившейся до наших дней, относится к восточной стороне второго дверного проема внешних ворот; см. рис. 14 и 15, № 2. Она находится чуть ниже уровня мостовой, и эмалирована только ее верхняя часть.

Тонкая лепка фигур в некоторой степени затушевана на образцах фундамента, но недостатки, которые там видны, полностью отсутствуют в эмалированной серии. Изучение последних показывает, что кирпичи были отформованы отдельно, а перед нанесением эмали были

обожжены обычным способом. Затем контуры фигур очерчивались черной стекловидной пастой, после чего поверхности заполнялись цветными жидкими эмалями. Паста для черных контуров и цветные эмали, очевидно, имели одинаковую температуру плавления, так как при обжиге они иногда переливались друг в друга, придавая композиции мягкость и приятное разнообразие тонов.^[110] Следует добавить, что эмалированные звери, как и те, что выполнены из обычного кирпича, слегка рельефны - для обоих случаев использовались одни и те же формы.

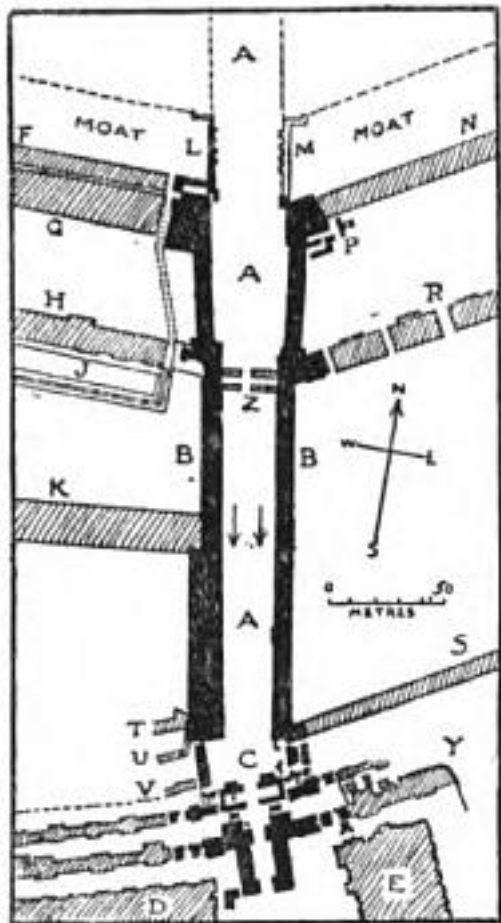

РИС. 18.

ПЛАН БОЛЕЕ ПОЗДНИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЦИТАДЕЛИ НА СЕВЕРЕ С
ИЗОБРАЖЕНИЕМ СТЕН С ЛЬВИНЫМ ФРИЗОМ И ВОРОТ ИШТАР.

A: Священный путь. Б, В: Стены с львиным фризом, фланкирующие Священный путь. В: Ворота Иштар. D: Северо-восточный угол дворца. E: Храм Нинмах. F: Передняя стена Северной цитадели. G: Северная стена Северной цитадели. H: Северная стена Главной цитадели. J: Широкий канал, идущий от Евфрата, для снабжения Главной цитадели. K: Старая стена Главной цитадели. L, M: Стены рва, поддерживающие дамбу, через которую проходила дорога; та, что на восточной стороне, еще не раскопана. N: Продолжение северной стены Северной цитадели в восточном направлении. P: Лестница или пандусы, поднимающиеся к проезжей части. R: Продолжение стены Главной цитадели в восточном направлении. S: Южная стена восточных флигелей. T, U, V: Концы поперечных стен Главной цитадели. Y: Набережная реки персидского периода. Z: Грубые кирпичные стены с дверными проемами, образующие временные ворота, засыпанные под последним слоем мостовой. N.B. - Две стрелки указывают направление, в котором львы изображены на фризе.

До неовавилонского периода ворота Иштар защищали северный вход в город и, вероятно, представляли собой массивное сооружение из необожженного кирпича без внешнего декора. Но после возведения внешней городской стены они стали второй линией обороны. А когда Навуходоносор расширил укрепления самой цитадели с северной стороны, она еще больше утратила свое стратегическое значение, а благодаря своему внутреннему положению стала подходящим объектом для искусства декоратора. Весь проезд через эти внешние оборонительные сооружения он обрамлял мощными стенами толщиной в семь метров, тянувшимися от ворот на север до самой внешней стены и рва.^[111] Их огромная прочность диктовалась тем, что в случае проникновения врага за внешнюю городскую стену ему пришлось бы пройти между ними под огнем гарнизона, чтобы добраться до ворот цитадели. Но они, как и сами ворота, были второстепенной или внутренней защитой, и поэтому, как и они, были тщательно украшены. Сторона каждой стены, выходящая на проезжую часть, была украшена длинным фризом со львами, выполненным в низком рельефе и покрытым блестящей эмалью, , которые были изображены продвигающимися на юг к воротам Иштар. Поверхность каждой стены была разбита на панели рядом слегка выступающих башен, каждая из которых, вероятно, содержала двух львов, а цоколь под фризом львов был украшен розетками. Судя по всему, вдоль каждой стены было шестьдесят львов. Некоторые из них были выполнены в белой эмали с желтыми гривами, другие - в желтой и с красными гривами,^[112] и они выделялись на светло- или темно-синем фоне. Поскольку они сопровождали быков и драконов, изображенных на воротах, мы можем в некоторой степени представить себе эффект, производимый на чужестранца, впервые входящего во внутренний город Вавилона.

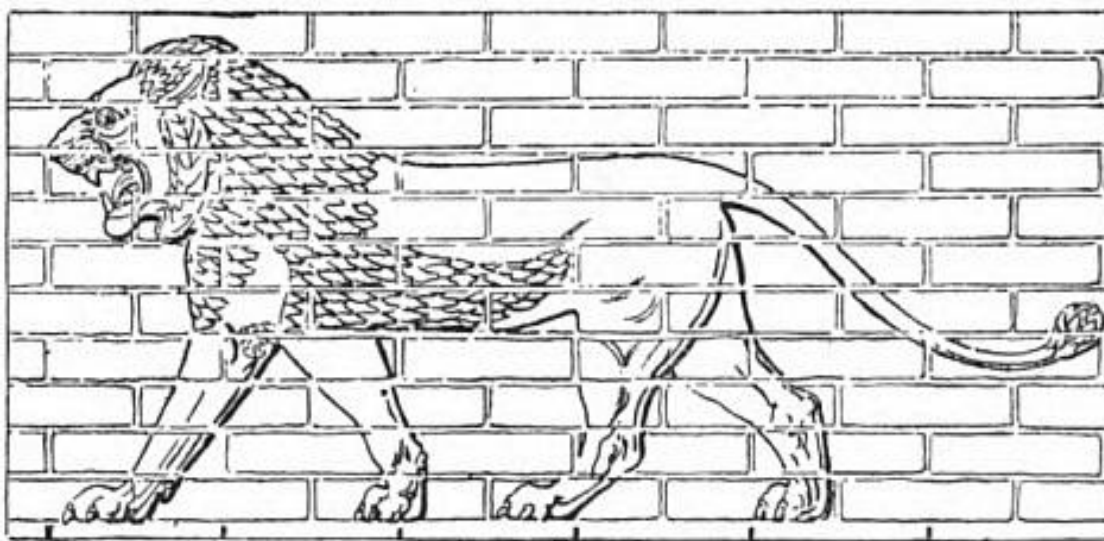

РИС. 19.

ЛЕВ С ФРИЗА СВЯЩЕННОГО ПУТИ К СЕВЕРУ ОТ ВОРОТ ИШТАР.

Пройдя через ворота Иштар, чужестранец был бы поражен широкой улицей Процессий,^[113] , которая шла своим длинным путем прямо через город с севера на юг, с великими храмами по обе стороны. До сих пор сохранился ее фундамент из жженого кирпича, покрытый битумом, на котором, к югу от ворот, покоится мостовая из массивных флажков, в центре из мелкого твердого известняка, по бокам из красной брекчии с белыми прожилками. В надписях на краях этих тротуарных плит, ранее скрытых асфальтовым раствором, Навуходоносор хвастается, что вымостил улицу Вавилона для шествия великого повелителя Мардука, которому он молится о вечной жизни.^[114] Сохранившиеся плиты отполированы от усердного использования, но, в отличие от тротуаров Помпеи, на них нет колеи или углублений, которые можно было бы ожидать

от колесниц более позднего периода. Возможно, что, учитывая ее священный характер, дорога использовалась только для пеших пассажиров и носильных животных, за исключением тех случаев, когда царь и его свита проезжали по ней через город. В любом случае, не считая военных и государственных колесниц, колесного транспорта в Вавилонии, вероятно, было очень мало в любое время.

Когда цитадель заканчивается, дорога спускается по постепенному склону на уровень равнины и, сохраняя прежнюю ширину, проходит справа от храма, посвященного Иштар Аккадской.^[115] Продолжая двигаться на юг, она на небольшом расстоянии с востока окаймляется улицами частных домов, фундаменты которых были вскрыты в кургане Меркес;^[116] и с западной стороны она проходит под огромными перилами Э-темен-анки, Вавилонской башни.^[117] До главных ворот Этемен-анки^[118] их фундамент выложен из жженого кирпича, над которым находилось верхнее мощение, полностью сложенное из брекчий. Надпись на плитах соответствует надписи на брекчиевой брусчатке напротив цитадели, но, очевидно, они были переделаны из более ранней мостовой Сеннахериба, чье имя было написано на нижней стороне некоторых из них. Эта более ранняя мостовая Священного пути Вавилона, должно быть, была уложена этим монархом до того, как он изменил свою примирительную политику в отношении южного царства. У юго-восточного угла периболоса дорога поворачивает под прямым углом и проходит между периболосом и Э-сагилой, большим храмом города-бога, проходит через ворота в речной стене, построенной Набонидом, и через мост через Евфрат, прежде чем снова повернуть на юг в направлении Борсиппы.^[119] Это ответвление дороги между Вавилонской башней и Э-сагилой^[120], несомненно, является продолжением улицы процессий. Ведь она не только была путем подхода к храму Мардука, но и ее ход был точно прослежен раскопками. Но нет никаких сомнений в том, что верхняя часть дороги, идущая на север и юг через город, была продолжена по прямой линии от того места, где Священный путь разветвлялся. По ней проходил важный поток транспорта к главным воротам в южной городской стене, проходя по пути между храмами, посвященными богу Нинибу и еще одному божеству, пока не установленному.^[121]

СВЯЩЕННЫЙ ПУТЬ ВАВИЛОНА

Помимо царских дворцов, пять вавилонских храмов были главными зданиями в городе, и их раскопки пролили совершенно новый свет на наши представления о религиозной архитектуре страны. Планы четырех из них теперь выяснены полностью, и, следовательно, мы можем составить некоторое представление об общих принципах, по которым были устроены эти здания. Первым был раскопан небольшой храм Э-мах, посвященный богине Нинмах, который, как мы уже видели, был построен на самой цитадели, в северо-восточном углу открытого пространства к югу от ворот Иштар. Его главный фасад обращен на северо-запад, а поскольку восточный вход в ворота Иштар открывается как раз напротив угла храма, через него была переброшена стена с дверным проемом, перекрывавшая проход между храмом и укреплением.^[122] Единственный вход в храм находился в центре фасада, а в проходе прямо перед ним, окруженный вымосткой из жженого кирпича, располагался небольшой алтарь из сырцового кирпича.^[123] Интересно, что единственный другой алтарь, найденный в Вавилоне, тоже из сырцового кирпича и занимает точно такое же место, за пределами храма и прямо напротив главного входа;^[124] в то время как в третьем храме, хотя сам алтарь исчез, мощенная площадка, которая его окружала, все еще видна.^[125] Таким образом, мы можем сделать вывод, что это нормальное положение алтаря в вавилонском культе; и это полностью подтверждает заявление Геродота о том, что два алтаря Белуса находились вне его храма.^[126] Один из них, говорит он, был из чистого золота, на котором разрешалось приносить в жертву только грудных детей; другой был обычным алтарем (несомненно, из сырцового кирпича), но огромного размера, на котором приносили в жертву взрослых животных. Именно на большом алтаре халдеи сжигали ладан, который, по словам Геродота, ежегодно приносили в жертву на празднике бога весом в тысячу талантов.

Можно также отметить, что такое внешнее расположение алтаря соответствует древнееврейскому обычаю, согласно которому главный алтарь воздвигался во внешнем дворе перед самим храмом. Так, медный алтарь Соломона, который под финикийским влиянием занял место прежних алтарей из земли или неотесанного камня,^[127] стоял перед храмом.^[128] Жертвенник в еврейском храме был из кедрового дерева,^[129] и явно не был постоянным сооружением, вмонтированным в мостовую, поскольку Иезекииль называет его "столом" и говорит, что он "был из дерева".^[130] Это был скорее стол для приношений, и можно предположить, что в прежние времена он служил столом, на который ставили хлебы перед Яхве.^[131] Полное отсутствие каких-либо следов постоянного алтаря в вавилонских храмах может быть связано только с аналогичной практикой; алтари или столы в святилищах должны были быть легкими деревянными конструкциями, и они, вероятно, были унесены или сожжены, когда храмы были разрушены. Конечно, нет необходимости рассматривать это сходство как результат прямого культурного влияния или заимствования. Но мы можем с уверенностью заключить, что здесь мы имеем пример параллелизма в религиозном ритуале между двумя расами одного и того же семитского племени. Какова была шумерская практика в этом отношении, мы пока не можем установить; но в таких деталях культа вполне возможно, что семитские вавилоняне заменили свои собственные традиционные обычаи на любые другие, которые они могли найти в стране своего принятия.

Сам храм Нинмах, как и все другие в Вавилоне, был построен из грубого кирпича, и хотя его стены были покрыты тонкой штукатуркой или известковым раствором, только простейшей форме черно-белого декора, и то очень скупо.^[132] Тот факт, что практика строительства из глинобитного кирпича продолжалась в то время, когда обожженный и эмалированный кирпич использовался для отделки королевских дворцов, вероятно, следует объяснить религиозным консерватизмом. Архитектурный замысел по сути не отличается от того, что использовался для зданий военного характера. Видно, что длинные внешние стены Э-маха напоминают фортификационные сооружения, их поверхность разбита слегка выступающими башнями, установленными через равные промежутки.^[133] Большие прямоугольные башни обрамляют ворота, а две другие, уменьшающиеся в размерах и, вероятно, в высоте, расположены по обе стороны от них.

Вертикальные желобки, пересекающие внешние грани башен сверху вниз, представляют собой характерную форму украшения храмов, которая никогда не встречается на зданиях светского характера. Они могут быть либо простыми прямоугольными желобками, либо, как правило, как в Е-махе, ступенчатыми, если смотреть в разрезе. [134]

Во всех важных дверных проемах храмов фундаментные отложения зарывались в небольшие ниши или ящики, сложенные из шести кирпичей и спрятанные ниже уровня мостовой. Найденные на месте отложения, как правило, сделаны из обожженной глины, и наиболее часто встречаются небольшие фигурки бога Папсукала. Одна из них в храме Нинмах была выполнена в виде птицы, несомненно, священной для богини. Есть явные свидетельства того, что целью их захоронения было обеспечение безопасности входа как от духовных, так и от человеческих врагов. В дополнение к этой магической защите вход был дополнительно защищен двойными дверями, шарниры которых были отделаны бронзой и вращались в массивных каменных гнездах. Обычный способ крепления таких дверей с помощью засовов был дополнен в случае с Э-мах балкой, упирающейся в двери и вставляющейся нижним концом в гнездо в мостовой. Поскольку храм находился в пределах укреплений цитадели, была предусмотрена возможность того, что его придется защищать от нападения, как и светские здания в непосредственной близости от него.

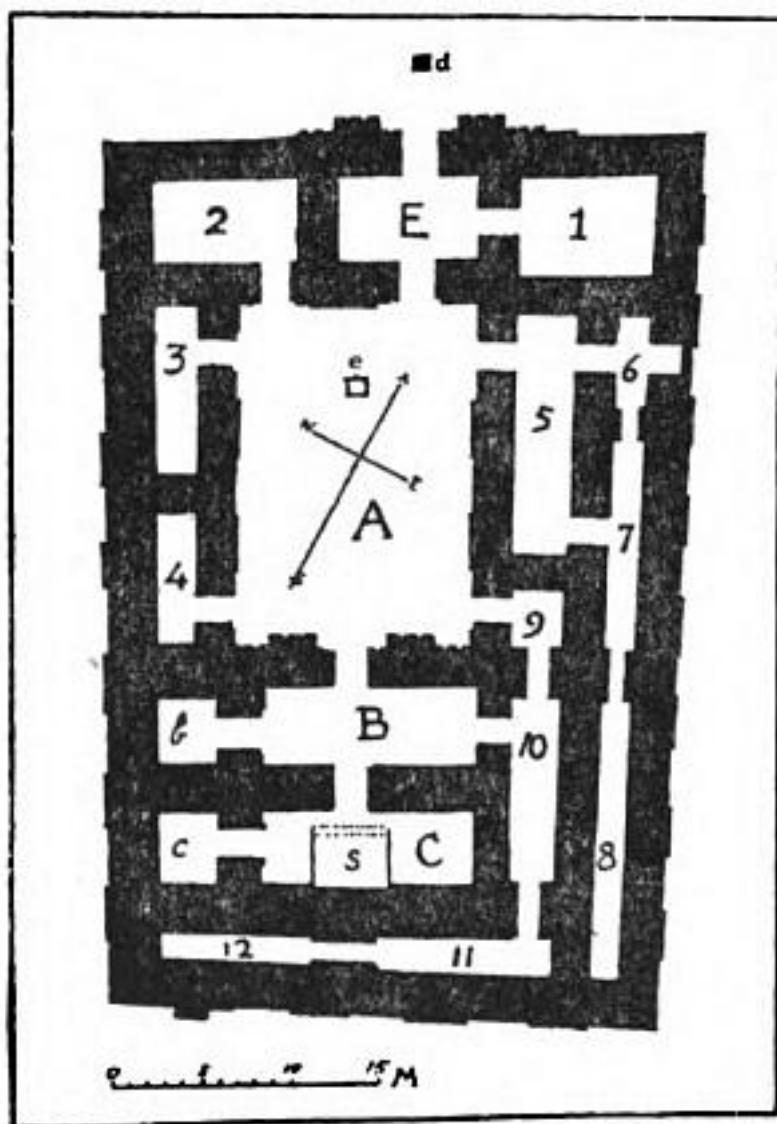

РИС. 20.

ПЛАН Э-МАХ.

А: Открытый двор. В: Преддверие святилища. С: Святилище. Е: Входная камера, или вестибюль, в храм, *b*: Служебное помещение для Преддверия, *c*: Служебный зал для святилища, *d*: Алтарь из сырцового кирпича, *e*: Колодец, *s*: Дейс, или постамент, для статуи Нинмаха. 1: Комната носильщиков. 2-4: апартаменты священников или кладовые. 5, 6, 9, 10: Камеры, дающие доступ к узким проходам. 7, 8, 11, 12: Узкие проходы, возможно, содержащие лестницы или пандусы на крышу.

(После Андрэ.)

Пройдя через входную камеру Э-маха, из которой открывается служебное помещение для хранителей, мы попадаем на большую открытую площадку, [135] окруженную со всех сторон дверными проемами, ведущими в квартиры и кладовые жрецов и в святилище. Последнее находится на юго-восточной стороне, напротив входа во двор, и, как и главные ворота храма, фасад святилища и фланкирующие башни его дверного проема были украшены ступенчатыми желобками. В само святилище можно попасть через прихожую, из которой слева открывается небольшое служебное помещение. У задней стены святилища, прямо напротив дверей, стояло культовое изображение богини, видимое с открытого двора; оно исчезло, но фундамент низкого помоста или постамента, на котором оно стояло, сохранился.

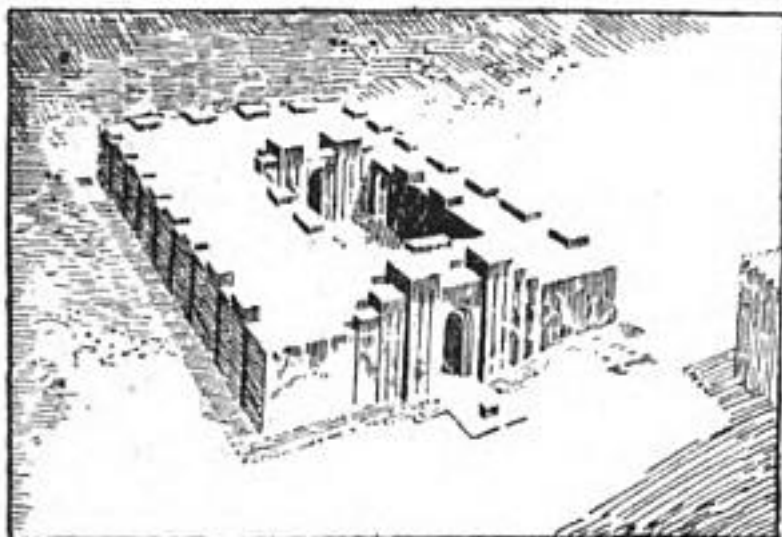

РИС. 21.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ Э-МАХ, ХРАМА БОГИНИ НИНМАХ.

Вид открывается с севера. Ровная отделка верхушек стен и башен соответствует одной из теорий реконструкции. Соединительная стена между храмом и восточным крылом ворот Иштар опущена для упрощения рисунка.

(После Андрае.)

Длинный узкий проход за святилищем [136] был сначала задуман его первооткрывателем как служивший тайной цели жречества. Предполагалось, что он мог давать доступ к скрытому отверстию в задней стене святилища, за изображением богини, откуда можно было изрекать оракулы с ее властью. Но точно такой же проход есть и вдоль северо-восточной стены; и мы, вероятно, можем принять более прозаическое объяснение, что в них находились пандусы или лестницы, ведущие на плоскую крышу, хотя зачем понадобилось два таких прохода, оба в одном конце здания, неясно. [137] Точное назначение других камер, выходящих во двор, невозможно определить с уверенностью, поскольку в них не было найдено ничего, что указывало бы на то,

служили ли они квартирами для жрецов или магазинами для храмовых запасов. Кроме нескольких votивных терракотовых фигурок, никаких культовых предметов обнаружено не было. Но вокруг помоста для изображения богини, колодца во дворе для люстральной воды и небольшого алтаря из сырцового кирпича перед входом в храм можно представить в воображении некоторые из обрядов, о которых говорится в вавилонских религиозных текстах.

Как мы уже видели в случае с дворцовыми постройками, верхняя структура всех храмов была полностью разрушена, так что теперь неясно, как были отделаны верхушки стен и башен. В предполагаемом восстановлении храма Нинмаха[138] верхние части оставлены совершенно чистыми. И это представляет собой одну из теорий реконструкции. Но также возможно, что стены были увенчаны ступенчатыми башенками, характерными для военной архитектуры. В восстановлении ассирийских зданий, как светских, так и религиозных, большую помощь оказали скульптурные барельефы, которыми были облицованы стены дворцов. Сцены на них включают множество изображений зданий, и, если учесть использованные условности, с их помощью можно достичь значительной степени достоверности в изображении внешнего облика зданий, от которых сейчас остались только нижние ярусы стен. Нехватка камня в Вавилонии и, как следствие, отсутствие настенных рельефов лишили нас этого источника информации в случае с южным царством. Единственным прямым свидетельством по этому вопросу является рисунок, выбитый по контуру на прямоугольной золотой бляшке, найденной вместе с другими фрагментами золота и украшений в остатках роскошного захоронения в структуре дворца Набополассара.[139] Время захоронения определено точно, так как могила, в которую был помещен большой саркофаг из керамики, была закрыта кирпичами Навуходоносора, который впоследствии построил на ее месте свою крепостную стену. Поэтому она должна относиться к более раннему периоду его правления, и доктор Колдевей высказывает предположение, что, возможно, это была гробница самого Набополассара.[140] Как бы то ни было, могила, безусловно, относится к раннему неовавилонскому периоду, и архитектурный дизайн на золотой табличке можно считать хорошим доказательством того времени.

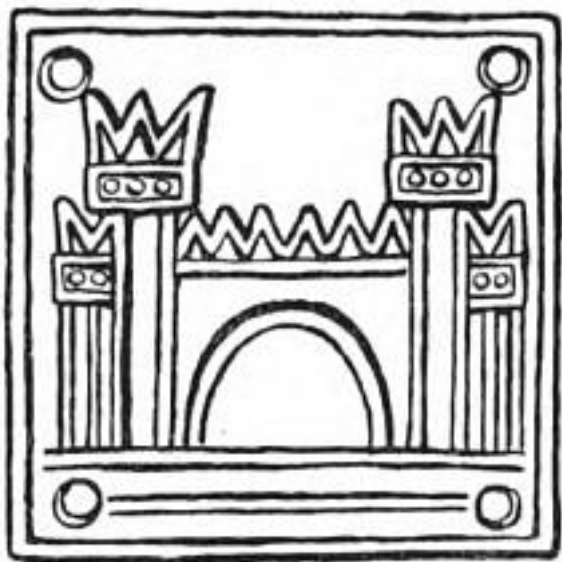

РИС. 22.

ЗОЛОТАЯ БЛЯШКА С АРХИТЕКТУРНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ НЕОВАВИЛОНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ.

Гравировка на бляшке изображает городские ворота с фланкирующими башнями и ступенчатыми бойницами. (Увеличение по фотографии, автор Колдевей).

Бляшка служила главным украшением браслета-цепочки, маленькие колечки проходили через отверстия в ее четырех углах и служили для крепления ее к более крупным звеньям цепочки. На ней ювелир изобразил ворота с арочным проемом, фланкированные башнями, которые возвышаются над стенами главного здания. Над каждой башней возвышается выступающее верхнее строение, пронизанное небольшими круглыми бойницами, и обе башни, и стены увенчаны треугольными бойницами. Последние, очевидно, должны быть ступенчатыми, поскольку граверу не хватило места, чтобы изобразить эту деталь в проекте столь малого масштаба. По всей видимости, это очертания укрепленных городских ворот, и это полностью оправдывает использование ступенчатых башен при реконструкции военных зданий того периода. Были ли храмы оформлены таким же образом в чисто декоративных целях, не так ясно. Некоторое представление о внешнем виде одного из них, восстановленного по этой альтернативной гипотезе, можно получить из возвышения неопознанного храма, известного как "Z", которое приведено на рис. 24.

Важно, что восстановлены планы не менее четырех вавилонских храмов, так как видно, что основные черты, уже отмеченные в храме Нинмаха, всегда повторяются.^[141] В каждом из них храмовые здания расположены вокруг открытого двора, доступ к которому осуществляется через один или несколько входов с притворами. Дверные проемы в храм и в святилище обрамлены рифлеными башнями, а в самом святилище культовая статуя стояла на низком помосте, видимом со двора.

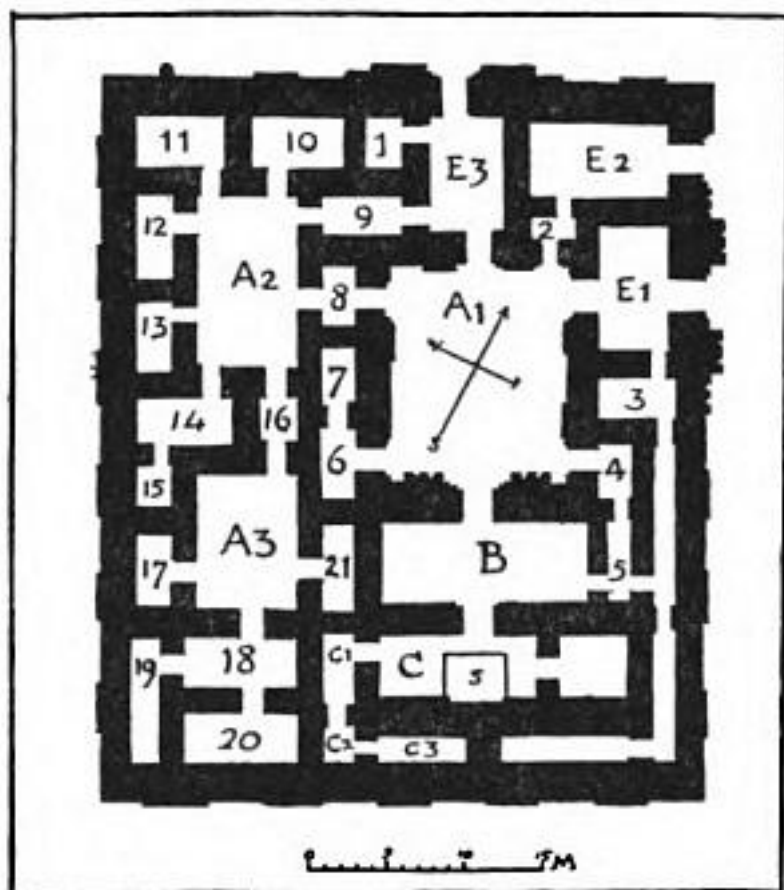

РИС. 23.

ПЛАН НЕОПОЗНАННОГО ХРАМА, ИЗВЕСТНОГО КАК "Z".

A1: Главный двор храма. A2, A3: Вспомогательные дворы. B: Преддверие святилища. C: Святилище. E1, E2, E3: Входные покои, или притворы, в храм, d, c2, c3: Служебные помещения для

святилища, s: Dais, или postament, для культовой статуи. 1-3: Комнаты носильщиков. 4, 5: Камеры с выходом в узкий проход, возможно, содержащий лестницу или пандус на крышу. 6, 7: Апартаменты или кладовые жрецов. 8, 9: Входные палаты в жилые помещения. 10-15: Помещения для священников-резидентов вокруг N.-W. Двор. 16: Входная палата во Внутренний двор. 17-21: Помещения для священников-резидентов вокруг Внутреннего двора.

(После Андрэ.)

Однако при таком общем сходстве все они имеют свои особенности. Храм "Z", например, точно прямоугольный в плане и разделен на две отдельные части, назначение которых можно легко предположить. Большая и восточная часть, выходящая на большой двор, очевидно, была посвящена служению божеству. Там, на южной стороне, находится святилище и его прихожая, а у южной стены - помост для эльфийского изображения. Западная часть сгруппирована вокруг двух небольших дворов, и, поскольку ее расположение напоминает частный жилой дом, мы можем считать ее покоями жреца-резидента. Среди других примечательных особенностей - три служебные палаты при святилище и три отдельных входа в сам храм, каждый со своим притвором и комнатой для носильщиков. Но есть только один узкий проход, частично простирающийся за святилищем и содержащий, как предполагается, пандус или лестницу на крышу. Перед северными воротами, вероятно, находился алтарь, как показано в реставрации, но сохранилась только мощеная площадка, на которой он стоял.

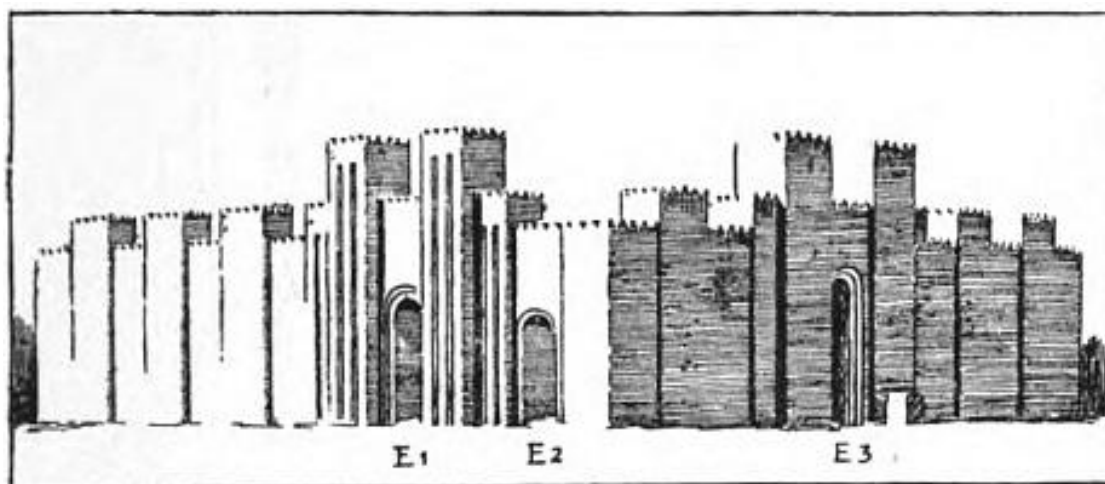

РИС. 24.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ НЕОПОЗНАННОГО ХРАМА, ИЗВЕСТНОГО КАК "Z".

Вид открывается с точки, расположенной прямо напротив северного угла храма. Ступенчатые элементы стен и башен, заимствованные из военной архитектуры, здесь приняты в соответствии с одной из теорий реконструкции. (По Андреае и Кольдевеу.)

В храмах, посвященных Иштар Аккадской и богу Нинибу, святилища находятся на западной стороне большого двора, а не на южной, как в тех, что мы уже рассмотрели. Таким образом, похоже, что для святилища не существовало специального места, хотя сами храмы обычно строились так, чтобы их углы были направлены примерно на кардинальные точки.^[142] В храме Иштар были замечены безошибочные следы простой формы настенного декора, который, похоже, использовался во всех храмах Вавилона. В то время как стены в целом были окрашены в мертвенно-белый цвет с помощью тонкой гипсовой краски, некоторые из наиболее заметных частей, такие как главный вход, дверной проем, ведущий в святилище, и ниша за статуей богини, были промыты черным асфальтом в растворе, каждая почерневшая поверхность была украшена у

своего края белыми полосами или линиями-бордюрами. Контраст цвета, создаваемый этим черно-белым декором, должен был поражать своим эффектом; несомненно, как и материал зданий - сырцовый кирпич, он достался в наследство от прежних времен и обязан своим сохранением традиционному религиозному значению.

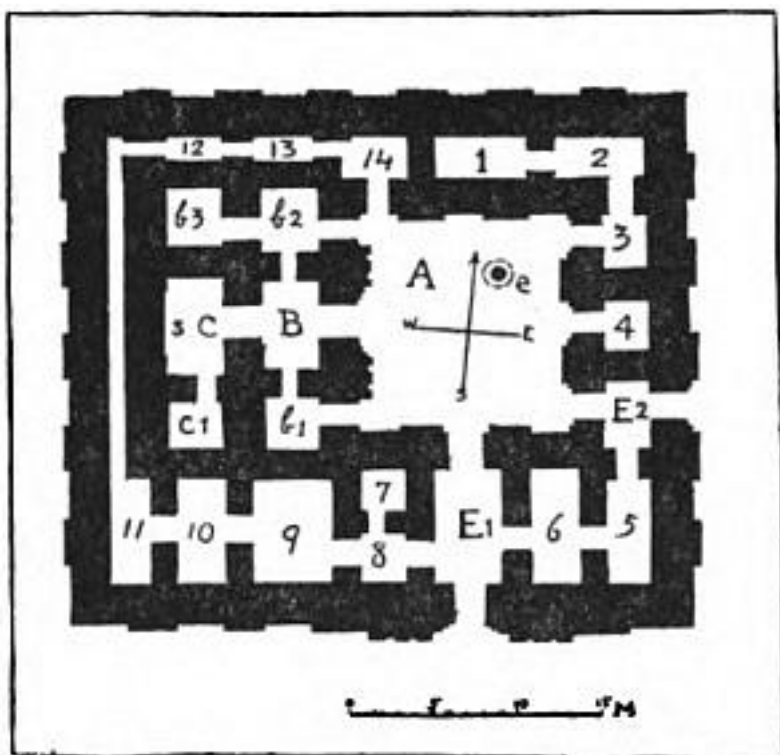

РИС. 25.

ПЛАН ХРАМА ИШТАРА В АККАДЕ.

A: Открытый двор. B: Преддверие святилища. C: Святилище. E1, E2: Входные покои, или вестибюли, в храм. b1, b2, b3: Служебные помещения для Преддверия, d: Служебная комната для святилища, e: Колодец, s: Положение статуи Иштар на помосте или постаменте против ниши в задней стене святилища. 1-4: Апартаменты или кладовые жрецов. 5-7: Комнаты носильщиков. 8: Входная камера в небольшой внутренний двор. 9: Небольшой открытый двор, в котором находились два круглых магазина или зернохранилища. 10-14: Камеры, вероятно, использовавшиеся как кладовые, дающие доступ к узкому проходу, в котором, возможно, находилась лестница или пандус на крышу.

(После Ройтера.)

В храме Ниниба два дополнительных святилища фланкируют основное, каждое имеет свой вход и помост или постамент для статуи. Вероятно, боковые святилища были посвящены поклонению вспомогательным божествам, каким-то образом связанным с Нинибом, поскольку храм в целом был посвящен только ему. Об этом мы узнаем из закладных цилиндров Набополассара, погребенных под мостовой святилища, которые рассказывают о том, как царь возвел здание в свою честь на более раннем фундаменте, после того как он отбросил ногу ассирийца от земли Аккада и сбросил его тяжелое иго.^[143] Вполне уместно, что он таким образом выразил свою благодарность богу войны.

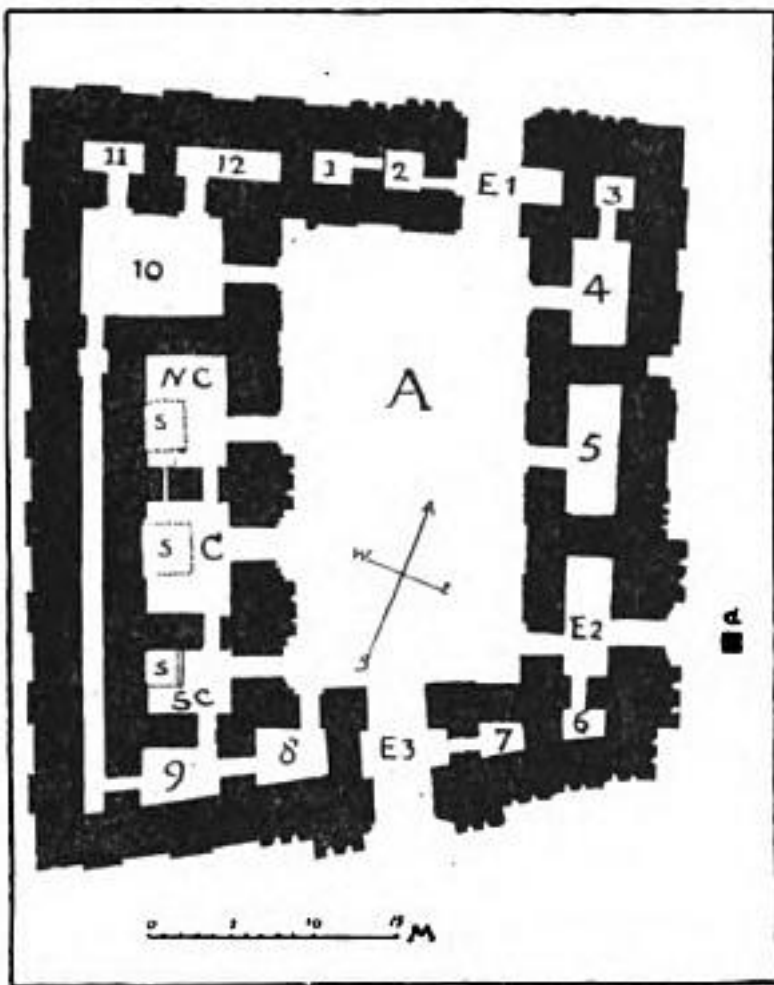

РИС. 26.

ПЛАН ХРАМА НИНИБА.

А: Открытый двор. С: Святилище Ниниба. NC, SC: вспомогательные святилища для других божеств, s, s, s: Постаменты для статуй Ниниба и других божеств, установленные в нишах в стене прямо напротив входов. E1, E2, E3: Входные покои или притворы, в храм, d: Алтарь из сырцового кирпича. 1, 2, 6, 7: комнаты носильщиков. 3-6, 11, 12: квартиры или кладовые жрецов. 10: Небольшой открытый двор. 8, 9: Камеры, дающие доступ к узкому проходу за святилищами, в котором, возможно, находилась лестница или пандус на крышу.

(После Андрае.)

Самым интересным храмом Вавилона, естественно, является тот, что посвящен поклонению городу-богу. Это была знаменитая Э-сагила, большая часть которой до сих пор покоится на глубине около двадцати одного метра под поверхностью Телль-Амрана.^[144] Его основная часть, лежащая на западе, практически квадратная в плане, и, как и меньшие храмы города, состоит из палат, сгруппированных вокруг открытого двора; но их расположение здесь гораздо более симметрично.^[145] В центре каждой стороны находились большие ворота, где во времена Нериглиссара стояли восемь бронзовых змей, по паре возле каждого входа.^[146] Восточные ворота, несомненно, были главными, так как они дают доступ к внутреннему двору через один большой вестибюль или входную камеру, что разительно отличается от меньших вестибюлей на северной и южной сторонах, из которых во двор можно попасть только через боковые коридоры.^[147] Вокруг большого двора внутри храма симметрично расположены дверные

проемы и башни. На западной стороне , как можно судить по фасаду и возвышающемуся входу, находилось святилище Мардука. Это был Э-куа из надписей, который, по словам Навуходоносора, он сделал сияющим, как солнце, покрыв его стены золотом, словно гипсовой штукатуркой, - фраза, напоминающая о грязи и гипсе, которыми были вымыты другие храмы. "Лучшие из моих кедров, - говорит он, - которые я привез из Ливана, благородного леса, я выискал для кровли Экуа, владычной палаты [Мардука]; могучие кедры я покрыл сверкающим золотом для кровли Экуа".[148] О щедром использовании золота в отделке храма свидетельствует Геродот, который утверждает, что в этом, "нижнем храме"[149] находилась большая сидящая фигура Зевса, которая, как и трон, помост и стол перед ним, была сделана из золота, причем вес этого металла составлял восемьсот талантов.[150]

VI. Два вида храма Ниниба в процессе раскопок.

Идентификация храма стала очевидной после обнаружения кирпичей с надписями на более ранних мостовых, ниже мостовых Навуходоносора. Надписи на кирпичах из двух мостовых Ашшур-бани-пала гласят, что этот ассирийский царь сделал "кирпичи из Э-сагила и Э-темен-анки", а на более старом кирпиче, который он использовал повторно и на котором было написано имя Эсархаддона, определенно указано, что он был частью мостовой Э-сагила.^[151] До этих мостовых можно было добраться через открытый котлован в Телль-Амране, протяженностью около сорока метров в каждую сторону. На выемку грунта до уровня мостовой ушло не менее восьми месяцев, и, по оценкам, в ходе работ было вывезено около тридцати тысяч кубометров земли. Поэтому неудивительно, что палаты на западной стороне двора, включая святилище Мардука, до сих пор остаются закрытыми курганом. Дополнительное святилище на северной стороне двора было расчищено, и это место представляет значительный интерес, если, как предполагает доктор Колдевей, оно было посвящено Эа. Ведь в эллинистический период Эа отождествлялся с Сераписом, и если окажется, что это было его святилище, то именно сюда отправлялись генералы Александра во время его болезни, когда спрашивали у бога, не следует ли отнести его сюда для исцеления.^[152]

К северу от храма Мардука возвышался его зиккурат - Вавилонская башня, известная вавилонянам всех времен как Э-темен-анки, "Дом фундамента неба и земли". Она стояла в пределах своего Периболоса, или священного участка, обозначенного сейчас плоской местностью или равниной, которую местные арабы называют Сахн, "сковорода".^[153] Территория башни была окружена ограждающей стеной, украшенной бесчисленными рифлеными башнями, вдоль восточной и южной сторон которой до сих пор можно проследить Священный путь.^[154] С внутренней стороны стены, по всему ее периметру, простиралось огромное количество зданий, посвященных культу бога города и образующих, по выражению их первооткрывателя, настоящий Вавилонский Ватикан.^[155]

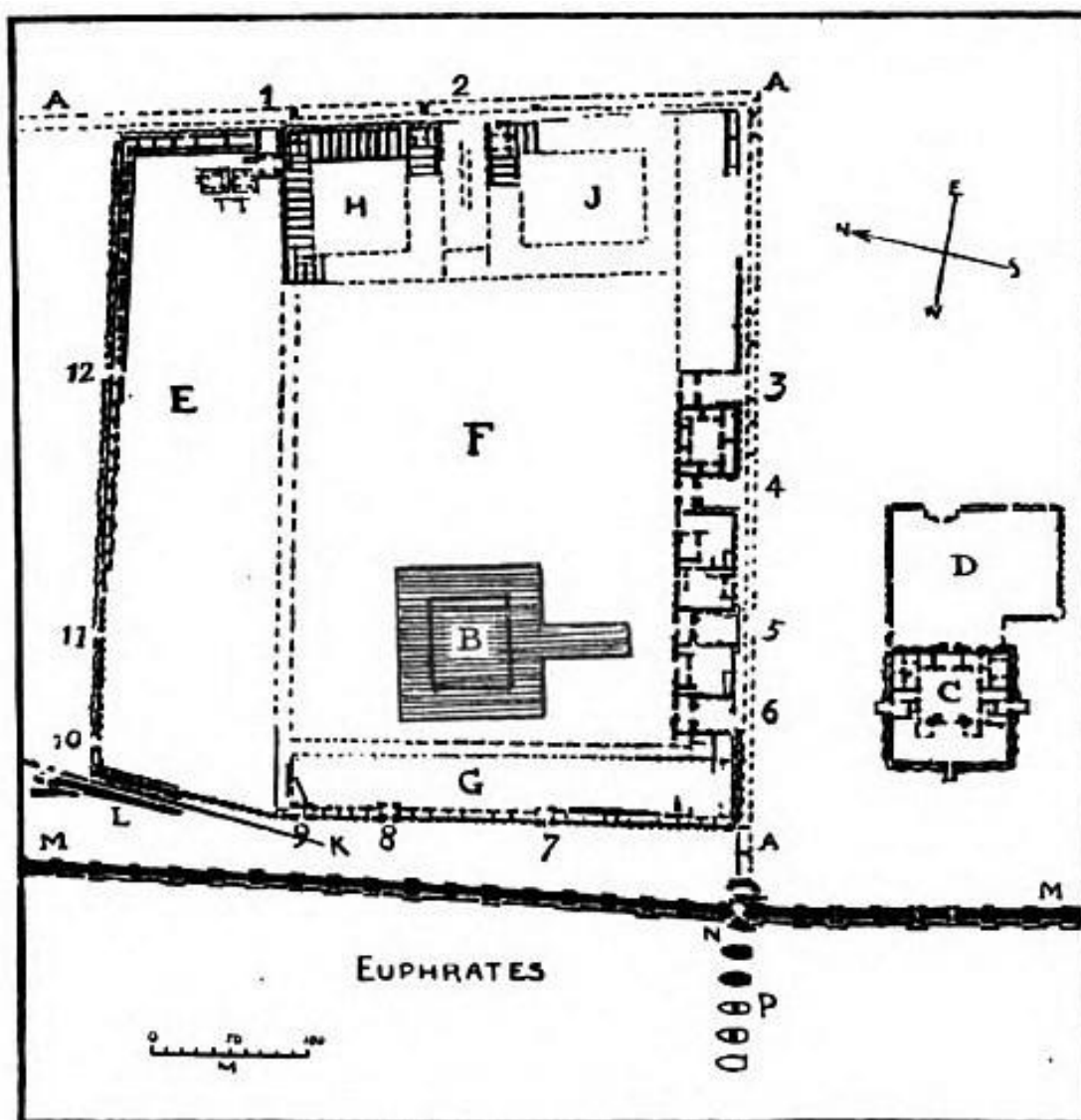

РИС. 27.

ПЛАН Э-ТЕМЕН-АНКИ И Э-САГИЛА.

А: Священный путь, или улица процессий. В: Э-темен-анки, вавилонский зиккурат или храм-башня. С: Э-сагила, храм Мардука. D: Восточная пристройка к Э-сагиле. Е: Северный двор Периболоса, или священного участка. П: Главный двор. Ж: Западный двор. Н, J: Храмы-журналы. К: Стена Арахту. L: Стена Навуходоносора. М: Речная стена Набонида. N: Ворота в речной стене. П: Каменные опоры моста через Евфрат. 1-12: Входы в Периболос, № 2 обозначает положение главного входа.

(По Ветцелю.)

Огражденная таким образом площадь образует примерно квадрат и разделена поперечными стенами на три отдельные секции неравного размера. В самом большом из больших дворов[156] стоял храм-башня,[157] его ядро было построено из необожженного кирпича, но закрыто облицовкой из жженого кирпича.[158] На реконструкции показана единственная лестница, выступающая с южной стороны и дающая доступ к первой ступени или этажу башни. Но недавно было установлено, что с южной стороны в башню вели три

отдельные лестницы, две крайние из которых были построены против юго-восточного и юго-западного углов, а с внешней стороны их обрамляли ступенчатые стены, образующие надежную защиту для тех, кто по ним поднимался.^[159]

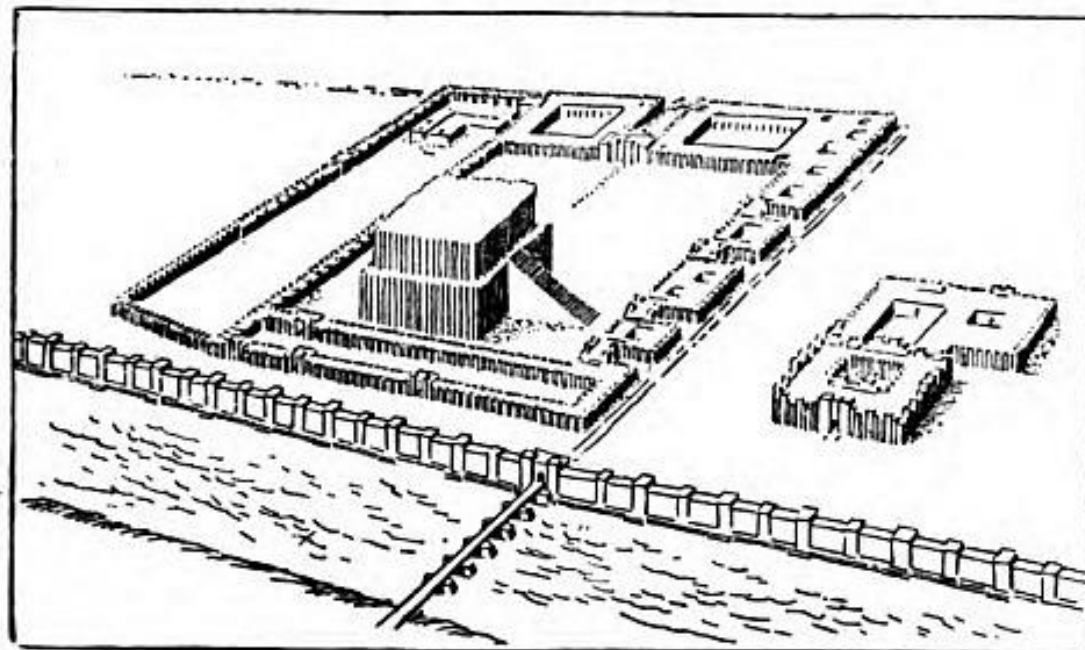

РИС. 28.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ Э-ТЕМЕН-АНКИ И Э-САГИЛЫ.

Форма храма-башни в Периболосе восстановлена в соответствии с теорией доктора Колдевея, согласно которой он состоял из одной ступени или этажа, на котором покоился верхний храм Мардука. Согласно альтернативной интерпретации Геродота, верхний храм должен был представлять собой последнюю из восьми отступающих башен или ступеней. Следует отметить, что две фланкирующие лестницы, недавно обнаруженные на южной стороне башни, здесь не показаны.

(После Андрае.)

Здания в пределах участка, очевидно, не были храмами, поскольку они не имеют ни одной из их характерных черт, таких как святилище или возвышающийся фасад, и любая теория об их использовании должна быть основана на чистых предположениях. Если судить только по их планам, то можно предположить, что два больших здания на восточной стороне,^[160] состоящие из длинного ряда узких палат, расположенных вокруг открытых площадей, вероятно, были магазинами и кладовыми. Здания на южной стороне напоминают жилые дома и, вероятно, были помещениями жрецов; их огромные размеры не противоречили привилегиям и высокому положению, которым пользовались те, кто управлял главным столичным храмом. Небольшие палаты вдоль стен Северного двора,^[161] и узкого Западного двора,^[162] вполне могли использоваться для размещения тысяч паломников, которые, несомненно, стекались в Вавилон, чтобы поклониться центральному святилищу. Не менее двенадцати ворот вели в священные пределы, главный вход находился на восточной стороне,^[163] точно напротив восточного торца храмовой башни. Брекчиевое мощение Священного пути было продолжено в пределах участка, по центру открытого пространства

или глубокой ниши между храмами-магистральями. Большие ворота, вероятно, перекинулись через западный конец этого углубления, завершая таким образом линию Главного двора с этой стороны.[164]

Самой яркой особенностью Э-темен-анки, естественно, была сама храмовая башня, которая возвышалась над окружающими зданиями и, должно быть, была видна со всех концов города и на значительном расстоянии за его стенами. Ее точная форма была предметом некоторых споров. Доктор Колдевей отвергает существующее мнение, основанное на описании Геродота,[165] , что она состояла из ступенчатой башни в восемь ступеней, с подъемом на вершину, опоясывающую ее снаружи. Правда, раскопки показали, что подъем на первую ступень, во всяком случае, не такого характера, состоял из тройной лестницы, пристроенной к одной стороне башни;[166] но, поскольку сейчас можно проследить только план здания, ничто не указывает на форму его верхней структуры. Доктор Колдевей не считает доказательства существования ступенчатых башен в Вавилонии удовлетворительными и полагает, что они зависят исключительно от описания Геродота, который, как он утверждает, ничего не говорит о ступенчатых террасах и о том, что каждая ступень была меньше той, что находилась под ней. Он склонен реконструировать башню как одноступенчатую, украшенную с лицевой стороны цветными полосами и возвышающуюся над храмом, к которому должен был вести тройной лестничный проход. Этот взгляд на реконструкцию представлен на рис. 28, но его автор считает проблему еще не решенной и откладывает свое суждение до раскопок Зиккурата в Борсиппе, наиболее хорошо сохранившегося из храмов-башен.

Здесь, как и в Вавилоне, мы имеем храм и отдельную храмовую башню, но оба они стояли внутри одного периболоса или священной ограды, вдоль внутренней стороны которой были построены серии многочисленных маленьких камер, напоминающих камеры Э-темен-анки. Вдоль северо-западного фасада периболоса проходила улица[167] , и двое ворот[168] выходили на нее из священного корпуса. Главный вход как в периболос, так и в храм, вероятно, находился с северо-восточной стороны.[169] Следует отметить, что план храма[170] повторяет уже описанный, состоящий из комплекса зданий, расположенных вокруг одного большого двора и ряда меньших. Святилище бога Набу стояло на юго-западной стороне Большого двора, а его фасад с мощной башней указывал на вход в его внешний притвор. В то время как большая часть самого храма и его ограды была расчищена, храм-башня[171] ожидает раскопок. Она по-прежнему возвышается над окружающей равниной на высоту не менее сорока семи метров, но вокруг ее основания скопилась такая масса обломков, что ее полная расчистка потребовала бы огромных усилий. Курган земли не только покрывает открытую площадку, окружающую храм-башню, но и простирается над внутренней линией камер на северо-западной стороне периболоса. В результате разрушения храма и его окрестностей огнем верхняя структура зиккурата была остеклована, и именно этому факту руины обязаны своей сохранностью. Ведь кирпичи сварены в сплошную массу, и, поскольку разделить их уже невозможно, они не представляют никакой привлекательности в качестве строительного материала и поэтому избежали участи Э-темен-анки.

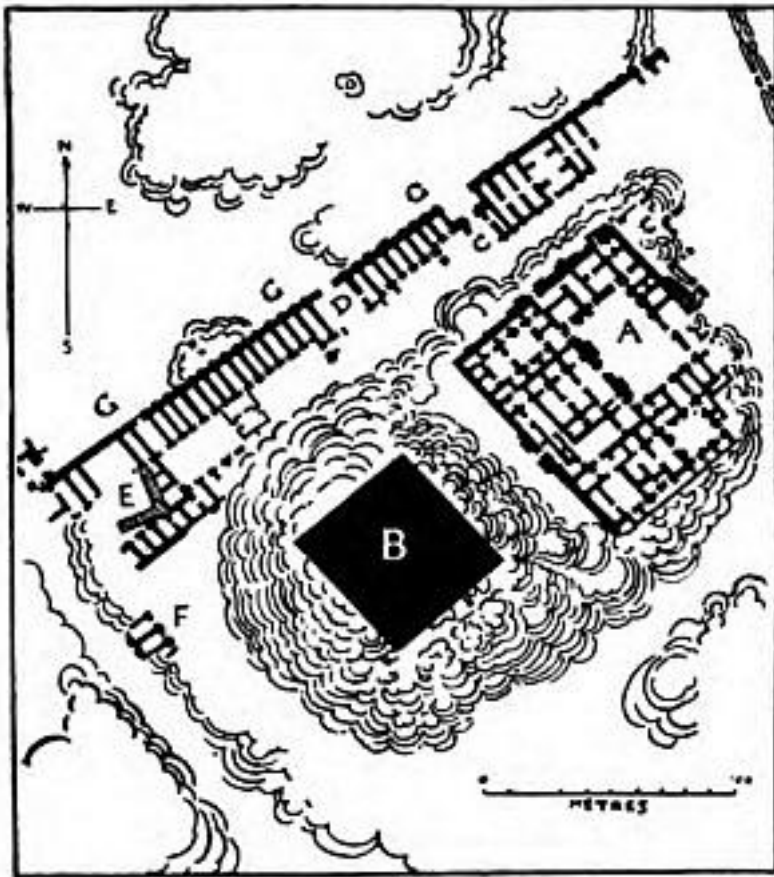

РИС. 29.

ПЛАН ХРАМА Э-ЗИДА И ХРАМА-БАШНИ НАБУ В БОРСИППЕ.

А: Храм Э-зида. В: Храм-башня Набу. С, D: Ворота, открывающиеся из Периболоса на улицу, которая проходила вдоль этой стороны священной ограды. Е: Остатки более позднего здания. F: Палаты на юго-западной стороне Периболоса. G, G: Улица, проходящая вдоль северо-западной стороны Периболоса.

(После Колдевея.)

Вполне возможно, что когда будет раскопана башня храма Набу, она прольет свет на верхнюю структуру этих массивных зданий. Пока же мы располагаем свидетельством, которое не следует игнорировать при обсуждении этого вопроса. На межевом камне времен Меродах-Баладана I. высечены эмблемы богов, включая эмблемы Мардука и Набии, которые расположены рядом друг с другом во втором ряду. Эмблема Мардука состоит из его священного копья, поддерживаемого драконом, а эмблема Набби - из клина или стилуса, также поддерживаемого рогатым драконом. Но в то время как другие эмблемы изваяны в рельефе на поле камня, эмблема Набии выгравирована на башне храма.^[172] Можно заметить, что она поднимается поэтапно, уменьшаясь в размерах и располагаясь одна над другой. Грубая гравировка вполне может представлять собой внешнюю форму храма-башни Набу в Борсиппе во времена Меродах-баладана I. В любом случае, поскольку эмблемы на межевых камнях связаны с храмами, единственное здание, для которого она может быть предназначена, - это храм-башня. Таким образом, это определенно доказывает, что здания такого типа строились в виде этажей или ступеней, площадь которых уменьшалась по мере подъема.

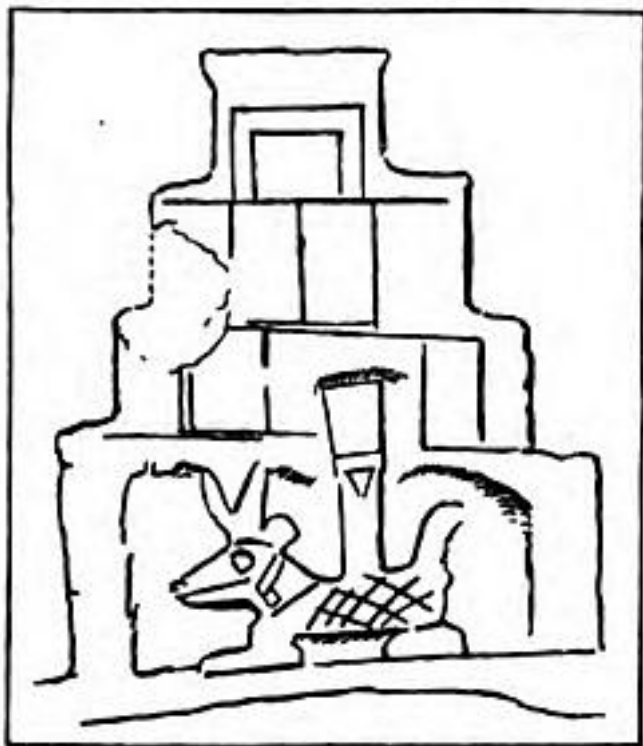

РИС. 30.

ГРУБАЯ ГРАВЮРА ХРАМА-БАШНИ НА МЕЖЕВОМ КАМНЕ.

Межевой камень относится к периоду Мардук-аплу-иддина, или Меродах-баладана I. На гравюре изображена храмовая башня, перед которой стоит диагональ, поддерживающая на спине вертикальный клин, эмблему Набу. Башня изображена построенной в виде этажей, или остановленных ступеней, поставленных одна на другую. (Из Brit. Mus., No. 90850.)

Дополнительным доказательством того, что именно такой была форма Вавилонской башни, служит табличка, составленная в эпоху Селевкидов и якобы содержащая подробное описание и измерения Э-сагилы и ее храма-башни. Торопливое описание текста и его содержания было опубликовано Джорджем Смитом^[173] перед тем, как он отправился в свое последнее путешествие на Восток, и с тех пор табличка была утеряна из виду. Но около трех лет назад ее нашли в Париже, и теперь она стала полностью доступна для изучения.^[174] Следует признать, что в настоящее время почти невозможно согласовать описания на табличке с реальными останками Э-сагилы и Периболоса, которые были найдены в результате раскопок. Большая терраса (или двор) и "терраса (или двор) Иштар и Замамы", которые, согласно табличке, были самыми большими и важными подразделениями в священной области, не были удовлетворительно идентифицированы. Д-р Колдевей склонен считать, что первое соответствует Большому двору^[175] Периболоса, включая окружающие его здания, а второе он отождествляет с северным двором ограды;^[176] в то время как третьим большим подразделением, по его мнению, может быть внутреннее пространство Большого двора, которое, таким образом, приходится пересчитывать дважды. Едва ли более удовлетворительной является реконструкция М. Марселя Дьелафуа, поскольку он считает, что две основные зоны, или "террасы", простираются к востоку от Священного пути, по земле, которая, как показали раскопки, была покрыта городскими домами и, таким образом, находилась за пределами священной зоны. Возможно, очевидные расхождения объясняются обширной реконструкцией Периболоса в неовавилонский и селевкидский периоды. Но, какое бы объяснение ни было принято, ряд подробных измерений,

приведенных на табличке, лучше всего объясняется гипотезой, что они относятся к отступающим ступеням храмовой башни. Таким образом, табличка может быть приведена в качестве дополнительной поддержки существующей концепции Вавилонской башни, и нет никаких причин отвергать интерпретацию, которая так долго была принята в отношении знаменитого описания башни, данного Геродотом.[\[177\]](#)

Есть еще одно сооружение в Вавилоне, которое заслуживает упоминания, - это мост через Евфрат, поскольку его остатки являются остатками самого раннего постоянного моста, о котором мы имеем какие-либо записи в древности. На плане Э-темен-анки[\[178\]](#) видно, что улица процессий ведет за угол Периболоса к большим воротам в речной стене, охраняющим голову моста, который пересекал Евфрат на каменных опорах. Ширина реки в этом месте, по-видимому, составляла сто двадцать три метра. Опоры построены в форме лодок с носом, направленным вверх по течению, и их форма, несомненно, была подсказана более ранним мостом из лодок, который они вытеснили. Проезжая часть, как и в современных лодочных мостах в Месопотамии, прокладывалась через опоры и, должно быть, была намного уже, чем длина самих опор. Мост, о котором упоминают Геродот[\[179\]](#) и Диодор[\[180\]](#), был делом рук Набополассара, о чем мы узнаем из надписи East India House, в которой Навуходоносор сообщает, что его отец "построил опоры из жженого кирпича для переправы через Евфрат".[\[181\]](#) Камень, использованный при строительстве, о котором упоминает Геродот, несомненно, был уложен поверх кирпичных опор в качестве фундамента для плоской деревянной конструкции самого моста. Более поздняя речная стена - дело рук Набонида, и она знаменует собой расширение берега на запад, которое стало возможным благодаря строительству Навуходоносора укреплений в русле реки к западу от Южной цитадели.[\[182\]](#) Старая линия левого берега отмечена руинами более ранних речных стен, следы которых были обнаружены под северо-западным углом Периболоса.[\[183\]](#) Несомненно, именно для защиты Периболоса и Э-сагила от наводнений берег был расширен таким образом.

Все описанные до сих пор здания относятся к позднему ассирийскому и неовавилонскому периодам, и в первые годы работы в Вавилоне раскопщики не нашли ничего, что можно было бы отнести к более ранним эпохам в истории столицы. Предполагалось, что разрушение Вавилона Сеннахерибом было настолько основательным, что от прежнего города мало что уцелело. Но позже стало ясно, что остатки более древнего Вавилона лежат в значительной степени ниже современного уровня воды. Постоянное отложение ила в русле реки подняло уровень воды, до которого доходит вода при раскопках на месте города, и очевидно, что во времена Первой династии общий уровень города был значительно ниже, чем в более поздние периоды. В последние годы сравнительно небольшой водоем протекал по руслу Евфрата, так что на кургане Меркес удалось вскрыть один квартал древнего города. Траншеи были прорыты на глубину до двенадцати метров, когда уровень воды достиг отметки в двенадцать метров, и дальнейшее продвижение стало невозможным, хотя остатки зданий продолжали находиться еще ниже.

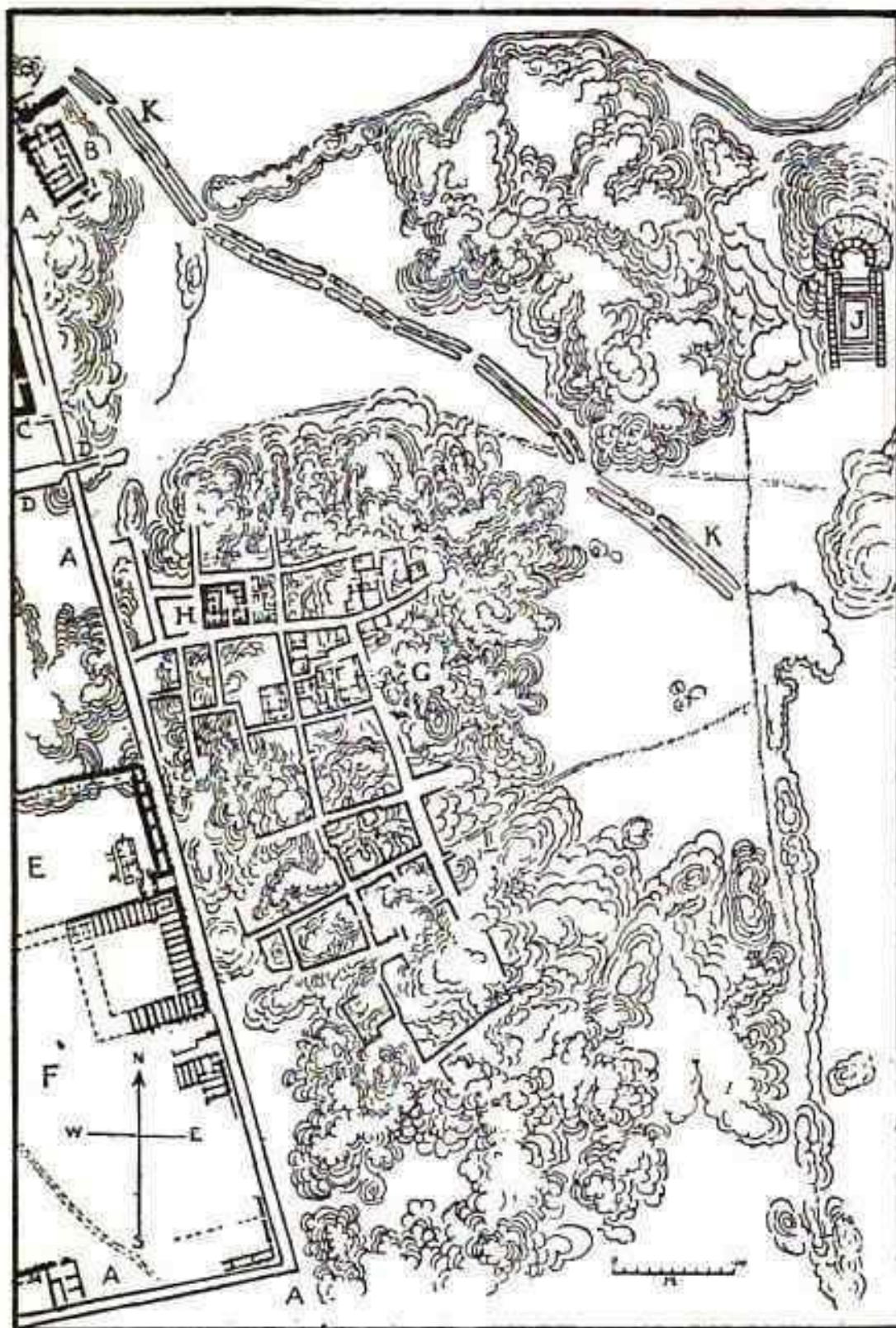

РИС. 31.

ПЛАН КУРГАНА МЕРКЕС, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ ЧАСТЬ УЛИЧНОЙ СЕТИ ВАВИЛОНА.

А: Священный путь или улица шествий в Вавилоне. В: Э-мах, храм богини Нинмах. С: Юго-восточный угол Южной цитадели с дворцом Навуходоносора. D: Канал и бассейн. E:

Северный двор Периболов Э-темен-анки. П: Главный двор Периболоса. G: Курган Меркес. Н: Храм Иштар Аккадской. J: Греческий театр. К: Старый канал.

(После Колдевея.)

Из прилагаемого плана видно, что сеть улиц восстановлена на значительной площади. Вся структура кургана состоит из жилищ частных граждан, расположенных слоями от уровня воды до поверхности почвы. Верхние слои датируются парфянским периодом, и здесь дома разбросаны с широкими пространствами садов или пустырей между ними. Разительным контрастом этим скудным остаткам являются улицы греческого, персидского и неовавилонского периодов, где дома теснятся друг к другу, а открытые пространства, которые когда-то были дворами или садами, впоследствии были отданы на откуп строителям. Здесь мы имеем яркое доказательство ценности домов в Вавилоне в период наибольшего процветания города. Еще глубже в кургане уровень можно датировать двенадцатым и тринадцатым веками, поскольку в домах были найдены таблички с надписями времен правления Меродах-баладана I, Мели-Шипака II и Энлиль-надин-шума. В северной части кургана, в самом нижнем слое, лежащем частично выше, частично ниже уровня воды, были обнаружены контрактные таблички Первой династии с датами-формулами Самсу-илуна, Амми-дитана и Самсу-дитана. Здесь стены домов из глинобитного кирпича, хотя и не очень толстые, все покоятся на фундаменте из обожженного кирпича - метод строительства, который, как мы видели,^[184] сохранился и в неовавилонский период. Это самый ранний город, следы которого удалось обнаружить, а толстый слой пепла свидетельствует о его разрушении в результате пожара. Нет никаких сомнений в том, что уничтоженный город принадлежал Хаммурапи и его ближайшим преемникам, поскольку в слое пепла были найдены нетронутые датированные таблички. Здесь мы имеем дополнительное доказательство того, что Первая династия Вавилона закончилась катастрофой. Возможно, что пожар, в котором погиб город, был делом рук хеттских налетчиков, набег которых, как мы знаем, произошел в царствование Самсу-дитана.

Эта часть города, по-видимому, была полностью жилой, так как в ней нет ни одного открытого пространства, которое могло бы служить рынком. Даже храмы были без площадки перед ними, и в этом отношении они напоминают церкви во многих современных городах. Следует отметить, что храм Иштар Аккадской на севере кургана Меркес, хотя и не был фактически застроен, но со всех сторон к нему подступают частные дома, хотя с южной стороны дорога довольно широкая, чем в других местах. Еще более закрытыми оказались храм Ниниба и неопознанный храм, известный как "Z", оба из которых находятся в кургане Ишин-асвад.^[185] Здесь траншеи, прорытые через курган, вскрыли руины вавилонских домов из сырцового кирпича, остатки разных периодов лежат один над другим, как в Меркесе, и окружают храмы со всех сторон. Единственное другое место в Вавилоне, где были найдены такие же слои улиц и частных домов, находится на невысокой гряде курганов между Kaşr и Tell 'Amrân, где жилища, похоже, имеют низкий характер, как мы могли бы ожидать в более бедном квартале города. Удовлетворительные результаты были получены только на возвышенностях, так как на равнине более ранние слои спускаются ниже уровня воды. Не исключено, что дальнейшие раскопки откроют нам деловые кварталы древнего Вавилона, и мы сможем определить рынки и базары, которые были одним из величайших центров распределения в древнем мире.

Пока же курган Меркес дал достаточно свидетельств, чтобы сделать общий вывод о том, по какой линии был построен город. Уличная сеть, показанная на плане, в основном относится к неовавилонскому периоду, но везде, где сохранились более ранние уровни, было отмечено, что старые улицы следовали тем же линиям с небольшими изменениями. Главные артерии

идут примерно на север и юг, параллельно Священному пути, а другие пересекают его под прямым углом.^[186] Похоже, что, несмотря на отсутствие открытых пространств, мы имеем дело с намеренной попыткой научного планирования города, первоначальная идея которого может быть прослежена еще во времена Первой династии. Правда, улицы не совсем регулярны, но основные магистрали проходят через все города, а островные участки имеют приблизительно прямоугольную форму. Вероятно, мы можем поставить это достижение в заслугу семитскому элементу населения, поскольку в двух шумерских городах, в которых были обнаружены частные домовладения, нет никаких следов градостроительства. И в Фаре, и в Абу Хатабе, местах ранних шумерских городов Шуруппак и Кисурра, улицы, которые были проложены, кривые и гораздо более нерегулярные, чем в Вавилоне. Давно известно, что Хаммурапи многое сделал для кодификации законов своей страны и их эффективного применения. Теперь представляется, что подобная система и метод были внедрены в тот же период в более материальную сторону жизни страны.

Таким образом, раскопки в Вавилоне пролили свет на состояние города в тот период, когда он впервые стал столицей. Правда, ни одна из выявленных частей царских или священных зданий не относится к более позднему периоду Ассирийской империи, а руины храмов, дворцов и городских стен в результате обширной реконструкции относятся в основном к неовавилонскому периоду. Но между этой эпохой и ее предшественниками не было большого разрыва преемственности, так что, если учесть некоторые нововведения, здания более позднего периода можно рассматривать как типичные для вавилонской цивилизации в целом. Мы видели, как улицы Вавилона следовали одним и тем же линиям на протяжении всего династического периода, и подобный дух консерватизма, несомненно, характеризовал его архитектурное развитие. Храмы снова и снова отстраивались на старых местах, и даже в неовавилонский период они сохраняли глинобитные стены и примитивный декор своих далеких предшественников. Действительно, условия жизни в Вавилонии исключали возможность радикальных изменений. Более широкое использование жженого кирпича в верхнем строении царских дворцов сделало возможной блестящую эмаль неовавилонских мастеров. Но даже в конце правления Набополассара толстые стены царского жилища из глинобитного кирпича, должно быть, напоминали постройки самого Хаммурапи: ранние дворцы и города отличались от построек более поздних монархов в основном размерами. И если мы рассмотрим последующие периоды истории страны, то обнаружим, что традиция оказала не менее сильное влияние на сохранение в неизменном виде основных черт национальной жизни. Именно при самой ранней династии Вавилон детально разработал социальную организацию, которая соответствовала его сельскохозяйственной и торговой деятельности; и это замечательная заслуга его основателей, что она пережила шок иностранного господства и наложила свой отпечаток на последующие поколения.

[1] Роджерс отмечает, что в рассказе раввина о Вавилоне, кажется, отсутствуют те маленькие штрихи, которые выдают в нем очевидца, и сравнивает его с описаниями Мосула и Багдада, сделанными тем же путешественником. Безусловно, лучшим и наиболее полным рассказом о первых исследователях Вавилонии является рассказ Роджерса в его "Истории Вавилонии и Ассирии", том 1, стр. 84 и далее.

[2] См. Хаклюйт, "Главные плаванья и открытия английской нации", изд. 1589, р. 232; изд. Goldsmid, Vol. X., "Asia", Pt. III. (1889), p. 63.

[3] Он утверждает, что "небесный огонь, поразивший башню, расколол ее до самого основания", - описание, которое вполне применимо к нынешнему виду храма-башни Борсиппы в Эль-Бирсе; см. фотографию, воспроизведенную на пластине II. Другие путешественники, такие как Энтони Ширли в 1599 или 1600 году, похоже, сделали такое же определение. Несколько лет спустя Пьетро делла Валле был ближе к цели, отождествив башню с курганом Бабиль, из которого он увез в Хоум несколько кирпичей с клеймами Навуходоносора, вероятно, первую коллекцию вавилонских древностей, попавшую в Европу (см. Rogers, *op. cit.*, p. 98).

[4] См. с. 10, рис. 2.

[5] Помимо его неполного плана (см. C. J. Rich, "Narrative of a Journey to the site of Babylon in 1811," edited by his widow, London, 1839; opposite p. 43), и основанного на нем плана майора Реннета в меньшем масштабе (первоначально опубликованного в "Archæologia," Vol. 18, и перепечатан вместе с мемуарами Рича), мы располагаем еще одним эскизом-планом, более точным в некоторых деталях, выполненным сэром Робертом Кер Портером (см. "Путешествия по Грузии, Персии, Армении, Древней Вавилонии и др. в течение 1817, 1818, 1819 и 1820 годов", т. II, 1822, напротив с. 349). Точные съемки больших районов Вавилонии были сделаны капитаном индийского флота Дж. Феликсом Джонсом, который проделал такую прекрасную работу по Ниневии и ее окрестностям (см. его "Мемуары", изданные в виде тома в "Bombay Government Records", No. XLIII., New Series, Bombay, 1857; а об исследовании Ниневии см. "Journ. Roy. Asiat. Soc.", Vol. XV., 1853, pp. 352 ff.). Материалы, собранные Феликсом Джонсом в Вавилонии, были включены в Карту Индийского офиса, которая была составлена Трелони Сондерсом на основе исследований, проведенных в 1860-1865 годах командером У. Бомонтом Селби, лейтенантом У. Коллингвудом и лейтенантом Дж. Б. Бьюшером, все из Индийского флота. Он был издан в 1885 году под названием "Обзор древнего Вавилона и окружающих его руин с частью рек Тигр и Евфрат, канала Хиндие, моря Неджф и Шат-Атшара" и т. д., Лондон, 1885. Она охватывает территорию от Багдада до слияния Шатт-Атшара с Евфратом и является, безусловно, лучшей картой Вавилона и его окрестностей и единственной картой крупного масштаба, созданной до сих пор. Все планы курганов, покрывающих руины самого города, конечно же, вытеснены планами, составленными немецкой экспедицией.

[6] См. "Ниневия и Вавилон", Лондон, 1853.

[7] Результаты экспедиции были опубликованы в двух томах под названием "Expédition scientifique en Mésopotamie", Paris, 1863.

[8] Ср. "Асшур и земля Нимрода", Нью-Йорк, 1897.

[9] "Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin", Nos. 1-54 (март, 1899 - июнь, 1914).

[10] См. Koldewey, "Die Tempel von Babylon und Borsippa", Leipzig, 1911.

[11] Ср. "Das wieder erstehende Babylon", Leipzig, 1912. Тщательный английский перевод этой работы, выполненный миссис Джонс, был издан под названием "The Excavations at Babylon", London, 1914.

[12] Недавние открытия в Шергате доказывают, что шумерское поселение на месте Ашшура предшествовало первому поселению семитских ассирийцев. В слое под первым храмом Иштар (самый ранний из найденных ассирийских храмов, датируемый концом третьего тысячелетия до н.э.) было найдено несколько образцов шумерской скульптуры, которые

имеют безошибочно близкое отношение к самым ранним шумерским работам в Телло и Бисмае. Расовый тип, представленный в этих скульптурах, также является южным и предполагает, что шумеры занимали Ассирию до прихода семитов. Прекращение их поселения в Ашшуре, вероятно, было делом рук не семитских завоевателей Ассирии, а другой несемитской расы, родственной митаннийцам Северной Месопотамии (по этому вопросу см. далее гл. IV, с. 137 и далее). Но семиты были, по крайней мере, косвенными наследниками шумерских жителей и частично переняли от них свою культуру; и рост таких элементов в приобретенной ими цивилизации должен был ускоряться по мере расширения контактов с югом. Краткое изложение новых открытий в Ашуре см. в "Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft", No. 54 (июнь 1914 г.).

[13] См. далее, p. 72 f.

[14] I., 178.

[15] Ссылки на другие оценки см. в How and Wells, "Commentary on Herodotus", *sub I.*, 178.

[16] Ср. "Das wieder erstehende Babylon", p. 5.

[17] Ср. Haverfield, "Ancient Town Planning", p. 22.

[18] См. выше, с. 16, рис. 2.

[19] См. общий план Вавилона на стр. 23, рис. 3, В.

[20] Рис. 3, Т.

[21] А. Д. и Е. на плане.

[22] Некоторые следы стен все еще сохранились у деревни Синджар (см. рис. 3, 4), и Вайсбах попытался использовать их для реконструкции плана города. В результате он делает западную часть города значительно меньше, чем восточную, его северо-западная стена встречается с Евфратом напротив Kaşr и продолжается сложными крепостными стенами к северу от Южной цитадели; см. "Das Stadtbild von Babylon" в "Der alte Orient", V., Heft 4. Это вполне возможное расположение. Мы увидим, что эти остатки западных стен, возможно, относятся к еще более раннему периоду и, возможно, защищали западное продолжение более раннего города (см. ниже, с. 35). Но даже в этом случае они могли оставаться единственными укреплениями на западном берегу; ведь тенденция к расширению была более заметна на востоке, где главная цитадель предоставляла больше возможностей для обороны. Тот факт, что северная цитадель Навуходоносора также должна была быть построена на левом берегу, указывает в том же направлении. Но окончательно решить этот вопрос можно будет только после того, как следы этих западных стен будут изучены в ходе раскопок и определена их связь с восточными укреплениями.

[23] Линия курганов, отмечающая сейчас местами положение городской стены, образована, как ни странно, ядром глинобитной части, которая все еще возвышается над уровнем окружающей почвы. Гораздо более мощная внешняя стена полностью исчезла, так как ее мелкие обожженные кирпичи прельщали грабителей в поисках строительного материала. Только после раскопок удастся обнаружить нижние ярусы ее фундамента. Возможно, глубокие раскопки позволят определить положение всей линии стен, даже если на поверхности не осталось никаких следов.

[24] Это было сделано на основании того факта, что когда-то прямо перед ним проходил ров, или ров, от которого остались только следы. Старый ров был засыпан, когда стена из обожженного кирпича Навуходоносора расширила и укрепила всю линию укреплений.

[25] Считается, что вдоль северо-восточной стены города было не менее девяноста башен, хотя полностью раскопать удалось только пятнадцать из них.

[26] I., 179.

[27] Ср. Колдевей, "Вавилон", стр. 2.

[28] Он рассказывает, что в окружности стены было сто ворот, все из меди, с медными перемычками и боковыми столбами; ср. I., 179. Пока раскопки не определили местоположение каких-либо ворот во внешней стене; но то, как бронза могла использоваться для укрепления и украшения дверей и ворот, иллюстрирует бронзовая перемычка, или ступенька, из Э-зиды, храма Набу в Борсиппе, которая сейчас хранится в Британском музее: см. табличку XXVI, напротив стр. 278, и см. далее, стр. 77, п. 4.

[29] См. рис. 3, А.

[30] Действительно, в неовавилонский период он был известен как "город-жилище" "вавилонского царя"; см. далее, с. 41.

[31] Ср. "Надпись Ост-Индского дома", Col. VII, 1. 40, Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", Vol. 1., pl. 57, и Langdon, "Die neubabylonischen Königsinschriften", p. 13 (5 f.).

[32] См. ниже, стр. 71 и далее. Следы очень древнего поселения с большим количеством керамики (до сих пор не опубликованной) были обнаружены при глубоком рытье траншеи в засыпке под юго-восточным углом цитадели; см. Koldewey, "Babylon", p. 82. Некоторые кремни и каменные орудия, найденные в других местах, также являются свидетельством еще более раннего доисторического поселения.

[33] См. выше, с. 23, рис. 3, J.

[34] См. далее, с. 82 и далее.

[35] См. рис. 3, С.

[36] Рис. 3, R.

[37] См. ниже, с. 30, рис. 6, где пространство между стенами из сырцового кирпича обозначено К К. Стены отличаются перекрестной штриховкой от строения дворца из жженого кирпича. Когда Навуходоносор построил ворота Иштар (Н), северная из двух стен была облицована с обеих сторон кирпичом, выложенным из грязи и битума, на что указывает сильная линия на плане; но первоначально эта стена тоже была из сырцового кирпича.

[38] Рис. 6, V; см. далее, с. 58, п. 1.

[39] Нынешние стены укреплений Kaşr из сырцового кирпича датируются его правлением или правлением его отца.

[40] Значение слова *nimitti* не вполне определено.

[41] В 648 г. до н. э.; см. далее, гл. VIII.

[42] Рис. 7 и 8, А и 1-3. На рис. 7 дан план этого угла цитадели. На рис. 8 приведены причальные и крепостные стены в разрезе вдоль северного фронта, если смотреть с запада на восток. На рис. 8 причальная стена "2" не показана, так как она практически является продолжением "1" в западном направлении.

[43] А.

[44] Она была построена Саргоном в течение последних пяти лет его правления, когда после поражения от Алеродаха-баладана в 710 г. до н. э. он управлял Вавилонией как ассирийской провинцией. Он не вззошел на трон, а довольствовался титулом "губернатор (*шаккануку*) Вавилона", хотя и претендовал на более древний титул "царь Шумера и Аккада". См. далее, гл. VIII.

[45] Ср. перевод Делицша в Koldewey, "Babylon", p. 139; англ. изд. p. 138. В других местах в надписях здания ворота Иштар названы принадлежащими Имгур-Белу и Нимитти-Белу.

[46] Е и F на рис. 7 и 8. На рис. 7 видно, что в западном конце двух стен, между ними и причальной стеной В, находятся остатки здания (I). Возможно, это были помещения, которые занимал капитан стены.

[47] Номера 1-3 на рис. 7.

[48] О значении названия см. ниже, с. 36.

[49] Е и F на рис. 7 и 8.

[50] См. выше, с. 23, рис. 3, Z; ср. также, с. 24, н. 1.

[51] Ср. перевод Делицша в "Вавилоне", p. 135 f.

[52] См. выше, с. 33.

[53] См. выше, с. 34.

[54] Его употребление с определителем *nâru*, "река" или "канал", не доказывает, что в это время он был каналом в строгом смысле слова. Согласно объяснению, предложенному в тексте, это был участок реки, включающий открытый бассейн и, возможно, канал. В более ранние периоды это мог быть просто канал, который отходил от реки в этом месте.

[55] См. выше, с. 28.

[56] См. выше, с. 30, рис. 6, N.

[57] На фундаменте-цилиндре из Сиппара в Британском музее (№ 91114; А. Н. 82-7-14, 1042) Навуходоносор пишет: "Для защиты Э-сагила и Вавилона, чтобы в русле Евфрата не образовались песчаные отмели (*pu-ri-im*), я велел построить на реке большое укрепление из битума и жженого кирпича. Его основание я заложил в пучине, а его голову я вознес на высоту горы"; ср. Ball, "Troc. Soc. Bibl. Arch.", X., май 1888 г., Pl. IV., Col. ii., ll. 19-24, и Langdon, "Neubabylonischen Königsinschriften", p. 106 f.

[58] См. с. 30, рис. 6, Т, и с. 32, рис. 7, N.

[59] Рис. 6, Р, R. Он снова входил в реку недалеко от стены цитадели, так как его выход был найден в более поздней речной стене Набонида. Возможно, это был канал, названный в надписях Либи-л-хегалла, "Да принесет он изобилие". На плане видно, что остатки канала на юго-востоке представляют собой узкий канал (Р), менее трех метров в ширину, но

расширяющийся к западу от Священной дороги (G) в широкую котловину (R). Это реконструкция, вероятно, времен Нериглиссара, который построил мост для дороги через канал. Раньше дорога пересекала канал по дамбе с обнесенной стеной насыпью, следы которой были обнаружены под стенами канала. Под насыпью вода, вероятно, текла через решетчатые шлюзы, подобные тем, что перекрывали узкий канал Навуходоносора между его речным укреплением и цитаделью.

[60] См. выше, с. 30, и ср. рис. 6, V.

[61] I., 181.

[62] Если не считать фундамента ворот Иштар, эта дверь - единственное сооружение, найденное на территории Вавилона, которое дает нам представление о том, как выглядело здание над уровнем земли. В других местах единственным ориентиром является план местности.

[63] См. с. 30, рис. 6, D.

[64] Рис. 6, C.

[65] Col. vii., 1. 34.

[66] Рис. 6, A-C.

[67] Рис. 6, e и f. Штрихованная стена, которая проходит между ними (g), была временной ограждающей стеной, также из сырцового кирпича.

[68] См. выше, с. 30, рис. 6, E.

[69] Надпись Ост-Индского дома, Col. vii., 1. 61-Col. viii., 1. 18; ср. Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", Vol. I., pl. 57, и Langdon, "Neubabylonischen Königsinschriften", p. 130 f.

[70] Рис. 6, a.

[71] A, B и C.

[72] Рис. 6, J.

[73] Обозначены как *b* и *c* на плане.

[74] См. далее, гл. V.

[75] Рис. 6, B.

[76] Такие кувшины, или алабастры, высоко ценились, и царская фабрика не должна нас удивлять, поскольку царь не только использовал их для собственных нужд, но и посылал крупные экземпляры в качестве подарков. В персидский период мы знаем, что Ксеркс отправлял некоторые из них в качестве царских подарков, с надписью своего имени и титулов, в такие далекие страны, как Египет и западное побережье Малой Азии.

[77] См. выше, с. 28, рис. 5.

[78] См. рис. 6, F; эта часть плана дворца дана в более крупном масштабе на рис. 9.

[79] Рис. 9, *b*, *c* и *d*.

[80] Рис. 9, *f* и *g*. Дворы (пронумерованные на плане 1-3) квадратные, как и маленькие дворы или колодцы в остальной части дворца, и, как и они, очевидно, были оставлены открытыми, чтобы обеспечить свет и воздух в комнатах вокруг них. В персидский период один из них (№ 1) был полностью или частично покрыт крышей, поскольку до сих пор сохранились основания двух столбов, сложенных из пальмовых стволов, которые явно предназначались для поддержки балок крыши. На плане они обозначены сплошными кругами.

[81] См. выше, с. 30, рис. 6, *d*.

[82] См. с. 42, рис. 9, *e*.

[83] Рис. 9, 1. Это двор, покрытый крышей в персидский период (см. с. 44, н. 1), очевидно, для того, чтобы обеспечить царю второй крытый проход при переходе из Тронного зала или из некоторых прилегающих к нему покоев в личный дворец.

[84] См. ниже, с. 62 *f*.

[85] Рис. 11, *l*.

[86] В. на рис. 6 и 11.

[87] Обозначен *h* на планах.

[88] Рис. 11, *m* и *n*.

[89] На рис. 11 контрольная буква *l*., обозначающая здание, отмечена вдоль прохода.

[90] Она отмечена на плане и находится между входом *m* и юго-восточным углом здания.

[91] Это *κρεμαστὸς παράδεισος* Беросса, *κρεμαστὸς κῆπος* Ктесия и Страбона, *pensiles horti* Курция Руфа; их описания подробно цитируются Кольдевеем, "Вавилон", стр. 95 и далее, Engl, ed., pp. 90 и далее.

[92] Объяснение Колдевея, что полный круг здания был перепутан с длиной одной стороны, не обязательно, учитывая естественную склонность древних писателей к преувеличению в таких вопросах, особенно при воспроизведении измерений из вторых или третьих рук.

[93] Это возражение, как мне кажется, перевешивает любое соответствие в деталях между архитектурной структурой Сводчатого здания и текстами Курция Руфа или Диодора.

[94] О вероятной причине такой практики в строительстве храмов см. ниже, с. 63.

[95] См. выше, с. 31 и далее.

[96] Навуходоносор оставил нам описание своего строительства ворот в "Надписи Ост-Индского дома", Col. v., 1. 55, Col. vi., 1. 21 (см. Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", I., pl. 56, и ср. Langdon, "Neubab. Königsinschriften", p. 132 f.). Он рассказывает, как украсил здание дикими быками и драконами из эмалированного кирпича, покрыл его кедром и установил в нем двери, которые покрыл медью и снабдил порогами и петлями из бронзы. Он также установил бронзовых быков и драконов у входов; основания для некоторых из них, похоже, были найдены раскопщиками.

[97] Рис. 14, Б и Г. На плане черным цветом обозначена конструкция ворот, построенных из жженого кирпича. Прилегающие крепостные стены из необожженного кирпича заштрихованы; также обозначены участки, занимаемые частями храма Нинмах и дворца.

[98] Внешние ворота (В) имеют двери 1 и 2; двери внутренней сторожки (D) пронумерованы 3 и 4.

[99] С.

[100] Рис. 15.

[101] Рис. 14 и 15, № 3 и 4.

[102] См. выше, с. 28, рис. 5.

[103] Номера 1 и 2.

[104] Рис. 16.

[105] Рис. 15, а и б.

[106] Рис. 15, в.

[107] Украшение фундамента ворот, как и их верхней части, рельефами отчасти можно объяснить их временным использованием для фланкирования проезжей части во время строительства. Но украшение священных зданий не было просто художественной целью. Оно имело более глубокое значение, основанное на вере в то, что использование священных эмблем обеспечивало защиту их божеств-покровителей. И это, пожалуй, наилучшим образом объясняет присутствие на фундаментных стенах здания быка бога погоды и дракона Мардука. Лев, эмблема самой Иштар в ее образе богини войны, был изображен, как мы увидим (см. с. 58), на двух стенах, ведущих к ее воротам.

[108] См. рис. 15; его местоположение указано в южном дверном проеме (2) внешних ворот. Это была первая часть ворот, которую удалось обнаружить, так как она расположена выше остальных.

[109] См. рис. 17.

[110] Тот же процесс был использован для Львиного фриза к северу от ворот; см. ниже, с. 59.

[111] См. рис. 18, Б, В. Укрепленные участки к западу от дороги, которые Навуходоносор построил как прямое продолжение Южной цитадели с ее северной стороны, все еще находятся в процессе раскопок. Они были названы "Главной цитаделью" и "Северной цитаделью" Kaşr. Самым интересным сооружением, найденным здесь, является широкий канал (рис. 18, J) к северу от дворцовой зоны Главной цитадели; он, очевидно, был оставлен незакрытым и, должно быть, получал воду из Евфрата через решетчатые отверстия в западной стене. К востоку от проезжей части были выстроены линии обороны, соответствующие двум более поздним цитаделям. Фундамент их восточной стены, расположенной примерно параллельно проезжей части, был вскрыт; но вся эта территория была разрушена Евфратом при изменении его русла, и теперь под слоем ила можно проследить только основные крепостные стены.

[112] Красная эмаль разложилась и стала зеленой. Все львы, как и эмалированные звери ворот Иштар, были найдены в виде фрагментов.

[113] Сравните план на с. 30, рис. 6, где улица Шествий, проходящая мимо Цитадели, обозначена буквой G.

[114] Ср. Koldewey, "Die Pflastersteine von Aiburschabu in Babylon", pp. 4 ff. Известняк называется *shadâ*, или "горный камень", и Колдевей предполагает, что его добывали в окрестностях Хита на Евфрате. Каменоломни, из которых добывали *турмину-банду*, или брекчию, пока не установлены.

[115] Ход улицы Шествий можно проследить по плану на стр. 83, рис. 31; на нем она обозначена А. Храм Иштар Аккадской обозначен Н.

[116] Рис. 30, G.

[117] Рис. 30, E, F; сравните также рис. 27 на с. 74, с той же надписью.

[118] Рис. 27, ворота под номером 2.

[119] См. рис. 27, где ход дороги обозначен буквой А, как на рис. 30.

[120] Рис. 27, В и С.

[121] См. выше, с. 23, рис. 3, где положение двух храмов обозначено буквами Н и М. Линия городской стены вдоль части южной стороны обозначена курганами, обозначенными буквами В.

[122] Положение храма по отношению к воротам Иштар см. выше, [с. 31, рис. 6](#), где храм обозначен буквой J, а ворота Иштар - Н.

[123] См. с. 64, рис. 20, d. Сравните также реконструкцию на рис. 21.

[124] См. ниже, с. 71.

[125] См. ниже, с. 69.

[126] I., 183.

[127] Ср. Исход, хх., 24-26.

[128] Ср. I Царств, viii., 64.

[129] См. II. Царств, vi., 20.

[130] Иезекииль, xli., 22.

[131] Ср. I. Samuel, 6 [7]. Обсуждение свидетельств, касающихся древнееврейской практики, см. в статье "Алтарь" У. Э. Аддиса в "Библейской энциклопедии", I., Cols. 123 ff.

[132] См. ниже, с. 69 и далее.

[133] См. с. 65, рис. 21.

[134] В некоторых храмах, как в Э-зиде, храме Набу в Борсиппе и в самых ранних остатках Э-сагилы (см. ниже, [с. 71](#) и далее), полукруглые филенки занимают место утопленных желобков.

[135] Рис. 20, А. За описанием можно следить по указательным буквам и цифрам на плане, которые поясняются под ним.

[136] На рис. 20 проходы пронумерованы 11 и 12.

[137] Они настолько узкие, что вряд ли могли служить кладовыми.

[138] См. рис. 21.

[139] Могила была выдолблена в массивной кирпичной кладке внешней стены, в крайнем северо-западном углу дворца.

[140] Ср. "Вавилон", р. 118 f.; англ. изд., р. 110 f.

[141] На воспроизведенных здесь наземных планах основные черты каждого здания обозначены одинаковыми буквами, насколько они соответствуют друг другу.

[142] Можно заметить, что эта ориентация менее всего проявляется в Э-сагиле (см. ниже, с. 74, рис. 27) и в храме Иштар в Аккаде (рис. 25).

[143] Ср. Weissbach, "Babylonische Miscellen", р. 20 f., II. 17-21.

[144] См. выше, с. 23, рис. 3, E.

[145] См. с. 74, рис. 27, C.

[146] См. Rawlinson, "Cim. Inscr. West. Asia", I., pl. 67, Col. I., 11. 21 и далее, а также см. Безольд в "Keilins. Bibl.", III., ii., р. 72 f., и Лэнгдон, "Neubab. Königsinschriften", р. 210 f.

[147] Главный вход в храм был устроен через пристройку на востоке (рис. 27, D), внешние стены которой удалось проследить только с помощью проходки туннелей, в то время как ее интерьер остается неисследованным. На плане видно, что главный вход в пристройку снова находится на восточной стороне, отмеченной углублением в ограждающей стене, почти напротив главного входа в храм. Подход к пристройке, несомненно, осуществлялся по ответвлению Крестного хода, который, должно быть, отходил от главной дороги напротив входа № 4 Периболоса (см. рис. 27).

[148] См. "Инскрипт Ост-Индского дома", кол. II, 11. 43 и далее, и кол. III, 11. 21 и далее.

[149] $\kappa\alpha\tau\omega\ \nu\eta\acute{o}\varsigma$, чтобы отличить ее от той, что на башне храма.

[150] I., 183.

[151] Ср. Koldewey, "Babylon", р. 202 f.; Engl, ed., р. 207.

[152] Ср. Koldewey, "Die Tempel von Babylon und Borsippa", р. 43.

[153] См. выше, с. 23, рис. 3, Q.

[154] Обозначены A, A, A на рис. 27.

[155] Ср. Koldewey, "Babylon", р. 185; Engl, ed., р. 190. Некоторое представление о вероятном облике огромной крепости можно получить из реконструкции на рис. 28.

[156] Рис. 27, F.

[157] Рис. 27, B.

[158] Во время недавних раскопок башни с северной стороны была вскрыта внешняя облицовка из жженого кирпича, которая была украшена двенадцатью выступами в виде башен. Значительный фрагмент был также найден на западной стороне; внешний размер обеих сторон башни составил девяносто один метр. Длина ядра из сырцового кирпича вдоль северного фасада составляет шестьдесят один метр. См. "Mitteil. der Deutsch. Orient-Gesellschaft", № 53 (апрель, 1914 г.), стр. 18.

[159] Внешние лестницы были восьмиметровой ширины, а в юго-западном углу сохранилось шестнадцать ступеней; см. "Mitteil. d. Deutsch. Or.-Gesells.", № 53, с. 19.

[160] Рис. 27, II и J.

[161] Рис. 27, E.

[162] Рис. 27, G.

[163] Рис. 27, вход № 2.

[164] Это расположение предложено на рис. 28.

[165] I., 181.

[166] См. выше, с. 75.

[167] См. рис. 29, G.

[168] C и D.

[169] Бронзовая ступень Навуходоносора, хранящаяся в Британском музее (см. выше, с. 27, н. 1), по-видимому, была сделана у входа в храм на юго-западном фронте, обращенном к храмовой башне.

[170] Рис. 29, A.

[171] Рис. 29, B.

[172] На гравюре, чтобы клин и дракон выделялись рельефно, поверхность камня вокруг них была срезана. Это придает самому нижнему этажу башни видимость арочных проемов. Конечно, он должен быть цельным, как и другие этажи башни, а кажущиеся проемы обусловлены лишь требованиями гравера; см. King, "Boundary-Stones and Memorial-Tablets in the British Museum." p. 25, n. 1. Фотографическая репродукция этой части камня приведена в указ. соч., пл. xli.

[173] В "Athenæum", 12 февраля 1876 года.

[174] См. Scheil, "Esagil ou le temple de Bêl-Marduk", в "Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres", vol. xxxix. (1914), pp. 293 ff.; и ср. "Étude arithmétique et architectonique du texte", by Dieulafoy, ibid., pp. 309 ff.

[175] См. выше, с. 74, рис. 27, F.

[176] Рис. 27, E.

[177] Согласно теории М. Дъелафуа, сама башня была построена в пять этапов, стоя на массивном основании (*кигуллу*), которое, в свою очередь, опиралось на цоколь или террасу, простирающуюся над большей частью храмового двора; таким образом, включая храм на вершине башни, можно объяснить восемь этапов, описанных Геродотом.

[178] См. выше, с. 74, рис. 27, и ср. Рис. 28.

[179] I., 186.

[180] II., 8.

[181] Кол. IV, 1. 66 - Кол. V, 1. 4.

[182] См. выше, с. 37.

[183] См. с. 74, рис. 27, К и L.

[184] См. выше, с. 39.

[185] См. выше, с. 68 и далее.

[186] Можно отметить, что это полностью подтверждает утверждение Геродота (I., 180) о том, что улицы Вавилона были прямыми, особенно те, которые шли под прямым углом и вели к реке. Поскольку сохранились лишь фундаменты домов, невозможно проконтролировать его дальнейшее утверждение о том, что дома были трех- или четырехэтажные.

ГЛАВА III

ДИНАСТИИ ВАВИЛОНА: ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ОТКРЫТИЙ

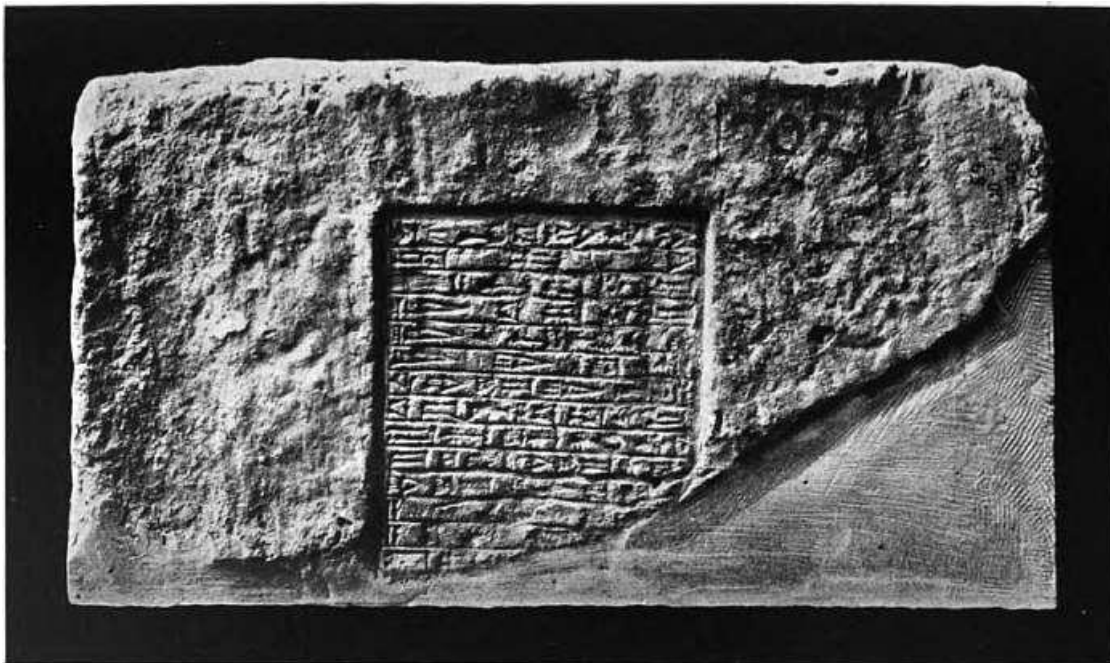
Часто говорят, что хронология - это скелет истории; и очевидно, что любой изъян в хронологической схеме должен отразиться на нашем представлении о последовательности и взаимосвязи событий. Возможно, самым серьезным недостатком, от которого до сих пор страдала вавилонская хронология, было полное отсутствие каких-либо установленных точек соприкосновения между вавилонскими династиями и теми более ранними линиями правителей, которые осуществляли власть в других городах, помимо Вавилона. С одной стороны, с помощью Вавилонского списка царей мы могли бы выстроить снизу схему правителей самого Вавилона. С другой стороны, после обнаружения Ниппурского списка царей стало возможным установить преемственность ранних династий Ура и Нисина и предположить их связь с еще более отдаленными правителями Аккада и других городов на севере и юге. Обе половины скелета были сочленены достаточно удовлетворительно, но не хватало нескольких костей, которые позволили бы нам соединить их вместе. Нет нужды говорить, что недостатка в теориях, позволяющих заполнить этот пробел, не было. Но каждая из предложенных схем влекла за собой новые трудности, и писателям более осторожного темперамента казалось предпочтительным избегать подробной хронологии для тех ранних эпох. Предлагались лишь приблизительные даты, поскольку, несмотря на очевидные соблазны, связанные с Ниппурским списком, было понятно, что любая попытка детально проработать ранние даты может ввести в заблуждение. Такие авторы довольствовались тем, что ждали появления новых материалов, а пока размышляли о периодах.^[1]

Поэтому мы с некоторым удовлетворением можем сообщить, что связующее звено, которого мы так ждали, было установлено совсем недавно, в результате чего в наших руках теперь есть необходимый материал для реконструкции хронологии на прочной основе и продления ее без серьезного разрыва до середины третьего тысячелетия. Влияние вновь найденной точки соприкосновения между ранними и поздними этапами истории страны, естественно, имеет большее значение для первых, если говорить о строгой хронологии.^[2] Но полученная информация о наложении дополнительных династий на династии западносемитских царей Вавилона бросает совершенно новый свет на обстоятельства, которые привели к возвышению Вавилона. Наша картина ранней истории столицы, как независимого города-государства, борющегося за господство над своими соперниками, перестает быть абстракцией, и теперь мы можем проследить, как менялись ее судьбы до кульминации в

царствование Хаммурапи. Этому будет посвящена следующая глава, но, поскольку новый исторический материал только сейчас готовится к публикации, целесообразно сначала дать о нем некоторое представление и оценить его влияние на хронологическую схему.

Уже давно признано, что некоторые цари Ларсы, города в Южной Вавилонии, который сейчас отмечен курганами Сенкера, были современниками Первой династии Вавилона. Величайший из них, Рем-Син, правитель эламского происхождения, был современником Хаммурапи, и его поражение от Вавилона было отмечено в формуле даты тридцать первого года правления последнего.^[3] Эта победа действительно стала главным событием правления Хаммурапи, и одно время считалось, что она раз и навсегда избавила Вавилон от его самого могущественного врага. Но обнаружение хроники ранних вавилонских царей, хотя и подтверждает факт победы Хаммурапи и дает дополнительную информацию о том, что за ней последовало взятие Ура и Ларсы, доказывает, что Рим-Син пережил правление Самсу-илуны, сына Хаммурапи, которым он был окончательно побежден.^[4] Другой царь Ларсы, Варад-Син, которого ранее отождествляли с Рим-Сином, был правильно признан его братом. Оба они были сыновьями эламского Кудур-Мабука и последовательно правили городом.^[5] Имена других правителей были известны из votивных текстов и записей о фундаментах, и из этих источников удалось включить в династию Гунгунама, возможно, Суму-илума (царя Ура), а также Нур-Адада или Нур-Иммера и его сына Син-идиннама. Было осознано, что Син-идиннам, корреспондент, которому Хаммурапи адресовал свои письма, не должен быть отождествлен с царем Ларсы с таким именем,^[6] и все четыре правителя были условно рассмотрены как предшествующие Варад-Сину на троне.^[7]

Полный список царей Ларсы теперь восстановлен профессором Йельского университета А. Т. Клеем, который занимается подготовкой текста к публикации. Как видно, династия состояла из шестнадцати царей, а против имени каждого правителя указано количество лет, в течение которых он занимал трон. Поверхность таблички местами повреждена, а цифры против трех имен отсутствуют. Но это не имеет большого значения, так как писец сложил общее количество лет, перечисленных в списке, и в конце указал его как двести восемьдесят девять.^[8] Наиболее важным моментом в списке является то, что двумя последними царями династии указаны Хаммурапи и Самсу-илуна, которые, как мы знаем, были шестым и седьмым правителями Первой династии Вавилона. Правда, Хаммурапи - один из трех царей, против имен которых отсутствуют цифры. Но мы уже знаем, что он завоевал Ларсу на тридцать первом году своего правления,^[9] так что мы можем с уверенностью считать его царем этого города в течение последних двенадцати лет его правления. Два оставшихся царя династии, чьи годы отсутствуют, Син-идиннам и Син-и33←ишам, имеют по тринадцать лет правления, и поскольку их отделяет друг от друга лишь короткое двухлетнее правление Син-ирибама, отсутствие цифр практически несущественно. Таким образом, у нас есть средства для детального установления родства самых ранних вавилонских царей с царями Ларсы.

VII. Кирпич Син-идиннама, царя Ларсы, с записью прокладки канала и восстановления храма бога Луны в городе Ур

Но, как и большинство новых открытий, это принесло с собой новую проблему. Мы уже подозревали, что Рем-Син был долгожителем, и здесь мы видим, что его правление длилось шестьдесят один год. Но этот факт трудно совместить с тем, что он дожил до десятого года правления Самсу-илуны, который, согласно цифрам нового списка, наступил бы через восемьдесят три года после его вступления на престол. То, что Рим-Син дожил до царствования Самсу-илуны, кажется практически несомненным, поскольку прерванный отрывок поздней хроники, на основании которого сначала был сделан вывод об этом факте, подкреплён двумя формулами даты, которые могут быть удовлетворительно объяснены только в рамках этой гипотезы. [10] Таким образом, если он взошёл на трон Ларсы в возрасте пятнадцати лет, то из новых данных следует, что он возглавил восстание против Самсу-илуны на девяносто восьмом году жизни - сочетание обстоятельств, которое находится в пределах возможного, но едва ли является вероятным или убедительным. Вскоре мы увидим, что существует сравнительно простое и неправдоподобное решение этой загадки, к которому, похоже, сходится ещё одна линия доказательств.

Следует отметить, что новый список царей Ларсы, как бы ни был он важен для истории своего периода, сам по себе не обеспечивает долгожданную связь между ранней и поздней хронологией Вавилонии. Отношения Первой династии Вавилона с династией Нисина [11], насколько можно судить по новому списку, остаются в том же состоянии неопределённости, что и раньше. Уже давно была предусмотрена возможность того, что династия Нисина и Первая династия Вавилона накладывались друг на друга, [12] как это было доказано в случае с первыми династиями в Вавилонском списке царей, и как было уверенно предположено в отношении династий Ларсы и Вавилона. О том, что эти две династии не отделял друг от друга большой промежуток времени, можно было судить по характеру договорных табличек, относящихся к периоду правления династии Нисинцев, которые были найдены в Ниппуре; по форме, материалу, письму и терминологии они очень похожи на таблички первой вавилонской династии. [13] Очевидные преимущества можно было получить, если бы были основания полагать, что эти две династии не только тесно сменяли друг друга, но и частично были одновременными. Ведь в таком случае следовало бы, что не только ранние

вавилонские цари, но и цари Ларсы правили в то же время, что и поздние цари Нисина. На самом деле мы должны представить себе Вавилонию как все еще разделенную на ряд мелких княжеств, каждое из которых соперничало с другим в борьбе за гегемонию и сохраняло сравнительно независимое правление в своих собственных границах. Было полностью признано, что такое положение дел вполне объясняет путаницу в позднейшей преемственности в Нисине, и наши скудные знания об этом периоде можно было бы объединить с более полными источниками информации о первой династии Вавилона.[14]

В отсутствие какой-либо определенной синхронности, подобной той, которой мы уже располагаем для определения взаимосвязей ранних вавилонских династий, для установления точки соприкосновения были испробованы другие средства. Взятие Нисина Рим-Сином, которое зафиксировано в формулах дат на табличках, найденных в Телль-Сифре и Ниппуре, очевидно, рассматривалось как событие значительной важности, поскольку оно стало эпохой для датировки табличек в этом районе. Таким образом, было вполне оправданным предположить, что взятие города Рим-Сином должно рассматриваться как завершение династии Нисина; такое предположение, безусловно, давало адекватную причину для начала новой эры в летоисчислении. Теперь в формулах даты Первой династии Вавилона отмечаются два захвата города Нисин: более ранний - в формуле семнадцатого года Син-мубаллита, более поздний - в формуле седьмого года Хаммурапи. Нашлись сторонники того, чтобы вывести каждую из этих дат из захвата Нисина Рим-Сином и таким образом получить желаемую точку соприкосновения.[15] Но очевидное возражение против любой из этих точек зрения состоит в том, что вряд ли стоит ожидать, что победа Рима-Сина будет отмечена в датах-формулах его главного соперника; а некоторые попытки показать, что Вавилон в то время был вассалом Ларсы, оказались не слишком убедительными. Более того, если принять более раннюю идентификацию, то возникает новая трудность, связанная с тем, что эпоха Нисина не была нарушена завоеванием этого города Хаммурапи. Таким образом, отказ от обеих точек зрения приводит к тому же состоянию неопределенности, с которого мы начали.

Недавно была открыта новая и более надежная линия исследования. Было проведено детальное изучение имен собственных, встречающихся на договорных табличках из Ниппура, и было замечено, что некоторые имена собственные, найденные в документах, относящихся к династиям Нисина и Ларсы, идентичны тем, что встречаются на других ниппурских табличках, относящихся к первой династии Вавилона.[16] То, что их носили одни и те же люди, во многих случаях совершенно точно следует из того факта, что имена их отцов также указаны. Оба комплекта документов были не только найдены в Ниппуре, но и, очевидно, написаны там, поскольку они очень похожи друг на друга по общему виду, стилю и расположению. Одни и те же свидетели встречаются на них снова и снова, а некоторые таблички, составленные при разных династиях, являются работой одного и того же писца. Было даже обнаружено, что, изучая имена собственные, можно проследить историю одной семьи на протяжении трех поколений, в течение которых она жила в Ниппуре при разных правителях, принадлежащих к династиям Нисина, Ларсы и Вавилона; а одна ветвь семьи никогда не могла покинуть город, поскольку ее члены в последующих поколениях занимали должность "пашишу", или жреца-помазанника, в храме богини Нинлиль.[17]

Из подобных свидетельств достаточно привести два примера, поскольку они имеют прямое отношение к предположению, что завоевание Нисина Рим-Сином положило конец династии в этом городе. Из двух документов мы узнаем, что писец Зиатум продолжил свое призвание в Ниппуре не только при Дамик-Илишу, последнем царе Нисина, но и при Рим-Сине из

Ларсы,[18] - факт, который определенно доказывает, что Ниппур перешел под контроль этих двух правителей в течение одного поколения. Другое свидетельство еще более поучительно. Давно известно, что Хаммурапи был современником Рима-Сина, а из нового Списка царей мы получили дополнительную информацию о том, что он сменил его на троне Ларсы. Теперь два других ниппурских документа доказывают, что Ибкушу, *пашишу*, или "жрец-помазанник" богини Нинлиль, жил в Ниппуре при Дамик-Илишу, а также при Хаммурапи в тридцать первый год правления последнего.[19] Этот факт не только подтверждает наше прежнее предположение, но и дает очень веские основания полагать, что конец правления Дамик-Илишу должен был приходиться на время правления Рима-Сина. Поэтому мы можем считать уверенным, что завоевание Нисина Рим-Сином, положившее начало новой эре отсчета времени в центральной и южной Вавилонии, положило конец правлению Дамик-Илишу и династии Нисина, последним представителем которой он был. Поэтому для того, чтобы связать вавилонскую хронологию с нисинской, остается только выяснить, в какой период правления Рим-Сина, как царя Ларсы, произошло завоевание Нисина.

Именно в этот момент очередное открытие профессора Клея предоставило нам необходимые данные для принятия решения. Среди табличек Йельской вавилонской коллекции он обнаружил несколько документов времен правления Рим-Сина, которые имеют двойную дату. В каждом случае первая половина двойной даты соответствует обычной формуле второго года эры Нисина. На двух из них вторая половина формулы даты приравнивает этот год к восемнадцатому году какой-то другой эры, а на двух других тот же год приравнивается к девятнадцатому году.[20] Очевидно, что перед нами писцы, датирующие документы по новой эре и объясняющие, что этот год соответствует восемнадцатому (или девятнадцатому) году той эры, с которой они были знакомы и которую новый метод отсчета времени, вероятно, должен был вытеснить. Теперь мы знаем, что до взятия Нисина писцы в городах, подвластных Рим-Сину, имели привычку датировать документы событиями его царствования, в соответствии с обычной практикой ранних вавилонских царей.[21] Но после взятия Нисина от этого метода отказались, и в течение как минимум тридцати одного года после этого события в моду вошла эра Нисина.[22] На втором году эры, когда новый метод датировки только утвердился, было бы естественно, если бы писцы добавили примечание, объясняющее связь новой эры со старой. Но так как старые формулы были отменены, единственным возможным способом сделать уравнение было бы подсчитать количество лет пребывания Рим-Сина на троне. Поэтому мы можем с уверенностью заключить, что вторая цифра в двойных датах была предназначена для того, чтобы указать год правления Рим-Сина, который соответствовал второму году эры Нисина.

Может показаться странным, что в некоторых документах с двойными датами вторая цифра указана как восемнадцать, а в других - как девятнадцать. Объяснить это несоответствие можно несколькими способами. Если предположить, что завоевание Нисина произошло в конце семнадцатого года правления Рим-Сина, то возможно, что в течение двух последующих лет в ходу были альтернативные методы летоисчисления: одни писцы считали конец семнадцатого года первым годом новой эпохи, другие начинали новый метод отсчета времени с первого дня следующего Нисана. Но такое объяснение вряд ли можно считать вероятным, поскольку, учитывая значение, которое придавалось завоеванию, провозглашение новой эры в честь этого события должно было сопровождаться более чем обычными церемониями, и дата ее принятия не могла быть оставлена на усмотрение отдельных переписчиков. Гораздо вероятнее, что объяснение следует искать во второй цифре уравнения, а расхождение объясняется альтернативными методами подсчета царских лет Рим-Сина. Если снова предположить, что завоевание произошло на семнадцатом году правления Рим-Сина, то те писцы, которые отсчитывали годы от его первой формулы даты,

сделали бы второй год эры восемнадцатым годом его правления. Но другие могли включить в общее число год восшествия Рим-Сина на престол, и это позволило бы им считать тот же год девятнадцатым по отмененной системе летоисчисления.^[23] Это объяснение кажется более предпочтительным из двух, но следует заметить, что при любом варианте мы должны рассматривать первый год эры Нисина как соответствующий семнадцатому году правления Ром-Сина.

Необходимо решить еще один вопрос, связанный с отношением эры Нисина к фактическому завоеванию города. Была ли эра открыта в тот же год, что и завоевание, или ее первый год начался со следующего первого Нисана? В пятой главе упоминается ранний вавилонский метод отсчета времени, и мы увидим, что точно такой же вопрос возникает и в отношении некоторых других событий, отмеченных в формулах дат того периода.^[24] Хотя некоторые особенности системы все еще остаются довольно неопределенными, у нас есть доказательства того, что крупные исторические события в некоторых случаях влияли на текущую формулу даты, особенно когда она носила предварительный характер, в результате чего событие отмечалось в окончательной формуле для года его фактического наступления. По аналогии, мы можем считать, что начало эпохи Нисина совпадает с годом взятия города. В случае с этим конкретным событием аргументы в пользу такой точки зрения действуют с удвоенной силой, поскольку ни одна другая победа ларского царя не была сопоставима с ней по значимости. Таким образом, мы можем считать, что последний год правления Дамик-илишу, царя Нисина, соответствует семнадцатому году правления Рим-Сина, царя Ларсы. А поскольку связь Рим-Сина с Хаммурапи была установлена новым списком царей Ларсы, мы наконец-то получили недостающую синхронность для связи династий из списка царей Ниппура с вавилонскими.

VIII. Хаммураби, царь Вавилона, из реликвии в Британском музее, посвященной от его имени западносемитской богине [Ашратум от Итур-ашдума, правителя провинции].

Теперь мы можем вернуться к трудности, которую создает новый список царей Ларсы, в котором, как мы уже отмечали, долгое правление Рим-Сина, очевидно, вписано как предшествующее тридцать второму году правления Хаммурапи в Вавилоне. Вскоре после публикации хроники на основании оборванного отрывка, из которого следовало, что Рим-Син пережил царствование Самсу-илуны.^[25] была предпринята попытка объяснить эти слова как относящиеся к сыну Рим-Сина, а не к самому правителю.^[26] Но было отмечено,

что знак, который, как было предложено, должен быть переведен как "сын", никогда не использовался с таким значением в хрониках того периода,[27] и что мы должны, следовательно, продолжать рассматривать этот отрывок как относящийся к Рим-Сину. Далее было отмечено, что две таблички с договорами, найденные в Телль-Сифре, в которых записан один и тот же договор купли-продажи, датированы: одна - Ром-Сином, а другая - десятым годом Самсу-илуны.[28] В обоих этих документах одни и те же стороны представлены как совершившие одну и ту же сделку, и, несмотря на разницу в согласованной цене, в обоих документах присутствует один и тот же список свидетелей, и оба они датированы одним и тем же месяцем. Наиболее разумным объяснением существования этих двух документов представляется то, что в период, когда происходила зафиксированная в них сделка, владение городом, ныне отмеченным курганами Телль-Сифра, оспаривалось Рим-Сином и Самсу-илуной. Возможно, вскоре после составления первого из этих документов город сменил владельца, и для того, чтобы сделка была признана действительной, была сделана новая копия документа, в которой формула даты нового правителя была заменена на уже неактуальную.[29] Но какое бы объяснение ни было принято, альтернативные даты на документах, взятые в сочетании с летописью, определенно подразумевают, что Рим-Син жил по крайней мере в конце девятого года правления Самсу-илуны, а возможно, и в десятом году его царствования.

Если же мы примем за чистую монету цифры, приведенные в новом списке царей Ларсы, то столкнемся с уже упомянутой трудностью: Рим-Син должен был стать активной политической силой в Вавилонии примерно через восемьдесят три года после своего восшествия на престол. И если предположить, что он был всего лишь пятнадцатилетним мальчиком, когда сменил своего брата в Ларсе, то он должен был выйти на поле боя против Самсу-илуны на девяносто восьмом году жизни.[30] Но крайне маловероятно, что он был так молод при вступлении на престол, и, учитывая все эти невероятности, лучше внимательно изучить цифры в списке Ларсы, чтобы выяснить, не допускают ли они иного толкования.

Уже отмечалось, что список Ларсы является документом современности, поскольку писец добавил титул "царь" только к последнему имени Самсу-илуна, подразумевая, что он был царствующим царем в момент составления документа. Поэтому маловероятно, что была допущена какая-либо ошибка в количестве лет, отведенных отдельным правителям, формулы дат и записи о правлении которых были легко доступны для ознакомления составителю. Длительное правление в шестьдесят один год, которое приписывается Рим-Сину, должно быть принято как верное, поскольку оно дошло до нас не как традиция, включенная в неовавилонский документ, а засвидетельствовано писцом, писавшим в течение двух лет после того времени, когда, как мы видели, Рим-Син не только жил, но и сражался против вавилонских войск. Фактически, выживание Рим-Сина в течение всего периода правления Хаммурапи в Ларсе и первых десяти лет правления Самсу-илуны, возможно, дает нам решение нашей проблемы.

Если Рим-Син не был свергнут Хаммурапи при завоевании Ларсы, а остался там с урезанными полномочиями вассала Вавилона, то не мог ли его шестидесятиоднолетнее правление включать этот период зависимости? В таком случае он мог править как независимый царь Ларсы в течение тридцати девяти лет, а затем двадцать два года он был обязан верностью Хаммурапи и Самсу-илуне, пока на десятый год правления последнего не поднял восстание и снова не выступил против Вавилона. Правда, если восстановить недостающие цифры в Списке царей, как предлагает профессор Клей, то цифра общей продолжительности династии может быть приведена против этого объяснения; ведь двести восемьдесят девять лет получаются, если рассматривать все правление Рим-Сина как

предшествующее завоеванию Хаммурапи. В отношении этой цифры есть два варианта. Во-первых, возможно, что Син-идиннам и Син-и33←ошам царствовали по тридцать пять лет вместо тринадцати лет, предварительно приписанных им. Если бы это было так, то общее число писца было бы на двадцать два года меньше, чем при сложении его цифр, и это расхождение можно было бы объяснить только каким-то наложением, как предполагается. Но гораздо более вероятно, что цифры восстановлены правильно и что итог писца соответствует итогу цифр в списке. При таком предположении не исключено, что он механически сложил цифры, расположенные напротив царских имен, не вычитая из общей суммы годы зависимого правления Рим-Сина.

Это объяснение представляется наименее вероятным, поскольку оно не требует изменения основных фигур и просто предполагает естественную оплошность составителя. Помещение Хаммурапи и Самсу-илуны в список после, а не рядом с Рим-Сином было бы точно в соответствии со Списком вавилонских царей, в котором Вторая династия перечислена между Первой и Третьей, хотя, как мы теперь знаем, она частично перекрывала каждую из них. В этом случае писец также сложил итоги отдельных династий, не указав периоды их перекрытия. Объяснение в обоих случаях, конечно же, заключается в том, что современная система расположения современных правителей в параллельных колонках не была разработана вавилонскими писцами. Более того, у нас есть свидетельства того, что по крайней мере еще один составитель династического списка был небрежен при сложении итогов; из одной из его неточностей следует, что он посчитал период в три месяца как три года, в то время как в другой династии аналогичный период в три месяца, вероятно, был посчитан дважды и как месяц, и как год.^[31] Правда, династический список, о котором идет речь, является поздним и несовременным документом, но, по крайней мере, это склоняет нас к тому, чтобы допустить возможность такой оплошности, как та, что была допущена составителем списка Ларсы.

Единственной рассмотренной нами причиной для приравнивания первых двадцати двух лет сюзеренитета Вавилона над Ларсой к последней части правления Рим-Сина была необходимость сократить продолжительность жизни этого монарха до пределов вероятности. Если бы это было единственным основанием для предположения, его, возможно, можно было бы считать более или менее проблематичным. Но ниппурские договорные таблички и юридические документы, на которые уже делались ссылки,^[32] предоставляют нам ряд отдельных и независимых доказательств в его поддержку. Таблички содержат упоминания о чиновниках и частных лицах, живших в Ниппуре в царствование Дамик-Илишу, последнего царя Нисина, и Рим-Сина из Ларсы, а также при Хаммурапи и Самсу-Илуны из Вавилона. Большинство табличек периода правления Рима-Сина датируются эпохой Нисина, а поскольку даты табличек, составленных в царствование Хаммурапи и Самсу-илуны, можно точно установить по их датирующим формулам, то можно оценить промежутки времени, разделяющие упоминания одного и того же человека или человека и его сына. Примечательно, что в некоторых случаях временной интервал кажется чрезмерным, если все шестидесятиоднолетнее правление Рима-Сина поместить до взятия Хаммурапи Ларсы. С другой стороны, если рассматривать Рим-Сина как вассала Вавилона в течение последних двадцати двух лет его правления в Ларсе, то временные интервалы сокращаются до нормальных пропорций. Поскольку этот момент имеет определенное значение для хронологии, можно привести один или два примера такого рода доказательств, чтобы читатель мог сам оценить их ценность.

Первым примером, который мы рассмотрим, будет свидетельство Ибкушу, жреца-помазанника Нинлиля, о котором мы уже говорили, что он жил в Ниппуре при Дамик-Илишу,

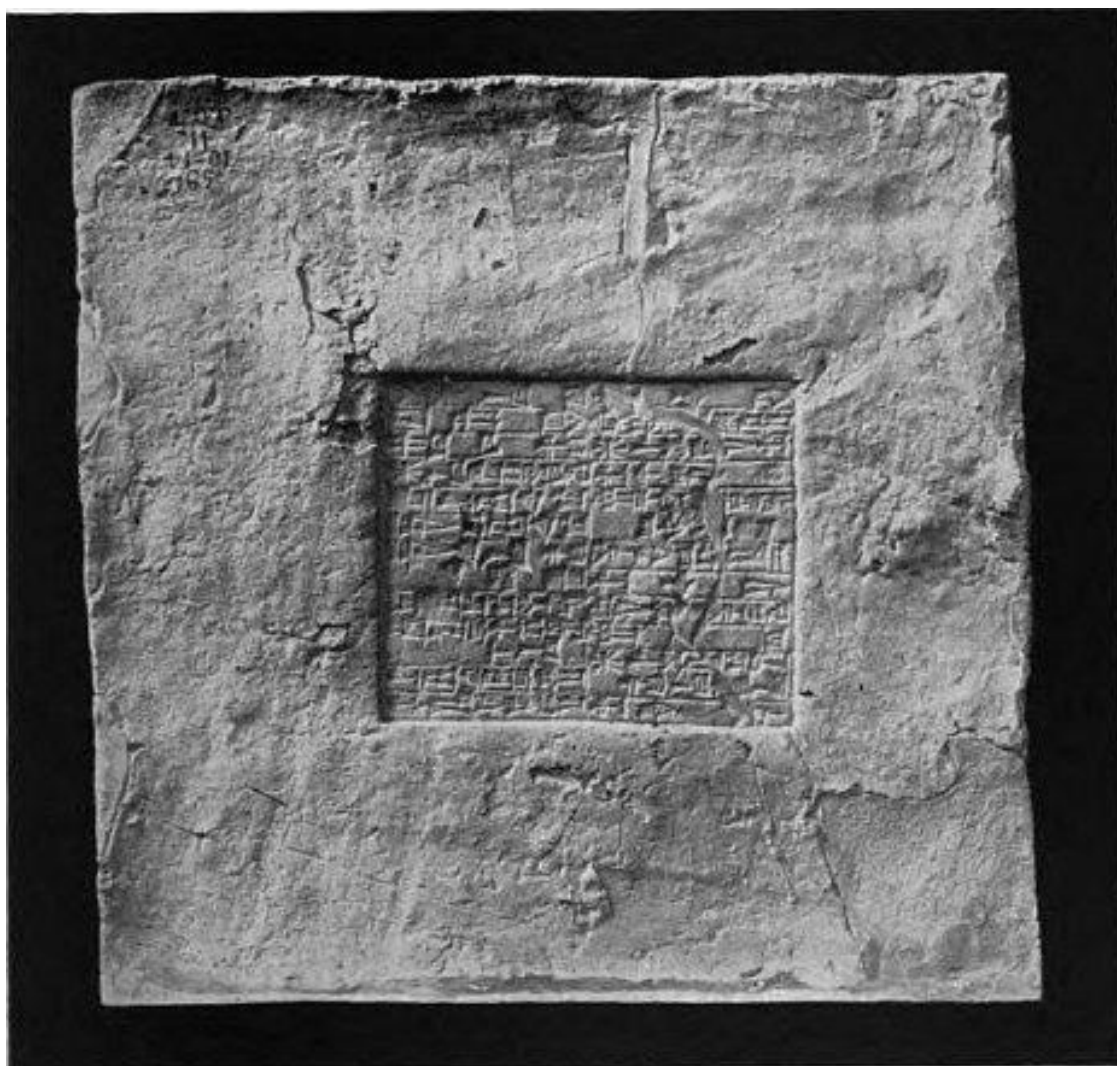
а также при Хаммурапи в тридцать первый год правления последнего[33] ; в обоих случаях, можно отметить, он занимал свой жреческий пост в Ниппуре. Теперь, если мы примем номинальную стоимость цифр в Списке Ларсы, то получим интервал между этими двумя упоминаниями не менее сорока четырех лет, а возможно, и больше.[34] При предложенной интерпретации цифр в Списке этот интервал сократится на двадцать два года. Очень похожим является случай с писцом Ур-кингалой, который упоминается в документе, датированном в одиннадцатым годом эры Нисина, и еще раз в одном документе, датированном четвертым годом Самсу-илуны.[35] В первом случае мы получаем интервал в пятьдесят лет между двумя упоминаниями, в то время как в другом он сокращается до двадцати восьми лет. Очень похожие результаты получаются, если мы исследуем упоминания на табличках об отцах и их сыновьях. Например, некий Адад-раби жил в Ниппуре при Дамике-илишу, а два его сына - Мар-ирситим и Мутум-илу - упоминаются там в одиннадцатый год правления Самсу-илуны.[36] В первом случае между отцом и сыновьями не менее шестидесяти семи лет, а возможно, и больше; во втором - сорок пять лет и более. Нет необходимости рассматривать другие примеры, поскольку уже приведенных достаточно для иллюстрации. Следует отметить, что ни в одном отдельном случае нельзя говорить о невозможности увеличения интервала. Но совокупный эффект поражает. Таким образом, независимые свидетельства этих частных документов и контрактов сходятся в одной точке с данными о продолжительности жизни Рим-Сина. Некоторые из полученных таким образом цифр указывают на то, что, если принять их за чистую монету, царские годы, указанные в Ларсском списке, дают в сумме слишком длинный период в одно поколение. Таким образом, они убедительно свидетельствуют в пользу предложенного метода интерпретации правления Рим-Сина в преемственности Ларсы.

Таким образом, мы можем условно поместить шестьдесят первый год правления Рима-Сина в Ларсе в десятый год правления Самсу-илуны, когда, как мы можем предположить, он поднял восстание и выступил против своего сюзерена. Именно в этот год Телль-Сифр на время перешел из рук в руки. Но, вероятно, важным фактом является то, что в этом районе не было найдено ни одного документа о правлении Самсу-илуны, датированного после двенадцатого года его правления. В действительности мы увидим основания полагать, что вся Южная Вавилония вскоре вышла из-под контроля Вавилона, хотя Самсу-илуне удалось еще несколько лет удерживать Ниппур. Пока же достаточно отметить, что предложенная на сайте последовательность событий очень хорошо согласуется с другими упоминаниями в датировочных списках. Два поражения Нисина от Хаммурапи и его отца Син-мубаллита, которые так долго были предметом споров, теперь перестали быть камнем преткновения. Мы видим, что оба эти события произошли до взятия Нисина Рим-Сином[37] и были лишь временными успехами, не повлиявшими на продолжение династии Нисинов. Все закончилось победой Рим-Сина на семнадцатом году его правления, когда была установлена эра летоисчисления Нисин. То, что Хаммурапи разрешил использовать эту эру в городах, где она уже давно применялась, наряду со своими собственными формулами в течение восьми лет после взятия Ларсы, достаточно объясняется нашим предположением, что Рим-Син не был свергнут, а оставался в своей столице в качестве вассала Вавилона. Естественным было бы нежелание покидать устоявшуюся эпоху, особенно если власть Вавилона не была жестко закреплена в течение первых нескольких лет его сюзеренитета, как в случае с более ранними вассальными государствами.[38]

Перекрытие династии Нисина с вавилонской на сто одиннадцать лет, которое следует из новой информации, предоставленной Йельскими табличками, просто продолжает процесс, который был отмечен несколько лет назад в отношении первых трех династий вавилонского списка царей. Во время предыдущего открытия существовали значительные разногласия по

поводу количества лет, в течение которых Вторая династия списка была независимой властью в Вавилонии. Археологические данные, имевшиеся на тот момент, говорили о том, что цари Страны Моря никогда не правили в Вавилонии, а Третья, или Касситская, династия следовала за Первой династией без какого-либо значительного перерыва.[39] Другие авторы, пытаясь использовать и согласовать хронологические ссылки на более ранних правителей, которые встречаются в более поздних текстах, предполагали период независимости Второй династии, который варьировался, в соответствии с их различными гипотезами, от ста шестидесяти восьми до восьмидесяти лет.[40] Поскольку период правления Первой династии не был установлен самостоятельно, полное отсутствие современных свидетельств в отношении Второй династии привело к значительному расхождению мнений по этому вопросу.

Что касается археологических данных, то мы до сих пор не имеем большого количества документов, датированных периодом их правления, которые бы определенно доказывали правление царей Страны моря в Вавилонии. Но сейчас в Ниппурских коллекциях обнаружены две таблички, которые датируются вторым годом правления Илума-илума, основателя Второй династии.[41] И этот факт очень важен, поскольку доказывает, что в течение двух лет он, во всяком случае, контролировал большую часть Вавилонии. Среди многочисленных документов, датированных временами правления Хаммурапи и Самсу-илуны, которые были найдены в Ниппуре, нет ни одного более позднего, чем двадцать девятый год правления Самсу-илуны, хотя череда датированных документов до этого времени почти не прерывается. Таким образом, получается, что после двадцать девятого года правления Самсу-илуны Вавилон утратил свою власть над Ниппуром. Трудно не прийти к выводу, что силой, оттеснившей ее на север, было царство Страны моря, основатель которого Илума-илум вел успешные кампании против Самсу-илуны и его сына Аби-эшу', как мы узнаем из поздней вавилонской хроники.[42] Другой факт, который, вероятно, имеет не меньшее значение, заключается в том, что среди табличек из Ларсы и ее окрестностей не было найдено ни одной, датированной после двенадцатого года правления Самсу-илуны, хотя мы имеем множество примеров, составленных в более ранние годы его царствования. Поэтому можно предположить, что вскоре после двенадцати лет его правления в Ларсе, которые приписаны ему в новом Списке царей,[43] этот город был потерян для Вавилона. И снова трудно удержаться от вывода, что агрессором была страна моря. Из собственных дат-формул Самсу-илуны мы знаем, что на двенадцатый год его правления "все земли восстали" против него.[44] Поэтому мы можем с большой долей вероятности отнести восстание Илума-илума к этому году, после чего он сразу же основал независимое царство на юге.[45] Вероятно, вскоре он установил контроль над Ларсой и постепенно продвигался на север, пока не занял Ниппур на двадцать девятом или тридцатом году правления Самсу-илуны.

IX. КИРПИЧ ВАРАД-СИНА, ЦАРЯ ЛАРСЫ, С ЗАПИСЬЮ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ГОРОДЕ УР

Таков наиболее вероятный ход событий, насколько он может быть определен в соответствии с нашими новыми свидетельствами. И поскольку они определенно доказывают, что основатель Второй династии Списка царей установил, во всяком случае, на какое-то время, эффективный контроль над южной и центральной Вавилонией, мы тем более склонны считать, что цари Страны моря впоследствии распространили свою власть дальше на север. Тот факт, что составитель Вавилонского списка царей должен был включить правителей Страны моря в этот документ, всегда был весомым аргументом в пользу того, что некоторые из них правили в Вавилонии; и полностью исключить эту династию из хронологической схемы можно было только путем очень резкого сокращения его цифр некоторых из их правлений. Так, например, основателю династии приписывается шестидесятилетнее правление, двум другим правителям - пятидесятипятiletнее, а четвертому - пятидесятилетнее. Но средняя продолжительность правления этой династии всего на шесть лет превышает аналогичный показатель для Первой династии, которая также состояла из одиннадцати царей. А с учетом шестидесяти одного года, приписываемого Рим-Сину в недавно найденном списке Ларсы, который является современным документом, а не более поздней компиляцией, мы можем считать традиционную продолжительность правления династии, возможно, приблизительно верной.^[46] Более того, во всех других частях Списка царей, которые могут быть проконтролированы современными документами, общая точность цифр была убедительно доказана. Таким образом, баланс доказательств свидетельствует в

пользу того, что оценка составителем продолжительности правления Второй династии также опирается на надежную традицию.

Поэтому при разработке хронологической схемы остается только точно определить период Первой династии, чтобы составить подробную хронологию как для раннего, так и для позднего периодов. До сих пор, в отсутствие какого-либо другого метода, приходилось полагаться на традиции, дошедшие до нас из истории Бероса, или на хронологические ссылки на ранних правителей, которые встречаются в поздних исторических текстах. Новый метод определения даты правления Первой династии, полностью независимый от подобных источников информации, был предложен три года назад доктором Куглером, голландским астрономом, в ходе его работы над опубликованными текстами, имеющими какое-либо отношение к истории и достижениям вавилонской астрономии.^[47] Две такие таблички были найдены сэром Генри Лэйардом в Ниневии и хранились в коллекции Куюнджика Британского музея. Одна из них уже давно опубликована, а ее содержание правильно классифицировано как серия астрономических предзнаменований, полученных в результате наблюдений за планетой Венера. ^[48] было несомненно, что этот ассирийский текст является копией более раннего вавилонского, так как это определенно указано в его колофоне. Вторая из двух надписей оказалась отчасти дубликатом^[49], и, используя их в сочетании, доктор Куглер смог восстановить оригинальный текст со значительной степенью уверенности.^[50] Но более важным открытием стало то, что ему удалось точно определить период, в который первоначально был составлен текст и записаны астрономические наблюдения. Он заметил, что в восьмом разделе восстановленного им текста есть хронологическая заметка, датирующая этот раздел по старой вавилонской формуле датировки восьмым годом Амми-задуги, десятого царя Первой вавилонской династии. Поскольку его текст содержал двадцать один раздел, он сделал правомерный вывод, что в нем приводится ряд наблюдений за планетой Венера для каждого из двадцати одного года правления Амми-задуги.^[51]

Наблюдения, на основе которых были получены предзнаменования, состоят из дат гелиакального восхода и захода планеты Венера. Отмечалась дата, когда планета впервые была видна на востоке, дата ее исчезновения и продолжительность периода ее невидимости; затем отмечались аналогичные даты ее первого появления на западе в качестве Вечерней звезды, после чего, как и прежде, указывались даты ее исчезновения и период ее невидимости. Разумеется, проведение таких наблюдений не предполагает наличия у ранних вавилонян глубоких астрономических знаний. Эта прекрасная планета, должно быть, первой после Луны стала объектом систематических наблюдений, а благодаря ее почти круговой орбите не требовалось ни водяных часов, ни инструмента для измерения углов. Астрологи того времени, естественно, следили за первым появлением планеты в лучах рассвета, чтобы прочесть в нем волю великой богини, с которой ее отождествляли. Они отмечали ее постепенное восхождение, падение и исчезновение, а затем считали дни ее отсутствия, пока она вновь не появлялась на закате и не повторяла свои движения восхождения и падения. Эти даты и, как следствие, судьбы страны, составляют наблюдения, отмеченные в тексте, который был составлен в правление Амми-задуги.

Очевидно, что периодическое повторение одного и того же появления планеты Венера само по себе не дало бы нам достаточных средств для определения периода наблюдений. Но мы получаем дополнительные данные, если используем нашу информацию с дальнейшей целью выяснения относительного положения Солнца и Луны. С одной стороны, гелиакальные восходы и заходы Венеры естественным образом связаны с фиксированным отношением Венеры к Солнцу; с другой стороны, ряд дат по дням месяца дает нам

относительное положение Луны по отношению к Солнцу в указанные дни. Без второго критерия первый был бы очень мало полезен. Но в совокупности сочетание Солнца, Венеры и Луны представляет наибольшую ценность для определения положения группы лет, охватываемых наблюдениями, в пределах любого данного периода в сто или более лет. Теперь, если мы полностью исключим Вторую династию из списка вавилонских царей, можно с уверенностью сказать, что правление Амми-задуги не могло быть намного позже 1800 года до н.э.; с другой стороны, ввиду установленного минимального перекрытия Первой династии Второй, можно с такой же уверенностью сказать, что оно не могло быть раньше 2060 года до н.э. Таким образом, период его правления следует искать в интервале между этими датами. Но, чтобы подстраховаться, доктор Куглер расширил оба предела изучаемого периода; он провел свои исследования в промежутке с 2080 по 1740 год до н.э. Он начал с двух наблюдений за шестым годом Амми-задуги, которые давали даты гелиакального захода Венеры на западе и ее восхода на востоке, и, используя дни месяца для определения относительного положения Луны, он обнаружил, что за весь период его правления эта конкретная комбинация имела место три раза.^[52] Затем он приступил к изучению остальных наблюдений с их датами, указанными на двух табличках, и, детально проработав их для центрального из трех возможных периодов, получил подтверждение своей точки зрения, что наблюдения действительно охватывают последовательный период в двадцать один год. Чтобы получить независимое доказательство правильности своих цифр, он приступил к изучению дат в современных юридических документах, которые можно было прямо или косвенно соотнести со временем сбора урожая. Эти даты, согласно его интерпретации календаря, давали возможность контролировать результаты, так как он мог показать, что более высокая или низкая оценка, как правило, отбрасывала время сбора урожая от месяца Нисан, который был особенно урожайным месяцем.

Следует признать, что последняя часть демонстрации находится в другой категории, чем первая; она не разделяет простоту астрономической проблемы. Она, по сути, является лишь дополнительным методом проверки интерпретации астрономических данных, а даты, полученные в результате последней, были получены в полной независимости от контрактов земледелия того периода. Таким образом, если принять три альтернативные даты, то не остается никаких сомнений, что центральный из трех периодов является единственно возможным для правления Амми-задуги, поскольку любой из двух других подразумевает слишком высокую или слишком низкую дату для Третьей династии по Списку царей. Таким образом, мы можем принять дату 1977 г. до н. э. как дату воцарения Амми-задуги и тем самым получить фиксированную точку для разработки хронологии Первой династии Вавилона и, следовательно, частично современных династий Ларсы и Нисина, а также еще более ранней династии Ура. Кстати, помогает зафиксировать в сравнительно узких рамках период касситского завоевания и последующих вавилонских династий.^[53] Исходя из этой цифры и используя уже рассмотренную информацию, следует, что династия Нисина была основана в 2339 году до н.э., династия Ларсы - всего четыре года спустя, в 2335 году до н.э., а первая династия Вавилона - после еще одного интервала в сто десять лет, в 2225 году до н.э.^[54]

Как видно, предложенная система хронологии была установлена в полной независимости от хронологических указаний на более ранних правителей, которые дошли до нас в надписях некоторых поздних ассирийских и вавилонских царей. До сих пор они служили основными отправными точками, на которые опирались при датировке более ранних периодов в истории Вавилона. В данном случае будет уместно рассмотреть их заново и выяснить, насколько они гармонируют со схемой, которая была разработана без их помощи. Если окажется, что они очень хорошо согласуются с новой системой, мы можем с полным основанием увидеть в таком согласии дополнительные основания для того, чтобы считать,

что мы находимся на правильном пути. Не слишком рабски привязываясь к расчетам вавилонского писца, возможность согласования таких ссылок, по крайней мере, снимает ряд трудностей, которые всегда приходилось либо игнорировать, либо объяснять.

Пожалуй, больше всего дискуссий вызвала хронологическая заметка, в которой Набонид ссылается на период правления Хаммурапи. На одном из своих фундаментов-цилиндров Набонид утверждает, что Хаммурапи отстроил Э-баббар, храм бога Солнца в Ларсе, за семьсот лет до Бурна-Буриаша.^[55] В то время, когда еще не было осознано, что Первая и Вторая династии Списка царей частично совпадают по времени, большинство авторов игнорировали очевидное несоответствие между цифрами Списка царей и этим заявлением Набонида. Другие пытались преодолеть эту трудность путем изменения цифр в Списке и с помощью других хитроумных предложений, поскольку считалось, что оставлять подобное несоответствие без объяснения указывает на возможность ошибки в любой схеме, требующей такого хода.^[56] Итак, посмотрим, насколько оценка Набонида согласуется с датой, назначенной Хаммурапи по нашей схеме. Из писем Телль-эль-Амарны мы знаем, что Бурна-Буриаш был современником Амен-Хетепа IV, воцарение которого большинство историков Египта сейчас согласны отнести к началу XIV века до н. э.^[57] Мы можем принять 1480 год до н. э. как примерно ту дату, которая, согласно большинству схем египетской хронологии, может быть отнесена к воцарению Амен-Хетепа IV. Прибавив к этой дате семьсот лет, мы получим, согласно свидетельству Набонида, дату правления Хаммурапи около 2080 года до н. э. По нашей схеме последний год правления Хаммурапи приходится на 2081 год до н. э., и, поскольку семьсот лет Набонида - это, очевидно, круглое число, его общее согласие с этой схемой удивительно близко.^[58]

Таким образом, хронологическая заметка о Набониде служит подтверждением, насколько это возможно, общей точности даты, назначенной Первой династии. В случае со Второй династией мы получаем столь же поразительное подтверждение, когда рассматриваем единственное доступное упоминание о периоде правления одного из ее царей, найденное в записях более позднего правителя. Отрывок, о котором идет речь, находится на межевом камне, хранящемся в Музее Пенсильванского университета, и относится к событиям, произошедшим в четвертый год правления Энлиля-Надин-апли.^[59] В тексте, выгравированном на камне, говорится, что 696 лет отделяют Гулькишара (шестого царя Второй династии) от Навуходоносора, которого, конечно же, следует отождествлять с Навуходоносором I, непосредственным предшественником Энлиль-надин-апли на вавилонском троне. Теперь мы знаем из "Синхронистической истории", что Навуходоносор I был современником Ашшур-рекш-иши, отца Тиглат-Пилесера I, и если мы сможем независимо установить дату воцарения последнего, мы получим приблизительные даты для Навуходоносора и, следовательно, для Гулькишара.

В своей надписи на скале в Бавиане Сеннахериб сообщает нам, что между поражением Тиглат-Пилесера I от Мардук-Надин-Ахе и его собственным завоеванием Вавилона в 689 г. до н. э. прошло 418 лет.^[60] Тиглат-Пилесер, таким образом, царствовал в 1107 г. до н. э., и мы знаем из его Цилиндра-надписи, что этот год не входит в число первых пяти его царствований, и мы знаем из его Цилиндра-надписи, что этот год не входил в первые пять лет его правления; на основании этих данных начало его правления было отнесено приблизительно к 1120 г. до н.э. Навуходоносор I., современник отца Тиглата-Пилесера, мог взойти на трон примерно в 1140 году до н. э.; прибавив к этой дате 696 лет, мы получим приблизительную дату 1836 год до н. э., которая приходится на правление Гулькишара из Второй династии. Эта дата подтверждает данные Списка царей, согласно которым Гулькишар должен был править примерно с 1876 по 1822 год до нашей эры. Но следует

отметить, что период в 696 лет на межевом камне, хотя и выглядит очень точным, вероятно, был получен из круглого числа; ведь камень ссылается на события, которые произошли в четвертый год Энлиль-надин-апли, а число 696 могло быть основано на оценке, что семьсот лет отделяют правление Энлиль-надин-апли от правления Гулькишара. Таким образом, вполне вероятно, что эта ссылка не должна рассматриваться как нечто большее, чем грубое указание на то, что часть правления Гулькишара приходится на вторую половину девятнадцатого века. Но даже при такой низкой оценке точности этой цифры ее согласие с нашей схемой столь же поразительно.

Остается рассмотреть еще одну хронологическую ссылку - запись Ашшур-бани-пала, который, описывая взятие Суз около 647 года до н. э., сообщает, что вернул изображение богини Нана, которое эламитянин Кудур-Нанхунди унес из Эреха за шестнадцать сотен тридцать пять лет до этого.[61] Эта цифра позволяет отнести вторжение Кудур-Нанхунди к 2282 г. до н. э. Поскольку у нас нет других упоминаний или записей о раннем эламском царе с таким именем, не может быть и речи о согласовании этой цифры с другими хронологическими записями, относящимися к его правлению. Все, что мы можем сделать, - это установить, попадает ли, согласно нашей хронологической схеме, дата 2282 г. до н. э. в период, когда эламский царь мог бы вторгнуться в Южную Вавилонию и совершить набег на город Эрах. Проверенная таким образом, цифра Ашшур-бани-пала достаточно хорошо согласуется с хронологией, поскольку Кудур-Нанхунди вторгся в Вавилонию через пятьдесят семь лет после очень похожего эламского вторжения, которое положило конец династии Ура и дало Нисину возможность закрепить за собой гегемонию.[62] То, что Элам продолжал представлять угрозу для Вавилонии, достаточно доказано вторжением Кудур-Мабука, в результате которого его сын Варад-Син оказался на троне Ларсы в 2143 году до н. э. Следует отметить, что Ашшур-бани-пал помещает набег Кудур-Нанхунди на Эрах в период между двумя наиболее заметными эламскими вторжениями в раннюю Вавилонию, о которых у нас есть независимые свидетельства.

Еще одно преимущество предложенной хронологической схемы заключается в том, что она позволяет нам прояснить некоторые из проблем, связанных с династиями Бероса, по крайней мере, в том, что касается исторического периода в его системе хронологии. У более позднего историка Вавилонна мы, естественно, должны были бы ожидать, что этот период начнется с первой династии правителей столицы; но до сих пор имеющиеся свидетельства, похоже, не предлагали даты, которую можно было бы согласовать с его системой. Возможно, стоит отметить, что дата, назначенная по новой схеме для возвышения Первой династии Вавилонна, приблизительно совпадает с датой, выведенной для начала исторического периода Бероссом. Пять исторических династий Бероса, следующих за его первой династией из восьмидесяти шести царей, которые правили в течение 34 090 лет после потопа,[63] сохранились только в армянской версии Хроник Евсевия[64] и являются следующими:-

Династия II., 8 мединских узурпаторов, правивших 224 года;[65]

Династия III., 11 царей, продолжительность их правления неизвестна;[66]

Династия IV., 49 халдейских царей, правивших 458 лет;

Династия V., 9 арабских царей, правивших 245 лет;

Династия VI. 45 царей, правивших 526 лет.

Не совсем ясно, до какого этапа национальной истории Бероссус предполагал продлить свою шестую династию;[67] и в любом случае, тот факт, что отсутствует цифра для продолжительности его третьей династии, делает их общую продолжительность предметом

неопределенности. Но, несмотря на эти недостатки, было достигнуто общее согласие относительно даты начала его исторического периода, основанное на соображениях, не зависящих от цифр в деталях. Предположение А. фон Гутшмида о том, что цари после потопа были сгруппированы Бероссом в цикл из десяти саров, *то есть* 36 000 лет, [68] послужило ключом к решению проблемы. Ведь если из этого числа вычесть первую династию, то оставшееся количество лет даст общую продолжительность исторических династий. Таким образом, если принять продолжительность первой династии за 34 090 лет, то продолжительность исторических династий составит 1910 лет. Приписываемое Евсевием Абидену утверждение о том, что халдеи считали своих царей от Алора до Александра, [69] привело к предположению, что период в 1910 лет должен был включать правление Александра Македонского (331-323 гг. до н.э.). Таким образом, если мы прибавим 1910 лет к 322 году до н.э., то получим 2232 год до н.э. как начало исторического периода, с которого открылась вторая династия Бероса. Можно добавить, что к такому же результату можно прийти, приняв 34 080 лет за продолжительность его первой династии [70] и продлив исторический период в 1920 лет до 312 г. до н. э., начала эры Селевкидов.

Кстати, можно отметить, что эта дата была согласована с цифрой, указанной на полях некоторых манускриптов как обозначающей продолжительность третьей династии Бероса. Обычно считается, что его шестая династия закончилась вместе с предшественником Набонассара на вавилонском троне, и что следующая или седьмая династия началась в 747 г. до н. э. Но было отмечено, что после перечисления II-VI династий Евсевий продолжает говорить о том, что они были в основном династиями, Евсевий продолжает говорить, что после этих правителей пришел царь халдеев, которого звали Фулу [71]; и эта фраза объясняется как указание на то, что шестая династия Бероса закончилась в тот же момент, что и девятая вавилонская династия, в 732 году до н.э., то есть с правлением Набу-шум-Укина, современника Тиглата-Пилесера IV, чье первоначальное имя Пулу сохранилось в вавилонском списке царей. Таким образом, седьмая династия Бероса должна была начаться с правления узурпатора Укин-Зера, который также был современником Тиглата-Пилесера. [72] При таком предположении цифра "сорок восемь", встречающаяся на полях некоторых рукописей армянской версии Евсевия, [73] может быть сохранена для числа лет, отнесенных Бероссом к третьей династии. [74] Еще одно подтверждение дате 2232 г. до н. э. для начала исторического периода Бероса было найдено в сообщении Порфирина о том, что, согласно Каллистену, вавилонские записи астрономических наблюдений охватывают период в 1903 года вплоть до времени Александра Македонского. [75] Если предположить, что чтение 1903 является правильным, то наблюдения должны были продолжаться до 2233 г. до н.э., что всего на один год отличается от даты, полученной для начала исторических династий Бероссом.

Таким образом, есть все основания считать дату 2232 г. до н.э. началом исторического периода в хронологической системе Бероса; [76] и мы уже отмечали, что у позднего вавилонского историка, писавшего в эллинистический период, мы должны ожидать, что начало его истории, в более строгом смысле этого слова, совпадет с первой записанной династией Вавилона, в отличие от правителей других и более ранних городов-государств. Следует заметить, что эта дата всего на семь лет расходится с астрономической датой, полученной доктором Куглером для возвышения первой династии Вавилона. Теперь астрономическая демонстрация относится только к правлению Амми-задуги, который был десятым царем Первой династии; чтобы получить дату 2225 г. до н.э. для воцарения Суму-абума, естественно, полагаться на цифры для промежуточных царствований, которые предоставляются современными списками дат. Но Вавилонский список царей дает цифры, которые были актуальны в неовавилонский период, и, используя его вместо современных

записей, мы получаем дату 2229 г. до н.э. для воцарения Суму-абума, что представляет собой расхождение всего в три года с датой, выведенной по Бероссу. Учитывая небольшие несоответствия со списком царей, которые мы находим, по крайней мере, в одной из поздних хроник, очевидно, что местные историки, составлявшие свои записи в более поздние периоды, обнаружили ряд небольших отклонений в хронологическом материале, на который им пришлось опираться. В то время как общее направление поздней хронологии, вероятно, было согласовано, традиционная продолжительность некоторых царствований и династий могла отличаться в разных документах на несколько лет. Поэтому мы можем заключить, что свидетельства Беросса, насколько их можно восстановить из сводок, сохранившихся в других работах, могут быть согласованы с датой, полученной независимо для Первой династии Вавилона.

Новая информация, которая обсуждалась в этой главе, позволила нам продвинуться дальше, чем это было возможно ранее, в процессе реконструкции хронологии; и мы, наконец, смогли связать более ранние эпохи в истории страны с теми, которые последовали за приходом Вавилона к власти. С одной стороны, мы получили точные доказательства совпадения последующих династий с династиями западносемитских царей Вавилона. С другой стороны, последующее сокращение даты более чем компенсируется новыми свидетельствами, указывающими на вероятность периода независимого правления в Вавилонии некоторых царей Страны моря. Таким образом, общий эффект от новых открытий не носит революционного характера. Он привел, скорее, к локальным перестановкам, которые в значительной степени уравнивают друг друга в их отношении к хронологической схеме в целом. Возможно, самым ценным результатом перегруппировки является то, что мы получаем материал для более детальной картины постепенного прихода Вавилона к власти. Мы увидим, что приход западных семитов затронул и другие города, помимо Вавилона, и что триумф захватчиков ознаменовал лишь завершающий этап долгой и разнообразной борьбы.

[1] Ср. "Шумер и Аккад", с. 64.

[2] Новые открытия в целом не влекут за собой радикальных изменений в принятой хронологической схеме, поскольку локальные перестановки в значительной степени уравнивают друг друга; см. ниже, [с. 117](#) и далее.

[3] Ср. "Письма Хаммурапи", III., pp. lxviii, 236 f.

[4] См. "Хроники о ранних вавилонских царях", I., p. 68 f.; II., p. 17 f.

[5] Ср. Thureau-Dangin, "Inscriptions de Sumener et d'Akkad", p. 300, n. 3; и "Sum. und Akkad. Königsinschriften", p. 210 f., примечание k.

[6] Ср. "Письма Хаммурапи", III., стр. xxvi и далее.

[7] Их votивные надписи собраны в Thureau-Dangin, "Königsinschriften", pp. 206 ff.

[8] Зная, что я работаю над этим томом моей "Истории" и что он, вероятно, будет напечатан до выхода из печати его собственной работы, профессор Клей очень любезно прислал мне расшифровку своего "Списка королей Ларсы" с полным разрешением использовать его. Чтобы читатель мог следить за аргументацией в отношении династии и ее хронологии, можно привести следующие транслитерацию и перевод текста: "21 MU Na-ap-la-nu-um | 28

MU E-mi-su | 35 MU Sa-mn-um | 9 MU Za-ba-aia | 27 MU Gu-un-gu-nu-um | 11 MU A-bi-sa-ri-e | 29 MU Su-mu-ilum | 16 MU Nu-ur-(ilu)Adad | 7 (?) MU (ilu)Sin-idin-nam | 2 MU (ilu)Sin-i-ri-ba-am | 6(?) MU (ilu)Sin-i-ki-sha-am | 1 MU Sili(li)-(ilu)Adad | 12 MU Warad-(ilu)Sin | 61 MU (ilu)Ri-im-(ilu)Sin | 12 (?) MU (ilu)Ha-am-mu-ra-bi | 12 MU Sa-am-su-i-lu-na sharru | 289 MU-III." В последующем переводе каждая строка текста отделена точкой с запятой: "21 год Напланум; 28 лет Эмиса; 35 лет Самум; 9 лет Забайя; 27 лет Гунгунум; 11 лет Аби-сапе; 29 лет Суму-илум; 10 лет Нур-Адад; 7(?) лет Син-идиннам; 2 года Син-ирибам; 6(?) лет Син-и33←ошам; 1 год Сили-Адад; 12 лет Варад-Син; 61 год Рим-Син; 12(?) лет Хаммурапи; 12 лет Самсу-илуна, царь; 289 лет его." Из того, что после имени Самсу-илуны вставлено слово *sharru*, "царь", можно сделать вывод, что список является современным документом, составленным на двенадцатом году правления Самсу-илуны. Интересен и тот факт, что писец написал определитель божественности перед именами Рим-Сина и Хаммурапи, но не перед именем Самсу-илуны. Цифры, за которыми следует запрос, - это цифры, предложенные профессором Клеем для трех прерванных отрывков; следует отметить, что они составляют общую сумму цифр, которая указана писцом как двести восемьдесят девять лет.

[9] См. выше, с. 88.

[10] См. далее, р. 98 f.

[11] Следует отметить, что название вавилонского города, которое сейчас обычно передается как Исин, правильнее читать как Нисин. На это указывают две формы названия, которые, по словам профессора Клэя, встречаются на двух табличках в Йельской вавилонской коллекции, № 5415 и 5417; в формулах дат на этих табличках название города написано как *Ну-и-си-ин* (KI) и *Ну-и-си-ин-на* (KI). В конце концов инициал был опущен; ср. с. 254, п. 2.

[12] Ср. "Хроники", I., р. 168, п. 1.

[13] Ср. Хильпрехт, "Математические, метрологические и хронологические таблички" (в "Bab. Exped.", Ser. A., Vol. X., i.), р. 55, п. 1.

[14] Ср. "Шумер и Аккад", с. 63, 313 и далее.

[15] Отождествление захвата Нисина Рим-Сином с захватом, упомянутым в семнадцатом году Син-мубаллита, было впервые предложено в "Письмах Хаммурапи", III, р. 228, п. 39, и было принято для целей хронологии Хильпрехтом, "Math., Met., and Chron. Tabl.", р. 50, note; Meyer, "Geschichte", I., ii., pp. 345, 556; Ungnad, "Orient. Lit.-Zeit.", 1908, Col. 66, и "Z.D.M.G.", LVI., р. 714, и другие. Лэнгдон недавно попытался идентифицировать захват Рим-Сина с тем, который упоминается в формуле седьмого года Хаммурапи; см. "The Expositor", 1910, р. 131, и "Babyloniaca", 1914, р. 41, и ср. Chiera, "Legal and Administrative Documents", р. 24 f. Исследования самого Чиеры по этому вопросу см. ниже, [р. 93 f.](#)

[16] Ср. Эдвард Чиера, "Юридические и административные документы из Ниппура, главным образом из династий Исин и Ларса" (в "Публикациях музея Пенсильванского университета, Вавилонский отдел", том VIII, № 1), стр. 19 и далее.

[17] *Op. cit.*, р. 22.

[18] Ср. Chiera, *op. cit.*, pl. ix., No. 15, 11. 27 и далее; pl. xxiii., No. 35, 11. 20 и далее; и р. 21, No. 26.

[19] *Op. cit.*, pl. vii., No. 12, 11. 29, 35 f.; pl. xxxv., No. 81, 11. 2, 23 ff.; и р. 20, No. 6.

[20] Профессор Клей сообщил мне, что на двух табличках Y.b.c., № 4229 и 4270, за обычной формулой второго года эры Нисина следуют слова *shag mu ki XVIII-kam*, которые можно перевести как "в течение восемнадцатого года", то есть соответствующие восемнадцатому году. На одной из табличек дополнение к обычной дате имеет вид *shag mu ki XVIII-kam in-ag* (?), но профессор Клей не совсем уверен в прочтении знака *ag*, который, как он пишет, "из-за того, что табличка была закрыта, сильно искажен". Если чтение правильное, то это важно, так как дополнение может быть переведено как "в течение (т.е. соответствующего) восемнадцатого года, когда он царствовал", а слово *in-ag* - это глагол, обычно используемый в шумерских династических списках в предложениях, указывающих количество лет правления царя. Две другие длинные формулы даты для того же года (на табличках Y.b.c., № 4307 и 4481) начинаются так: *mu ki II dim(?) mu ki XIX giš-ku-makh Ana (dingir) En-lil (dingir) En-ki*, и т.д. Здесь чтение знака *dim* не является абсолютно определенным, но, если предположить его правильность, формулу можно перевести: "Во второй год (соответствующий девятнадцатому году), когда с возвышенным оружием Ану, Энлиля и Эа царь Рим-Син взял город Нисин" и т. д. Как видно, чтения, предложенные профессором Клеем для двух неопределенных знаков в формулах, имеют прекрасный смысл, и, если они верны, они определенно доказывают, что вторые цифры в уравнениях были получены из годов правления Рем-Сина. Но даже если считать эти два знака совершенно неопределенными, на общую интерпретацию двойных дат это не влияет; их трудно объяснить на основании какой-либо другой гипотезы, кроме той, что принята в тексте.

[21] Некоторые из его ранних формул дат были восстановлены; см. ниже, с. 155.

[22] В течение многих лет последней восстановленной датой эпохи Нисина был тридцатый год; см. Scheil, "Recueil de travaux", XXI. (1899), p. 125, и ср. "Письма Хаммурапи", III., p. 229. Профессор Клей сообщил мне, что среди табличек Йельской вавилонской коллекции есть одна, датированная тридцать первым годом падения Нисина.

[23] Того факта, что они всегда датировали по формулам, а не по пронумерованным годам царствования, вполне достаточно, чтобы объяснить неопределенность в вопросе о том, следует ли включать год воцарения в их летоисчисление. Таким образом, кажущееся расхождение в двойных датах не только не ослабляет объяснение, предложенное в тексте, но и дает ему дополнительную поддержку и подтверждение.

[24] См. ниже, с. 190.

[25] См. "Хроники о ранних вавилонских царях", II. с. 18.

[26] Ср. Винклер, "Восток. Lit.-Zeit.", 1907, Col. 585 f., и Hrozný, "Wiener Zeitschrift", Bd. 21 (1908), p. 382.

[27] Ср. "Шумер и Аккад", p. 317, n. 2. Прерывистая строка в хронике гласит: (.....) *zu-na-a (m)Rîm-(ilu)Sin ana* (.....) *illik(ik)*, "(.....) ... Rîm-Sin to (.....) marched". Передача, предложенная Винклером и Грозным, выглядит следующим образом: "[.....]зуна, сын Рим-Сина, в (.....) поход"; но их перевод игнорирует тот факт, что в этих поздних хрониках "сын" всегда выражается знаком TUR (*mâru*), и никогда - A (*aplu*).

[28] Ср. Ungnad, "Zeits. für Assyriol.", XXIII., pp. 73 ff., и Thureau-Dangin, "Journal Asiatique", xiv., 1909, pp. 335 ff.

[29] Разница в цене, возможно, объясняется политической революцией, которая позволила одной из сторон выторговать у другой лучшие условия.

[30] См. выше, р. 90 f.

[31] Ср. "Хроники о ранних вавилонских царях", I., р. 184 f.

[32] См. выше, р. 93 f.

[33] См. выше, р. 94, п. 2.

[34] Если Ибушу был назначен жрецом в последний год правления Дами-илишу, то этот интервал составил бы ровно сорок четыре года; но поскольку Дами-илишу царствовал двадцать три года, Ибушу вполне мог быть назначен на несколько лет раньше.

[35] См. Pöebel, "Babylonian Legal and Business Documents", pl. 3, № 6, 11. 25, 30 и далее, и пл. 11, № 23, 11. 33, 36 и далее; и ср. Chiera, "Legal and Administrative Documents from Nippur", р. 21, № 24.

[36] Ср. Чиера, указ. соч., стр. 22. Выводы, сделанные Чиерой на основе собственных имен (стр. 29 и далее), конечно, должны быть изменены с учетом списка царей Ларсы; но его данные остаются в силе.

[37] Согласно предложенной гипотезе относительно списка Ларсы, захват Нисина Рим-Сином должен был произойти через два года после нападения Хаммурапи на этот город. Но если отвергнуть эту гипотезу, то эпоха Нисина началась бы в седьмой год правления Син-мубаллита.

[38] См. с. 142 и далее. Выживание эпохи Нисина в первые годы вассалитета Ларсы, кажется, сопряжено с меньшими трудностями, чем те, что возникают при принятии шестидесяти одного года независимого правления Рим-Сина, за которым сначала последовали двадцать один или двадцать два года политической неясности, а затем период активных действий на поле. И, помимо невероятностей, связанных с продолжительностью жизни Рим-Сина, оставалась еще одна трудность, связанная с прерыванием эпохи Нисина завоеваниями города Син-мубаллитом и Хаммурапи (см. выше, с. 92 и далее).

[39] Такую точку зрения я предложил в "Хрониках, касающихся ранних вавилонских царей", I., стр. 96 и далее, и ее принял Мейер, "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. ii., р. 340 f.

[40] Ср. "Шумер и Аккад", р. 63, п. 2.

[41] См. Pöebel, "Деловые документы", pl. 40, No. 68, и Чиера, "Юридические и административные документы", pi. xl., No. 89.

[42] Ср. "Хроники", II., стр. 19 и далее. О том, что Страна моря была самым могущественным соперником Вавилона в это время, можно судить по включению имени Илума-илума в хронику. Очевидно, он был выбран для упоминания как предводитель самого заметного вторжения этого периода.

[43] См. выше, с. 90, примечание.

[44] См. Schorr, "Urkunden des altbab. Ziv. und Prozessrechts", р. 595.

[45] Мы знаем, что Илума-илум был современником Аби-эшуму, а также Самсу-илуна. Поскольку в Списке царей ему приписывается шестидесятилетнее правление, то, если принять эту цифру, возможно, что он основал свою династию в Стране моря за несколько лет до нападения на Ларсу. Его воцарение относят к двадцать шестому году правления Хаммурапи (см. Thureau-Dangin, "Zeits. für Assyriol.", XXI., pp. 176 ff.), хотя тот же автор, сократив

на двадцать лет даты правления Третьей и Второй династий, впоследствии предположил, что он занял свой трон в четвертый год правления Самсу-илуны (*op. cit.*, p. 185 f.). Поскольку у нас нет доказательств того, что Илума-илум был современником Хаммурапи, безопаснее поместить его воцарение в правление Самсу-илуны; и в этом случае формула даты двенадцатого года кажется наиболее вероятным поводом для его восстания.

[46] Цифры, вероятно, не совсем точны; см. ниже, с. 209, п. 1.

[47] См. его "Sternkunde und Sterndienst in Babel", 1907-1913.

[48] Этот, основной текст, имеет номер К. 160, и его текст был опубликован Джорджем Смитом в книге Роулинсона "Cun. Inscr. West. Asia", III., pl. 63. Переводы и исследования были даны Сэйсом в "Trans. Soc. Bibl. Arch.", III. (1874), pp. 316 и далее; Сайс и Босанкет, "Monthly Notices of the Royal Astronomical Society", XL. (1880). p. 566 и далее, и Скиапарелли, "Venusbeobachtungen und Berechnungen der Babylonier" (1906). Другие ссылки см. в Bezold, "Catalogue", I., p. 42.

[49] Вторая из двух надписей имеет номера К. 2821 + К. 3032, и ее текст опубликован Крейгом, "Астролого-астрономические тексты", pl. 46; ср. также Virolleaud, "L'Astrologie Chaldéenne", Ishtar XII., XV. и XIV.

[50] Ср. "Sternkunde und Sterndienst in Mabel", Buch II., Teil ii., Hft. I, pp. 257 ff. Помимо того, что в обоих текстах встречаются неполные отрывки, в процессе передачи, по-видимому, вкрались некоторые ошибки переписчиков.

[51] Из современных формул дат мы знаем, что Амми-задуга царствовал более семнадцати лет. Вавилонский список царей приписывает ему двадцать один год.

[52] Согласно этому критерию, шестой год правления Ануни-задуги мог выпасть на 2036-5 гг. до н.э., или 1972-1 гг. до н.э., или 1853-2 гг. до н.э., что дает для его первого года три возможные даты: 2041-40 гг. до н.э., или 1977-6 гг. до н.э., или 1858-7 гг. до н.э.

[53] Для этой цели его можно использовать в сочетании с более поздними ассирийскими синхронизмами и с датой Бурна-Буриаша, полученной из египетских источников (см. ниже, с. 111).

[54] Стоит отметить, что если мы поместим все правление Рим-Сина на шестьдесят один год до завоевания Хаммурапи Ларсы, то поднимем первые две даты, приведенные в тексте, на двадцать два года. При таком предположении династия Нисина была бы основана в 2361 году до н. э., а династия Ларсы - в 2357 году до н. э. Следовательно, династии Нисина и Вавилона перекрывали бы друг друга на восемьдесят девять лет, а не на сто одиннадцать. Но баланс вероятности в пользу более поздних дат; см. выше, p. 103, п. 2.

[55] См. Безольд, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XI., pp. 94, 99, и pl. iv., 85-4-30, 2, Col. II., 11. 20 ff., и Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", I., 69, Col. II., 1. 4; ср. также Langdon, "Neubabylonischen Königsinschriften", p. 238 f.

[56] См. "Хроники", I., p. 87 f.

[57] Примерная дата 1430-1400 гг. до н. э. установлена Баджем, "История Египта", том IV, стр. 113 и далее; в то время как его воцарение помещено в 1383 г. до н. э. Петри, "История Египта", том II, стр. 205 и далее; в 1380 г. до н. э. - Мейер, "Египетская хронология", стр. 68, и "Geschichte", I., ii., p. 335 f., и Холл, "Древняя история Ближнего Востока", стр. 228; и в 1375 г.

до н. э. - Брестед, "История Египта", стр. 509, и "Древние записи", том I., стр. 43. Масперо предполагает дату около 1380 г. до н.э.; ср. "Histoire ancienne", II., p. 337, примечание.

[58] Согласно хронологической схеме д-ра Баджа, приблизительная дата 1400 г. до н. э. для Бурна-Буриаша дает для Хаммурапи дату около 2100 г. до н. э. (что соответствует его двадцать четвертому году).

[59] См. Hilprecht, "Old Babylonian Inscriptions", Pt. I., pi. 30 f., № 83; ср. также Jensen, "Zeits. für Assyriol.", VIII., pp. 220 ff.

[60] Ср. King, "Tukulti-Ninib I.", p. 118 f.

[61] См. Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", Vol. III., pl. 38, No. 1, Obv. 1. 10.

[62] См. ниже, p. 133.

[63] То, что Бероссус опирался на местные списки правителей при составлении своей первой династии полумифических царей, поразительно подтверждается документами, обнаруженными недавно в коллекции табличек Ниффера, хранящихся в Пенсильванском музее. Они были опубликованы Побелом, "Univ. of Pennsylv. Mus. Publications", Vol. IV., No. I, и Vol. V., и новая информация, которую они предоставляют, представляет большой интерес для более ранней истории. Можно отметить, что цифра 34 090 - это та, которая дана для продолжительности династии в Синцелле (изд. Диндорф, с. 147); в эквиваленте в сарах и т. д., который добавлен (*т. е.* 9 саров, 2 нера и 8 сосов = 34 080 лет), вероятно, единицы намеренно игнорируются, хотя некоторые считают 34 080 правильной цифрой (см. ниже, с. 115). У Евсевия ("Chron. lib. I.", ed. Schoene, Col. 25) цифра составляет 33 091 (вероятно, ошибка в 34 091); эта цифра, во всяком случае, подтверждает чтение девяноста (против восьмидесяти) у Синцелла, см. Meyer, "Beiträge zur alten Geschichte (Klio)", III., p. 133; и см. далее, p. 116 f., n. 5.

[64] Евсевий, "Chron. lib. I.", ed. Schoene, Col. 25; см. также Schwartz в Pauly-Wissowa, "Real-Encyclopädie", III. (i.). Col. 311.

[65] На полях MSS. 34 года.

[66] На полях MSS. 48 лет.

[67] См. далее, p. 115 f.

[68] Считается, что до потопа цари царствовали сто двадцать саров, *т. е.* 432 000 лет.

[69] Евсевий, "Chron. lib. I.", ed. Schoene, Col. 53: "Hoc pacto Khaldæi suæ regionis reges ab Aloro usque ad Alexandrum recensent."

[70] См. выше, p. 114, n. 1.

[71] "Chron. lib. I.", ed. Schoene, Col. 25: "postquos, inquit (sc. Poly-histor), rex Chaldæorum extitit, cui nomen Phulus est."

[72] То есть в точке, отмеченной группой Χίξηρος καὶ Πῶρος в Птолемеевом каноне. Ukîn-zêr - это сокращение от Nabû-mukîn-zêr.

[73] См. выше, p. 114, n. 4.

[74] Ср. Мейер, "Beiträge zur alten Geschichte (Klio)", III., pp. 131 ff.

[75] Это утверждение встречается в комментарии Симпликия к "De Caelo" Аристотеля, и греческий текст гласит 31 000; ср. ed. Heiberg, p. 506. Но в латинском переводе Моербека цифра указана как 1903 год, и это, вероятно, представляет собой первоначальное чтение; см. Lehmann-Haupt, "Zwei Hauptprobleme", pp. 109 f., 210, и Meyer, *op. cit.*, p. 131.

[76] Пенсильванские документы, опубликованные Побелом (см. выше, с. 114, п. 1), свидетельствуют о том, что существовали различные традиции относительно числа мифических и полумифических правителей Вавилонии и продолжительности их правления. Например, в двух списках, составленных при царях Нисина и отделенных друг от друга интервалом всего в шестьдесят семь лет, общая продолжительность правления предшествующих династий в одном из них указана как 32 243, а в другом - как 28 876 лет. Но этот факт, конечно, не мешает использовать цифры, дошедшие до нас от Беросса, чтобы установить начало исторического периода в используемой им системе.

ГЛАВА IV

ЗАПАДНЫЕ СЕМИТЫ И ПЕРВАЯ ДИНАСТИЯ ВАВИЛОНА

Возвышение Вавилонна до главенствующего положения среди враждующих династий Шумера и Аккада можно рассматривать как окончательный триумф семитов над шумерами. Его выживание в долгой расовой борьбе было обусловлено тем, что он получал подкрепление от людей своего собственного происхождения, в то время как шумерское население, однажды поселившись в стране, никогда впоследствии не возобновлялось. Великая семитская волна, под которой тонул и окончательно исчезал Шумер, достигла Евфрата с берегов Восточного Средиземноморья. Но амурру, или западные семиты, как и их предшественники в Северной Вавилонии, пришли первоначально из Аравии. Ведь сегодня общепризнано, что Аравийский полуостров был первым домом и колыбелью семитских народов. Аравия, как и равнины Центральной Азии, была, по сути, одним из основных мест размножения человеческой расы, и в течение исторического периода мы можем проследить четыре великих миграции семитских кочевых племен, которые последовательно отрывались от северной окраины аравийских пастбищных земель и, подобно потоку, распространялись по соседним странам. Первое великое расовое движение такого рода - это то, последствия которого проявились главным образом в Аккаде, или Северной Вавилонии, где семиты впервые закрепились, преодолев долину Тигра и Евфрата. Второе направление отличается от первого, как ханаанское или аморейское, поскольку оно дало Ханаану его семитских жителей; но как долго промежуток времени отделял одно движение от другого, сказать невозможно. Вполне возможно, что процесс был непрерывным, лишь с изменением направления продвижения; но удобно различать их по их последствиям как отдельные движения: сенсбилизация Ханаана последовала за вавилонской, но в то же время способствовала ее полному успеху. Более поздние миграции нас сейчас не касаются, и в любом случае только одна из них попадает в период данной истории. Это было третье великое переселение, начавшееся в XIV веке и названное арамейским по имени царства, которое оно основало в Сирии со столицей в Дамаске. Четвертое, и последнее, произошло в седьмом веке нашей эры, когда армии ислама, завоевав Западную Азию и Северную Африку, проникли даже в Юго-Западную Европу. Оно было самым масштабным из всех четырех по охваченной им территории и, несмотря на то, что является последним в серии, иллюстрирует характер и методы предыдущих движений на их начальных стадиях, когда

кочевник пустыни, выходящий с силой из своих собственных границ, попадал в зону оседлой цивилизации.

Правда, сегодня огромные территории Центральной Аравии совершенно непригодны для жизни, но есть основания полагать, что нынешнее состояние засушливости не было столь заметным в более ранние периоды. У нас есть четкое доказательство этого во внутренних районах Южной Аравии, где между плоскими прибрежными районами и крутым горным хребтом, образующим южную границу центрального плато, все еще существует пояс сравнительно плодородной страны.^[1] На самом побережье осадков практически нет, и даже на более высоких склонах вдали от побережья они очень скудны. Здесь стада коз часто остаются без воды на многие недели, и они научились вырывать и жевать мясистые корни одного из видов кактусов, чтобы утолить жажду. Но еще дальше вглубь страны простирается широкая полоса, которая отличается удивительным плодородием и высоким уровнем земледелия. Осадки здесь выпадают регулярно в течение части года, страна покрыта лесом, а главная горная цепь, хотя и не имеет городов любого размера, густо усеяна сильными боевыми башнями, которые возвышаются над хорошо возделанными и процветающими деревнями. К северу от хребта, за пределами земледелия, простирается пояс, по которому бродят пустынные номады с их типичными черными палатками из плетеной козьей шерсти, а затем идет центральная пустыня - область перекатывающихся песков. Но то тут, то там можно увидеть руины дворцов и храмов, поднимающихся из песка или построенных на небольшом возвышении над его уровнем.

Во времена Сабейского царства, уже в шестом веке до нашей эры, этот регион Южной Аравии, должно быть, был гораздо более плодородным, чем сейчас. Сдвигающийся песок под напором симума, несомненно, сыграл свою роль в уничтожении возделываемых земель; но только этим нельзя объяснить изменившиеся условия. Исследования Штейна, Пампелли, Хантингтона и других показали результаты высыхания в Центральной Азии,^[2] и можно с уверенностью сказать, что аналогичное уменьшение количества осадков произошло и во внутренних районах Южной Аравии.^[3] К таким климатическим изменениям, которые, согласно последним теориям, происходят в повторяющихся циклах,^[4] мы, вероятно, можем отнести великие расовые миграции из Центральной Аравии, которые дали своих жителей столь многим странам Западной Азии и Северной Африки.

Можно составить очень четкое представление о семите, вышедшем из этого региона, ведь жизнь кочевника-скотовода во всем мире одинакова.^[5] И даже в наши дни в котловинах Аравийской пустыни достаточно влаги, чтобы на пастбищах росла трава, способная содержать кочевые племена, которые со своими стадами овец и коз переходят из одной более благоприятной местности в другую. Жизнь такого кочевника сведена к одной форме условиями, навязанными пустыней; ведь пастбища не могут его прокормить, и он должен жить за счет молока и молодняка своих стад. Он - исключительно пастух, имеющий при себе самые простые и легкие палатки, инструменты и оружие для своих нужд. Тип общества - патриархальная семья, поскольку каждое кочевое племя состоит из группы родственников, и под руководством вождя не только мужчины клана, но и женщины и дети принимают активное участие в уходе за стадами и в занятиях простыми искусствами выделки кожи и плетения из шерсти и волос. До тех пор, пока пастбища могут прокормить его стада, кочевник может спокойно оставить оседлого земледельца за краем пустыни. Некоторые из полукочевых племен, живущих на краю земледелия, могут вступать в бартерные отношения со своими более цивилизованными соседями и даже иногда требовать субсидий за то, что их урожай остается в покое. Но основная масса племен обычно остается в пределах своей территории, пока существуют условия, способные обеспечить потребности их простой

жизни. Когда пастбища иссякают, кочевник должен покинуть свою территорию или погибнуть, и именно тогда он спускается на землю и начинает приспосабливаться к новым условиям, завоеывая оседлые расы, чью более высокую культуру он сам впитывает.

Пока человек находился в тисках пустыни, у него не было никаких перспектив развития или продвижения по пути цивилизации. Единственные значительные изменения, которые произошли в жизни арабского кочевника, были связаны с появлением лошади и верблюда. Но они лишь увеличили его мобильность, оставив самого человека неизменным. Арабы седьмого века до нашей эры, изображенные на рельефах из Ниневии как бегущие на своих верблюдах перед наступлением ассирийцев, ничем существенным не отличались от своих ранних предшественников, которые добирались до долины Евфрата пешком или только с ослом в качестве ноши. Ибо, сумев однажды одомашнить свои стада и жить за их счет в пастбищных степях, кочевник полностью удовлетворяет свои потребности, а его образ жизни сохраняется в последующих поколениях. Он не может накапливать имущество, так как должен постоянно носить все свои вещи с собой, и его знания о неизведанном прошлом полностью получены из устных преданий. Самые ранние надписи, найденные в Аравии, относятся, вероятно, не ранее VI века до н. э., и они, естественно, принадлежат не кочевникам, а семитским племенам, которые оставили свои скитания ради оседлой жизни в деревнях и поселках в более гостеприимных регионах юга.

РИС. 32.

АРАБЫ XVII века до н.э.

Со скульптуры времен правления Ашшур-бани-пала в Ниневийской галерее Британского музея.

Амурру, или западные семиты, чьему вторжению в Вавилонию непосредственно обязано возвышение самого Вавилона, уже давно отказались от кочевого существования и, помимо более

высоких стандартов земледельца, приобрели цивилизацию, на которую в значительной степени повлияла вавилонская. Благодаря активной политике раскопок, проводимой в течение последних двадцати пяти лет в Палестине, мы имеем возможность реконструировать условия жизни, которые преобладали в этой стране с очень раннего периода. Фактически, теперь можно проследить последовательные этапы ханаанской цивилизации вплоть до неолитических времен. Грубые кремневые орудия палеолита или древнего каменного века также были найдены на поверхности равнин Палестины, где они лежали с конца ледниковой эпохи. Но в то время климат и характер средиземноморских земель сильно отличались от их нынешнего состояния, и в культурной последовательности наступает большой перерыв неизвестной длины, который отделяет первобытный период от неолита или позднего каменного века. Именно к этой второй эпохе мы можем отнести реальные истоки ханаанской цивилизации. Ибо, начиная с этого времени, преемственность культуры не прерывается, и каждая эпоха является прямой наследницей предыдущей.

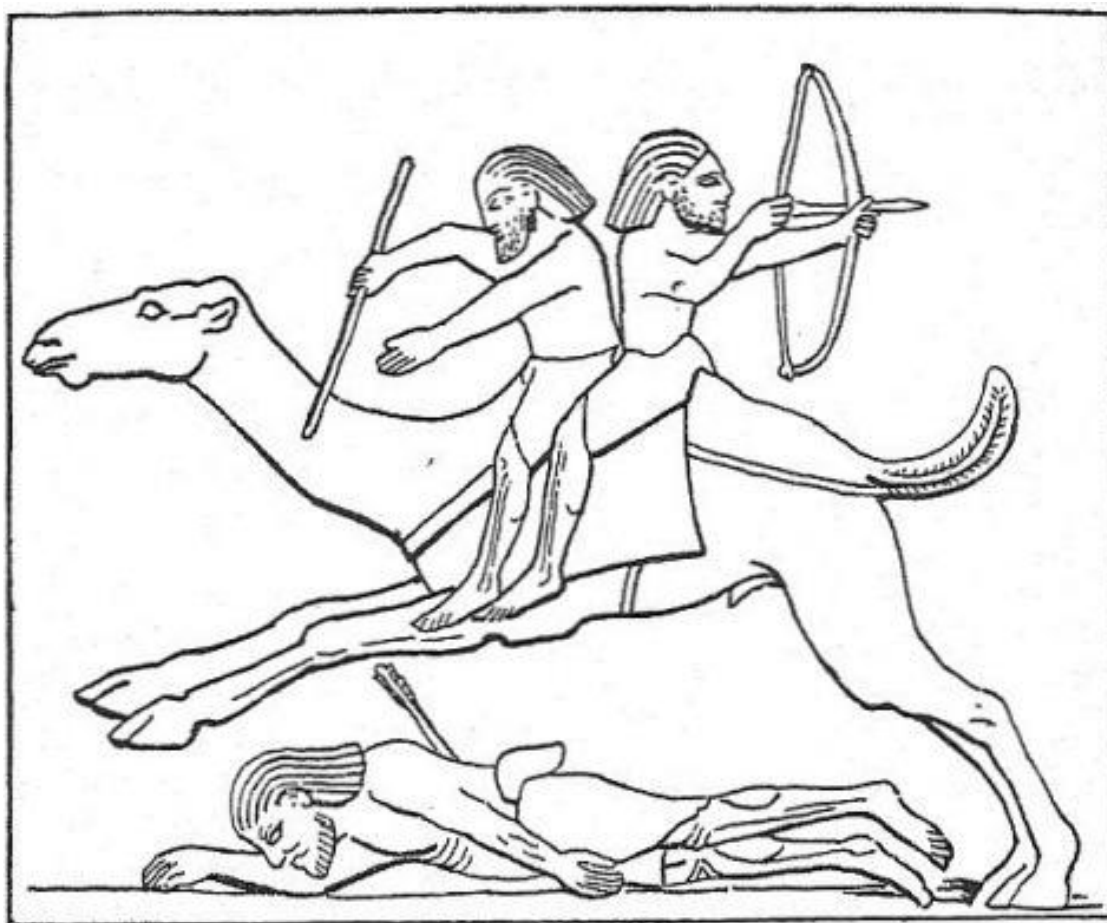

РИС. 33.

АРАБЫ XVII века до н.э.

Со скульптуры времен правления Ашшур-бани-пала в Ниневийской галерее Британского музея.

Неолитические жители Ханаана, чьи орудия из обработанного и отполированного камня знаменуют собой большой прогресс по сравнению с грубыми кремнями их далеких предшественников, принадлежали к низкорослой темнокожей расе, которая распространилась по берегам Средиземного моря. Жили они в грубых хижинах, использовали для хозяйственных нужд грубые сосуды из обожженной глины, которые лепили вручную и обжигали в огне. Они жили в основном за счет скота и стад, которые они одомашнили, и, судя по их глиняным веретенам, они

практиковали простую форму ткачества и начали одевать себя тканью вместо шкур. На этих первобытных жителей обрушился новый поток миграции, вероятно, в начале третьего тысячелетия до н. э. Новые жители были семитами из Аравии, из той же группы, что и те кочевые орды, которые уже захватили Вавилонию и обосновались в значительной части этой страны. Поселившись в Ханаане и Сирии, они стали известны вавилонянам как амурру или амориты. Они были выше и энергичнее неолитических ханаанеев и, похоже, принесли с собой знания об использовании металлов, приобретенные, вероятно, в результате торговли с южной Вавилонией.^[6] Кремневые стрелы и ножи их врагов имели бы мало шансов против оружия из меди и бронзы. Но независимо от того, помогло им превосходное вооружение или нет, они стали доминирующей расой в Ханаане. В результате смешения со своими предшественниками они произвели на свет ханаанеев, народ с семитской речью, но с различной примесью в крови темнокожей средиземноморской расы низшего типа.

Такой по происхождению была ханаанская ветвь западных семитов, и, возможно, стоит на мгновение взглянуть на основные черты их культуры, выявленные в результате раскопок в Палестине.^[7] Одно выделяется четко: они произвели революцию в условиях жизни в Ханаане. Грубые хижины первых поселенцев были заменены домами из кирпича и камня, а на месте деревень выросли города, окруженные массивными стенами. Городская стена Гезера имела толщину более тринадцати футов и была защищена мощными башнями. Толщина стены Мегиддо составляла двадцать шесть футов, а ее подножие было защищено склоном, или *ледником*, из выбитой земли. Для обеспечения водоснабжения во время осады были приняты не менее тщательные меры. В Гезере, например, был обнаружен огромный туннель, вырубленный в твердой скале, который давал доступ к обильному источнику воды на глубине более девяноста футов под поверхностью земли. Ранний кочевник не только перешел к сельскохозяйственной жизни, но и вскоре разработал систему обороны для своих поселений, что было обусловлено холмистым характером его новой страны и обилием камня.^[8] Не менее примечательно то, что раскопки пролили свет на детали ханаанского культа. В центре каждого города находилось высокое место, где воздвигались огромные монолиты, некоторые из которых, когда их раскапывали, все еще были изранены и отполированы поцелуями их поклонников. В Гезере было обнаружено десять таких монолитов в ряд, и стоит отметить, что они были воздвигнуты над священной пещерой неолитических жителей, доказывая, что древнее святилище было захвачено семитскими захватчиками. Религиозные центры, унаследованные баалимами, или местными "владыками" ханаанского культа, очевидно, были освящены давней традицией. В почве под высокими местами как в Гезере, так и в Мегиддо было найдено множество кувшинов с телами детей, и мы, вероятно, можем видеть в этом факте свидетельство жертвоприношения младенцев, о сохранении которого в более поздние периоды свидетельствует древнееврейская традиция. В культурных остатках этих семитских захватчиков прослеживается четкое развитие. В ранний период почти нет следов иностранного влияния, но позже мы обнаруживаем импорт из Вавилонии и Египта.

Вполне естественно, что южная и центральная части Ханаана долгое время оставались недоступными для внешнего влияния, а последствия вавилонской цивилизации поначалу ограничивались восточной Сирией и пограничными районами, разбросанными вдоль среднего течения Евфрата. Недавние раскопки, проведенные местными жителями далеко на севере, например, в окрестностях Кархемиша, выявили несколько замечательных следов связи с Вавилонией в очень ранний период.^[9] В могилах в Хаммаме, деревне на Евфрате близ устья Саджура, были найдены цилиндрические печати, которые демонстрируют безошибочные аналогии с очень ранними вавилонскими работами;^[10] И использование этой формы печати в период, предшествующий Первой династии Вавилона, само по себе доказательством того, что вавилонское влияние достигло границ Сирии по великому торговому пути вверх по течению

Евфрата, по которому армии Саргона Аккадского уже совершали свой поход к средиземноморскому побережью.^[11] Не исключено также, что сама Кархемиш в это время отправляла свои изделия в Вавилон, поскольку один из видов ее местной керамики, во всяком случае, ценился другими расами и составлял предмет экспорта. Во времена поздних царей Первой династии особый вид больших глиняных сосудов, используемых в Северной Вавилонии, был известен как "кархемисский", и, очевидно, производился в Кархемише и экспортировался.^[12] Эта торговля, несомненно, поощрялась тесными связями, установившимися при Хаммурапи и его преемниках с Западом, но ее существование указывает на возможность еще более раннего коммерческого взаимодействия, которое объясняет появление архаичных вавилонских цилиндрических печатей в ранних могилах по соседству.

Но, кроме таких торговых отношений, ничто не указывает на то, что ранняя культура Кархемиша и прилегающих районов была в значительной степени заимствована из культуры Вавилона, как и нет никаких признаков того, что жители раннего города были семитами. Более того, археологические данные полностью свидетельствуют в пользу противоположной точки зрения. Бронзовый век в Кархемише и его окрестностях отличается от предшествующего периода использованием металла, различными погребальными обычаями и новыми типами керамики, и его следует рассматривать как знаменующий приход иноземного народа. Но на протяжении всего бронзового века в Кархемише, от его начала в третьем тысячелетии до его завершения в одиннадцатом веке до нашей эры, наблюдается равномерное развитие.^[13] Здесь нет внезапного появления новых типов, как в начале бронзового века, и, поскольку в поздние периоды он был по сути хеттским, можно предположить, что он не был ни начат, ни прерван семитами. Его ранние представители, до великой миграции хеттов из Анатолии, вполне могли быть ветвью протомитаннийской группы, возможно, анатолийского происхождения, свидетельства присутствия которой мы обнаружим в Ашуре перед возвышением первой династии Вавилона.^[14]

Х. Курган-крепость Кархемиша с северо-запада. По рисунку Хогарта, Кархемиш, пл. 1А

Кархемиш лежит в стороне от прямого пути из Вавилона в Северную Сирию, и примечательно, что любые следы раннего вавилонского влияния были обнаружены так далеко к северу от устья

Саджура. Именно дальше по течению, после поворота Евфрата на восток к его слиянию с Хабуром, мы должны ожидать найти свидетельства более яркого характера; и именно там, вдоль речного пути из Сирии в Аккад, мы нашли определенные доказательства существования во времена Первой династии Вавилона аморейских или западносемитских поселений с культурой, которая была вавилонской в своих основных чертах. Доказательства получены в основном из одного района, царства Хана, которое находилось недалеко от устья Хабура. Одним из главных городов и, вероятно, столицей царства был Тирка, который, вероятно, находился недалеко от Телль-Ашара или Телль-Ишара, расположенного между Дкер-эз-Зором и Салхией и примерно в четырех часах езды от последней. Идентификация несомненна, поскольку там была найдена ассирийская надпись IX века, в которой говорится о восстановлении местного храма, который, как сказано в тексте, находился "в Тирке".^[15] Примерно из этого района были также извлечены три таблички, все они датируются периодом Первой династии Вавилона и бросают значительный свет на характер западносемитской культуры в районе, находящемся под вавилонским влиянием.

Один из этих документов фиксирует дарственную, по которой Ишарлим, царь Ханы, передает одному из своих подданных дом в деревне в округе Тирка.^[16] На втором документе начертан аналогичный договор дарения, в котором другой царь того же округа, Амми-байль, сын Шуну-рамму, дарит два участка земли некоему Пагируму, описанному как "его слуга", очевидно, в обмен на верную службу;^[17] и, поскольку один из участков находился в Тирке, вероятно, что договор был составлен в этом городе. Третий документ, пожалуй, самый интересный из трех, поскольку содержит брачный договор и датируется временем правления царя, носящего имя Хаммурабих. Этого последнего правителя некоторые уверенно считают идентичным Хаммурапи из Первой династии Вавилона, и предполагают, что она была составлена в то время, когда Хана была завоевана и присоединена этим монархом, о продвижении которого в этот регион у нас есть независимые свидетельства.^[18] Но поскольку эта табличка является самой поздней из трех, очевидно, что Хана попала под вавилонское влияние задолго до завоевания Хаммурапи. И даже если считать Хаммурабиха не более чем местным царем Ханы, документ предоставил нам западносемитский вариант имени Хаммурапи или близкий к нему.

Примечательным фактом во всех этих текстах является то, что они составлены в стиле юридических документов периода Первой династии Вавилона. Но, несмотря на то, что терминология во многом совпадает, она была адаптирована к местным условиям. Перенят ранневавилонский метод датировки по событиям^[19], но формулы не те, что использовались в этот период в Вавилонии, а характерные для царства Хана. Так, первый договор дарения датируется годом, когда царь Ишарлим построил большие ворота дворца в городе Каш-дахе; второй составлен в год, когда царь Амми-байль взшел на трон в доме своего отца; а брачный договор датируется годом, когда царь Хаммурабих открыл канал Хабур-ибал-бугаш от города Закку-Ишарлим до города Закку-Игитлим.^[20] Названия месяцев тоже не вавилонские,^[21] и мы находим свидетельства того, что действовали местные законы и обычаи. В каждом из дарственных актов, например, говорится, что любое нарушение прав, дарованных царем, наказывается денежным штрафом в десять манех серебра, а кроме того, провинившийся должен пройти причудливый, но, несомненно, очень болезненный процесс смазывания головы горячей смолой. Из списка свидетелей мы узнаем, что община уже была организована по типу провинциального района Вавилонии. Ибо, хотя мы находим земледельца, занимающего важное положение, мы встречаем также начальника торговцев, другого пекаря, главного судью, главного провидца и членов священства. Интересно также отметить, что цари Ханы по-прежнему были крупными землевладельцами, о чем можно судить по тому, что земли, переданные в дарственных договорах, почти со всех сторон были окружены дворцовой собственностью. В то же время главные боги Ханы ассоциируются с царем в клятвенных формулах, поскольку царская собственность также считалась собственностью Баала, или божественного "Владыки" земли.

Двумя главными баалимами или "владыками" Ханы были бог Солнца и западносемитское божество Дагон. Последний постоянно упоминается в документах под вавилонской формой своего имени - Даган. Он стоит рядом с Шамашем на царской печати и в местных клятвенных формулах, а в последних ассоциируется с Итурмером, который, вполне возможно, был старым местным богом Тирки, свергнутым после вторжения семитов. Его храм в Тирке, который, как мы знаем, сохранился до девятого века, [22] был, вероятно, главным святилищем города, а о том, какую большую роль он играл в жизни нации, свидетельствует постоянное упоминание его титула в качестве составной части личных имен. [23] Более поздние свидетельства доказывают, что Дагон был богом исключительно Ашдода, а автор двух писем из Телль-эль-Амарны, носивший имя Даган-такала, должно быть, управлял каким-то районом северного или центрального Ханаана. Документы Ханы доказывают, что уже во времена Первой династии его культ был установлен на Евфрате, и, учитывая этот факт, появление двух ранних царей вавилонской династии Нисина с именами Идин-Даган и Ишме-Даган, безусловно, знаменательно. Мы также знаем, что первоначальной родиной Ишби-Уры, основателя династии Нисинов, была Мари, город и округ на среднем Евфрате. [24] Таким образом, мы можем заключить, что династии Нисина и Вавилона, а также, вероятно, Ларсы, были продуктами одного и того же великого расового движения, и что более чем за столетие до того, как Суму-абум установил свой трон в Вавилоне, западные семиты спустились по Евфрату и проникли в южные районы страны.

Своим быстрым успехом в Вавилонии новоприбывшие, вероятно, во многом были обязаны тому, что многие из племен-иммигрантов уже приобрели элементы вавилонской культуры. Во время своего предыдущего пребывания в сфере оседлой цивилизации они приняли образ жизни и социальную организацию, которые мало чем отличались от той, что была в стране, в которую они пришли. То, что они вообще иммигрировали в юго-восточном направлении, предпочтя остаться в пределах своих границ, несомненно, объясняется расовым давлением, которому они сами подвергались. Ханаан все еще был охвачен волнениями, вызванными появлением новых кочевых племен в его оседлых районах, и, хотя многие из них, несомненно, были оттеснены на юг, к египетской границе, другие устремились на север, в Сирию, оказывая внешнее давление на их продвижение. То, что западносемитское вторжение в Вавилонию так существенно отличалось от вторжения гиксосов в Египет, следует объяснить наличием этой границы цивилизованных поселений и мелких царств, которые сдерживали орды кочевников, находившиеся позади них, и доминировали над теми из них, которым удалось прорваться. В Египте ущерб, нанесенный семитскими варварами, помнили многие поколения после их изгнания, [25] то время как в Вавилонии захватчикам удалось основать династию, которая придала постоянную форму вавилонской цивилизации.

Нисин, город, в котором, как мы видели, мы впервые получаем указания на присутствие западносемитских правителей, вероятно, находился в Южной Вавилонии, и мы можем представить себе ранних переселенцев как спускающихся по течению Евфрата, пока они не нашли возможность обосноваться на Вавилонской равнине. Завоевание эламитов, положившее конец династии Ура и лишившее Вавилонию ее восточных провинций, [26] дало Нисину возможность претендовать на гегемонию. Ишби-Ура, основатель новой династии царей, почти на столетие утвердил на троне свою собственную семью, и мы, вероятно, можем считать, что его успех в выведении своего города на передний план был обусловлен семитскими элементами в Южной Вавилонии, недавно усиленными новыми вкраплениями с северо-запада. Централизация власти при последующих царях Ура привела к злоупотреблениям в управлении и к восстанию эламских провинций; а когда армия вторжения появилась перед столицей и увела царя, которого его придворные обожествляли, в плен в Элам, [27] шумерский престиж получил удар, от которого он так и не оправился.

Вскоре после того, как Ишби-Ура утвердился в Нисине, другой знатный человек, носивший семитское имя Напланум, последовал его примеру и основал независимую линию правителей в соседнем городе Ларса. Но, несмотря на семитские имена, которые носили эти два лидера и цари, сменившие их в соответствующих городах, очевидно, что в характере населения не произошло больших изменений. Торговые и административные документы периода Нисина очень похожи на документы династии Ура, и, очевидно, отражают непрерывную последовательность в течении национальной жизни.^[28] Основная масса южных вавилонян все еще была шумерской, и мы можем рассматривать новые династии как в Нисине, так и в Ларсе как представителей сравнительно небольшой расовой аристократии, которая, организовав национальные силы для сопротивления эламитах, сумела навязать туземному населению свое собственное правление. В Нисине непрерывная череда из пяти правителей свидетельствует об устоявшемся положении дел, и хотя Гимил-Илишу правил не более десяти лет, его сын и внук, а также его отец, Ишби-Ура, все имели длительные правления. В Ларсе мы также находим Эмису и Самума, сменивших Напланума, основателя династии, каждый из которых сохранял трон более одного поколения. Вероятно, шумеры приняли своих новых правителей без вопросов, и последние не пытались ввести никаких поразительных новшеств в свою систему административного управления.

Из двух современных династий в Южной Вавилонии, несомненно, более важной была династия Нисина. Мы имеем не только прямое свидетельство Списка царей Ниппура о том, что именно к Нисину перешла гегемония из Ура,^[29] но и то, что удалось найти votивные тексты и записи о постройках, доказывает, что его правители распространяли свою власть на другие великие города Шумера и Аккада. Фрагментарный текст Идин-Дагана, сына и преемника Гимил-Илишу, найденный в Абу-Хаббе, доказывает, что Сиппар признавал его власть,^[30] и кирпичи с надписями его собственного сына Ишме-Дагана были найдены на юге в Уре.^[31]

Во всех своих надписях цари Нисина также претендуют на власть над Шумером и Аккадом, а Ишме-Даган и его сын Либит-Иштар^[32] принимают дополнительные описательные титулы, подразумевающие благотворную деятельность с их стороны в городах Ниппур, Ур, Эрех и Эриду. Недавно опубликованные надписи Либит-Иштара, найденные во время американских раскопок в Ниппуре, доказывают, что в его правление центральный город и святилище Вавилонии находились под активным контролем Нисина. Но он был последним царем в прямой линии от Ишби-Ура, и вполне вероятно, что прерывание преемственности может быть связано с временным упадком в судьбе города; вскоре мы получаем свидетельства усиления власти Ларсы, в результате чего город Ур признал ее сюзеренитет вместо Нисина. Во время смерти Либит-Иштар в Ларсе правил Забава, но через три года его сменил Гунгунум, который не только носил титулы царя Ларсы и Ура, но и претендовал на власть над Шумером и Аккадом.

Во всяком случае, один из членов старой династической семьи Нисина признал эти новые претензии. Эннантум, брат Либит-Иштар, в это время был главным жрецом храма Луны в Уре, и на шишках, найденных в Мукайяре, он отмечает восстановление храма Солнца в Ларсе ради сохранения своей жизни и жизни Гунгунум.^[33] Возможно, когда Ур-Ниниб завладел трон Нисина, оставшиеся в живых члены семьи Ишби-Уры бежали из города к его сопернику, а Эннантум, один из самых могущественных из них и, возможно, прямой наследник трона своего брата, был поставлен Гунгунумом на первосвященническую должность в Уре. Было бы заманчиво связать падение Либит-Иштара с новым вторжением западносемитских племен, которые, не считаясь с расовой принадлежностью царствующей в Нисине семьи, возможно, с некоторым успехом атаковали город, пока не были разбиты и изгнаны Ур-Нинибом. Мы теперь знаем, что Ур-Ниниб провел успешную кампанию против племен Су на западе Вавилонии,^[34] и в поддержку этого предположения можно было бы привести много обсуждаемую формулу даты на табличке в Британском музее, которая была составлена в "год, в который Амурру изгнал Либит-Иштар".^[35]

Но поскольку Либит-Иштар в этой формуле не имеет титула, можно также отождествить его с правителем провинции, вероятно, Сиппара, который носил имя Либит-Иштар и, похоже, упоминается в других документах, записанных в царствование Апиль-Сина, деда Хаммурапи.^[36] Дата вторжения по второму варианту соответствует другому периоду волнений в Нисине, который последовал за долгим правлением Энлиля-бани, так что по любому варианту можно предположить, что город Нисин на некоторое время пострадал от нового вторжения амореев.

Независимо от того, связано ли падение Либит-Иштара с такой причиной или нет, мы теперь знаем, что именно во время правления Ур-Ниниба и Гунгунума, в Нисине и Ларсе соответственно, в Вавилоне была основана западно-семитская династия. Северная Вавилония теперь попала под политический контроль захватчиков, и о новом направлении их продвижения говорит тот факт, что единственный конфликт, связанный в поздней традиции с именем Суму-абума, основателя независимой линии вавилонских правителей, был связан не с одним из доминирующих городов Шумера, а с Ассирией на дальнем севере. В одной из поздних хроник записано, что Илу-шума, царь Ассирии, выступил в поход против Су-абу, или Суму-абума,^[37] и хотя о результатах этой встречи ничего не говорится, мы можем предположить, что мотивом его нападения было желание пресечь посягательства захватчиков на север и загнать их на юг, в Вавилонию. Имя самого Илу-шума - чисто семитское, а поскольку аморейский бог Даган входит в состав имени, которое носил не один ранний ассирийский правитель, мы можем предположить, что Ассирия получила свое семитское население примерно в этот период как еще одно ответвление аморейской миграции.

РИС. 34.

ГОЛОВА АРХАИЧНОЙ ИЗВЕСТНЯКОВОЙ ФИГУРЫ ИЗ АШУРА.

Примитивный характер скульптуры очевиден, а инкрустация глаз ракушкой характерна для ранних работ в Вавилонии. Возможно, это женская фигура.

(По материалам *Mitt. der Deutsch. Orient-Gesellschaft*, No. 54, p. 9.)

Это предположение не полностью опирается на свидетельства царских имен, но находит косвенное подтверждение в последних археологических исследованиях. Раскопки на месте Ашшура, самой ранней ассирийской столицы, показывают, что первые поселения в этой стране, от

которых до нас дошли следы, были сделаны народом, близким к шумерам Южной Вавилонии.^[38] Именно в ходе работ над храмом, посвященным Иштар, национальной богине Ассирии, были найдены останки очень раннего периода заселения. Под фундаментом более позднего здания был обнаружен еще более древний храм, также посвященный этой богине. Кстати, это здание представляет интерес, поскольку оказалось самым ранним храмом, обнаруженным в Ассирии, датируемым, как это вероятно, концом третьего тысячелетия до н.э. Еще более глубокие раскопки, ниже уровня этого примитивного ассирийского святилища, обнаружили слой, в котором было несколько примеров грубой скульптуры, очевидно, представляющей не семитов, а ранних несемитских жителей Южной Вавилонии.

Крайне архаичный характер работ хорошо иллюстрирует голова, возможно, женская,^[39] в которой инкрустация глаз напоминает о знакомой практике ранних работ из Вавилонии. Но наиболее ярким доказательством служат головы мужских фигур, которые, если бы они были выставлены на продажу без знания их *происхождения*, несомненно, были бы приняты как происходящие из Телло или Бисмаи, мест расположения ранних шумерских городов Лагаш и Адаб. Расовый тип, представленный головами, кажется чисто шумерским, и, хотя одна фигура, по крайней мере, борода, шумерская практика бритья головы, очевидно, была в моде.^[40]

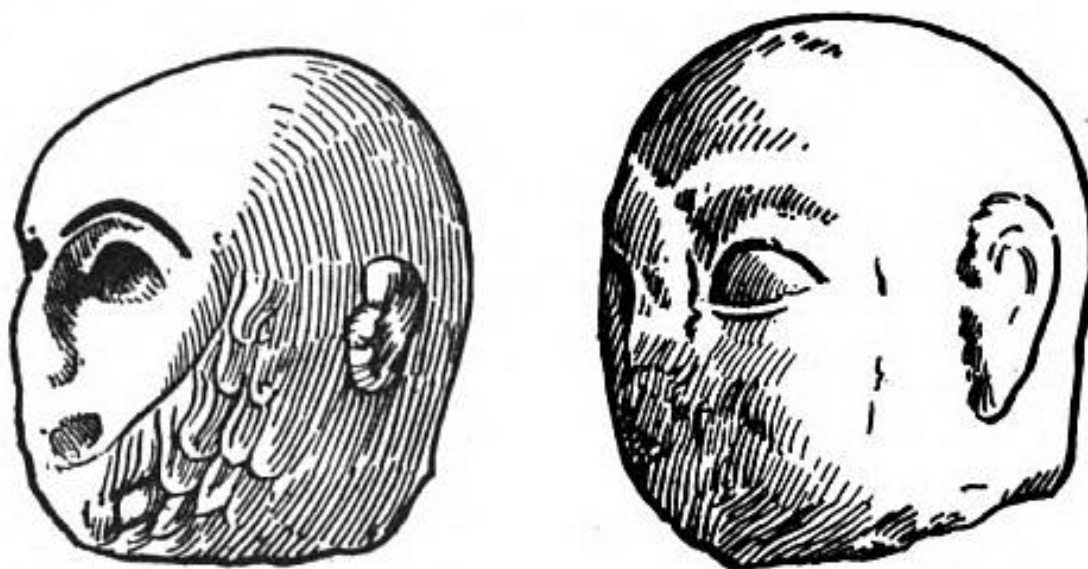

РИС. 35. РИС. 36.

ГОЛОВЫ АРХАИЧНЫХ МУЖСКИХ ФИГУР ИЗ АШУРА И ТЕЛЛО.

Характерной особенностью обеих голов является выбритый скальп, что свидетельствует о характерной шумерской практике. Рис. 35 - из Ашура, рис. 36 - из Телло (по M.D.O.G., No. 54, p. 12, и De Sarzec, *Découvertes en Chaldée*, pl. 6, No. 1).

В других известняковых фигурах, от которых сохранились тела, обработка одежды точно соответствует архаичной шумерской скульптуре. На фигурках одинаковые грубые шерстяные одежды, а условная обработка отдельных волосков шерсти идентична в обоих наборах примеров.^[41] Эти данные еще не полностью опубликованы, но пока они доступны, они позволяют предположить, что шумеры, чье присутствие до сих пор прослеживалось только на участках в Южной Вавилонии, также были в очень ранний период оккупированы Ассирией.

О насильственном прекращении их поселения в Ашшуре свидетельствует обилие обугленных останков, которые отделяют шумерский пласт от пласта, расположенного непосредственно над ним. Если бы не было доказательств обратного, можно было бы предположить, что их преемники были из того же рода, что и ранние семитские захватчики, которые господствовали в Северной Вавилонии в начале третьего тысячелетия до н.э. и продвигались на восток через Тигр в Гутию. Однако известно, что основатели исторического города Ашшур, сведения о достижениях которых были найдены в ранних строительных надписях, носят имена, совершенно не свойственные семитским народам. Есть много оснований считать Ушпию, или Аушпию, традиционного основателя великого храма бога Ашира,[42] и Кикию, самого раннего строителя городской стены,[43] представителями первой митаннийской расы, которая в четырнадцатом веке играла, под новым руководством, столь доминирующую роль в политике Западной Азии.[44] Их имена не только имеют митаннийское звучание, но у нас есть несомненные доказательства поклонения митаннийскому и хеттскому богу Тешубу еще в период Первой династии Вавилона; а тот факт, что митаннийское имя, включающее имя божества, носит свидетель на вавилонском договоре, позволяет предположить, что он был представителем цивилизованной и оседлой расы.[45]

Правда, имя Митанни в этот период не встречается, но географический термин Субарту -[46] и в более поздней традиции рассматривался как один из четырех кварталов древнего цивилизованного мира вместе с Аккадом, Эламом и Амурру.

РИС. 37. - РИС. 38. - РИС. 39.

ПРИМЕРЫ АРХАИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ АШУРА И ТЕЛЛО, ДЕМОНИСТРИРУЮЩИЕ ТУ ЖЕ УСЛОВНОСТЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ ШЕРСТЯНОЙ ОДЕЖДЫ.

Сидящая статуэтка (рис. 37) происходит из Ашура, а обработка одежды точно такая же, как и в ранних работах из Телло (рис. 38 и 39). После *M.D.O.G.*, № 54, p. 18, и *Déc. pl. 2 (bis),* № 1, и pl. 21 (*ter,*) № 3).

В астрологических текстах и текстах предзнаменований, включающих очень ранние традиции, ссылки на Шубарту интерпретируются как относящиеся к Ассирии, [47] но этот термин, очевидно, имел более раннее значение до прихода Ассирии к власти. Он вполне мог включать в себя северо-месопотамский регион, известный впоследствии как земля Митанни, чьи правители временно занимали Ниневию, как и их предшественники, возможно, обосновавшиеся в Ашшуре. Однако, как бы то ни было, очевидно, что исторический город Ашшур не был по своему происхождению ни шумерским, ни семитским. Его более поздний расовый характер, должно быть, относится к периоду западных семитов, слияние которых с чужеродным и, вероятно, анатолийским племенем, которое они там нашли, может частично объяснить воинственный и жестокий характер ассирийцев, столь разительно отличающийся от мягких и более торговых семитов, поселившихся в нижней долине Евфрата. Как и в Вавилонии, здесь в конечном итоге преобладали язык и в значительной степени черты семитов, а другой элемент в составе расы сохранился лишь в виде повышенной свирепости темперамента.

Это был тот самый народ, о нападении которого на Суму-абума, основателя величия Вавилона, позднейшие века сохранили предание. В формулах дат Суму-абума нет упоминания о конфликте с Ассирией, и вполне возможно, что он произошел до того, как он укрепил свой трон в Вавилоне и построил великую крепостную стену города, которой открыл свое царствование. Когда он обосновался там и привел город в состояние обороноспособности, он начал распространять свое влияние на соседние города Аккада. Кибальбарру, который он укрепил городской стеной в третий год своего правления, вероятно, находился в непосредственной близости от Вавилона, и мы знаем, что Дильбат, строительство которого было завершено в девятый год его правления, лежал всего в семнадцать милях к югу от столицы. [48] Пять лет, разделявших эти две попытки экспансии, прошли без особых событий с точки зрения политических достижений, поскольку единственными примечательными эпизодами, о которых упоминается, были строительство храма богине Нин-Синне и Наннару, богу Луны, в котором он затем установил большую кедровую дверь. Возможно, конфликт с Ассирией следует отнести к этому промежутку времени; но тогда мы должны были бы ожидать какого-то упоминания об успешном отражении врага, и предпочтительнее поместить его до первого года его правления.

Успех в столкновении с Ассирией вполне мог дать этому западносемитскому вождю возможность укрепить один из крупных городов Аккада и утвердиться в нем в качестве защитника от опасности агрессии с севера; несомненно, в Вавилоне уже давно существовал некий местный правитель, традиции которого он унаследовал. Поскольку мы имеем упоминания об Э-сагиле во времена династий Аккада и Ура, [49] бывшие правители Вавилона, вероятно, были не более чем главными жрецами святилища Мардука. То, что Суму-абум сменил должность на царскую, а его преемник сумел основать династию, которая просуществовала почти три столетия, свидетельствует о неугасающей энергии новых поселенцев. Даже поздние члены династии сохранили свой первоначальный западносемитский характер, [50] и этот факт, в сочетании с быстрым контролем над другими городами, помимо Вавилона, позволяет предположить, что западные семиты теперь прибыли в гораздо большем количестве, чем во время их более ранней миграции вниз по Евфрату.

Можно проследить постепенный рост вавилонского влияния в Аккаде при ее новых правителях и этапы, на которых она устанавливала свой контроль над все большей территорией. В Дильбате, например, у нее с самого начала не было никаких трудностей, и почти весь период правления Первой династии правительство этого города едва ли можно было отличить от вавилонского. Бог Ураш и богиня Лагамаль были божествами-покровителями Дилбата, вокруг культа которых и сосредоточилась жизнь города; имелась и местная светская администрация. Но она была

полностью подчинена столице, и не было предпринято никаких усилий, да и не требовалось, чтобы сохранить видимость местной независимости. А вот с Сиппаром дело обстояло совсем иначе. Здесь Суму-абум, похоже, признал местного правителя своим вассалом; и, в качестве дальнейшей уступки полунезависимому состоянию города, он позволил ему продолжать использовать свои собственные формулы даты, основанные на местных событиях.^[51] Клятвы, правда, должны были приноситься именем вавилонского царя и великого бога Солнца Сиппара, но город мог организовать и использовать свою собственную систему отсчета времени без привязки к столичным делам. Возможно, наиболее интересным примером ранней системы провинциального управления Вавилона является город Киш, поскольку здесь мы можем проследить постепенное распространение ее контроля от ограниченного сюзеренитета до полной аннексии.

Киш лежал гораздо ближе к Вавилону, чем Дильбат,^[52] но у него было более славное прошлое, чем у другого города. Он сыграл большую роль в ранней истории Шумера и Аккада, а во времена западносемитской оккупации Вавилона им все еще управляли независимые цари. До нас дошла надпись одного из таких правителей, Ашдуни-эрима, который вполне мог быть современником Суму-абума, поскольку запись отражает положение дел, которое могло возникнуть в результате вражеского вторжения и постепенного завоевания страны.^[53] Хотя Ашдуни-эрим претендует только на царство Киш, он в величественных выражениях рассказывает о вторжении, повествуя о том, как четыре четверти мира восстали против него. Восемь лет он сражался с врагом, так что на восьмой год его армия сократилась до трехсот человек. Но бог-город Замама и Иштар, его супруга, пришли к нему на помощь и принесли ему продовольствие. С этой поддержкой он выступил в поход на целый день, а затем в течение сорока дней овладевал вражеской землей; и завершает свою надпись резким сообщением о том, что он отстроил стену Киша. Глиняный конус, вероятно, был записью о фундаменте, который он зарыл внутри конструкции городской стены.

Ашдуни-эрим не называет своего врага по имени, но следует отметить, что враждебная территория находилась в одном дне пути от Киша, что, несомненно, указывает на Вавилон. Восемь лет конфликта прекрасно вписываются в это предположение, поскольку мы знаем, что именно на десятый год Суму-абума, ровно через восемь лет после захвата Кибалбарру, его сюзеренитет был признан в Кише. Суму-абум назвал этот год своего правления в честь посвящения короны кишскому богу Ану,^[54] и мы можем предположить, что Ашдуни-эрим, ослабленный долгим конфликтом, который он описывает, примирился со своим более сильным соседом и принял положение вассала. Дав гарантии своей верности, он должен был принять Суму-абума в Кише, где тот в качестве сюзерена города совершил посвящение, которое он отметил в своей формуле даты на этот год. Это полностью объясняет осторожные выражения, в которых Ашдуни-эрим обращается к врагу в своей надписи: восстановление городской стены, по этому предположению, было предпринято с согласия Вавилона.^[55]

ХАММУРАПИ ПОЛУЧАЕТ СВОИ ЗАКОНЫ ОТ БОГА СОЛНЦА.

После Délég. en Perse, Mém. IV, pl. 3

То, что Киш занимал положение вассального государства, не вызывает сомнений, поскольку среди договорных табличек, найденных в городе, несколько были составлены в правление Манана, который был вассалом Суму-абума. В этих документах клятва дается от имени Манана, но датируются они формулой тринадцатого года правления Суму-абума, в честь взятия Казаллу. Важность последнего события может объяснить использование собственной формулы сюзерена, так как другие документы в царствование Манана датируются местными событиями, доказывая, что в Кише, как и в Сиппаре, вассальному городу Вавилона было позволено сохранять собственную систему отсчета времени. Если мы правы, считая Ашдуни-эрим современником Суму-абума, очевидно, что он должен был сменить Манана в течение трех лет после его

капитуляции перед Вавилоном. В течение следующих нескольких лет трон Киша занимали, по крайней мере, три правителя, быстро сменявших друг друга: Суму-дитана, Иавиум и Халиум,^[56] ибо мы знаем, что к тринадцатому году правления Суму-ла-илума, сменившего Суму-абума на вавилонском троне, город Киш восстал и был окончательно аннексирован.

Завоевание Казаллу, которое Суму-абум осуществил в предпоследний год своего правления, было самой важной из ранних побед Вавилона, поскольку означало расширение его влияния за пределы Аккада. Город, судя по всему, лежал к востоку от Тигра, и две самые могущественные империи в истории Вавилонии вступали с ним в активный конфликт в первые годы своего существования. Завоевание Аккада считается в вавилонской традиции самым значительным достижением правления Саргона, а в более поздний период Дунги из Ура, захватив пограничный эламский город Дёр, расширил свою империю на север или восток, включив Казаллу в ее границы.^[57] Завоевание Суму-абума, вероятно, было не более чем удачным набегом, поскольку в правление Суму-ла-илума Казаллу, в свою очередь, напал на Вавилон и, полностью заняв его силы, на несколько лет задержал его экспансию на юг.

В начале своего правления Суму-ла-илум, по-видимому, посвятил себя укреплению положения, которое обеспечил его предшественник, и улучшению внутренних ресурсов своего царства. Канал Шамаш-хегаллум, который он прорыл сразу после своего воцарения, пролегал, вероятно, в окрестностях Сиппара; , а позднее он еще более усовершенствовал систему орошения страны, построив второй канал, которому дал свое имя.^[58] Начатая им таким образом политика энергично поддерживалась его преемниками, и большая часть богатства и процветания Вавилона при первых царях может быть связана с тем, что они уделяли внимание увеличению площади обрабатываемых земель. Суму-ла-Илум также перестроил великую крепостную стену своей столицы, но за первые двенадцать лет своего правления он записал только одну военную экспедицию.^[59] Именно на тринадцатом году его правления восстание и повторное завоевание Киша положили конец этому периоду мирного развития.

О том, какое значение придавал Вавилон подавлению этого восстания, свидетельствует тот факт, что в течение пяти лет оно составляло эпоху для датировки документов, которая была прекращена только тогда, когда город Казаллу под предводительством Иахзир-илума нанес новый удар по растущему царству вторжением на вавилонскую территорию. Иахзир-илум, по-видимому, заручился сотрудничеством Киша, вновь подстрекая его к восстанию, поскольку в следующем году Вавилон разрушил стену Ану в этом городе; восстановив там свою власть, она посвятила свою следующую кампанию переносу войны в страну противника. То, что последующее завоевание Казаллу и разгром его армии не дали нового сюжета для зарождающейся эпохи в хронологии, объясняется неполнотой победы; ведь Иахзир-илум избежал участи, постигшей его город, и только после пяти лет непрерывного сопротивления был окончательно разбит и убит.^[60]

Избавившись от этого источника опасности из-за Тигра, Суму-ла-илум продолжил политику своего предшественника по аннексии в пределах Аккада. На двадцать седьмом году своего правления он отмечает разрушение и восстановление стены Кутха, предполагая , что город до этого времени сохранял свою независимость, а теперь уступил ее только силой оружия. Знаменательно, что в том же году он сообщает, что аналогичным образом поступил со стеной бога Закара, поскольку Дур-Закар был одним из оборонительных сооружений Ниппура^[61] и находился либо на территории города, либо в непосредственной близости от него. Таким образом, этот год ознаменовал первую попытку Вавилона стать хозяином Шумера и Аккада, поскольку владение центральным городом считалось правом сюзеренитета над всей страной. Примечательно, что этот успех совпал с периодом больших волнений в Нисине в Южной Вавилонии.

В течение предшествующего сорокалетнего периода южные города продолжали править на своей территории без вмешательства Вавилона. Несмотря на растущее влияние Суму-абума в Северной Вавилонии, Ур-Ниниб из Нисина претендовал на контроль над Аккадом в силу своего владения Ниппуром, хотя его власть не могла быть признана намного дальше на севере. Как и предыдущий царь Нисина, Ишме-Даган, он называл себя, кроме того, владыкой Эреха и покровителем Ниппура, Ура и Эриду, как и его сын Бур-Син II, сменивший отца после двадцативосьмилетнего царствования последнего. Из всей группы южных городов только Ларса продолжала гордиться линией независимых правителей, трон переходил от Гунгунума последовательно к Аби-саре[62] и Суму-илуму; при правлении последнего Ларса, похоже, на какое-то время даже вытеснила Нисина с гегемонии в Синнере. Ведь мы нашли в Телло votivную фигурку собаки, которую некий жрец из Лагаша по имени Абба-дугга посвятил богине от своего имени[63], а в надписи он называет Суму-илума царем Ура, доказывая, что город перешел из-под контроля Нисина к Ларсе. Богиней, которой посвящена надпись, была Нин-Нисин, "Владычица Нисина", что наводит на мысль о возможности того, что и сам Нисин на какое-то время признал Суму-илума. Можно отметить, что в списке царей Нисина отсутствует одно имя - Итер-пиша и Ура-имитти, которые быстро сменяли друг друга на троне после Бура-Сина.[64] Согласно более поздней традиции, Ура-имитти назвал своего садовника, Энлиль-бани, преемником[65], и в списке недостающего правителя записано, что он правил в Нисине в течение шести месяцев до воцарения Энлиль-бани. Возможно, нам следует восстановить его имя как имя Суму-илума из Ларсы,[66], который, возможно, воспользовался внутренними неурядицами Нисина, чтобы не только аннексировать Ур, но и на несколько месяцев занять трон соперника, пока его не изгнал Энлиль-бани. Как бы то ни было, несомненно, что Ларса извлек выгоду из беспорядков в Нисине, и мы, возможно, также связываем с этим успешное вторжение Вавилона на юг.[67]

Нет никаких сомнений в том, что Суму-ла-Илум был настоящим основателем величия Вавилона как военной державы. У нас есть свидетельство его более позднего потомка Самсу-илуны о стратегической важности крепостей, которые он построил для защиты расширенной границы своей страны;[68] и, хотя Дур-Закар в Ниппуре - единственная крепость, положение которой можно приблизительно определить, мы можем предположить, что большинство из них располагались вдоль восточной и южной сторон Аккада, где можно было ожидать наибольшей опасности вторжения. Не похоже, что сам Ниппур перешел в это время под более чем временный контроль Вавилона, и мы можем предположить, что после своего успешного набега Суму-ла-Илум остался в пределах Аккада, который он укрепил своей линией крепостей. В более поздние годы он занял город Барзи и провел еще несколько военных операций, подробности которых мы не сохранили; но это были последние усилия Вавилона на протяжении более чем одного поколения.

Пауза в экспансии дала Вавилону возможность использовать свои ресурсы, после того как первая попытка завоевания была закреплена Суму-ла-илумом. Два его непосредственных преемника, Забум и Апил-Син, занимались внутренним управлением царством и ограничивали свою военную деятельность поддержанием границы в неприкосновенности. Забум действительно описывает успешное нападение на Казаллу, несомненно, вызванное возобновлением агрессии со стороны этого города; но его другими наиболее заметными достижениями были укрепление Кар-Шамаша и строительство канала или водохранилища.[69] Столь же беспокойным было и правление Апил-Сина, поскольку, хотя Дур-мути, стену которого он восстановил, возможно, был приобретен в результате завоевания, он также был занят в основном укреплением и благоустройством уже завоеванной территории. Он укрепил стены Барзи и Вавилона, проложил два канала,[70] и перестроил некоторые из великих храмов.[71] В результате мирного развития в этот период страна стала способна на еще более серьезную борьбу, которая должна была освободить Шумер и Аккад от иностранного господства и, победив захватчика, поставить Вавилон на некоторое

время во главе более могущественной и единой империи, чем та, что еще существовала на берегах Евфрата.

Новым врагом страны стал ее старый соперник Элам, который уже не раз влиял на ход вавилонских дел путем успешных вторжений. Но в этот раз она не ограничилась набегом, преследованием и возвращением: она захватила город Ларса и, используя его в качестве центра управления, попыталась распространить свое влияние на весь Шумер и Аккад. Именно в конце правления Апиль-Сина в Вавилоне Кудур-Мабук, правитель Западного Элама, известного в этот период как земля Эмутбал, вторгся в Южную Вавилонию и, свергнув Сили-Адада^[72] Ларсы, посадил на трон своего сына Варад-Сина. О величии этого достижения свидетельствует тот факт, что Ларса некоторое время занимала положение ведущего города Шумера по сравнению с Нисином. Нур-Адад, преемник Суму-илума, сохранил контроль над соседним городом Ур, и хотя Энлиль-бани из Нисина продолжал претендовать на звание царя Шумера и Аккада, этот гордый титул был вырван у Замбии или его преемника Син-идиннамом, сыном Нур-Адада.^[73] Син-идиннам, действительно, на кирпичах из Мухайяра в Британском музее ссылается на военные достижения, благодаря которым он завоевал это положение для своего города. В тексте его целью является запись о восстановлении храма бога Луны в Уре, но он сообщает, что выполнил эту работу после того, как сделал надежным фундамент трона Ларсы и поразил мечом всех своих врагов.^[74] Вероятно, три его преемника на троне, правившие менее десяти лет, не смогли сохранить достигнутый им уровень, и Син-магир вернул гегемонию Нисину.^[75] Но Ур, несомненно, остался под управлением Ларсы, и Кудур-Мабук захватил и оккупировал этот не самый плохой город.

Эламит увидел свою возможность в постоянных конфликтах, которые происходили между двумя соперничающими городами Шумера. В их борьбе за гегемонию Ларса на какое-то время показала себя успешной, но она все еще была более слабым городом и, несомненно, больше подвергалась нападению с берегов Тигра. Поэтому Кудур-Мабук выбрал ее в качестве основы для своего покушения на страну в целом. Сам он сохранил свое положение в Эламе в качестве *адды* Эмутбала; но он посадил двух своих сыновей, Варад-Сина и Рим-Сина, последовательно на трон Ларсы, и побудил их напасть на Нисин и претендовать на власть над Шумером и Аккадом. Но успех, сопутствовавший их усилиям, вскоре привел на сцену Вавилон, и мы имеем любопытное зрелище трехугольного поединка, в котором Нисин воюет с Эламом, а Вавилон - поочередно с обоими. То, что Син-мубаллит, сын Апиль-Сина, не объединился с Нисином, чтобы изгнать захватчика с вавилонской земли, возможно, поначалу сыграло на руку эламита. Но не стоит забывать, что западные семиты Вавилона все еще были завоевательной аристократией, и их симпатии были далеки от того, чтобы участвовать в судьбе какой-либо части Шумера. И Элам, и Вавилон, должно быть, предвидели, что захват Нисина станет решающим преимуществом для победителя, и каждый из них был доволен тем, что она ослаблена в надежде на конечный успех. Когда Рим-Син действительно оказался победителем в долгой борьбе, а Ларса под его властью унаследовала традиции и материальные ресурсы династии Нисина, трехугольное состязание свелось к поединку между Вавилоном и более могущественной Ларсой. Затем в течение целого поколения шла ожесточенная борьба между двумя захватническими расами, эламской и западными семитами, за обладание страной; и тот факт, что Хаммурапи, сын Син-мубаллита, должен был выйти победителем, полностью оправдывал политику его отца, избегавшего любых союзов с югом. В конце концов западные семиты оказались достаточно сильны, чтобы одолеть завоевателя Нисина, и таким образом они остались в неоспоримом владении всей Вавилонией.

С помощью датированных формул и votивных надписей этого периода можно в общих чертах проследить основные особенности этой замечательной борьбы. Сначала Кудур-Мабук обосновался в Шумере только в городе Ларса, хотя уже тогда он претендовал на титул *Адды*

Амурру, что, возможно, объясняется аморейским происхождением династий Ларса и Нисина и отражает притязания на сюзеренитет земли, происхождением которой, во всяком случае, кичились его северные враги.[76] Взойдя на трон, Варад-Син принял лишь титул царя Ларсы, но вскоре мы видим, что он стал покровителем Ура и построил в этом городе большую крепостную стену.[77] Затем он распространил свою власть на юг и восток: Эриду, Лагаш и Гирсу пали перед его руками или подчинились его сюзеренитету.[78] В течение этого периода Вавилон оставался в стороне на севере, а Син-мубаллит занимался прокладкой каналов и укреплением городов, некоторые из которых он, возможно, занял впервые.[79] Только на четырнадцатом году его правления, после того как Варад-Сина сменил в Ларсе его брат Рим-Син, мы имеем свидетельства того, что Вавилон принял активное участие в противостоянии эламским притязаниям.

БРОНЗОВЫЙ КОНУС И ВОТИВНАЯ ФИГУРКА.

Brit. Mus., № 90951 и 91016.

КАМЕННЫЙ ЦИЛИНДР С ВОТИВНОЙ НАДПИСЬЮ

Brit. Mus., No. 91085.

В том же году Син-мубаллит сообщает, что он сразил мечом армию Ура, а поскольку мы знаем, что Ур в это время был вассальным городом Ларсы, очевидно, что упомянутая армия была одной из тех, которыми командовал Рим-Син. Три года спустя он перенес свое внимание из Ларсы в Нисин, находившийся тогда под властью Дами-илишу, сына и преемника Син-магира. По этому случаю Син-мубаллит отмечает свое завоевание Нисина, но это, должно быть, было не более чем победой в поле, поскольку Дами-илишу не потерял ни города, ни независимости. В последний год его правления мы видим, что Син-мубаллит сражается на другом фронте и утверждает, что уничтожил мечом армию Ларсы. Очевидно, что в эти последние семь лет его правления Вавилон доказал, что способен противостоять любым посягательствам Ларсы и эламитов на севере, и, продолжая политику укрепления своих вассальных городов, [80] подготовил почву для более активного наступления Хаммурапи, сына и преемника Син-мубаллита. Тем временем несчастный город Нисин оказался меж двух огней, хотя еще несколько лет Дами-илишу удавалось отбивать атаки обоих своих противников.

Военные успехи Хаммурапи относятся к двум четко определенным периодам: первый - в течение пяти лет, последовавших за шестым годом его правления в Вавилоне, и второй - десятилетний период, начавшийся с тринадцатого года его царствования. Вступив на престол, он, по-видимому, начал реформы во внутреннем управлении страной, которые достигли кульминации к концу его жизни в обнародовании его знаменитого Свода законов; он отмечал свой второй год как тот, в который он установил праведность в стране. Последующие годы прошли без особых событий, самыми важными царскими деяниями были назначение главного священника в Кашбаране, [81] строительство стены для Гагума, или великой обители Сиппара, и храма Наннара в Вавилоне. Но с седьмого года правления мы находим его первое упоминание о военной кампании в претензии на захват Эреха и Нисина. Этот временный успех против Дамик-илишу из Нисина, несомненно, угрожал плану Рим-Сина в Ларсе, и, похоже, Кудур-Мабук пришел на помощь своему сыну, угрожая восточной границе Вавилона. Во всяком случае, Хаммурапи сообщает о конфликте с землей Эмутбала в восьмой год его правления, и хотя нападение, судя по всему, было успешно отбито с приобретением территории Вавилона, [82] отвлекающий маневр оказался успешным. Рим-Син воспользовался полученной передышкой, чтобы возобновить нападение на Нисин с еще большей силой, и в следующем, семнадцатом году его правления, знаменитый город пал, а Ларса под властью эламского правителя обеспечила себе гегемонию во всей Центральной и Южной Вавилонии.

Победа Рим-Сина, должно быть, стала тяжелым ударом для Вавилона, и, похоже, она не сделала ни одной попытки восстановить свои позиции на юге, поскольку Хаммурапи занялся набегом на

Малгум[83] на западе и захватом городов Рабикум и Шалиби. Но это были последние успехи его первого военного периода, и в течение девятнадцати лет после этого Вавилон не добился ничего подобного, что можно было бы запечатлеть в датах-формулах. По большей части годы названы в честь посвящения статуй, строительства и обогащения храмов. Был прорублен один канал,[84] и продолжался процесс фортификации, особенно Сиппар был приведен в состояние основательной обороны.[85] Но негативные свидетельства формул этого периода говорят о том, что в этот период Вавилон потерпел полный крах в попытках помешать росту могущества Ларсы на юге.

Помимо своей столицы, Рим-Син унаследовал от своего брата контроль над южной группой городов, Уром, Эрехом, Гирсу и Лагашем, которые лежали к востоку от Ларсы и ближе к побережью; и, вероятно, именно до завоевания Нисина он отнял Эрех у Дами-илишу, на которого за два года до этого напал Хаммурапи. Ведь не в одной из своих надписей Рем-Син упоминает о том времени, когда Ану, Энлиль и Энки, великие боги, отдали в его руки прекрасный город Эрех.[86] Мы также знаем, что он взял Кисурру, восстановил стену Забилума и распространил свою власть на Кеш, чья богиня Нинмах, по его словам, дала ему власть над всей страной.[87] Самым заметным результатом завоевания Нисина стало овладение Ниппуром, который теперь перешел к нему и укрепил его прежние притязания на власть над Шумером и Аккадом. В дальнейшем он называет себя возвышенным князем Ниппура или пастырем всей земли Ниппура; мы располагаем интересным подтверждением его признания в глиняном конусе с посвящением продлению его жизни от частного лица, некоего Ниниб-гамиля.[88]

О том, что правление Рим-Сина в Шумере сопровождалось большим процветанием всей страны, свидетельствуют многочисленные торговые документы, найденные как в Ниппуре, так и в Ларсе и датированные эпохой захвата Нисина. Есть также свидетельства того, что он посвятил себя совершенствованию системы ирригации и водного транспорта. Он провел канал в нижнем течении Евфрата и прорыл Тигр до моря, несомненно, удалив из его главного русла скопление ила, который не только затруднял движение, но и увеличивал опасность наводнений и рост болотистой местности. Он также перерезал канал Маштабба и другие каналы в Ниппуре и на реке Хабилу.[89] Похоже, что, несмотря на свое эламское происхождение и близкие отношения, которые он продолжал поддерживать со своим отцом Кудур-Мабуком, он полностью отождествлял себя со страной своего усыновления; ведь за свою долгую жизнь он женился дважды, и обе его жены, судя по именам их отцов, были семитского происхождения.[90]

Лишь спустя почти поколение после захвата Нисина Рим-Сином Хаммурапи добился успеха в борьбе с эламским господством, которое так долго сдерживало рост могущества Вавилона.[91] Но его успех, когда он пришел, был полным и продолжительным. На тридцатом году своей жизни он сообщает, что разгромил армию Элама, а в следующей кампании, после этой победы, вторгся в землю Эмутбала, нанес окончательное поражение эламцам, захватил и присоединил Ларсу. Сам Рем-Син, судя по всему, просуществовал еще много лет и доставил Вавилону новые неприятности в царствование сына Хаммурапи, Самсу-илуны.[92] При таком предположении Хаммурапи, после завоевания Шумера, должен был относиться к старой столице так же, как Суму-абум относился к Кишу.[93] Но, похоже, через некоторое время Ларса должна была лишиться многих привилегий, в том числе и права продолжать свою собственную эру отсчета времени; а письма Хаммурапи к Син-идиннаму, его местному представителю, не дают никаких намеков на разделение правления. Можно предположить, что последующее восстание Рим-Сина было вызвано недовольством таким обращением, и что в правление Самсу-илуны он воспользовался благоприятной возможностью сделать еще одно предложение о независимом правлении в Вавилонии.

Поражение Рим-Сина и присоединение Шумера к Вавилону освободило Хаммурапи для расширения империи на три стороны. В эти поздние годы он дважды совершал успешные набеги на эламскую страну Туплиаш или Ашнуннак, а на западе разрушил стены Мари и Мальгума,

разгромил армии Туруккума, Кагмума и Субарту, а на тридцать девятом году записал, что уничтожил всех своих врагов, живших рядом с Субарту. Вероятно, он включает Ассирию в географический термин Субарту, поскольку и Ашшур, и Ниневия были подчинены его власти; одно из его писем доказывает, что его оккупация Ассирии носила постоянный характер и что его власть поддерживалась гарнизонами вавилонских войск. Хаммурапи также говорит нам в Прологе к своему Своду законов, что он подчинил себе "поселения на Евфрате", подразумевая завоевание таких местных западно-семитских царств, как Хана.[94] Таким образом, на западе мы можем рассматривать область его военной деятельности как простирающуюся до границ Сирии. Вплоть до конца своего правления он продолжал укреплять оборону своей страны: последние два года он посвятил восстановлению великого укрепления Кер-Шамаш на Тигре и стены Рабикума на Евфрате, а также еще раз укрепил городскую стену Сиппара. Его строительные надписи также свидетельствуют о возросшей активности в реконструкции храмов в последние годы его правления.[95]

О масштабах империи Хаммурапи можно судить по исчерпывающему отчету о его деятельности, который он сам составил в качестве пролога к своему кодексу. В нем он перечисляет великие города своего царства и те блага, которыми он наделил каждый из них. Список городов составлен не с административной, а с чисто религиозной точки зрения: за перечислением его обращения с каждым городом следует ссылка на то, что он сделал для его храма и его города-бога. Поэтому большинство городов расположены не по географическому принципу, а в соответствии с их относительным рангом как центров религиозного культа. Ниппур, естественно, возглавляет список, и его владение Вавилоном в это время, как мы увидим, оказало[96] далеко идущее влияние на развитие мифологии и религиозной системы страны. Далее по порядку следует Эриду, в силу великого возраста и святости его местного оракула. Вавилон, как столица, занимает третье место, затем идут великие центры поклонения Луне и Солнцу, за ними следуют другие великие города и святилища Шумера и Аккада, и царь характеризует блага, которыми он наделил каждый из них. Список включает некоторые из его западных завоеваний и заканчивается Ашшуром и Ниневией. [97]О расовом характере его династии говорит тот факт, что Хаммурапи приписывает здесь свои победы на среднем Евфрате "силе Дагана, его создателя", доказывая, что, как и его предки до него, он продолжал гордиться своим западно-семитским происхождением.

В связи с более тесными отношениями, установившимися между Вавилонией и Западом, не лишним будет напомнить, что отголосок этих смутных времен попал в ранние традиции евреев и сохранился в Книге Бытия. Там рассказывается[98], что Амрафель, царь Шинара, Ариох, царь Элласара, Хедорлаомер, царь Элама, и Тидал, царь Гоима, или "народы", действуя как члены конфедерации, вторглись в Восточную Палестину, чтобы покорить восставшие племена этого района. Хедорлаомер представлен как глава конфедерации, и хотя мы не знаем эламского правителя с таким именем, мы видели, что Элам примерно в этот период контролировал большую часть Южной и Центральной Вавилонии и что его вавилонской столицей был город Ларса, с которым, несомненно, следует отождествить Элласар из древнееврейской традиции.[99] Более того, Кудур-Мабук, исторический основатель эламского владычества в Вавилонии, претендовал на титул Адды или правителя аморитов.[100] Амрафель из Шинара вполне может быть самым Хаммурапи из Вавилона, хотя, не признавая сюзеренитета эламитов, он был их главным антагонистом и положил конец их господству. Тидал - чисто хеттское имя[101], и знаменательно, что конец могущественной династии Хаммурапи, как мы увидим далее, был ускорен нашествием хеттских племен. Таким образом, все великие народы, упомянутые в этом отрывке Бытия, реально существовали на сцене истории в это время, и, хотя в светских источниках мы пока не нашли следов такой конфедерации под руководством Элама, древнееврейские записи отражают положение дел в Западной Азии, которое не было невозможным в первой половине царствования Хаммурапи.[102]

Хотя Суму-ла-илум, возможно, заложил основы военной мощи Вавилона, Хаммурапи был настоящим основателем его величия. К своим военным достижениям он добавил гений административных деталей, а его письма и депеши, которые удалось восстановить, показывают, что он активно контролировал даже подчиненных чиновников, размещенных в отдаленных городах его империи. Естественно ожидать, что он должен был руководить делами государственной важности; но мы также видим, как он расследует вполне тривиальные жалобы и споры среди более скромных слоев своих подданных и часто отсылает дело на повторное рассмотрение или для дальнейшего доклада. На самом деле слава Хаммурапи всегда будет основываться на его достижениях как законодателя и на великом правовом кодексе, который он составил для использования во всей своей империи. Правда, эта сложная система законов, в которой подробно рассматриваются все классы населения - от знатных до рабов, - не была творческой работой самого Хаммурапи. Как и все другие древние правовые кодексы, он строго руководствовался прецедентом, а там, где он не включал в себя более ранние сборники законов, он основывался на тщательном изучении сложившихся обычаев. Великим достижением Хаммурапи стала кодификация этой массы правовых актов и жесткое соблюдение положений получившегося кодекса на всей территории Вавилонии. Его положения отражают энтузиазм самого царя, о чем свидетельствуют его письма, в деле защиты более низких и угнетенных слоев своих подданных. Многочисленные юридические и торговые документы также свидетельствуют о том, как выполнялись его положения, и у нас есть доказательства того, что созданная таким образом законодательная система оставалась в практической силе и в последующие периоды. Итак, было бы неплохо остановиться на эпохе Хаммурапи, чтобы определить основные черты ранней вавилонской цивилизации и оценить ее влияние на последующее развитие страны.

[1] Ср. Хогарт, "Проникновение в Аравию", стр. 206 и далее.

[2] Ср. "Шумер и Аккад", стр. 352 и далее.

[3] Интересное подтверждение этой точки зрения было сделано генералом П. Дж. Мейтлендом. Он указывает, что большие резервуары в Адене, которые были вырублены из твердой скалы в ранние химьяритские, если не в сабаджанские времена, в настоящее время абсолютно сухие в течение четырех лет из пяти, и что самые сильные дожди с тех пор, как они были обнаружены и очищены, не заполнили их и на восьмую часть их емкости; см. его предисловие к книге Г. У. Бэри "Земля Уз", стр. xii. f.

[4] Установлено, что эти пульсации климатических изменений характерны для всех великих внутренних степей на поверхности Земли, причем периоды максимальной влажности сменяются длительными интервалами сравнительной засушливости; см. особенно Хантингтон, "Пульс Азии" (1907).

[5] По этому вопросу см. особенно Myres, "The Dawn of History", pp. 16 ff., 104 ff.

[6] Эта точка зрения кажется более вероятной, чем предположение, что семитские жители Ханаана научились использовать металл после первого периода их расселения.

[7] Более важные монографии по этому вопросу см. в Macalister, "The Excavation of Gezer" (1912), и Bliss and Macalister, "Excavations in Palestine during the years 1898-1900" (1902), обе изданы Фондом исследования Палестины; Sellin, "Tell Ta'annek", опубликованный Венской академией в ее "Denkschriften", Phil.-Hist. Kl., Bd. 60, No. 4 (1904), и "Eine Nachlese auf dem Tell Ta'annek in Palästina", *ibid.*, Bd. 52, No. 3 (1906); Шумахер, "Телль эль-Мутеселлим", опубликованный "Немецким палестинским обществом" в 1908 году; и Селлин и Ватцингер, "Иерихон", том,

изданный "Немецким восточным обществом" в его "Wissenschaftliche Veröffentlichungen", Hft. 22 (1913). Дальнейшие ссылки и полезное резюме археологических результатов см. в Driver, "Modern Research as illustrating the Bible" (Schweich Lectures, 1908), pp. 40 ff.; более поздние резюме см. особенно в Sayce, "Patriarchal Palestine", new ed. (1912), pp. 233 ff., и Handcock, "Latest Light on Bible Lands", 1913; а оценку художественных достижений см. в Hall, "Ancient History of the Near East" (1913), pp. 440 ff. О расовом характере первых жителей Ханаана см. особенно Серги, "Средиземноморская раса" (1901).

[8] Для оценки периода, когда эти населенные пункты были впервые укреплены, имеется мало данных. Нет сомнений, что городские стены появились задолго до египетского завоевания, а по накоплению *обломков* в нижних слоях их условно относят к раннему периоду третьего тысячелетия до н. э.; в любом случае они предшествовали эпохе Первой вавилонской династии.

[9] Эти свидетельства были получены в ходе раскопок в Кархемише, которые проводил мистер Хогарт для Британского музея. Обсуждение проблем, связанных с основными раскопками, см. в его томе "Кархемиш" (1914), а также "Хеттские проблемы и раскопки Кархемиша" в "Трудах Британской академии", том V. Результаты недавних раскопок в соседних курганах были найдены на месте его помощниками г-нами Вулли и Лоуренсом, и г-н Вулли опубликовал их в статье "Хеттские погребальные обычаи" в ливерпульских "Анналах археологии", VI, No. 4 (1914), pp. 87 ff.

[10] Учитывая бессистемный характер местных раскопок, отсутствие цилиндрических печатей на некоторых соседних участках не следует воспринимать как обязательное доказательство вавилонского влияния. Например, в Амарне, расположенной в восьми милях к югу от Иераблуса, не было найдено ни печатей, ни цилиндров, но в Кара Кузал, на месопотамской стороне Евфрата напротив Хаммама, где керамика относится к амарнскому типу, были найдены две цилиндрические печати более позднего периода и, вероятно, местного производства; они выгравированы в стиле, который г-н Вулли классифицирует как "сирийский геометрический" (*op. cit.*, p. 92). Эта находка также представляет интерес как доказательство ассимиляции цилиндрической формы печати, которая к тому времени перестала быть просто иностранным импортом.

[11] Ср. "Шумер и Аккад", стр. 233 f.

[12] Один из этих больших сосудов упоминается в описи вещей одного из почитателей бога Солнца, две копии которой относятся к периоду Первой династии Вавилона; см. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", II., pl. 1, Obv., 1. 8, и pl. 6, 1. 11; и ср. Hogarth, "Carchemish", p. 17. Сосуд был большого размера, как утверждается, в две трети *гура*, самой большой вавилонской меры вместимости; возможно, он использовался для зерна.

[13] Ср. Woolley, *op. cit.*, pp. 88 f., 92 ff.

[14] См. ниже, с. 137 и далее.

[15] Ср. Condamin, "Zeits. für Assyrl.", XXI. (1908), стр. 247 и далее. Вотивная надпись была составлена Шамши-Ададом IV.

[16] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyrl.", IV. (1898), p. 85 f., и pl. xxxii., № 85, и Schorr, "Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts", p. 302 f. Как Thureau-Dangin, так и Ungnad ("Beitr. z. Assyrl.", VI., No. 5, p. 26) рассматривали ее как договор купли-продажи, но десять мане, упомянутые в тексте, - это не цена продажи, а штраф, налагаемый за любое нарушение договора.

[17] См. Ungnad, "Vorderasiat. Schriftdenkmäler", VII., № 204, и "Beitr. z. Assyrl.", VI., № 5 (1909), стр. 26 и далее. Эта табличка была куплена профессором Сарром в Дёр-эз-Зоре и, как говорят, найдена в Рахабе в нескольких часах к юго-востоку от устья Хабур.

[18] См. ниже, с. 157, 159; Хаммурапи также носил титул "царь Амурру" (см. "Письма", III., с. 195).

[19] См. ниже, с. 190 f.

[20] Город Закку-Ишарлим, возможно, получил вторую часть своего названия от царя, упомянутого в первом договоре дарения; в таком случае Игитлим, возможно, был именем другого царя Ханы. Канал, очевидно, снабжал один из городов водой из Хабур. Последний элемент в его названии наводит на мысль о касситском влиянии, а письменность этого документа указывает на период, более поздний, чем период правления Хаммурапи; о его публикации см. Johns, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXIX. (1907), pp. 177 ff.

[21] Это месяцы Теритум, Кинуну и Бирицзарру. Другие западносемитские названия месяцев см. в "Письмах Хаммурапи", р. xxxvi. f., n.; большинство "seltene Monatsnamen", упоминаемых Шорром в "Urkunden", р. 577, должны быть включены в эту категорию.

[22] Вотивная надпись Шамши-Адада IV. (см. выше, р. 129, n. 1), фиксирует его восстановление.

[23] В Хане мы находим такие личные имена, как Амурша-Даган, Иази-Даган, Тури-Даган, Битти-Даган и Иашма(?) - Даган, в дополнение к городскому имени Иаму-Даган; ср. Унгуад, указ. соч. С. 27 и далее.

[24] Ср. Pöbel, "Исторические тексты", р. 137.

[25] Ср. Breasted, "History of Egypt", pp. 215 ff.

[26] Ср. "Шумер и Аккад", стр. 304.

[27] Традиция на этот счет, которая была включена в позднюю августейшую литературу (см. Boissier, "Choix de textes", II., р. 64; и Meissner, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 114, n. 1) могут быть приняты как исторически точные; ср. "Шумер и Аккад", р. 304.

[28] Ср. Huber, "Die Personennamen ... aus der Zeit der Könige von Ur und Nîsin" (1907), *passim*. Именно этот факт в свое время наводил на мысль о том, что цари Нисина, как и большинство их подданных, могли быть шумерами (см. "Шумер и Аккад", с. 303); но мы можем предпочесть рассматривать их как представителей первой волны движения, которое вскоре должно было затопить Северную Вавилонию.

[29] Ср. Hilprecht, "Math., Met., and Chron. Tablets", р. 46 f., pl. 30, No. 47.

[30] См. Scheil, "Rec. de trav.", XVI., pp. 187 ff.

[31] Ср. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", XXI., pl. 20 f.

[32] В династическом списке царей, опубликованном Хильпрехтом, "Math., Met., and Chron. Tablets", pl. 30, No. 47, Либи-Иштар назван сыном Ишме-Дагана; но в другом, недавно опубликованном Побелом, он назван сыном Идин-Дагана и, таким образом, братом Ишме-Дагана (см. "Исторические тексты", стр. 94, 137).

[33] Ср. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", XXI., pl. 22.

[34] Ср. Pöbel, "Historical Texts", p. 138; он также отмечает тот факт, что Ур-Ниниб успешно совершал набеги на страну Забшали на востоке Вавилонии.

[35] См. "Kun. Texts", IV., pl. 22, № 78, 395: и Ranke, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 109 ff.

[36] Ср. "Шумер и Аккад", p. 315 f.

[37] Ср. "Хроники о ранних вавилонских царях", II., с. 14. Илу-шума, отец Иришума или Эришу, который упоминается в строительных надписях Шалманесера I и Эсархаддона (*op. cit.*, I., pp. 118 ff.), вероятно, следует рассматривать как более позднего правителя, чем современник Суму-абума.

[38] С 1903 года Немецкое общество востоковедов ведет раскопки в Шергате, на месте Ашшура, старой столицы Ассирии на среднем Тигре. Уже были опубликованы монографии о некоторых храмах города и его системе укреплений, а летом 1913 года раскопки подошли к концу. Была вскрыта большая часть дворцовой и храмовой территории, составлены подробные планы всех существующих зданий, оставалось только углубиться до девственной скалы, чтобы завершить раскопки. Этот процесс, естественно, оставили напоследок, поскольку он предполагал значительное разрушение уже обнаруженных зданий. Именно в ходе углубления траншеи были сделаны открытия, о которых говорится в тексте; краткие отчеты о них Андрае см. в "Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft", No. 54 (июнь 1914 г.).

[39] См. рис. 34.

[40] См. рис. 35 и 36.

[41] См. с. 140, рис. 37-39.

[42] Традиция сохранилась в строительных надписях Шалманесера I и Эсархаддона, найденных в Шергате; см. "Хроники", I., с. 120 и далее.

[43] Он упоминается на небольшом конусе или цилиндре, найденном в Шергате в 1904 году, с текстом Ашир-рим-нишкшу; *op. cit.*, p. 140 ff.

[44] Их имена сравнивают с такими митаннийскими формами, как Пиндия, Зулия и т. д.; ср. Унгнад, "Beitr. z. Assy.", VI., № 5, pp. 11 ff.

[45] Первое свидетельство о займе, датированное третьим годом правления Амми-задуги, носит имя Тешшуб-'ари, соответствующее более позднему митаннийскому имени Ари-Тешуб, означающему "Тешуб дал"; ср. Ungnad, "Vorderas. Schriftdenkmäler", VII., № 72, 1. 10.

[46] В одном из документов эпохи Хаммурапи упоминается "человек из Субарту" (*awil Subarti*) (см. Scheil, "Rec. de tray.", XX., p. 64); а в частном письме того времени даются указания о продаже в рабство неких "шубарейцев" (*Shubarî*), которые, вероятно, были захвачены в бою (см. Meissner, "Beitr. z. Assy.", II., p. 561 f., и Delitzsch, *op. cit.* IV., p. 95). В другом тексте упоминается "девушка-рабыня из Субарту" (*amtum Shubaritum*) (см. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", VIII., pl. 46. Bu. 91-5-9, 2179, Obv., 1. 20), а "шубарец" (*Shubarâ*) упоминается в счет-таблице среди получателей дневного пайка (ср. Ungnad, "Vorderas. Schriftdenk.", VII., p. 68, № 184, Col. III., 1. 3, и "Beitr. z. Assy.", VI., № 5, p. 19, n. 2).

[47] Для интерпретации лунных наблюдений, например, и особенно затмений, лицо луны делилось на четыре четверти, та, что справа, относилась к Аккаду, та, что слева, - к Эламу, верхняя четверть - к Амурру, а нижняя - к Субарту; один ассирийский астролог, сообщая

своему господину о наблюдении, относящемся к Субарту, объясняет: "Мы - Субарту"; см. Thompson, "Reports of the Magicians and Astrologers", II, pp. xviii., lxxxv.

[48] Дильбат сейчас обозначен курганом Делем, который находится примерно в семнадцати милях к югу от Kaşr, старой цитадели и центра Вавилона, и менее чем в десяти милях к юго-востоку от Бирс-Нимруда. Много лет назад Рассам добыл там несколько табличек путем раскопок (см. "Асшур и земля Нимрода", стр. 265), а в последние годы большое количество табличек было получено там в результате раскопок местных жителей и продано в Европе; все они относятся к периоду Первой династии Вавилона.

[49] Ср. "Шумер и Аккад", стр. 226, 282.

[50] Это особенно заметно в царских именах, на иностранный характер которых впервые указал Поньон, "Journal Asiatique", 8me sér., Vol. XI, pp. 544 ff., который только на этом основании предположил, что династия могла быть арабской или арамейской; см. далее "Письма Хаммурапи", III, p. lxxv., и Мейер, "Geschichte des Altertums", I., ii., p. 545.

[51] Из местной формулы даты на одной из табличек из Абу-Хаббы мы узнали имя Нарам-Сина, правителя или вассала Сиппара в царствование Суму-абума; см. Ungnad, "Vorderas. Schriftdenkmäler", VIII., № 3. Другой вассальный правитель Сиппара, Бунутахтун-ила, занял трон в царствование Суму-ла-илума, и к этому же периоду относятся Илума-ила и Иммерум, из которых последний перерезал канал Ашухи; ссылки см. в Schorr, "Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Processrechts", p. 611.

[52] Киш сейчас обозначен курганами Эль-Охемира, или Ахимера, которые находятся к востоку от Вавилона; см. "Шумер и Аккад", стр. 88 и далее.

[53] Текст начертан на глиняном конусе из Ахимера и опубликован Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", VIII. (1911), pp. 65 и далее.

[54] То, что Суму-абум совершил посвящение в качестве сюзерена, доказывает договор-таблица из Киша, который датируется по формуле десятым годом.

[55] Возможно также, что восемь лет конфликта датируются воцарением Суму-абума, и в этом случае текст будет отмечать укрепление стены Киша за два года до взятия города Вавилоном; но свидетельства формулы даты говорят в пользу десятого года.

[56] На одной из табличек из Киша Иавиум ассоциируется с Мананом в формуле клятвы, а из другой мы знаем, что он пережил Суму-дитану, которого, вероятно, сменил на троне; Халиум, вероятно, может быть помещен после трех других вассальных правителей, имена которых удалось восстановить. По всей видимости, в Кише существовал местный обычай, согласно которому каждый правитель выбирал себе отдельного бога, с которым связывал клятвенные формулы; так, если Замама, городской бог Киша, фигурирует в табличках времен правления Иавиума, то при Манане и Халиуме его место занимают Наннар и Син соответственно. О табличках и их датах см. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", VIII., pp. 68 ff.; Johns, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXII. (1910), p. 279 f.; и Langdon, *op. cit.*, XXXIII. (1911), pp. 185 ff.

[57] Ср. "Шумер и Аккад", стр. 227, 285 и далее.

[58] Канал Суму-ла-илум был впервые построен в двенадцатый год его правления, и еще двадцать лет после этого его переделывали и расширяли.

[59] Третий год его правления был назван тем, в который он убил мечом Халамбу.

[60] О том, что в этот промежуток времени Вавилон не имел заметных успехов, можно судить по названию лет после строительства трона для Мардука в его храме в Вавилоне и статуи для его супруги Сарпанитум.

[61] То, что эти два события следует отождествлять, несомненно, следует из упоминания Самсу-илуной о Дур-Закаре в Ниппуре как о шести крепостях, построенных Снму-ла-илумом и перестроенных им самим; см. ниже, с. 148, 204.

[62] Поскольку смерть Гунгунума зафиксирована в местной формуле даты (см. Scheil, "Rec. de tray.", XXI., p. 125), мы можем предположить, что его конец был насильственным; воцарение Аби-саре, таким образом, может означать разрыв прямой преемственности в Ларсе.

[63] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", VI., p. 69 f.

[64] Ура-имитти не был сыном Итера-Поши, и поскольку в формуле даты его правления говорится о восстановлении им города Ниппура, мы можем рассматривать его предыдущее разрушение или захват как еще одно свидетельство политических проблем в Нисине; см. Pöebel. "Исторические тексты", p. 138 f.

[65] Ср. "Шумер и Аккад", с. 312.

[66] Это имя было предположительно восстановлено Побелом по формуле даты в Пенсильванском музее как Син-икиша (см. "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 461 ff.). Но из нового списка царей профессора Клея мы теперь знаем, что этого правителя следует отождествлять с Син-из3←ошамом, одиннадцатым царем династии Ларсы; нет никаких оснований связывать его с Нисином. С другой стороны, шестимесячное правление неизвестного царя в Нисине приходится на двадцатый год правления Суму-илума в Ларсе, который, по крайней мере, на какое-то время был признан в Уре, бывшем вассальном городе Нисина.

[67] Согласно нашей схеме хронологии, пленение Суму-ла-илумом Дур-Закара в Ниппуре соответствует году смерти Ура-имитти и последующей борьбе за нисинский престол.

[68] Помимо Ниппурского Дур-Закара, это были Дур-Падда, Дур-Лагаба, Дур-Иабугани, Дур-Кула-Дуру и Дур-ура-ана-Ура. При их восстановлении Самсу-илуна посвятил первые четыре Нинмаху, Ададу, Сину и Лугаль-дири-тугабу, а последние два - Нергалу; см. "Письма Хаммурапи", стр. 199 и далее.

[69] Ему он дал имя Tâmtum-khegallum, "Океан (дает) изобилие". Он также перестроил Э-ибиану, Э-сагилу и Э-баббар в Сиппаре, установив в последнем из названных храмов бронзовое изображение себя, возможно, намереваясь претендовать на божественные почести.

[70] В его правление были прорублены каналы Суму-дари и Апил-Син-хегаллум.

[71] Дорогой трон для Шамаша и Шунирды, или богини Айи, который он посвятил в третий год своего правления, вероятно, предназначался для Э-баббара в Сиппаре. Апил-Син уделил особое внимание Кутхе, самому недавно приобретенному из больших владений Вавилона, дважды перестроив Э-меслам, храм Нергала, бога города. Он также обогатил Вавилон с материальной стороны, возведя в его восточной стене большие городские ворота и построив внутри города храм Э-кику для богини Иштар и еще одно святилище для бога Солнца.

[72] Имя бога погоды читается как Адад, см. Budge and King, "Annals of the Kings of Assyria", p. lxxiv. f. Имя, вероятно, было западносемитского происхождения, хотя форма Rammânu, "громовержец", была отмечена профессором Сайсом на цилиндрической печати рядом с богиней Ашратум (см. "Zeits. f. Assy.", VI., p. 161), а в других местах она фигурирует как супруга бога Амурру (см. Meyer, "Geschichte", I., ii., p. 406). Шумерский эквивалент Адада до сих пор не определен; Грозный предлагает читать Ишкур (см. "Zeits. f. Assy.", XX., pp. 424 ff.), в то время как Тьюро-Дангин, Клей и другие предпочитают Иммер, предложенный в "Königsinschriften", p. 208. Между тем предпочтительнее использовать чтение Адад, во всяком случае, для периодов после западносемитского вторжения.

[73] То, что принятие Син-идиннамом титула было обосновано фактическим владением Ниппуром, доказывает формула даты на договоре в Британском музее, в котором он записывает посвящение своей статуи в качестве украшения для Ниппура; см. Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", IV., pl. 36, No. 2, и Chiera, "Legal and Administrative Documents", p. 72.

[74] Ср. Rawlinson, *op. cit.*, I., pl. 5, No. xx. В дополнение к своей военной доблести, он восстановил Э-баббар в Ларсе, построил великую крепость Дур-гургурри и, проведя канал Тигра, улучшил водоснабжение своей страны (см. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", XXL, pl. 30, No. 30215; Delitzsch, "Beitr. zur Assy.", I., pp. 301 ff.; и Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 208 f.). Он также построил городские ворота Машкан-Шабри; см. Chiera, *op. cit.*, p. 72 f.

[75] На разбитом глиняном конусе из Вавилона (см. Weissbach, "Babylonische Miscellen", p. 1, pl. 1) Син-магир носит титул царя Шумера и Аккада.

[76] Если мы можем отождествить Халлабу с Алеппо, мы должны найти еще более прочное основание для титула Кудур-Мабука. Ведь мы знаем, что, когда Варад-Син еще был царем Ларсы, он посвятил камеру в храме Иштар в Халлабу (см. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", XXI., pl. 31, No. 91144; и Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 214 f.). Тогда нам придется предположить, что, прежде чем завершить завоевание Шумера, он уже продвинулся вверх и через Евфрат и захватил большие районы Амурру. Возможно, так оно и было, но следует отметить, что и Халлабу, и Бит-Каркара упоминаются в Прологе к Своду законов Хаммурапи не вместе с "поселениями на Евфрате", а сразу после Лагаша и Гирсу, что наводит на мысль о вавилонском происхождении (см. ниже, [с. 159](#)).

[77] Ср. Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", I., pl. 5, No. xvi.; возведение стены также отмечено в формуле даты его правления (см. Chiera, "Documents", p. 74).

[78] На глиняной шишке из Мукайяра, на которой записано строительство им храма Наннару в Уре, Варад-Син описывает себя как "того, кто исполняет указы и решения Эриду (*т. е.* его оракула), кто увеличил жертвоприношения Э-нинну (храма Нингирсу в Лагаше), кто восстановил Лавиш в середине Гирсу и обновил город и землю"; ср. Rawlinson, *op. cit.* IV., pl. 35, No. 6.

[79] За первые тринадцать лет своего правления Син-мубаллит проложил три канала, первый из которых назвал в свою честь - канал Син-мубаллита, а два других - Айя-хегалум и Туту-хегалум. Он также построил стены Рубатума, Закар-дада, Дур-Син-мубаллита, Бийт-Каркара и Марада. Конечно, не исключено, что в это время происходили конфликты с югом, но если это так, то отсутствие упоминаний о них в записях следует объяснить неудачами вавилонского оружия.

[80] В этот период были отстроены городские стены Нанга и Баху.

[81] Из двух недавно опубликованных списков дат правления Хаммурапи мы знаем, что это событие произошло на пятом году его правления, а следующий год, по-видимому, был датирован аналогичным жреческим установлением пастуха богини Ниназ; ср. Boissier, "Rev. d'Assyr.", XI., № iv. (1914), pp. 161 ff.

[82] Территория, полученная на берегу канала Шу-нумум-дар (см. Буассье, указ. соч.), возможно, находилась в Эмутбале. Канал, возможно, был частью знаменитого Нар-шарри, который в ахеменидский период считался лежащим "в Эламе".

[83] Город находился в окрестностях Сухи на среднем Евфрате, ниже устья Хабура и, вероятно, к югу от Ханы.

[84] Канал Тишит-Энлиль, о котором мы теперь знаем, был прорублен на двадцать четвертом году жизни Хаммурапи (см. Boissier, *op. cit.*); канал Хаммураби-Хегаллум был прорублен на девятом году его жизни, во время взятия Нисина Рим-Сином.

[85] Два года были посвящены укреплению Сиппара; были построены стены Иги-Харсагги и, вероятно, Баху. В вассальном городе Кибальбарру Хаммурапи посвятил изображение Нинни, или Иштар, а в Вавилоне построил Э-намхе, храм Адада, а также святилище Энлиля.

[86] Ср. "Déc. en Chaldée", pl. 41; Rawlinson, "Cun. Inscr. West. Asia", I., pl. 3, No. X.; и Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 218 f.

[87] См. формулы дат, приведенные в Chiera, "Documents." p. 80 f.

[88] Ср. Хильпрехт, "Старовавилонские надписи", т. II, пл. 58, № 128.

[89] Ср. Хильпрехт, *loc. cit.*, и Чиера, *op. cit.*, p. 82 f.

[90] Одна из его жен, Си[...]Нинни, дочь Арад-Наннара, посвятила храм, от его имени и от своего собственного, богине Нин-эгал (см. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 218 f.). Другая жена, носившая имя Рим-Син-Шала-башташу, была дочерью некоего Син-магира, а у самого Рим-Сина была дочь Лириш-гамия; см. Pöbel, "Historical Texts", p. 140, который приводит информацию из надписи Рим-Син-Шала-башташу, которая, как сообщил мне профессор Клей, сейчас находится в Йельской коллекции. Сестра Рим-Сина, которая была жрицей, упоминается на цилиндре Набонида (см. Scheil, "Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres", 1912, p. 680 f.).

[91] Период составит сорок пять лет вместо двадцати трех, если мы поместим все шестьдесят один год правления Рим-Сина до завоевания Ларсы Хаммурапи; в этом случае падение Нисина произошло бы на седьмой год правления Син-мубаллита. Однако имеющиеся данные свидетельствуют в пользу сокращения периода независимого правления Рим-Сина; см. выше, с. 97 и далее.

[92] Это, по-видимому, следует из продолжения эпохи Нисина на юге в течение нескольких лет после падения Ларсы; см. выше, с. 103.

[93] См. выше, с. 144.

[94] См. выше, с. 129 и далее; вероятно, именно после этих завоеваний он принял титул царя Амурру.

[95] См., например, "Письма и надписи Хаммурапи", с. 180 и далее. Из названий большинства из них ясно, что они относятся к последней части его правления. Именно после присоединения Ларсы он прорубил канал Хаммураби-нухуш-ниши, построив в его начале

крепость для защиты, которую назвал в честь своего отца Дур-Син-мубаллит-абим-валидия. Возведение зернохранилища в Вавилоне (*op. cit.*, p. 192 f.), очевидно, было одной из его ранних работ.

[96] См. ниже, p. 194 f.

[97] Поскольку список городов представляет собой практически справочник империи Хаммурапи в последние годы его правления, их названия вместе с храмами и богами-градона начальниками следует перечислить; здесь они приводятся в том порядке, в каком они встречаются в Прологе, а имена богов, опущенные в тексте, даны в скобках: (1) Ниппур, и Экур, храм Энлиля; (2) Эриду, и Э-апсу (храм Энки); (3) Вавилон, и Э-сагила, храм Мардука; (4) Ур, и Э-гишширгал (храм Сина); (5) Сиппар, и Э-баббар (храм Шамаша); (6) Ларса, и Э-баббар (храм Шамаша); (7) Эрех и Э-анна, храм Ану и Нинни, или Иштар; (8) Нисин и храм Э-галмах; (9) Киш и Э-мет-урсаг, храм Замамы; (10) Кутха и Э-меслам (храм Нергала); (11) Борсиппа и Э-зида (храм Набу); (12) Дилбат и его бог Ураш; (13) город Кеш; (14) Лагаш и Гирсу, и Э-нинну (храм Нингирсу); (15) Халлабу, и богиня Нинни, или Иштар; (16) Би-Каркара, и Э-угалгал, храм Адада; (17) Адаб, и его храм Э-мах; (18) Машкан-шабри, и храм Меслам; (19) Мальгум; (20) жилища, или поселения, на Евфрате и бог Даган; (21) Мера и Тутул; (22) Аккад (Агаде) и Э-ульмаш, храм Иштар; (23) Ашур и "его благосклонное божество-покровитель"; и (24) Ниневия и Э-мишмиш, храм Иштар.

[98] Быт. xiv.

[99] Об эламском характере имени Хедорлаомера см. "Письма Хаммурапи", I., p. iv. f.; но слишком много трудностей мешает принять предложенное отождествление Ариоха с Варад-Сином, сыном Кудур-Мабука (*op. cit.*, pp. xlix. ff.).

[100] См. выше, с. 152.

[101] Профессор Сайс первым указал на то, что Тидал - хеттское имя, его носил один из последних царей Хеттской империи, Дудхалия; см. "Патриархальная Палестина", с. 60.

[102] Мы не касаемся здесь текстуального характера Бытия xiv (по этому вопросу см. особенно Skinner, "Genesis", pp. 256 ff.), а также эволюции авраамических традиций (см. Meyer, "Die Israeliten", p. 248, и ср. Hall, "Anc. Hist. of the Near East", p. 401). Достаточно отметить, что в связи с восстановлением неовавилонских хроник и поэтических произведений, посвященных ранним историческим событиям, нахождение такого документа среди древнееврейских литературных источников кажется достаточным объяснением фактов.

ГЛАВА V

ЭПОХА ХАММУРАПИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПЕРИОДЫ

Ни об одном периоде в истории Вавилона мы не имеем столь глубоких сведений, как о периоде правления западносемитских царей, при которых город впервые обрел статус столицы. Это было время напряженного роста, в ходе которого долгая борьба за язык и расовое господство была решена в пользу семитов. Но победа не нарушила преемственности, так как все основные элементы шумерской культуры были сохранены, и именно длительность борьбы стала главным фактором, обеспечившим их выживание.

Постепенная ассимиляция происходила с обеих сторон, хотя шумеры, естественно, досталось больше, и, несмотря на его политическое исчезновение, он продолжал оказывать косвенное влияние. Этим он был обязан в основном энергии западного семита, который завершил задачу преобразования умирающей культуры, чтобы в своем новом воплощении она могла быть принята людьми более новой расы.

Эпоха Хаммурапи была переходной, и нам, к счастью, удалось восстановить огромное количество свидетельств современности, на которых можно основывать анализ ее социальной и политической структуры. С одной стороны, великий Свод законов представляет нам административный идеал государства и стандарт справедливости.^[1] С другой стороны, у нас есть письма самих королей, коммерческие и юридические документы того периода^[2], доказывающие, что Кодекс не был мертвой буквой, а точно соответствовал условиям того времени. Уже давно была признана возможность существования подобных кодексов раннешумерского происхождения, и недавно была найдена копия одного из них на табличке времен Хаммурапи.^[3] Но ценность кодекса Хаммурапи заключается не столько в претензии на оригинальность, сколько в его соответствии современным потребностям. Таким образом, он является первоклассным свидетелем по тем вопросам, которые в нем рассматриваются, а там, где он не дает никакой информации, письма и договоры того периода часто позволяют нам восполнить этот недостаток.

Для целей законодательства вавилонская община была разделена на три основных класса или ступени общества, которые соответствовали четко определенным слоям в социальной системе. К высшему или высшему классу относились все чиновники или министры при дворе, высшие чиновники и служащие государства, а также владельцы значительной земельной собственности. Но богатство или положение не были единственным критерием, отличавшим членов высшего класса от тех, кто стоял непосредственно под ними. В действительности, хотя большинство членов этого класса пользовались этими преимуществами, человек мог лишиться их по своей вине или несчастью и при этом сохранить свое социальное положение и привилегии. Поэтому кажется, что в основе различий лежал расовый признак, и что представители высшего класса, или знати, как мы можем их назвать,^[4] были людьми преобладающей расы, происходившей из западно-семитского или аморейского рода, давшего Вавилону первую независимую династию. Со временем их расовая чистота была разбавлена браками с более древними жителями, особенно в тех случаях, когда они вставали на сторону захватчиков и выступали за их дело. Возможно даже, что некоторые из последних с самого начала добились признания в его рядах в обмен на военные или политические заслуги. Но, говоря в целом, мы можем рассматривать высший класс в общественном устройстве как представителя расовой аристократии, которая сама себя навязала.

Второй класс населения составляло огромное количество свободных людей, которые не входили в число знати; по сути, они образовывали средний класс между аристократией и рабами. Они носили титул, который сам по себе подразумевал состояние неполноценности,^[5] и, хотя они не обязательно были бедными и могли иметь рабов и собственность, они не разделяли привилегий высшего класса. Вероятно, они представляли подданную расу, происходящую частично от старого шумерского элемента в населении, частично от семитского, который уже давно обосновался в Северной Вавилонии и в результате общения и браков утратил большую часть своей расовой чистоты и независимости. Разница, которая разделяла и отделяла друг от друга эти два больших класса свободных людей, хорошо иллюстрируется шкалой выплат в качестве компенсации за нанесенный ущерб, которые они были обязаны или имели право получить. Так, если

знатный человек был виновен в краже быка или другого животного, или лодки, которая была частной или храмовой собственностью, он должен был заплатить в качестве компенсации тридцатикратную ее стоимость; в то время как если вор был представителем среднего класса, наказание снижалось до десятикратной цены, а если у него не было имущества, которым он мог бы заплатить, его предавали смерти. Наказание за убийство человека также было меньше, если нападавший был представителем среднего класса; он мог получить развод дешевле, и платил врачу или хирургу меньшую плату за успешную операцию. С другой стороны, эти привилегии уравнивались соответствующим снижением стоимости, в которую оценивались его жизнь и конечности.

На то, что в основе различий в социальном положении и статусе лежали расовые различия, указывают существующие наказания за нападение, согласно которым дворянин мог потребовать точного возмездия за нанесенные ему увечья от представителя своего класса, в то время как он просто выплачивал денежную компенсацию любому человеку из среднего класса, которого он мог ранить. Так, если одному знатному случалось выбить глаз или зуб другому, то в ответ ему выбивали его собственный глаз или зуб, а если он ломал конечность одному из представителей своего сословия, то ему ломали соответствующую конечность; если же он выбивал глаз представителю среднего сословия или ломал ему конечность, то на него налагался штраф в одну ману серебра, а за выбитый зуб такого человека налагался штраф в треть маны. Другие правила указывают на аналогичный раскол в социальных слоях, который лучше всего объяснить расовыми различиями. Так, если два представителя одного сословия ссорились и один из них совершал неприличное нападение на другого, то нападавший подвергался лишь штрафу, причем штраф был больше, если ссора происходила между двумя знатными людьми. Но если такое нападение совершал представитель среднего класса на дворянина, то его наказывали публичным избиением в присутствии собрания, когда он получал шестьдесят ударов бичом из бычьей кожи.

Третьим и самым низким классом в обществе были рабы, которые принадлежали обоим высшим классам, но, естественно, были более многочисленны в семьях знати и в их поместьях. Раб был абсолютной собственностью своего хозяина, и в договорах-таблицах его часто называют "головой", как будто он был просто животным. Он постоянно переходил из рук в руки, продавался, завещался или временно отдавался в залог за долг. За плохие проступки он подвергался суровому наказанию, например, отрезанию уха, что было наказанием за отказ от хозяина, или за нападение на знатного человека с отягчающими обстоятельствами. Но в целом его участь не была особенно тяжелой, так как он был признанным членом семьи своего хозяина, и, будучи ценной вещью, его владелец, очевидно, был заинтересован в том, чтобы он был здоров и находился в хорошем состоянии. О ценности раба свидетельствует и суровость наказаний за похищение раба-мужчины или рабыни из дома хозяина и вывоз его из города; за это полагалась смертная казнь, а также за укрывательство и завладение беглым рабом. С другой стороны, владелец выплачивал фиксированное вознаграждение тому, кто поймал и вернул беглого раба. Специальное законодательство было разработано и для того, чтобы затруднить кражу рабов и облегчить их обнаружение. Так, если клеймовщик ставил клеймо на раба без согласия владельца, ему отрубали руки, а если он мог доказать, что сделал это благодаря обману со стороны другого человека, того предавали смерти. Торговля рабами велась регулярно, и, несомненно, их число постоянно увеличивалось за счет пленников, захваченных на войне.

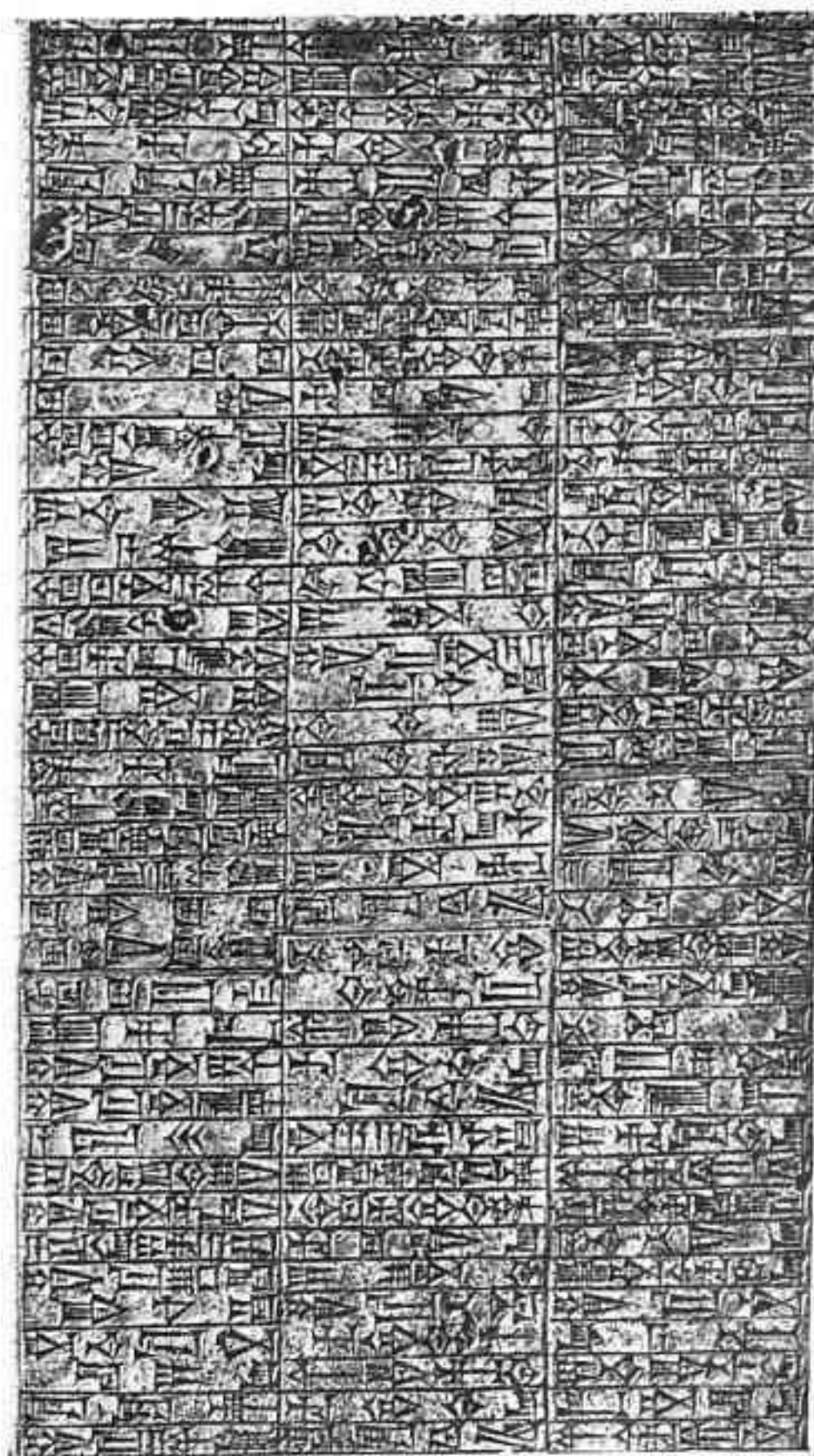
Хотя рабы как класс имели мало собственных прав, существовали правила, в соответствии с которыми при определенных обстоятельствах они могли приобрести их и даже получить свободу. Так, трудолюбивый раб, находясь на службе у своего хозяина, мог приобрести

собственную собственность, или же раб мог унаследовать богатство от родственников; в таких обстоятельствах он мог с согласия хозяина приобрести свою свободу. Кроме того, если раб был захвачен врагом, увезен в чужую страну и продан, а затем возвращен новым владельцем в свою страну, он мог потребовать свою свободу без выплаты компенсации одному из своих хозяев. Более того, раб мог приобрести определенные права, находясь в рабстве. Так, если владелец женщины-рабыни имел от нее детей, он не мог использовать ее в качестве оплаты долга, а если делал это, то обязан был выкупить ее, выплатив первоначальную сумму долга деньгами. Раб-мужчина, будь то знатный или представитель среднего класса, мог жениться на свободной женщине, и в этом случае его дети становились свободными и не переходили в собственность его хозяина. Его жена, если она была свободной женщиной, также сохраняла свою супружескую долю после смерти мужа, и если предположить, что за время совместной жизни супруги приобрели имущество, владелец раба мог претендовать только на половину этого имущества, а другая половина оставалась у свободной женщины для ее собственного пользования и для ее детей. Сам факт возможности такого союза говорит о том, что между социальным статусом лучших рабов и более скромных представителей среднего класса не было слишком заметной пропасти.

Обработка земли, которая составляла основной источник богатства Вавилонии,^[6] осуществлялась в основном рабским трудом под контролем двух высших классов населения. Сама земля в значительной степени находилась в руках короны, храмов, крупной знати и купцов, которые были земельными собственниками; и, включая ту, которая все еще находилась в общинном или племенном владении,^[7] очень большая ее часть обрабатывалась на условиях аренды. Обычной практикой при найме земли для обработки было то, что арендатор платил арендную плату натурой, выделяя определенную долю урожая, обычно треть или половину, владельцу, который авансировал семена-корн.^[8] Арендатор был обязан обрабатывать землю и собирать урожай, а если он этого не делал, то должен был заплатить владельцу сумму, которая считалась средней арендной платой за землю, а также разбить землю и вспахать ее, прежде чем отдать обратно. Для регулирования обязанностей и ответственности землевладельца, с одной стороны, и того, что ему причиталось от арендатора, с другой, действовали тщательно разработанные правила. Поскольку арендная плата за поле обычно начислялась после сбора урожая, а ее размер зависел от величины урожая, было бы несправедливо, если бы ущерб, нанесенный урожаю наводнением или бурей, возмещал арендатор; такой ущерб делился поровну между владельцем поля и фермером, хотя, если последний уже выплатил арендную плату на момент нанесения ущерба, он не мог требовать ее возврата. Есть свидетельства того, что споры часто возникали не только между фермерами и землевладельцами, но и между фермерами и пастухами, поскольку последние, пытаясь найти пастбище для своих отар, часто позволяли своим овцам пастись на фермерских полях весной. Для таких случаев была установлена шкала компенсации. Если ущерб наносился ранней весной, когда растения были еще маленькими, фермер убирал урожай и получал от пастуха компенсацию в натуральном выражении. Если же ущерб наносился в конце года, когда овец перегоняли с лугов на общую землю у городских ворот, он был более значительным; в этом случае пастух должен был взять урожай на себя и выплатить фермеру крупную компенсацию.

Сам царь был очень крупным владельцем крупного рогатого скота и овец, и он взимал дань с отар и стад своих подданных. Владельцы были обязаны приводить причитающихся им молодняк и ягнят в центральный город округа, в котором они проживали, а затем их собирали и добавляли к королевским стадам и отарам. Если владельцы пытались удержать причитающееся им в качестве дани, они были вынуждены потом нести дополнительные расходы и хлопоты по перегону скота в Вавилон. Отары и стада, принадлежавшие царю и

великим храмам, вероятно, были огромны и приносили немалый доход сами по себе, помимо дани и налогов, взимаемых с частных владельцев. Пастухи и пастушки были поставлены во главе их, и они были разделены на группы под руководством начальников, которые определяли районы, где должны были пастись стада и отары. Царь регулярно получал отчеты от своих главных пастухов и пастушек, а в обязанности правителей крупных городов и районов Вавилонии входило совершать инспекционные поездки и следить за тем, чтобы за царскими стадами был надлежащий уход. Стрижка всех овец, пасшихся вблизи столицы, происходила в Вавилоне, и царь рассылал повестки своим главным пастухам, чтобы сообщить им о дне, когда будет происходить стрижка.^[9] Отдельные стада, которые были царской и священнической собственностью, иногда находились в ведении одного и того же начальника, что свидетельствует о том, что царь сам осуществлял значительный контроль над священными доходами.

ЧАСТЬ КОДЕКСА ХАММУРАПИ, СТОЛБЦЫ. 6-8.

По материалам Délég. en Perse, Mém. IV, pl. 4.

В регулировании пастушеской и сельскохозяйственной жизни общины очень важную роль играл обычай, который признавался и соблюдался царской властью. Небрежность в уходе за скотом наказывалась штрафом, но владелец не нес ответственности за ущерб, если не была доказана халатность с его стороны. Таким образом, бык мог в любой момент взбеситься и растерзать человека, и хозяин не имел права на возмещение ущерба. Но если зверь был заведомо злобным, а владелец не притупил его рога и не закрыл его, он был обязан выплатить компенсацию за ущерб. С другой стороны, владелец крупного рогатого скота или ослов, сдававший их в наем, мог потребовать компенсацию за потерю или жестокое обращение со своими животными. В основу этих норм был положен принцип, согласно которому наниматель несет ответственность только за ущерб или убытки, которые он мог разумно предотвратить. Если, например, лев убивал нанятого вола или осла на открытой местности или если вола убивало молнией, ущерб ложился на владельца, а не на того, кто нанял животное. Но если наниматель убил вола по неосторожности или нещадно избив его, или если животное сломало ногу, находясь в его подчинении, он должен был вернуть владельцу другого вола вместо него. За менее серьезный ущерб, нанесенный животному, наниматель выплачивал компенсацию по установленной шкале.^[10] Очевидно, что такие правила лишь давали королевскую санкцию давно сложившемуся обычаю.

Как для ухода за своими стадами, так и для обработки земли землевладельцы в значительной степени зависели от наемных пастухов и фермеров, и любая нечестность со стороны последних в отношении скота, провизии или семян кукурузы сурово каралась. За кражу, например, провианта приходилось расплачиваться, а виновному дополнительно грозило отрубание рук. Суровая компенсация требовалась с того, кто ради собственной выгоды сдавал в наем волов, которые были вверены его попечению; если же крестьянин крал семена кукурузы, поставляемые на нанятое им поле, так что не получал урожая, который мог бы разделить с владельцем, он не только должен был выплатить компенсацию, но и был разорван на части волами на поле, которое должен был обрабатывать.^[11] В эпоху Хаммурапи более суровые наказания, несомненно, были во многом традиционными, пришедшими из более варварских времен, когда нечестность можно было сдерживать только сильными мерами. Их сохранение в законах, несомненно, служило эффективным сдерживающим фактором, а суровое наказание, если оно приводилось в исполнение время от времени в случае тяжких преступлений, было бы достаточным для поддержания уважения к правилам.

В полутропическом климате Вавилонии каналы играли жизненно важную роль для успешного ведения сельского хозяйства, и в царских интересах было следить за тем, чтобы их каналы содержались в надлежащем состоянии и регулярно очищались. Есть свидетельства того, что почти каждый царь Первой династии Вавилона прокладывал новые каналы и расширял унаследованную им систему ирригации и транспортировки воды. Богатый ил, выносимый реками, частично откладывался в каналах, особенно на тех участках, которые находились ближе к главному потоку, в результате чего ложе канала постоянно поднималось. Каждый год необходимо было выкапывать эти отложения и насыпать их на берега. С каждым годом берега поднимались все выше и выше, пока не наступил момент, когда трудозатраты на избавление от ила стали превышать трудозатраты на прокладку нового канала. Поэтому участки канала постоянно прокладывались заново рядом со старым руслом, и вполне вероятно, что многие каналы, прокладка которых отмечена в текстах, на самом деле были реконструкцией старых ручьев, русла которых безнадежно заилились.

В наши дни в некоторых частях Вавилонии путешественник натывается на приподнятые насыпи старых каналов, протянувшихся по равнине на небольшом расстоянии друг от друга,

и их параллельный ход объясняется процессом перерезания, который откладывался как можно дольше, но в конце концов был необходим из-за растущей высоты берегов. Поскольку русло канала тоже постепенно поднималось, высокие берега служили для удержания потока, и их часто смывало паводковыми водами, спускавшимися весной с холмов. Сохранилось интересное письмо, написанное внуком Хаммурапи, Аби-Эшу', который описывает внезапное повышение уровня Ирнинского канала до такой степени, что он вышел из берегов.^[12] В то время царь строил дворец в городе Кар-Ирнина, который снабжался водой через Ирнинский канал, и каждый год в строительство вкладывалось определенное количество труда. К моменту написания письма было выполнено не более трети годового объема работ, когда строительные работы были остановлены наводнением: канал вышел из берегов, и вода поднялась до самой городской стены.

В обязанности местных правителей входило следить за тем, чтобы каналы содержались в исправности, и они имели право требовать рабочую силу от жителей деревень и владельцев земли, расположенной на берегах или вблизи них. Взамен жители деревень имели право ловить рыбу в водах канала на своем участке, и любое браконьерство со стороны других жителей в их части потока было строго запрещено. Однажды в царствование Самсу-илуны, сына Хаммурапи, рыбаки из деревни Итабим спустились на своих лодках в район Шаканим и, вопреки местному обычаю, ловили там рыбу. Жители Шаканима пожаловались царю на это нарушение их прав, и он послал дворцового чиновника к властям Сиппара, в юрисдикции которого находились эти деревни, с указанием разобраться в этом деле и принять меры для предотвращения браконьерства в будущем. Рыбная ловля с помощью лески и сети была обычным делом, и сохранение прав на местные воды ревностно охранялось.

Крупные каналы питались непосредственно из реки, особенно вдоль Евфрата, берега которого были ниже, чем у более стремительного Тигра. Но вдоль последней реки, а также по берегам каналов, очевидно, должны были использоваться какие-то средства, чтобы поднять воду для целей орошения из основного русла на более высокий уровень земли. В вавилонских надписях упоминаются ирригационные машины,^[13] и, хотя их точная форма и конструкция не описаны, они должны были быть очень похожи на те, которые используются в настоящее время. Самым примитивным методом подъема воды, который сегодня более распространен в Египте, чем в Месопотамии, является *шаддуф*, который работает вручную. Он состоит из балки, укрепленной в центре, на одном конце которой подвешено ведро для подъема воды, а на другом закреплен противовес. Таким образом, для поднятия наполненного ведра требуется сравнительно немного труда. О том, что это приспособление использовалось на Тигре, свидетельствует ассирийский барельеф, найденный в Куюнджике, с изображением *шаддуфа* в действии. Два из них используются, один над другим, чтобы поднять воду на один уровень. Вероятно, именно такие приспособления обычно использовали ранние вавилоняне для подъема воды на уровень своих полей, а то, что они были легкими и легко убирались, должно было сделать их заманчивыми объектами для нечестных людей. Поэтому существовала шкала компенсации, регулирующая выплаты, которые должен был сделать владельцу пойманный вор. Из того факта, что они варьировались в зависимости от класса и стоимости украденной машины, можно сделать вывод, что использовались и другие приспособления, более тяжелые и постоянные.

Одно из них, несомненно, соответствовало очень примитивному устройству, которое в настоящее время широко используется в Месопотамии, особенно вдоль реки Тигр, где берега высоки и круты. В берег вбивается углубление или выемка с перпендикулярными сторонами, и деревянное веретено поддерживается на подпорках в горизонтальном положении над углублением, которое напоминает колодец, одной стороной выходящий к

реке. Веревка, перекинутая через веретено, прикреплена к шкуре, в которой вода поднимается из реки, затягиваемая лошадьми, осликами или крупным рогатым скотом, запряженным в другой конец веревки. Опустошение шкуры вручную в оросительный канал, конечно, потребует много времени и труда, поэтому, чтобы избежать этой необходимости, используется хитроумное приспособление. Шкура зашивается не в виде закрытого мешка, а в виде мешка, заканчивающегося длинной узкой воронкой. Пока шкура наполняется и натягивается до верха, воронка поддерживается тонкой веревкой, проходящей через нижнее веретено и прикрепленной к основной веревке, так что звери вместе тянут ее вверх. Положение веретен и длина канатов регулируются таким образом, что конец воронки останавливается как раз над деревянным желобом на берегу под стойками, а остальная часть шкуры затягивается выше и выбрасывает воду через воронку в желоб. Корыто обычно делают из половины ствола финиковой пальмы, выдолбив его, и одним концом подводят к оросительному каналу на берегу. Чтобы звери могли лучше тянуть груз воды, в земле вырезается наклонная плоскость, отходящая от машины, и по ней вверх и вниз движутся звери, причем кожа наполняется и опорожняется автоматически. Чтобы увеличить подачу воды, часто используют две шкуры, каждая со своими снастями и набором зверей, и, когда одна из них набирает воду, другая спускается пустой. Таким образом, обеспечивается непрерывный поток воды, а для поддержания движения каждой группы зверей требуется не более одного человека или мальчика. Более эффективного или простого способа поднять воду на значительную высоту придумать невозможно, и нет сомнений, что в период Первой династии скот использовался не только для пахоты, но и для работы с примитивными ирригационными машинами такого рода.

На Евфрате, где берега реки ниже, простая форма водяного колеса, вероятно, использовалась тогда, как и сегодня, везде, где было достаточное течение для работы. Преимущество этой формы машины в том, что, пока она исправна, ее можно разблокировать по желанию и держать в рабочем состоянии без присмотра днем и ночью. Колесо сделано из отрезанных сучьев и веток, скрепленных гвоздями, а спицы соединяют внешние обода с грубо сколоченной осью. Вокруг внешнего обода привязывают ряд грубых фаянсовых чашек или бутылок, а к колесу прикрепляют несколько грубых весел, выступающих за пределы обода. Колесо устанавливают на месте у берега реки, его ось опирается на столбы из грубой каменной кладки. Течение вращает колесо, и бутылки, погружаясь под воду, поднимаются вверх и сливают воду в деревянное корыто наверху. Берега Евфрата обычно покатые, и вода из корыта поступает на поля по небольшому акведуку или земляной насыпи. В наши дни такие колеса обычно устанавливают там, где русло реки немного понижается и вода стремительно бежит по мелководью. Чтобы преодолеть разницу в уровне между полями и летней высотой потока, колеса часто представляют собой огромные конструкции, и их грубая конструкция заставляет их скрипеть и стонать, когда они вращаются по течению. В удобном месте на реке иногда устанавливают несколько таких колес, и их шум во время работы слышен на большом расстоянии.^[14]

Не исключено, что более поздние шумеры уже разработали эти примитивные формы ирригационных машин, а вавилоняне Первой династии просто унаследовали их и передали своим преемникам. Изобретенные однажды, они были неспособны к значительному усовершенствованию. В одной из них кожа всегда должна оставаться кожей, в другой колесо всегда должно быть легким, сделанным из сучьев, иначе силы течения не хватило бы для его вращения. Мы видели основания полагать, что во дворце Навуходоносора II в Вавилоне тройной колодец в северо-западном углу можно объяснить как источник воды для гидравлической машины, состоящей из бесконечной цепи ведер, проходящих через большое колесо. Такой способ добычи воды очень распространен в Вавилонии и в наши

дни. Правда, в некоторых из этих машин колесо для ведер до сих пор приводится в движение с помощью грубых деревянных шестеренок к длинному шесту или лебедке, которую вращают звери,двигающиеся по кругу. Но очень маловероятно, что ранние вавилоняне разработали принцип зубчатого колеса, и, вероятно, только в период поздней Ассирийской империи бронзы стало так много, что ее можно было использовать в достаточном количестве для изготовления ведер на бесконечной цепи. Есть основания полагать, что сам Сеннахериб ввел новшество, когда использовал металл в конструкции машин, подающих воду в его дворец;^[15] и мы можем сделать вывод, что даже в неовавилонский период подобные приспособления все еще были царской роскошью, а крестьянин продолжал использовать более примитивные машины, санкционированные незапамятными временами, которые он мог сделать своими руками.

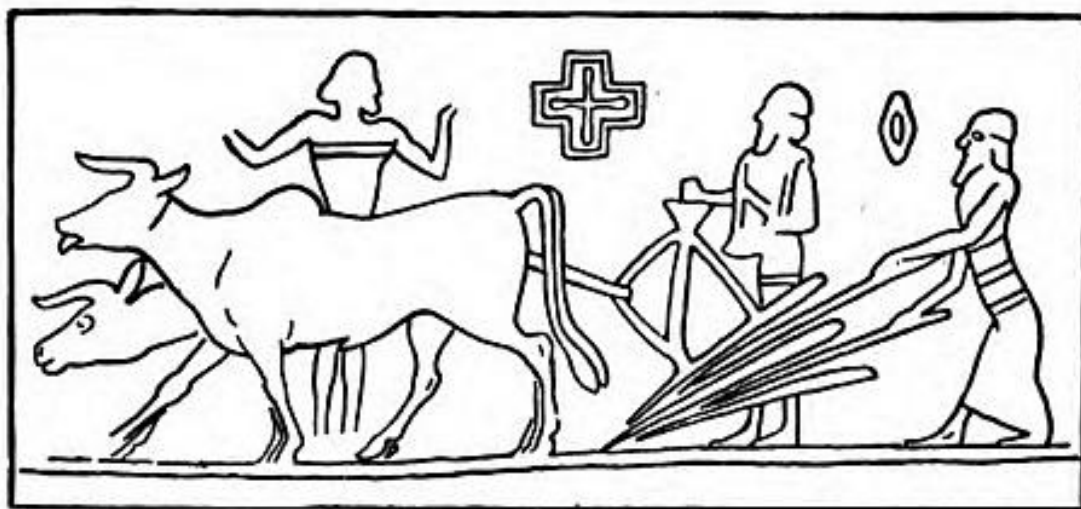

РИС. 40.

СТАРАЯ ВАВИЛОНСКАЯ ФОРМА ПЛУГА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ.

Рисунок сделан по оттиску печати на табличке касситского периода.

(После Клея.)

То, как сельскохозяйственные орудия, использовавшиеся в ранней Вавилонии, сохранились до наших дней, хорошо иллюстрирует их форма плуга, которая очень похожа на ту, что до сих пор используется в некоторых районах Сирии. У нас нет изображения плуга Первой вавилонской династии, но он, несомненно, был таким же, как и в касситский период, о котором недавно было найдено очень интересное изображение. На табличке, найденной в Ниппуре и датированной четвертым годом Нази-Марутташа, есть несколько оттисков цилиндрической печати с выгравированным изображением трех мужчин, пахущих землю.^[16] Плуг запряжен двумя горбатыми быками, или зебу, которыми управляет один из мужчин, а другой держит две ручки плуга и направляет его. Третий мужчина держит за плечами мешок с зерном и правой рукой подает семена в трубку или зернодробилку, по которой они попадают в борозду, проделанную плугом. В верхней части трубки находится чаша с отверстием в дне, выходящим на трубку, которая служила воронкой и позволяла сеятелю опускать семена, не рассыпая их. Это самое раннее изображение вавилонского плуга, которым мы располагаем, и его ценность возрастает от того, что плуг виден в действии. Такая же сеялка встречается на трех более поздних изображениях. Одно из них

также относится к касситскому периоду, оно было найдено на межевом камне периода Мели-Шипака II,[17] , на котором оно изваяно как священный символ Гештинны, богини плуга.[18] Два других относятся к ассирийскому периоду: один изображен в эмалированном кирпиче на стенах дворца в Хорсабаде,[19] , а другой высечен среди символов на Черном камне Эсархаддона, на котором он рассказывает о восстановлении Вавилона.[20] Подобные плуги с зерновыми жатками точно такой же конструкции используются в Сирии и в настоящее время.[21]

Прежде чем вспахать и засеять землю, вавилонский земледelec готовил ее к орошению, разделяя на несколько небольших квадратов или продолговатых участков, каждый из которых отделялся от других невысоким земляным валом. Некоторые из берегов, проходящие вдоль поля, превращались в небольшие каналы, концы которых соединялись с основным оросительным потоком. Не было ни ворот, ни шлюзов, и, когда он хотел полить одно из своих полей, он просто отрывал берег напротив одного из небольших каналов и пускал в него воду . Когда она достигала той части земли, которую он хотел полить, он перегораживал канал небольшим количеством земли и разрушал его берег так, чтобы вода текла по одной из небольших площадей и смачивала ее.

СОВРЕМЕННАЯ ГУФА.

Фото: Мессрс Андервуд и Андервуд.

Затем он мог повторить процесс со следующим квадратом и так далее, после чего возвращался к главному каналу и останавливал поток воды, затыкая проделанное в берегу отверстие. Таков современный процесс ирригации в Месопотамии, и нет сомнений, что он был принят ранними вавилонянами. Он был чрезвычайно прост, но требовал внимательности и бдительности, особенно когда вода подавалась сразу в несколько частей поместья. Кроме того, один главный канал часто снабжал поля нескольких фермеров, и в обмен на свою долю воды каждый был обязан содержать его берега, где он пересекал его землю, в порядке. Если он этого не делал и вода прорывала брешь и затапливала поле его соседа, он должен был выплатить компенсацию натурой за испорченный урожай, а если он не мог заплатить, его товар продавали, а соседи, чьи поля пострадали, делили выручку от

продажи. Аналогичным образом, если крестьянин оставлял воду включенной и забывал ее перекрыть, он должен был выплатить компенсацию за любой ущерб, который она могла нанести соседнему урожаю.

Финиковая пальма была главным вторичным источником богатства страны, поскольку она пышно росла в аллювии и обеспечивала вавилонян одним из основных продуктов питания.^[22] Из него также делали перебродившее вино и муку для выпечки; из сока пальмы получали пальмовый сахар, волокнистая кора шла на плетение веревок, а ствол служил легким, но прочным строительным материалом. Первые вавилонские цари поощряли закладку финиковых плантаций и разведение садов и огородов; с этой целью были приняты специальные постановления. Человек мог получить поле для этих целей без уплаты ежегодной ренты. Он мог сажать и ухаживать за ним в течение четырех лет, а на пятый год аренды первоначальный владелец земли забирал половину сада в счет оплаты, а другую половину плантатор оставлял себе. При этом следили за тем, чтобы сделка выполнялась должным образом: если на плантации оставался голый участок, он засчитывался в половину плантатора; если же арендатор пренебрегал деревьями в течение первых четырех лет владения, он обязан был засадить весь участок, не получив своей половины, и дополнительно выплатить компенсацию, размер которой варьировался в зависимости от первоначального состояния земли. Таким образом власти следили за тем, чтобы земля не была захвачена и не пришла в упадок. За аренду плантации устанавливалась арендная плата в размере двух третей ее продукции, при этом арендатор предоставлял всю рабочую силу и обеспечивал необходимое орошение водой.

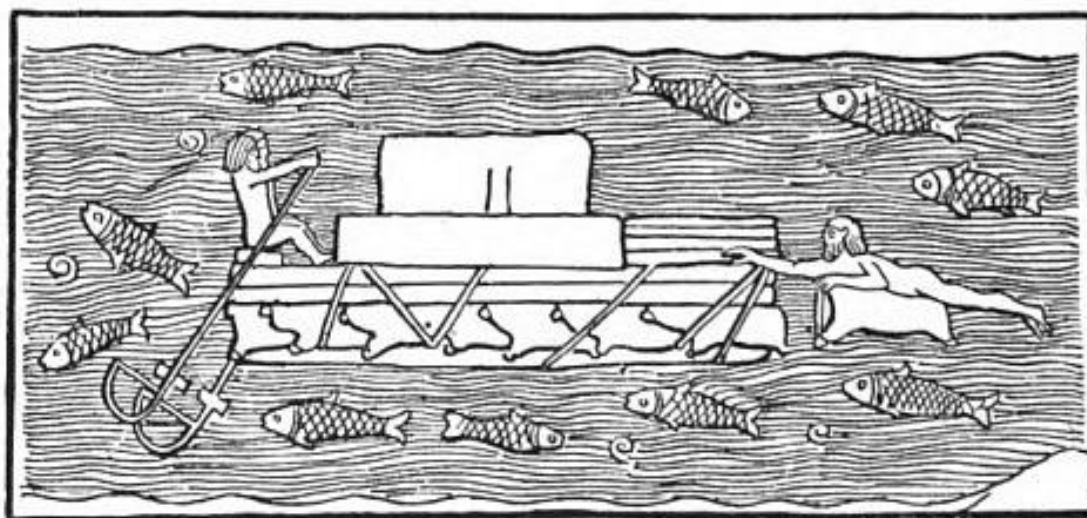

РИС. 41.

АССИРИЙСКИЙ КЕЛЕК НА ТИГРИСЕ.
(По рисунку Лэйарда.)

Из царских писем периода Первой династии мы знаем, что каналы использовались не только для орошения, но и как водные пути для транспортировки. В письмах содержатся указания по доставке кукурузы, фиников, кунжутного семени и древесины в Вавилон, а также известно, что шерсть и масло перевозились по воде в больших количествах. Для перевозки тяжелых грузов по Тигру и Евфрату, возможно, с ранних времен использовались плоты, плавающие на надутих шкурах, хотя самое раннее свидетельство об их использовании содержится в барельефах из Ниневии. Такие плоты сохранились до наших дней,^[23] и они специально приспособлены для перевозки тяжелых материалов, поскольку их сносит

течением, и они удерживаются в основном потоке с помощью огромных весел или гребцов. Сложенные только из бревен дерева и шкур, они не требуют больших затрат, так как дерева в верховьях рек было в изобилии. В конце путешествия, после того как товары были выгружены на берег, их разбирали, бревна продавали с прибылью, а шкуры, после того как их сдували, упаковывали на ослов для возвращения караваном вверх по течению.[\[24\]](#)

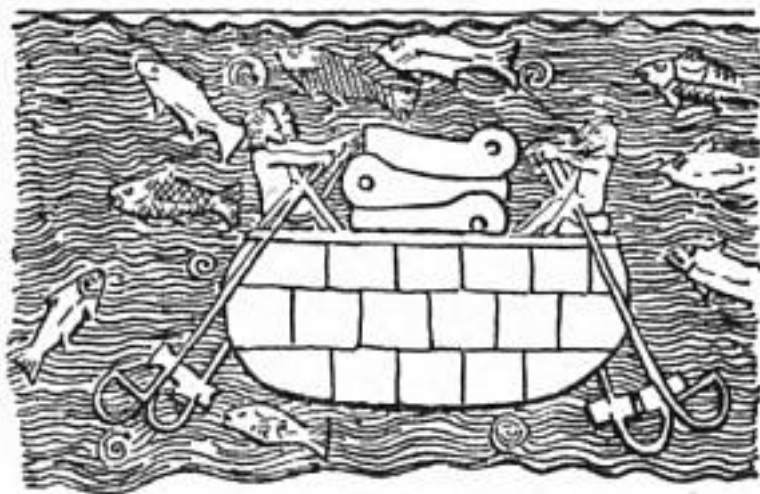

РИС. 42.

АССИРИЙСКИЙ ПРОТОТИП ГУФЫ.

(С барельефа в Британском музее.)

Использование таких келеков могло быть повсеместным только при наличии сквозного речного сообщения, но, поскольку мы знаем, что Хаммурапи включал Ассирию в свои владения, не исключено, что они могут относиться по крайней мере к раннему периоду Первой династии. Для чисто местных перевозок небольших грузов в Вавилонии в это время, возможно, использовалась *гуфа*, или легкая корабельная лодка, поскольку ее изображение на ассирийских памятниках в точности соответствует ее конструкции, используемой в настоящее время в низовьях Тигра и Евфрата. *Гуфа* сделана из плетеной ткани, покрытой битумом, но некоторые из тех, что изображены на скульптурах из Ниневии, похоже, были покрыты шкурами, как в описании Геродота.[\[25\]](#)

В текстах и надписях раннего периода упоминаются корабли, которые, несомненно, были единственным классом судов, используемых на каналах для транспортировки грузов по воде. Размер таких судов, или барж, определялся количеством зерна, которое они могли перевозить, и измерялся *гуром*, самой большой мерой вместимости. Упоминаются суда самых разных размеров, от пяти до семидесяти пяти *гур* и более. Более крупный класс, вероятно, напоминал парусные баржи и паромы, используемые в наши дни,[\[26\]](#) которые строятся из тяжелых бревен и имеют плоское дно, когда предназначены для перевозки животных. В Вавилоне времен Первой династии плата лодочнику за постройку судна в шестьдесят *гур* составляла два сикля серебра, а за суда меньшей вместимости она была пропорционально меньше. Лодочник нес ответственность за некачественную работу, и если в течение года после спуска судна на воду в нем появлялись дефекты, он был обязан укрепить или перестроить его за свой счет. Лодочники и матросы составляли многочисленный класс населения, а годовая зарплата человека, занятого на такой работе, составляла шестьдесят *гур* кукурузы. На более крупных судах находились команды под командованием капитана, или главного лодочника, и есть свидетельства, что среди судов,

принадлежавших королю, было много крупных, которые он использовал для перевозки зерна, шерсти и фиников, а также дерева и камня для строительных работ.

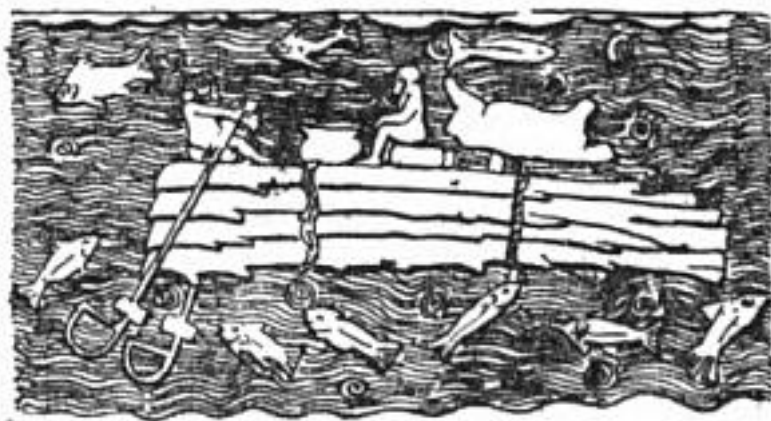

РИС. 43.

АССИРИЙСКИЙ ПЛОТ ИЗ БРЕВЕН НА ТИГРИСЕ.

(С барельефа в Британском музее).

Вероятно, под контролем царя были штатные чиновники, которые собирали пошлины и следили за водным транспортом на отдельных участках реки или канала, на которых они располагались. В их обязанности входило докладывать о любых повреждениях или дефектах канала царю, который отправлял местному правителю приказ о проведении необходимых ремонтных работ. В одном из писем Хаммурапи говорится о засорении канала в Эрехе, о котором он получил подобные сообщения. Проведенные дноуглубительные работы не были выполнены тщательно, поэтому канал вскоре снова заилился, и лодки не могли попасть в город; в своем письме Хаммурапи настоятельно приказывает, чтобы канал был восстановлен в течение трех дней.^[27] Особые правила действовали и в отношении ответственности владельцев лодок, лодочников и их клиентов. Если лодочник нанимал лодку у владельца, он нес за нее ответственность и должен был заменить ее в случае потери или затопления; если же он возвращал ее на судно, то должен был выплатить владельцу половину ее стоимости за нанесенный ущерб. Лодочники также отвечали за сохранность товаров, таких как кукуруза, шерсть, масло или финики, которые они брались перевозить по найму, и должны были возместить любую полную потерю из-за собственной неосторожности. Предусматривались также случаи столкновения двух судов, и если одна из лодок в это время была пришвартована, лодочник другого судна должен был выплатить компенсацию за потопленную лодку, а также за потерянный груз, причем владелец последнего оценивал его стоимость под присягой. Многие дела в судах, вероятно, возникли из-за потери или повреждения товаров при перевозке по воде.

Коммерческая деятельность Вавилона времен Первой династии привела к значительному росту размеров крупных городов, которые перестали быть просто местными центрами сбыта и начали вести торговлю на более дальние расстояния. Между Вавилонией и Эламом издавна поддерживались тесные торговые отношения, но западные завоевания Хаммурапи открыли новые рынки для купцов его столицы. Великий торговый путь вверх по Евфрату и в Сирию больше не перекрывался военными заставами и укреплениями, поставленными там в тщетной попытке сдержать вторжение аморейских племен; а торговля керамикой с Кархемишем, о которой мы имеем свидетельства при поздних царях Первой династии,^[28] свидетельствует о новых отношениях, установившихся между Вавилонией и Западом.

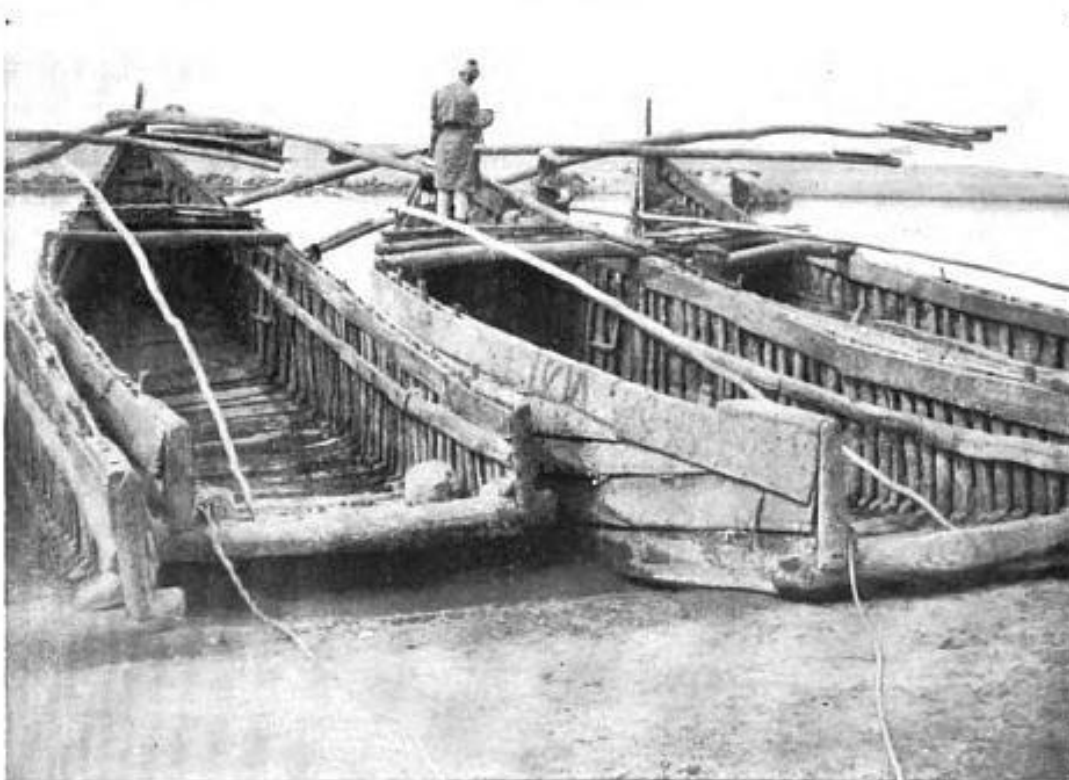
Крупные купцы были, в целом, представителями высшего класса, и хотя сами они продолжали жить в Вавилоне, они нанимали торговцев, которые перевозили их товары за границу на караванах.

Даже Хаммурапи не мог полностью гарантировать безопасность таких торговцев, ведь нападения разбойников были тогда столь же распространены на Ближнем Востоке, как и в наши дни, и всегда существовал дополнительный риск, что караван может быть захвачен врагом, если он рискнет приблизиться к враждебной границе. В таких обстоятельствах король следил за тем, чтобы потеря товара не ложилась на плечи агента, который уже рисковал своей жизнью и свободой, занимаясь его перевозкой. Если такой агент был вынужден во время путешествия отдать часть перевозимого товара, то по возвращении он должен был под присягой указать точную сумму, и тогда с него снималась всякая ответственность. Но если перед старейшинами города удавалось доказать, что он пытался обмануть своего нанимателя, присвоив деньги или товары для собственного пользования, он был обязан выплатить купцу сумму, в три раза превышающую стоимость взятого им товара. Закон не был односторонним и предоставлял агенту равную защиту по отношению к его более могущественному работодателю; если последний был осужден за попытку обмануть своего агента, отрицая, что ему была возвращена причитающаяся сумма, он должен был выплатить своему агенту в качестве компенсации шестикратную сумму, о которой шла речь. Купец всегда предоставлял товары или деньги для торговли, и тот факт, что он мог, если хотел, установить свою собственную прибыль в размере двойной стоимости капитала, свидетельствует о весьма удовлетворительных доходах, получаемых в этот период от внешней торговли. Но более обычной практикой было то, что купец и торговец делили между собой прибыль, и в случае, если последний заключал настолько плохую сделку, что его путешествие приносило убытки, он должен был вернуть купцу полную стоимость полученных им товаров. Во времена Первой династии для перевозки товаров использовались ослы и ослицы, так как лошадь была еще большой редкостью и вошла в обиход в Вавилонии только после касситского завоевания.^[29]

Большое количество договоров Первой династии относится к подобным торговым поездкам и фиксирует условия сделок, заключенных между заинтересованными сторонами. Иногда такие партнерские отношения заключались на одно путешествие, но чаще - на более длительный срок. Купец всегда требовал должным образом оформленную расписку на деньги или товары, которые он давал торговцу, а тот получал ее за любой залог или депозит, который он мог дать в знак своей доброй воли. При подсчете счетов по завершении путешествия законными обязательствами считались только те суммы, которые были указаны в расписках, и если одна из сторон не получала надлежащих документов, то делала это на свой страх и риск. Рыночные площади столицы и крупных городов должны были быть центрами, где заключались подобные деловые соглашения, и официальные писцы, вероятно, всегда присутствовали там, чтобы составить условия любой сделки в присутствии других купцов и торговцев, которые выступали в качестве свидетелей. Их имена перечислялись в конце документа, и, поскольку они выбирались из местных жителей, некоторые из них всегда были под рукой, чтобы дать показания в случае последующего спора.

Городская жизнь в Вавилонии того времени, должно быть, имела много общего с жизнью любого провинциального города Месопотамии в наши дни, за исключением того, что отцовское правительство Первой династии, несомненно, следило за чистотой улиц и прилагало все усилия к тому, чтобы частные дома были прочно построены и содержались в надлежащем состоянии. Мы уже проследили линии некоторых улиц древнего Вавилона^[30] и

отметили, что, хотя фундаменты домов обычно были из жженого кирпича, для их верхнего строения неизменно использовался сырцовый кирпич. Вероятно, все они были одноэтажными, а их плоские глинобитные крыши, опирающиеся на слой хвороста со столбами для стропил, служили спальным местом для их обитателей в жаркое время года. Современные свидетельства говорят о том, что до эпохи Хаммурапи частные дома строились не очень прочно, поскольку его законодательство предусматривает возможность их падения и травмирования жильцов. В случае с новыми домами закон возлагал ответственность на строителя, и мы можем сделать вывод, что очень суровые штрафы за плохую работу привели к заметному улучшению строительства. Ведь если только что построенный дом падал и придавливал хозяина так, что тот погибал, то и сам строитель подлежал смертной казни. Если при падении дома погибал сын хозяина, то за это убивали и сына строителя; а если погибал один или несколько рабов хозяина, то строитель должен был восстановить его раба за раба. Любой ущерб, нанесенный имуществу владельца, также возмещался строителем, который, кроме того, должен был за свой счет отстроить дом или починить любую его часть, которая упала. С другой стороны, оплата за качественную работу была гарантирована, а тот факт, что шкала оплаты определялась площадью, которую занимало здание, является прямым доказательством того, что дома того периода состояли не более чем из одного этажа. Начало градостроительства по систематическим линиям, с улицами, проходящими и пересекающимися друг друга под прямым углом, свидетельства которого мы видели в Вавилоне, возможно, датируется периодом Хаммурапи; но уверенное мнение по этому поводу нельзя выразить, пока не будут проведены дальнейшие раскопки в более ранних слоях города.[\[31\]](#)

- I. МАЛЕНЬКИЙ КЕЛЕК НА ТИГРИСЕ В БАГДАДЕ.
- II. ПАРОМНЫЕ ЛОДКИ НА ЕВФРАТЕ В БИРЕДЖИКЕ.

Из современных документов до нас дошла очень полная картина семейной жизни в ранней Вавилонии, поскольку обязанности отдельных членов семьи по отношению друг к другу были регламентированы законом, а любое изменение в отношениях должным образом удостоверялось и фиксировалось в юридической форме при свидетелях. Минимальные

правила действовали в отношении брака, развода, усыновления и содержания детей, а предоставление и распоряжение брачными долями, права вдов и законы наследования контролировались государством в соответствии с традициями. Пожалуй, самой яркой чертой социальной системы был признанный статус жены в вавилонском доме, а также чрезвычайно независимое положение, которым пользовались женщины в целом. Любой брак, чтобы быть юридически обязательным, должен был сопровождаться должным образом оформленным и заверенным брачным контрактом, и без этого необходимого предварительного условия женщина не считалась женой в юридическом смысле. С другой стороны, если такой брачный договор был составлен и заверен, его неприкосновенность строго гарантировалась. Целомудрие жены обеспечивалось суровым наказанием;^[32] но, с другой стороны, признавалась и обязанность мужа содержать жену в положении, соответствующем их обстоятельствам.

Закон предоставлял жене достаточную защиту, а в случае ухода мужа позволял ей, при определенных условиях, стать законной женой другого мужчины. Если муж добровольно покидал ее и уезжал из города без всякого принуждения, она могла снова выйти замуж, и он не мог вернуть ее по возвращении. Но если его дезертирство было недобровольным, как в случае с человеком, захваченным в бою и уведенным в плен, это правило не действовало, и жене разрешалось определять свои действия во время его отсутствия в соответствии с состоянием дел мужа. Правила в этом случае были чрезвычайно благоприятны для женщины. Если муж обладал имуществом, достаточным для содержания жены в период его пленения, у нее не было повода для повторного брака; а если она становилась женой другого мужчины, брак не считался законным и подлежал крайнему наказанию за прелюбодеяние. Но если у мужа не было достаточных средств для содержания жены, признавалось, что она должна быть брошена на произвол судьбы, и ей разрешалось вступить в новый брак. Вернувшийся пленник мог потребовать свою жену, но дети от второго брака оставались с родным отцом. Законы о разводе также защищали интересы женщины и сурово расправлялись с ней только в том случае, если удавалось доказать, что она растрачивала свое хозяйство и не справлялась с обязанностями жены; в этом случае ее могли развести без компенсации и даже низвести до состояния рабыни в доме мужа. Но при отсутствии таких доказательств ее содержание было полностью обеспечено; муж должен был вернуть ей супружескую долю, а если таковой не было, то выплачивать пособие. Она также имела право опеки над своими детьми, содержание и воспитание которых должен был обеспечивать муж; после его смерти разведенная жена и ее дети могли наследовать часть его имущества.^[33] Также считалось, что заболевание жены постоянной болезнью не является основанием для развода.

Такие правила бросают интересный свет на положение замужней женщины в вавилонской общине, которое не только не имело аналогов в древности, но и по степени свободы и независимости выгодно отличается от положения во многих странах современной Европы. Еще более примечательными были привилегии, которых могли достичь незамужние женщины из высшего сословия, которые при определенных обстоятельствах имели право владеть собственностью на свое имя и заниматься коммерческой деятельностью. Чтобы добиться такого положения, женщина давала обеты, по которым она становилась членом класса прихожан одного из главных храмов Вавилона, Сиппара или другого большого города.^[34] Обязанности таких женщин не были сакральными, и, хотя они обычно жили вместе, в специальном здании, или монастыре, при храме, они пользовались большим влиянием и независимостью в обществе. Воительница могла владеть имуществом на свое имя, а при принятии обета отец предоставлял ей часть имущества, как если бы она выходила замуж. Эта доля принадлежала ей самой и не становилась собственностью ни ее ордена, ни

храма, к которому она была прикреплена; она полностью шла на ее содержание, а после смерти отца ее братья заботились о ее интересах, и она могла вести хозяйство. После ее смерти ее доля возвращалась к ее собственной семье, если только отец не завещал ее; но любое имущество, которое она унаследовала, она могла завещать, и ей не нужно было платить налоги на него. Она обладала значительной свободой, могла заниматься торговлей за свой счет и, если желала этого, могла покинуть монастырь и заключить брак.

Обеспечивая ей эти привилегии, обеты, которые она давала, налагали на нее и соответствующие обязанности. Даже вступив в брак, воительница была обязана оставаться девственницей, а если ее муж желал детей, она не могла родить их сама, а должна была предоставить ему служанку или наложницу. Но, несмотря на эту немощь, за ней сохранялось положение постоянной главы семьи. Наложница, хотя и могла рожать мужу детей, всегда была ниже жены, и если она пыталась поставить себя вровень с воем, последний мог заклеить ее и поместить к рабыням, а в случае, если наложница оказывалась бесплодной, ее могли продать. Незамужние втуалисты тоже могли жить в собственных домах и распоряжаться своим временем и деньгами по-своему. Но от них ожидался высокий стандарт коммерческой и социальной морали, за нарушение которого полагались суровые наказания. Например, ни одной прихожанке не разрешалось открывать пивной магазин, а если она даже заходила в него, то рисковала быть преданной смерти. Незамужняя прихожанка также имела статус замужней женщины, и наказанием за клевету на нее было клеймо на лбу. О том, что социальное положение, которое занимала жертвенница, было значительным, свидетельствует тот факт, что многие женщины из хорошей семьи и даже члены королевского дома давали обеты.

Поразительно, что женщины восточной расы должны были достичь такого независимого положения в начале второго тысячелетия. Объяснение этому, возможно, следует искать в той огромной роли, которую уже играла торговля в жизни вавилонян. Среди современных рас, занятых в основном сельским хозяйством и войной, деятельность женщины неизбежно ограничивалась воспитанием детей и внутренним хозяйством дома. Но с ростом вавилонской торговли и коммерческого предпринимательства, похоже, у женщин высшего класса возникла потребность принять участие в деятельности, к которой они считали себя способными приобщиться.^[35] Успех эксперимента, несомненно, объяснялся отчасти высокими требованиями к нравственности, а отчасти престижем, который давала связь с религиозным культом.

Отправление правосудия в период Первой династии осуществлялось должным образом назначенными судами под надзором короля. Судьи назначались короной, а произвольное применение закона сдерживалось тем, что старейшины города заседали вместе с ними и помогали им в выслушивании и проверке доказательств. Если решение выносилось и записывалось, оно было бесповоротным, а если судья пытался изменить его, его изгоняли с судейского места и лишали возможности выполнять судебные функции в будущем. Вероятно, это постановление было призвано предотвратить возможность последующего подкупа; а если тяжущийся считал, что правосудие не свершилось, он всегда мог обратиться к царю. Письма Хаммурапи доказывают, что он осуществлял строгий надзор не только за делами, решавшимися в столице, но и за теми, которые рассматривались в других крупных городах Вавилонии, и ясно, что он пытался искоренить коррупцию со стороны всех облеченных властью людей. Однажды ему сообщили о случае взяточничества в городе Дургургури, и он тут же приказал правителю округа расследовать обвинение и отправить виновных Вавилон для наказания. Взятка также должна была быть конфискована и отправлена в Вавилон под печатью - мудрое положение, которое должно было отбить охоту у

тех, кто склонен вмешиваться в ход правосудия, и в то же время обогатить государство.[36] Царь, вероятно, лично рассматривал все апелляционные дела, когда это было возможно; но в отдаленных городах он поручал эту обязанность местным чиновникам. Многие дела, которые попадали к нему на рассмотрение, возникали из-за поборов ростовщиков,[37] и король не проявлял милосердия, когда было доказано мошенничество с их стороны.

Отношения царя с многочисленным жреческим сословием также были очень тесными, и контроль, который он осуществлял над главными жрецами и их подчиненными, по-видимому, был столь же эффективным, как и над судебными властями по всей стране. При шумерах всегда существовала тенденция к тому, чтобы более влиятельные члены иерархии узурпировали прерогативы короны,[38] но эта опасность, похоже, была полностью устранена под властью западных семитов. Одной из важных частей жреческого корпуса были астрологи, в обязанности которых, вероятно, входило периодически докладывать царю о соединениях и движениях небесных тел, чтобы выяснить, предвещают ли они добро или зло для государства. Позднейшая ассирийская практика вполне могла зародиться в этот период, и мы можем сделать вывод, что регулирование календаря осуществлялось в соответствии с такими советами. До нас дошло одно из писем Хаммурапи, в котором он сообщает Син-идиннаму, своему местному правителю в Ларсе, что было решено ввести в календарь интеркалярный месяц. Он пишет, что, поскольку год, то есть календарь, имеет недостаток, начинающийся месяц должен быть зарегистрирован как второй Элул; и добавляет очень практичное напоминание, что вставка дополнительного месяца не оправдывает никакой отсрочки в выплате регулярной дани, причитающейся с города Ларса.[39] Лунный календарь вавилонян делал необходимым периодическое чередование месяцев, чтобы он соответствовал солнечному году; а обязанность следить за скорым появлением новой луны и определять первый день каждого месяца была одной из самых важных функций, выполняемых официальными астрологами.

В наименовании года жречество также должно было играть важную роль, поскольку большинство событий, по которым назывались годы, имели религиозный характер. Система, унаследованная от шумеров, не могла быть очень удобной,[40] и, несомненно, она была обязана своим сохранением святости религиозных обрядов и ассоциаций, связанных с ней. Можно не сомневаться, что обычно наречение года происходило на новогоднем празднике, а если событие, отмеченное в формуле, было поставлением главного жреца или посвящением храмовой утвари, то царский акт, как мы можем предположить, совершался в день наречения года.[41] Часто из предыдущей формулы бралось лишь временное название, и тогда, возможно, никакой церемонии наречения не проводилось, если только в ходе нее не отмечалась великая победа или другое важное событие, в честь которого переименовывался год. Царь должен был посоветоваться со своими советниками-священниками перед завершением старого года и принять новую формулу заблаговременно, чтобы успеть объявить ее в отдаленных районах царства.

Другим важным религиозным сословием в этот период была гильдия прорицателей, и они, судя по всему, также находились под непосредственным королевским контролем. Это следует из письма Амми-Дитаны, одного из поздних царей Первой династии, написанного трем высокопоставленным чиновникам Сиппара, которое иллюстрирует характер их обязанностей и случаи, когда к ним обращались за их исполнением.[42] Царю стало известно, что в Шагге не хватает кукурузы, а поскольку этот город находился в административном округе Сиппара, он написал соответствующим чиновникам, приказав им отправить туда запасы. Но прежде чем доставить кукурузу в город, они должны были посоветоваться с прорицателями, чтобы убедиться в благоприятности предзнаменований.

Способ выяснения не уточняется, но, вероятно, это было разжижение печени, которое было распространено во все времена.^[43] Только если предзнаменования оказывались благоприятными, кукурузу ввозили в город, и Аве может сделать вывод, что царь принял эту меру предосторожности, поскольку опасался, что нехватка кукурузы в Шагге вызвана гневом какого-то местного божества. Астрологи могли установить факты, а в случае неблагоприятного ответа, несомненно, прибегли бы к услугам местного жречества.

Мы уже видели, что стада и отары, принадлежавшие великим храмам, иногда паслись вместе с царскими, и есть множество свидетельств того, что царь также руководил сбором храмовых доходов наряду со своими собственными. Сборщики как светской, так и церковной дани отправляли отчеты непосредственно царю, и, если возникал какой-либо дефицит в поставках, ожидаемых от сборщика, он должен был восполнить его сам. Например, из одного из писем Хаммурапи мы узнаем, что два землевладельца, или ростовщика, ссудили деньги или дали в долг семена кукурузы некоторым крестьянам в окрестностях городов Дургургурри и Рахабу и вдоль Тигра, и в порядке удовлетворения своих требований захватили урожай, отказавшись выплатить долю, причитающуюся Биту-иль-Киттиму, большому храму бога Солнца в Ларсе. Правитель Ларсы, главного города округа, как представитель дворца, по праву заставил сборщика налогов возместить недоимку, но Хаммурапи, получив жалобу подчиненного, вернул дело правителю, и из подобных случаев мы можем сделать вывод, что неплательщики должны были возместить убытки и подвергнуться штрафам или наказанию.^[44] Этот документ бросает интересный свет на методы государственного управления и на то, как царь лично следил за мельчайшими деталями.

Очевидно, что для управления страной требовался большой штат чиновников, и из их числа два класса, полувоенных, пользовались особой благосклонностью и защитой короля. Они отвечали за общественные работы, присматривали и контролировали государственных рабов, а также, вероятно, имели отношение к сбору доходов. В качестве платы за свои обязанности каждый из них получал землю с домом и садом, овец и скот для содержания на своей земле, а также регулярное жалованье. В определенном смысле они были личными помощниками короля и в любой момент могли быть отправлены с особым поручением. Неповиновение сурово каралось, ведь если такой офицер, отправленный на особую службу, нанимал себе замену, он подлежал смертной казни, а замена могла занять его должность. Иногда офицера отправляли на длительный срок командовать дальним гарнизоном, и тогда его домашние обязанности выполнял другой человек, который временно занимал его дом и землю, а по возвращении возвращал их офицеру. Если у офицера был достаточно взрослый сын, чтобы исполнять обязанности в отсутствие отца, ему разрешалось это делать; если же он был слишком мал, его содержание оплачивалось из имущества. Если офицер перед отъездом не позаботился о надлежащем возделывании своей земли и выполнении своих обязанностей, то по истечении года его место мог занять другой, а по возвращении он не мог вернуть себе ни землю, ни должность. Находясь в гарнизоне или на специальной службе, он рисковал попасть в плен к врагу, и в этом случае ему гарантировался выкуп. Если его собственных средств не хватало, то сумма должна была быть выплачена из казны местного храма, а в крайнем случае - государством. Особо оговаривалось, что его земля, сад и дом ни в коем случае не должны быть проданы в счет выкупа. Они были неотъемлемо связаны с занимаемой им должностью, которая, по-видимому, передавалась по мужской линии, поскольку он не мог завещать что-либо из имущества своей жене или дочери. Они могли перейти от него и его потомков по мужской линии только в результате пренебрежения или непослушания.

СЛЕПКИ ВАВИЛОНСКИХ ЦИЛИНДРОВЫХ ПЕЧАТЕЙ.

Brit. Mus., №№ 89771, 89388, 89110, 89367.

Не исключено, что существование этого особо привилегированного класса офицеров восходит к самым ранним поселениям западных семитов в Вавилонии. Первые из них, вполне возможно, были личными помощниками и последователями Суму-абума, основателя династии. Изначально они были солдатами и, вероятно, получили земли по всей стране в

обмен на свои услуги царю, и продолжали служить ему, поддерживая порядок и сохраняя его власть. Со временем на них были возложены определенные обязанности, но они сохранили свои привилегии и, должно быть, оставались очень ценным офицерским корпусом, на личную преданность которого король всегда мог положиться. В случае войны они, возможно, помогали в мобилизации, поскольку армия, вероятно, собиралась по территориальному принципу, во многом по аналогии с *корвеем* для общественных работ, который находился под их контролем.

Современные документы того периода проливают свет и на другие классы населения, но, поскольку все они были связаны с различными ведомствами в коммерческой или сельскохозяйственной жизни общины, нет необходимости описывать их более подробно. Один класс, пожалуй, заслуживает упоминания - это хирурги, поскольку отсутствие профессиональных навыков каралось довольно сурово. Если хирург, вызванный знатным человеком, проводил операцию настолько неумело, что приводил к его смерти или наносил ему необратимые увечья, например, лишал глаза, то наказанием была ампутация обеих рук. Если пациент принадлежал к среднему классу, наказание не предусматривалось, но если раб такого человека умирал в результате операции, хирург должен был дать владельцу другого раба, а если раб терял глаз, он должен был выплатить владельцу половину стоимости раба. Разумеется, среди населения не было светского сословия, соответствующего современному врачу, поскольку медицинское использование трав и снадобий не было отделено от их применения в магии. Болезни рассматривались как следствие деятельности злых духов или тех, кто ими управляет, и хотя многие зелья, несомненно, были лечебные, они принимались по указанию мага, а не врача, и под аккомпанемент магических обрядов и заклинаний.[45]

В религиозной сфере возвышение Вавилона до положения столицы привело к ряду важных изменений и к пересмотру вавилонского пантеона. Мардук, бог Вавилона, из сравнительно малоизвестного городского бога претерпел трансформацию, пропорциональную росту значимости его города. Ему были приписаны достижения и атрибуты Энлиля, главного шумерского божества, и старые шумерские саги и легенды, особенно о сотворении мира, были переписаны вавилонским жречеством в этом новом духе. Начало этого процесса можно точно отнести к году завоевания Хаммурапи Рим-Сина и последующего контроля им Ниппура, древнего центра старой шумерской веры. Не похоже, чтобы ранние семиты, завоевав этот город, пытались изменить старые традиции, которые они там нашли, или использовать их для своих местных богов. Но с триумфом западных семитов в город пришел новый дух. Шумеры в то время были вымирающей расой, и постепенное исчезновение их языка как живого сопровождалось систематическим переводом и частичной трансформацией их священной литературы. Энлиль не мог быть полностью вытеснен с позиции, которой он так долго пользовался, но Мардук стал его старшим сыном. Младший бог представлен как завоевавший свое положение собственной доблестью, придя на помощь старшим богам, когда их существованию угрожали драконы хаоса; и, убив чудовище глубин, он изображен как создатель вселенной из ее разорванного тела.[46] Древние легенды, несомненно, продолжали храниться в древних культовых центрах страны, но вавилонские версии, с царской санкции и поощрения, имели тенденцию к широкому признанию и популярности.

При последующих царях Первой династии большой импульс был дан и всем отраслям литературной деятельности. Старый шумерский язык по-прежнему занимал значительное место во фразеологии юридических и торговых документов, а также в чисто религиозной литературе страны. А для помощи в изучении древних текстов семитские писцы стали

систематически составлять толковые списки слов и идеограмм - самую раннюю форму словаря, - которые продолжали использоваться в ассирийский и неовавилонский периоды. Шумерские тексты также переписывались и снабжались подстрочными семитскими переводами. Астрономические и астрологические исследования и записи шумерских жрецов были переняты, и были составлены большие коллекции в сочетании с ранними аккадскими записями, дошедшими до них. Изучение вавилонской литературы служит ярким доказательством того, что семитизация страны не привела ни к перерыву, ни к откату в развитии вавилонской культуры. Более древние тексты и традиции были восприняты в массовом порядке, и, за исключением тех случаев, когда затрагивались ранг или положение Мардука, в них не вносилось никаких изменений или модификаций. Семитские писцы, несомненно, развивали свое наследие, но расширение происходило по старым линиям.

В коммерческой жизни шумерские обычаи также остались в значительной степени неизменными. Налоги, рента и цены продолжали выплачиваться натурой, и хотя талант, мане и сикль использовались в качестве металлических весов, а серебро было в частичном обращении, настоящей валюты не было создано. При продаже земли, например, даже в период касситских царей, цена покупки устанавливалась в сиклях серебра, но на самом деле в обращении находилось очень мало металла. На землю обменивались различные предметы, которые, помимо кукурузы, основного средства обмена, включали рабов, животных, оружие, одежду и т. д., причем стоимость каждого предмета рассчитывалась на той же серебряной основе, пока не была достигнута согласованная цена покупки. Ранний семитский вавилонянин, несмотря на свою коммерческую активность, не продвинулся дальше переходного этапа между чистым бартером и обычной валютой.

Одним из важных преимуществ, которое западный семит дал стране своего усыновления, было увеличение области его торговых связей и политическая экспансия на север и запад. Он систематизировал ее законы и поставил ее внутреннее управление на более широкую и единообразную основу. Но самым большим и масштабным изменением эпохи Хаммурапи стало то, что общая речь всей Вавилонии стала семитской, как и преобладающий расовый элемент в населении. И именно благодаря этому факту все последующие вторжения в страну не смогли изменить основные черты ее цивилизации. Чужеродные штаммы впитывались со временем, и, хотя они, несомненно, вносили новые примеси в расовую смесь, семитский элемент торжествовал и продолжал получать подкрепление от материнской расы. Шумерская раса и язык, по-видимому, дольше всего сохранились на крайнем юге страны, и мы увидим, что возвышение царей Страны моря, возможно, можно рассматривать как их последнюю эффективную попытку в политической сфере.

[1] Кодекс был впервые опубликован и переведен Шейлем в "Mémoires de la Délégation en Perse", Vol. IV. (1902), и прилагаемое к нему фотофаксимиле остается лучшим авторитетом для текста. Самую полную и лучшую библиографию к огромной массе литературы, выросшей вокруг него, см. в Johns, "Schweich Lectures", 1912, pp. 65 ff.; наиболее доступными версиями на английском языке являются работы Johns в "Babylonian and Assyrian Laws, Contracts and Letters" (1904), pp. 44 ff, и в "Словаре Библии" Гастингса, т. V. Для лингвистического изучения текста можно использовать транслитерацию и глоссарий Унгнада в книге Колера и Унгнада "Hammurabi's Gesetz", Bd. II. (1909), могут быть особо упомянуты.

[2] Новейшую библиографию по ранней договорной литературе см. в Schorr, "Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts" (опубликовано в "Vorderasiatische Bibliothek", 1913), pp. xlix. ff. Большая часть царских писем хранится в Британском музее и переведена в "Письмах и надписях Хаммурапи и т.д." (1898-1900); а о публикациях частных писем того периода см. Schorr, *op cit.*, p. lvi.

[3] См. Клей, "Восток. Lit.-Zeit", 1914 (январь), "Шумерский прототип кодекса Хаммурапи". Текст, фотографию которого прислал мне профессор Клей, имеет огромное значение для изучения вавилонского права; в настоящее время он готовит его к публикации.

[4] Вавилонское название представителя высшего сословия было *awîlum*, "человек", и, когда оно используется в этом особом смысле, его лучше всего перевести таким выражением, как "патриций" или "благородный". Но для законодательных целей, как и в обыденной речи, *awîlum* можно было использовать в более общем значении, чтобы включить в него представителей среднего класса.

[5] Они были известны как *mushkênum*, образованные от шафель-пиэльского корня (*kânu*) со значением "смирять себя, быть смиренным". Комб сопоставил аналогичное использование слова *miskîn* в арабском языке для обозначения человека скромного положения, не являющегося потомком пророка (см. "Babyloniaca", III., p. 73 f.). Слово перешло в иврит как *miskên* и, с изменениями значения, в несколько европейских языков (ср. итал. *meschino*, *meschinello*, португ. *mesquinho*, франц. *mesquin*); см. Johns, "Schweich Lectures (1912), pp. 8, 74.

[6] Геродот (I., 193) свидетельствует о большом плодородии Вавилонии, утверждая, что из всех стран древнего мира она была самой урожайной на зерно.

[7] О ранней системе племенной собственности, которая пережила даже касситское завоевание и реквизиции, см. ниже, [стр. 249](#) и далее.

[8] На самом деле действовала система *метерей*, когда землевладелец находил скот, сельскохозяйственные орудия и семена для обработки полей; см. Johns, "Schweich Lectures", p. 5.

[9] См. пять писем Амми-задуги в "Письмах Хама". III., pp. 162 и далее.

[10] За потерю глаза наниматель платил половину стоимости животного, а за сломанный рог, потерю хвоста или оторванную морду - четверть.

[11] См. § 256 Кодекса.

[12] Ср. "Письма Хаммурапи", III., с. 130 и далее.

[13] Они также упоминаются Геродотом (I., 193), но не описываются.

[14] В Хите на Евфрате находятся одни из самых больших водяных колес в Месопотамии, линия которых была построена через одну часть реки.

[15] Ср. "Kun. Texts in the Brit. Mus.", XXVI., p. 26.

[16] См. рис. 40, и ср. Clay, "Documents from the Temple Archives of Nippur", в "Museum Publications of the Univ. of Pennsylvania", Vol. II., No. 2 (1912), p. 65, с которого был взят рисунок.

[17] См. пластину XXI, напротив стр. 248.

- [18] Ср. Frank, "Das Symbol der Göttin Gestinna", в "Hilprecht Anniversary Volume" (1909), pp. 104 ff.
- [19] Ср. Place, "Ninive et l'Assyrie", III., pl. 31; плуг там изображен желтой эмалью на синем фоне.
- [20] См. Budge and King, "Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities in the British Museum", 2nd ed. (1908), p. 221, Figure. Джордж Роулинсон ("Древние монархии", I., p. 567) уже объяснял, что на камне Эсархаддона изображен плуг с буравчиком.
- [21] Вавилонское слово, обозначающее плуг, *kanḫannu*, сохранилось также в сирийском *kenḫēnā* и раввинском *kanḫannâ*; ср. Frank, *op. cit.*, p. 165 f. Это использование определителя *erû*, "медь", перед вавилонским словом, предполагает, что металл использовался для лемеха плуга с очень раннего периода.
- [22] О выращивании финиковой пальмы и вавилонском методе искусственного оплодотворения см. Herodotus, I., 193; и ср. Тайлор, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XII. (1890), pp. 383 и далее.
- [23] Даже современное арабское название такого плота, *kelek*, происходит от ассирийского слова, обозначающего ту же форму судна, *kalaku*, на что впервые указал Джонсон.
- [24] Это обычай сегодняшнего дня, и мы знаем, что он существовал и во времена Геродота (ср. I., 194); но его описание структуры "лодок" относится не к плоту или келеку, а к гуфе, маленькой кораблику, который использовался только для местных перевозок.
- [25] См. рис. 42; и ср. с. 179, п. 2.
- [26] См. табличку XV, напротив с. 184.
- [27] Ср. "Письма", III., p. 16 f.
- [28] См. выше, p. 127 f.
- [29] См. ниже, p. 215 f.
- [30] См. выше, с. 82 и далее.
- [31] Тот факт, что линии улиц, насколько их удалось изучить, мало изменились за время от Первой династии до неовавилонского и персидского периодов, по крайней мере, является предположительным свидетельством в пользу отнесения основных линий плана улиц на кургане Меркес к эпохе Хаммурапи и его потомков; см. выше, с. 85 и далее.
- [32] В случае доказанного прелюбодеяния виновные наказывались утоплением; но муж мог спасти свою жену, если хотел этого, обратившись к царю. Если обвинение выдвигал сам муж, женщина могла оправдаться, поклявшись в своей невиновности; но если обвинение выдвигали другие, она должна была подвергнуться испытанию водой. Она погружалась в Евфрат, и если тонула, это считалось доказательством ее вины; если же она благополучно добиралась до берега, ее невиновность подтверждалась. Считалось, что священная река проследит за тем, чтобы справедливость восторжествовала; см. §§ 131 f. Кодекса и ср. § 2.
- [33] Жена также могла развестись с мужем, если могла доказать, что ее прошлая жизнь была благопристойной; тогда она брала свою брачную долю и возвращалась в дом своего отца. Законы о нарушении обещания (основанного на выплате выкупа за невесту) см. в §§ 159-101 Кодекса.

[34] При Э-баббаре, храме бога Солнца в Сиппаре, существовала важная гильдия приверженцев, вторая - в Уре, а третья - в Э-сагиле, великом храме Мардука в Вавилоне, где у них были особые привилегии.

[35] Профессор Майрес, комментируя промышленный статус этих незамужних женщин, замечает, что, поскольку производство и торговля занимали столь важное место в экономике Вавилонии, не стоит удивляться, если социальная структура страны развила некоторые из тех же особенностей, которые начинают озадачивать наш современный мир: ср. "Рассвет цивилизации", стр. 97.

[36] См. "Письма Хаммурапи", III., стр. 20 и далее.

[37] *Op. cit.*, III., pp. 23 ff., 26 f.

[38] Ср. "Шумер и Аккад", с. 167 f., 172 f.

[39] Ср. "Письма", III., с. 12 и далее.

[40] Ср. "Шумер и Аккад", с. 57 f.

[41] Унгнад ("Beitr. z. Assyrl.", VI., Hft. 3, p. 7 f.) собрал ряд формул из документов, датированных либо первым днем нисана, либо первыми шестью днями года, которые позволяют предположить, что такова была практика; даже завершение прокладки канала могло быть предвидено. Очень редко формула могла быть составлена на основе важного события предыдущего года, возможно, произошедшего ближе к его концу; поражение Нисина в семнадцатой формуле дат Син-мубаллита является примером, поскольку один из документов, на котором стоит эта формула, датирован шестым числом Нисана. Но мало что можно сказать в пользу теории Побела (см. "Вавилонские юридические и деловые документы", стр. 109 и далее), которая основана на предположении, что это была обычная практика. Издания формул дат Первой династии см. в "Письмах и надписях Хаммурапи", III., стр. 212 и далее; Poebel, "Legal and Business Documents", стр. 56 и далее; Johns, "Year-Names of the First Dynasty of Babylon" (1911); и Schorr, "Urkunden", стр. 582 и далее.

[42] См. "Письма Хаммурапи", III., стр. 157 и далее.

[43] См. Jastrow, "Religion", Bd. II., *passim*.

[44] См. "Письма", III., с. 49 и далее. Из письма Аби-Эшу' (*op. cit.*, p. 153 f.) мы узнаем, что царь считал купцов Сиппара в конечном счете ответственными за дань их города.

[45] См. ниже, с. 240.

[46] О составном характере серии Творения и исторических линиях ее развития см. в "Семи скрижалях Творения", I., pp. lxvi. ff.

ГЛАВА VI

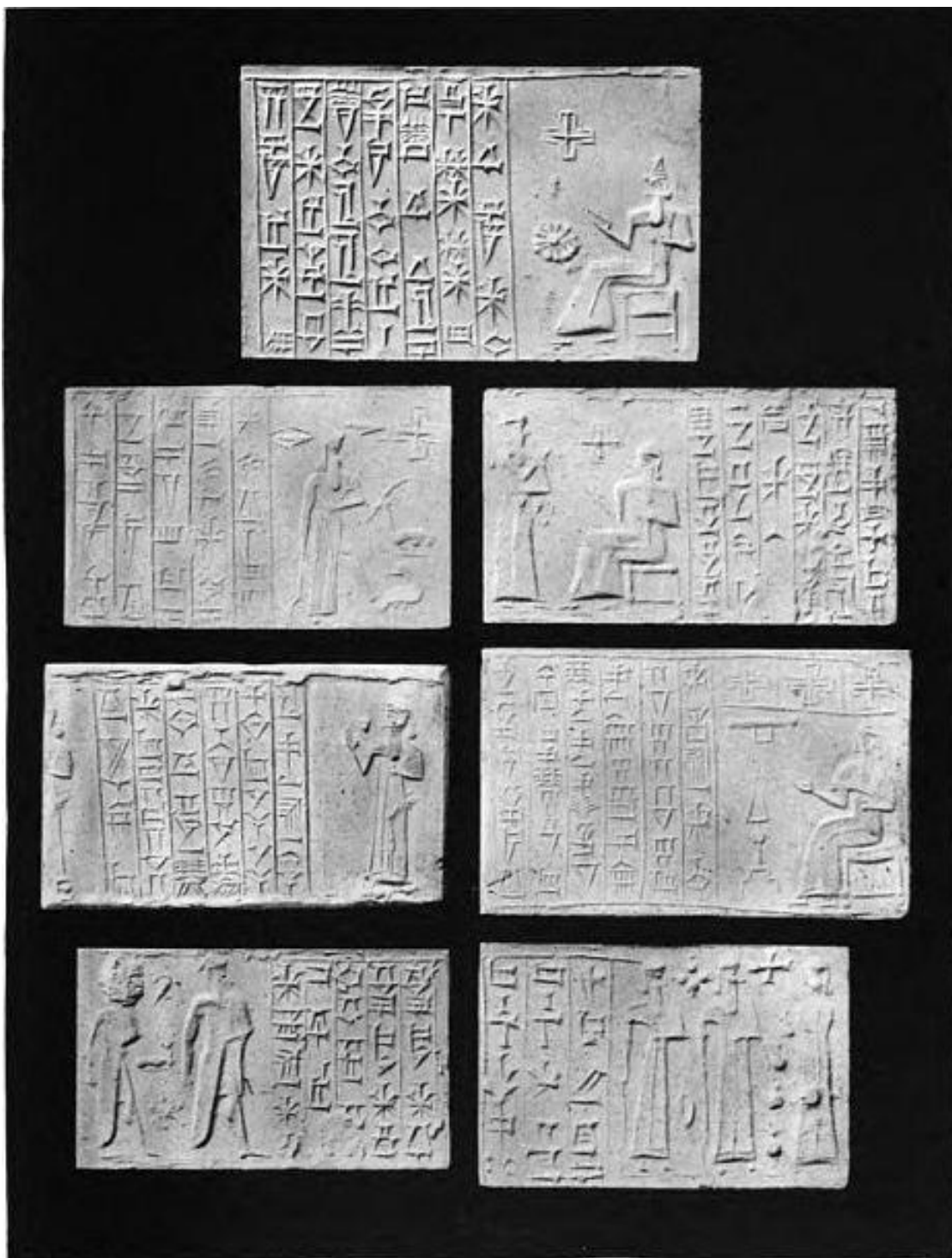
КОНЕЦ ПЕРВОЙ ВАВИЛОНСКОЙ ДИНАСТИИ И ЦАРИ ИЗ СТРАНЫ МОРЯ

В последние годы правления Хаммурапи Вавилон достиг апогея своего раннего могущества. Горделивая фразеология Пролога к его Кодексу создает впечатление, что империя была крепко сколочена, а входящие в нее города охотно пользовались его царской милостью и

благосклонностью. И нет сомнений, что своим успехом он в значительной степени был обязан эффективной администрации, которую он создал под своим личным контролем. Его сын, Самсу-илуна, унаследовал традиции отца, и в его сохранившихся письмах мы имеем множество свидетельств того, что он осуществлял такой же пристальный надзор за судебными и административными чиновниками, размещенными в городах, удаленных от столицы. И, судя по всему, первые восемь лет его правления прошли в тех же мирных условиях, что и при его восшествии на престол. Он прорубил два канала, и названия, которые он им дал, означают богатство и изобилие, которые он надеялся с их помощью подарить народу. В третий и четвертый годы правления Самсу-илуна-нагаб-нухуш-ниши и Самсу-илуна-хегаллум были завершены, и после этого царская деятельность ограничилась дальнейшим украшением великих храмов Вавилона и Сиппара. Его девятый год знаменует собой кризис не только в правлении самого Самсу-илуны, но и в ранней судьбе царства. Именно тогда мы впервые слышим о появлении касситских племен на восточной границе Вавилона, и, хотя Самсу-илуна, несомненно, победил их, как он утверждает, ясно, что их появление в предгорьях западного Элама, за которым последовало быстрое проникновение на вавилонскую территорию, стало сигналом для того, чтобы империя запылала.

Они, должно быть, добились определенного успеха, прежде чем их натиск был остановлен посланной против них армией,^[1] а возобновление военных действий в любой форме должно было вновь пробудить боевой инстинкт эламских пограничных племен, который был временно усыплен победами Хаммурапи. Старый антагонист Хаммурапи, сам Рим-Син, уже давно жил в сравнительной отставке, и, несмотря на преклонный возраст, новость побудила его к новым усилиям. Его имя все еще было на устах тех, кто сражался под его началом, а после смерти его завоевателя Хаммурапи его престиж должен был возрасти. Поэтому, когда его родная земля Эмутбал, объединившись с соседней эламской областью Идамараз, последовала за натиском касситов организованным вторжением, Рем-Син поднял восстание в Южной Вавилонии и сумел овладеть Эрехом и Нисином. Судя по всему, вавилонский гарнизон в Ларсе тоже был разбит, и город вновь перешел под независимое управление своего старого правителя.

Поскольку весь юг страны был вооружен против него, можно предположить, что Самсу-илуна собрал достаточно сил, чтобы сдержать Рим-Сина, пока он занимался вторжением на территорию Вавилона. Ему не составило труда справиться с эламитами, и, пройдя на юг, он разбил войска Рим-Сина и вновь занял Ларсу.^[2] Возможно, именно в это время он захватил или сжег заживо Рим-Сина^[3], а дворец, где это произошло, был старым дворцом вождя мятежников в Ларсе, который он сделал своей штаб-квартирой. Но восстание не было полностью подавлено. Ур и Эрах еще держались, и только после дальнейшей кампании Самсу-илуна захватил их и разрушил их стены. Таким образом, ему удалось подавить первую серию организованных атак на империю, но усилия по одновременному противостоянию вторжению и внутреннему восстанию, очевидно, напрягли национальные ресурсы. Гарнизоны в отдаленных провинциях, вероятно, были сокращены, другие были срублены, чтобы усилить его армии в поле, и неудивительно, что на двенадцатый год его правления эти отдаленные районы последовали за преобладающим влиянием. В тот год, как известно, все земли восстали против него.^[4]

СЛЕПКИ КАССИТСКИХ ЦИЛИНРОВЫХ ПЕЧАТЕЙ.

Brit. Mus., Nos. 89128, 89001, 28799, 89240, 89258.

Мы можем с некоторой долей уверенности отнести основной источник новых бед Самсу-илуны к действиям Илума-илума, который, вероятно, в это время возглавил восстание в Стране моря на берегу Персидского залива и объявил о своей независимости от Вавилона. В ответ Самсу-илуна собрал дополнительные войска и повел их против своего нового врага. Последующее сражение было ожесточенным на самом берегу залива, так как позднейший летописец сообщает, что тела убитых унесло морем; однако оно либо не имело решающего значения, либо привело к поражению вавилонян. Мы можем предположить, что царь не смог задействовать все свои силы для подавления восстания из-за проблем в других областях.

Ведь в последующие два года он разрушил города Кисурра и Сабум, а также разгромил предводителя восстания в самом Вавилоне.[5]

Таким образом, Илума-илум получил возможность укрепить свое положение, и, возможно, свидетельством его растущего влияния в Южной Вавилонии является тот факт, что в Телль Шифре не было найдено ни одного документа, датированного более поздним годом правления Самсу-илуны, чем десятый.[6] Учитывая тот факт, что центральный город Ниппур в конце концов перешел под контроль Илума-илумы, мы можем предположить, что он уже продвигался на север, и что территория на юге Шумера, возможно, включая город Ларса, перешла теперь в его владение. В поддержку этого предположения можно отметить, что, когда Самсу-илуна, подавив аккадского узурпатора, начал восстанавливать ущерб, нанесенный за шесть лет непрерывных боев, именно в Нисине и Сиппаре он отстроил разрушенные стены, а в Эмутбале - большие гарнизоны-крепости. Нисин вполне мог обозначать самый южный предел вавилонского владычества, и мы можем представить себе постепенное расширение Страны моря по мере упадка вавилонской власти. Возможно, "мятежная земля", которую Самсу-илуна похвастался тем, что сверг на двадцатом году своей жизни, была Страной моря, поскольку мы знаем, что он провел вторую кампанию против Илума-илума, который на этот раз одержал победу. Если бы вавилонской армии удалось отступить в сравнительно хорошем порядке, это стало бы достаточным основанием для хвастовства Самсу-илуны, что он преподал урок непокорной стране.

Территория на крайнем юго-востоке Вавилонии всегда проявляла тенденцию к обособлению от верхнеречных районов собственно Вавилонии. Образую побережье Персидского залива и вклиниваясь на севере в Элам, она состояла из обширных участков богатой аллювиальной почвы, перемежающейся с болотами и топями, которые, как правило, увеличивались там, где реки подходили к побережью. Болота, несомненно, служили защитой для страны, так как, хотя тропы и броды были известны жителям, чужак с северо-запада во многих местах был бы совершенно обескуражен ими. Туземцы также могли на своих легких тростниковых лодках переплывать из одного района в другой, пробираясь по известным тропам и ускользая от преследователей, когда высокие тростники смыкались за ними. Поздним ассирийцам в период расцвета их могущества удалось усмирить ряд восстаний в Стране моря, но это было сделано только с помощью туземных проводников и захвата легких каноэ из соседних деревень. Прежние цари Вавилонии всегда довольствовались тем, что оставляли болотных жителей на произвол судьбы, и требовали лишь номинального признания сюзеренитета. Но, вероятно, в последнее время в округе появились свежие силы, которыми Илума-илум, несомненно, воспользовался, когда ему удалось не только возглавить восстание, но и основать независимое царство.

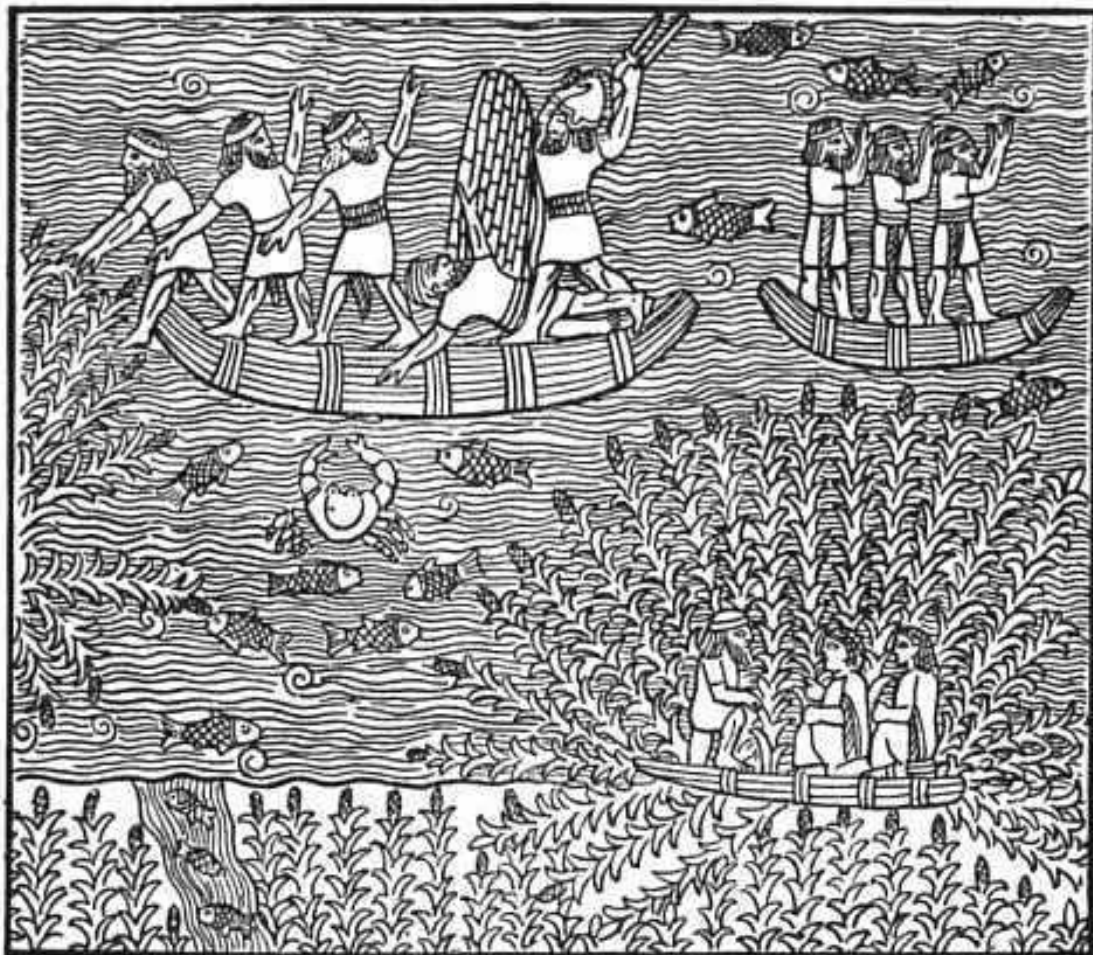

РИС. 44.

БОЛОТО В ЮЖНОЙ ВАВИЛОНИИ ИЛИ СТРАНА МОРЯ.

Здесь изображено ассирийское завоевание страны, несмотря на все трудности, связанные с ее болотами и тростниковыми зарослями.

(По мотивам барельефа в Ниневии.)

Очевидно, что давление, оказываемое на Вавилонию западносемитской миграцией, должно было привести к вытеснению части существующего населения. Направление продвижения всегда было нисходящим, и давление продолжалось даже после оккупации страны. Те слои населения, которые наиболее радикально отличались от захватчиков, скорее всего, искали убежища в другом месте, и, за исключением Элама, страна моря предлагала единственную возможную линию отступления. Поэтому мы можем предположить, что болотные жители юга были усилены в течение значительного периода шумерскими беженцами, и, хотя первые три правителя нового царства носили семитские имена и, вероятно, были семитами, имена более поздних правителей Страны Моря позволяют предположить, что шумерский элемент в населении впоследствии обеспечил контроль,^[7] несомненно, с помощью новых призывов из своих сородичей после их успешного захвата Южной Вавилонии. При более могущественных царях Второй династии царство, возможно, приняло характер, напоминающий характер его предшественников в Вавилонии. Центр управления, конечно, был на время перенесен в Ниппур, а возможно, и дальше на север, но Страна Моря, как родина династии, должно быть, всегда считалась доминирующей провинцией царства и предоставляла надежное убежище его правителям в случае, если бы они были вновь загнаны

в ее пределы. Несмотря на обширные болота, она была способна обеспечить своим жителям значительный комфорт, поскольку финиковая пальма цвела пышным цветом, а возделываемые площади, должно быть, были по меньшей мере столь же продуктивны, как и на северо-западе. Более того, зебу, или горбатый скот Шумера, процветал на болотах и водных лугах и не только служил важным источником питания, но и использовался для пахоты в сельскохозяйственных районах.[8]

Имея такую страну в качестве базы для операций, защищенную в немалой степени своими болотами, неудивительно, что цари Страны моря добились значительного успеха в своих попытках расширить территорию, находящуюся под их контролем.

После второго конфликта с Илума-илумом Самсу-илуна, похоже, смирился с потерей своей южной провинции и больше не предпринимал никаких попыток к завоеванию. Он все еще мог похвастаться успехами в других районах, так как разрушил стены Шахна и Зарханума, несомненно, после подавления восстания, и укрепил укрепления Киша. Он также сохранил контроль над маршрутом Евфрата в Сирию и, несомненно, поощрял торговые предприятия Вавилона в этом направлении в качестве компенсации своих потерь на юге. Интересной иллюстрацией его тесных отношений с западом служит формула даты двадцать шестого года его правления, в которой говорится, что он приобрел монолит с великой горы в земле Амурру. Его, должно быть, добыли в Ливане, перевезли по суше к Евфрату, а затем доставили на келеке в столицу. Судя по тому, что он сообщает нам о его размерах, он был около тридцати шести футов в длину, и доставить его так далеко в Вавилон было немалым достижением.

РИС. 45.

ЗЕБУ ИЛИ ГОРБАТЫЕ ВОЛЫ ПРИМОРСКОЙ СТРАНЫ.

Здесь они представлены как вывезенные из страны Соа вместе с другой добычей под конвоем ассирийских солдат.

(По мотивам барельефа из Ниневии в Британском музее).

В этот период сравнительного спокойствия Самсу-илуна снова посвятил себя восстановлению и благоустройству Э-сагила и храмов Киша и Сиппара; но на двадцать восьмом году его правления Вавилон пережил новое потрясение, которое, по-видимому, привело к еще большей потере территории. В тот год он утверждает, что убил Иади-хабума и Мути-хуршана, двух лидеров вторжения или восстания, о котором у нас нет никаких подробностей. Но очевидно, что победа, если она была, привела к дальнейшим неприятностям, так как в последующие два года не было обнародовано ни одной новой формулы даты, и, вероятно, сам царь отсутствовал в столице. Примечательно, что в Ниппуре не найдено ни одного документа, датированного двадцать девятым годом правления Самсу-илуны, хотя в предшествующий период, начиная с тридцать первого года правления Хаммурапи и далее, когда город впервые перешел во владение Вавилона, почти каждый год хорошо представлен в датированном ряду.^[9] Трудно не прийти к выводу, что Самсу-илуна теперь потерял контроль над этим городом, и, поскольку один из документов из Ниппура датирован временем правления Илума-илума, он мог перейти во владение только последнего. Еще одним доказательством уменьшения территории Вавилона может служить тот факт, что Самсу-илуна должен был восстановить старую линию крепостей, основанную его предком Сума-ла-илумом в период становления царства.^[10] Эта работа, несомненно, была предпринята, когда он предвидел необходимость защиты аккадской границы, и он должен был потерять по крайней мере одну из крепостей, Дур-Закар, когда Ниппур был взят. Его деятельность в последние годы жизни была ограничена севером и западом, а также задачей держать открытым путь к Евфрату. Он проложил канал рядом с Каром-Сиппаром, вернул себе владение Саггаратом и, вероятно, разрушил города Аркум и Амал. Его разгром аморейского войска примерно за два года до его смерти представляет интерес как доказательство того, что западные семиты Аккада, спустя почти два столетия после их поселения в стране, испытывали такое же отношение со стороны своего собственного населения, которое они сами причинили земле своего принятия.

Самсу-илуна, за исключением, возможно, Амми-дитаны, был последним великим царем западносемитской династии. Правда, его сын Аби-эшшур предпринял новую попытку вытеснить Илума-илума из его владений в Центральной и Южной Вавилонии. В одной из поздних хроник говорится, что он перешел в наступление и выступил в поход против Илума-илума.^[11] Похоже, что его нападение было неожиданным, и ему удалось отрезать царя и часть его войск, возможно, возвращавшихся из какой-то другой экспедиции. Очевидно, что он столкнулся с ним в окрестностях Тигра и, вероятно, вынудил его укрыться в крепости, поскольку попытался отрезать ему путь к отступлению, запрудив реку. Говорят, что ему удалось запрудить поток, но поймать Илума-илума ему не удалось. В хронике больше не зафиксировано никаких конфликтов между ними, и мы можем предположить, что тогда он принял более позднюю политику своего отца, оставив Страну Моря во владении завоеванной территории. В некоторых из его сломанных формул даты мы находим отголоски нескольких дальнейших кампаний, и мы знаем, что он перерезал канал Аби-Эшшур и построил крепость у ворот Тигра, которую он также назвал в свою честь, Дур-Аби-Эшшур. Вероятно, это было пограничное укрепление, возведенное для защиты реки в том месте, где она переходила из зоны контроля Вавилона в зону контроля Страны моря. Он также построил город Лухая на канале Арахту в непосредственной близости от Вавилона. Однако и Аби-Эшшур,

и его преемники на троне свидетельствуют о том, что он все больше и больше погружался в культовые обряды. Поставки храмовой утвари начинают приобретать для них то значение, которое военные успехи имели для их отцов. Симптомом упадка является и то, что даже в религиозной сфере они озабочены собственным поклонением не меньше, чем поклонением богам.

Знаменательно, что Аби-Эшу в один из годов своего правления украсил статую Энтемена, раннего патеси Лагаша, который пользовался божественными почестями, а в какой-то период после захвата Хаммурапи этого города получил собственный культовый центр в Вавилоне. Этот акт свидетельствует о возросшем интересе Аби-Эшу к обожествлению царской власти. Эта честь была связана с владением Ниппуром, центральным городом и святыней страны, и Вавилон перенял практику обожествления своих царей после того, как Ниппур был присоединен Хаммурапи. Хотя город теперь вышел из-под контроля Вавилона, Аби-Эшу не отказался от привилегий, которыми законно пользовались его отец и дед. Поскольку Вавилон больше не обладал центральным святилищем Энлиля, в котором должна была быть установлена его собственная божественная статуя, он посвятил ее в местном храме Энлиля в Вавилоне. Но, не довольствуясь этим, он создал не менее пяти других своих статуй, которые установил в храмах других богов в Вавилоне, Сиппаре и других местах.^[12]

Три его преемника следовали той же практике, и Амми-дитана и Амми-задуга, его сын и внук, оставили описания некоторых из этих культовых изображений себя.^[13] Любимый персонаж, в котором часто изображался царь, держал ягненка для гадания, а другой находился в позе молитвы. Поздние цари Первой династии тоже любят останавливаться на своих роскошных подношениях. Мардук снабжен бесчисленным оружием из красного золота, а святилище бога Солнца в Сиппаре украшено солнечными дисками из драгоценного *камня души*, инкрустированными красным золотом, ляпис-лазурью и серебром. Большие рельефы с изображениями рек и гор были отлиты из бронзы и установлены в храмах, а Самсу-дитана, последний из его рода, записывает среди своих подношений богам посвящение Сарпанитуму богатой серебряной шкатулки для благовоний.

Между прочим, эти упоминания служат ярким доказательством богатства, которое приобрел Вавилон, несомненно, благодаря возросшей торговой деятельности. Элам с одной стороны и Сирия с другой^[14] снабжали его импортом драгоценных камней, металлов и дерева, а его ремесленники многому научились у иностранных учителей. Несмотря на сокращение империи Хаммурапи, жизнь людей как в городских, так и в сельских районах Аккада не претерпела существенных изменений. Организованный надзор за всеми сферами национальной деятельности, пастбищной, сельскохозяйственной и торговой, которым нация в значительной степени была обязана Хаммурапи, продолжался и при последующих царях; а некоторые из найденных царских писем показывают, что приказы по сравнительно неважным вопросам по-прежнему издавались от имени царя. Мы также знаем о большом количестве общественных работ, выполненных Амми-дитаной, сыном Аби-эшу. Он прорубил только один канал, а для защиты других построил крепости и назвал их своими именами. Так, помимо канала Амми-дитана, мы узнаем о Дур-Амми-дитане, который он возвел на канале Зилакум, и еще об одной крепости с таким же названием на канале Ме-Энлиль. Он укрепил стену Ишкун-Мардука, которая также находилась на Зилакуме, и построил Машкан-Амми-дитану и стену Кар-Шамаша, обе на берегу Евфрата.^[15]

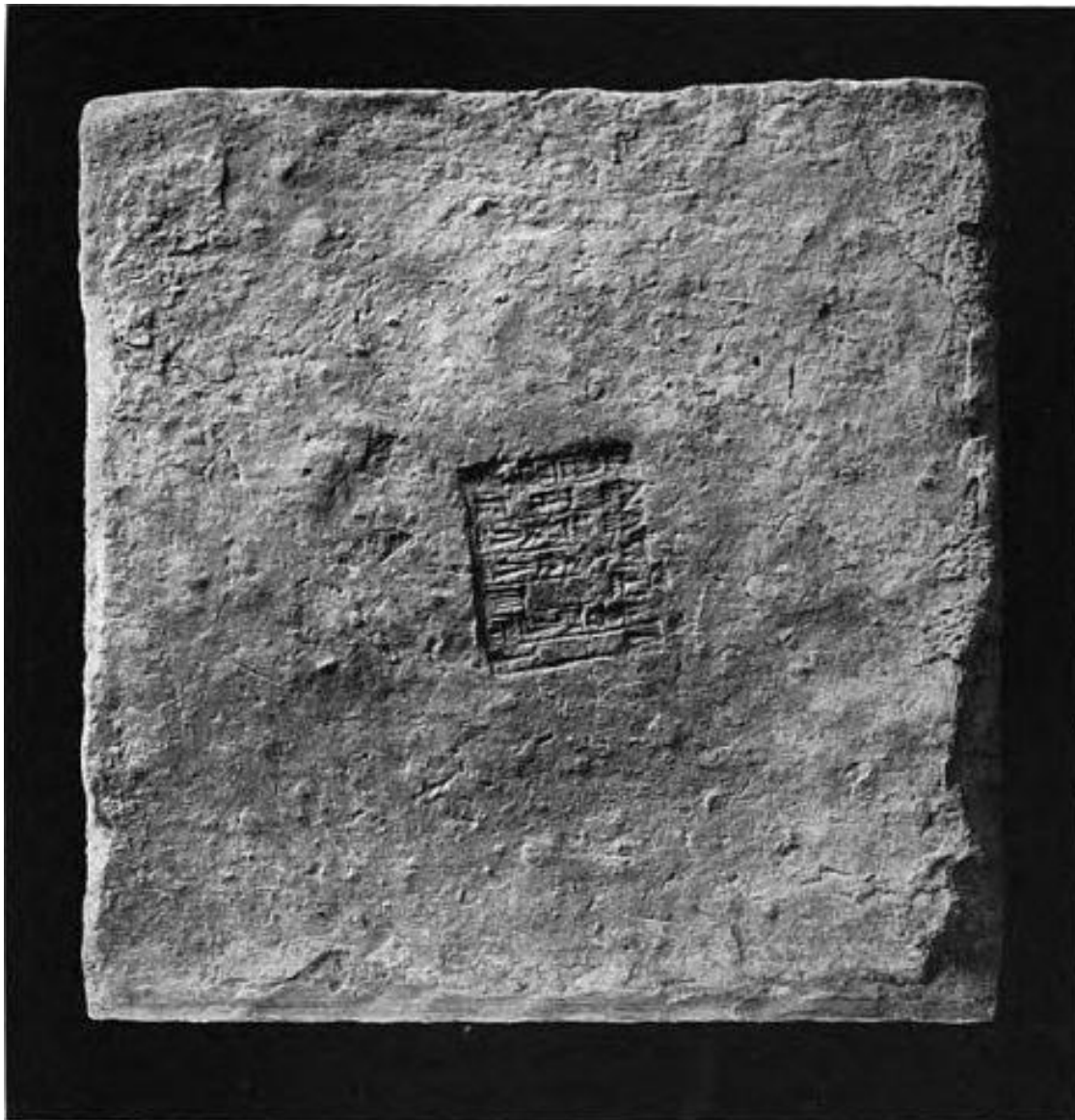
Систематическое укрепление рек и каналов, вероятно, можно интерпретировать как знак продвижения границы на юг, в связи с чем было целесообразно защитить урожай и водоснабжение восстановленных районов от опасности внезапных набегов. В двух случаях Амми-дитана в довольно туманных выражениях утверждает, что освободил свою землю от опасности, один раз восстановив могущество Мардука, а затем ослабив давление на свою землю; и то, что на семнадцатом году жизни он должен был утверждать, что покорил Арахаб, возможно, называемого "шумерским"[16], свидетельствует о том, что цари Приморских стран находили готовую помощь у более старшего населения Юга. Более того, из более поздних западносемитских царей только Амми-дитана, похоже, добился успехов в борьбе с посягательствами Страны моря. Наиболее убедительным доказательством его продвижения вперед является формула даты его тридцать седьмого года, в которой говорится, что он разрушил стену Нисина,[17] доказывая, что он проник к югу от Ниппура. То, что сам Ниппур какое-то время находился в его руках, более чем вероятно, тем более что одна из его строительных надписей, до сих пор не опубликованная, как говорят, была найдена там[18]; и мы также знаем из неовавилонской копии аналогичного текста, что он претендовал на титул "царя Шумера и Аккада".[19] При нем Вавилон восстановил подобие своей былой мощи, но мы можем предположить, что Страна моря сохранила свою власть над Ларсой и южной группой городов.

Третью ценную синхронизацию между вавилонской и южной династиями дает нам упоминание о разрушении Амми-дитаной стены Нисина, поскольку в формуле даты добавляется, что она была возведена людьми Дами-илишу. Правитель, о котором идет речь, - это, очевидно, третий царь из династии Страны моря, сменивший Итти-или-ниби на троне.[20] Мы можем заключить, что именно в его правление или вскоре после него Амми-дитану удалось вернуть Нисин, после того как он уже захватил Ниппур во время своего продвижения на юг. На тридцать четвертом году, за два года до взятия Нисина, он посвятил изображение Самсу-илуны в храме Э-намтила, и мы, возможно, связываем эту дань уважения своему деду с тем фактом, что в его правление Вавилон в последний раз пользовался привилегиями, которые давал сюзеренитет Ниппура.

В год после восстановления Нисина Амми-задуга сменил своего отца на троне, и поскольку он приписывает величие своего царства Энлилю, а не Мардуку или какому-либо другому богу, мы можем видеть в этом еще одно указание на то, что Вавилон продолжал контролировать его древнюю святыню. Но остальные даты-формулы царствования Амми-задуги не свидетельствуют о том, что завоевания Амми-дитаны были постоянными. За чередой религиозных посвящений на десятом году правления следует обычная запись о том, что он ослабил давление на свою землю, что говорит о том, что его страна пережила период конфликта; И хотя в следующем году он построил крепость Дур-Амми-задуга "в устье Евфрата", почти непрерывная череда вотивных актов, отмечаемых в оставшиеся годы его правления и в правление его сына Самсу-дитана, делает вероятным, что цари Страны моря постепенно возвращали себе часть территории, которую они временно потеряли.[21]

Но не из Страны моря западносемитская династия Вавилона получила свой смертельный удар. В поздней хронике, которая пролила столько света на ранние конфликты этого смутного периода, мы читаем о другом вторжении, которое не только принесло катастрофу Вавилону, но и, вероятно, положило конец его первой династии. Летописец сообщает, что во время правления Самсу-дитана, последнего царя династии, "люди из земли Хатти выступили в поход против земли Аккада", другими словами, хетты из Анатолии[22] прошли вниз по Евфрату и вторглись в Вавилонию с северо-запада. Хроника не сообщает о результатах этого вторжения[23], но мы, вероятно, можем связать его с тем фактом, что касситский царь Агум-

как риме вернул в Вавилон из Хани, старой Ханы на среднем Евфрате,^[24] культовые изображения Мардука и Сарпанитума и вновь установил их с большой pompой и церемонией в их святилищах в Э-сагиле. Мы можем с полным основанием заключить, что они были унесены хеттами во время их вторжения в царствование Самсу-дитаны.

КИРПИЧ СИН-ГАШИДА, ЦАРЯ ЭРЕХА, С ЗАПИСЬЮ СТРОИТЕЛЬСТВА ЕГО ДВОРЦА В ЭТОМ ГОРОДЕ.

Из Варку; Brit. Mus., No. 90268; Photo by Messrs. Mansell & Co.

Если хеттам удалось лишить Вавилон его самых священных божеств, очевидно, что они должны были совершать набеги на город и, возможно, даже занять его на некоторое время. Таким образом, западносемитская династия Вавилона могла быть покончена этими хеттскими завоевателями, а сам Самсу-дитана, возможно, пал при защите своей столицы. Но нет никаких оснований полагать, что хетты надолго захватили Вавилон. Даже если бы их успех был полным, они бы вскоре вернулись в свою страну, нагруженные тяжелой добычей; и они, несомненно, оставили часть своего числа в Хане, когда уходили вверх по Евфрату. Южная Вавилония, возможно, также пострадала от набега, но мы можем предположить, что

его сила больше всего ощущалась на севере, и что цари Страны моря извлекли выгоду из этого бедствия. У нас пока нет прямых доказательств того, что они захватили Вавилон, но, поскольку их царство было самым могущественным соперником Вавилона до набега хеттов, оно вполне могло расширить свои границы после его падения.

К этому периоду, вероятно, можно отнести местную династию Эреха, представленную именами Син-гашид, Син-гамил и Ан-ам. Из кирпичей и записей о фундаментах, найденных в Варке, на месте древнего города, мы знаем, что первый из этих правителей восстановил старый храм Э-анны и построил себе новый дворец.^[25] Но самая интересная из записей Син-гашида - это votivный конус, посвященный посвящению Э-канкала Лугаль-банде и богине Нинсун, поскольку, завершая свой текст молитвой об изобилии, он вставляет список или тариф, где указаны максимальные цены, которые он установил на главные предметы торговли во время своего правления.^[26] Син-гамил был непосредственным предшественником Ан-ама на троне Эреха, и во время его правления последний посвятил от его имени храм Нергалу в городе Усипара.^[27] Ан-Ам был сыном некоего Бел-шемеа, и главным его делом было восстановление стены Эреха, основание которой он приписывает полумифическому правителю Гильгамешу.^[28]

Несомненно, в период после временного исчезновения Вавилона как политической силы возникли и другие местные царства, но мы не обнаружили никаких их следов^[29], и единственный факт, в котором мы уверены, - это непрерывная преемственность царей Страны моря. Один из этих правителей, Гулькишар, упоминается на межевом камне двенадцатого века, установленном во времена правления Энлиль-надин-апли, раннего царя Четвертой династии. На нем он назван царем Страны Моря, что также является обозначением Э-гамиля, последнего представителя династии, в рассказе о касситском вторжении, оставленном поздним летописцем. Такие свидетельства, по-видимому, указывают на то, что административный центр их правления в те времена находился на юге; но включение династии в Список царей лучше всего объясняется предположением, что по крайней мере некоторые из ее поздних членов наложили свой сюзеренитет на более обширную территорию.^[30] Очевидно, они были единственной стабильной линией правителей в период, когда самая могущественная администрация, которую страна знала до этого, была внезапно разрушена. Страна сильно пострадала не только от набега хеттов, но и во время непрерывных конфликтов, длившихся более века и предшествовавших окончательному падению Вавилона. Должно быть, именно тогда многие из старых шумерских городов Южной и Центральной Вавилонии опустели, будучи сожженными и разрушенными; и впоследствии они никогда вновь не занимались. Лагаш, Умма, Шуруппак, Кисурра и Адаб не играют никакой роли в последующей истории Вавилонии.

О судьбе Вавилона в это время нам ничего не известно, но тот факт, что касситы сделали город своей столицей, показывает, что экономические силы, которые изначально возвели его на эту позицию, все еще действовали. Шумерские элементы в населении Южной Вавилонии, возможно, теперь пользовались последним периодом влияния, и их расовое выживание в Стране моря может отчасти объяснить ее постоянное стремление к независимости. Но в целом в Вавилонии последствия трех веков западносемитского правления были постоянными. Когда после касситского завоевания Вавилон вновь предстает перед нами, становится очевидным, что традиции, унаследованные от ее первой империи, претерпели незначительные изменения.

- [1] Можно предположить, что частичным успехом набега они были обязаны своей подвижности, хотя в этом случае, самом раннем вторжении на вавилонскую территорию, лошадь, вероятно, сыграла еще более полезную роль в отступлении; см. далее, с. 215 и далее.
- [2] Такого наиболее вероятное объяснение дубликатов договора купли-продажи из Телля Šifr, в окрестностях Ларсы, с их вариантами дат по формулам Рим-Сина и Самсу-илуны; см. выше, с. 98.
- [3] Ср. "Хроники о ранних вавилонских царях", II., с. 18.
- [4] Ср. формулу даты двенадцатого года Самсу-илуны, которая в полном виде обозначала некий царский акт "после того, как все земли восстали". Поскольку успех против Ура и Эреха был отмечен в предыдущем году, восстание, о котором идет речь, вряд ли может относиться к проблемам с Рим-Сином и эламитами, но должно быть воспринято как намек на то, что другие провинции теперь делали попытки обрести независимость.
- [5] В формуле четырнадцатого года его правления отмечается свержение "узурпировавшего власть царя, которого аккадцы заставили поднять восстание".
- [6] Самый поздний документ из Ларсы (Сенкера) датируется двенадцатым годом; см. выше, с. 104 и далее.
- [7] Такие имена, как Ишкибал, Гулькишар, Пешгал-дарамаш, А-дара-калама, Акур-уль-ана и Мелам-куркура, являются шумерскими. Последний царь династии, Эа-гамиль, носит семитское имя, а Шушши, имя брата Ишкибала, вероятно, семитское.
- [8] Зебу, или *Bos indicus*, изображен на шумерской скульптуре из Лагаша, датируемой серединой третьего тысячелетия до н. э. (см. "Шумер и Аккад", с. 69, рис. 21); мужчины изображены пашущими на нем на касситской печати (см. выше, с. 175, рис. 40); и он был одним из наиболее ценных видов добычи из Страны моря во времена поздней Ассирийской империи (см. рис. 45).
- [9] Ср. Pöebel, "Юридические и деловые документы", р. 119; и Chiera, "Юридические и административные документы", р. 25.
- [10] См. выше, р. 148 f.
- [11] Ср. "Хроники, касающиеся ранних царей", II., с. 21.
- [12] Одна из этих статуй была установлена в Э-гишширгале, название которого соответствует названию старого храма Луны в Уре; на основании этого свидетельства Побель предположил, что Аби-Эшу удалось получить контроль над Южной Вавилонией (см. "Юридические и деловые документы", с. 120). Но с тех пор была восстановлена более полная форма даты, показывающая, что этот Э-гишширгал и, несомненно, храм Энлиля, соединенный с ним, находились в Вавилоне. Поэтому представляется, что после того, как Самсу-илуна утратил власть над великим центром лунного культа на юге, в Вавилоне был основан местный храм для поклонения богу Луны под древним названием, в котором, насколько это было возможно, воспроизводились старые культовые практики. Точно так же, потеряв Ниппур, в Вавилоне было построено новое святилище Энлиля или расширено и благоустроено старое. Такими способами, несомненно, надеялись добиться продолжения благосклонности богов и окончательного восстановления своих городов; а постоянное

посвящение царских изображений, хотя, несомненно, это знак царского обожествления, должно было также служить для того, чтобы привлечь внимание богов к претензиям царя.

[13] Поскольку Амми-дитана, по-видимому, вернул себе Ниппур на некоторое время в конце своего правления, а Амми-задуга, вероятно, удерживал его в течение своих ранних лет (см. ниже, [р. 208 f.](#)), Вавилон мог законно претендовать на свои прежние привилегии в период оккупации.

[14] Бронзолитейное дело, возможно, было заимствовано из Элама; ярким свидетельством расширения связей с западом является тот факт, что при Амми-Задуге один из районов Сиппара был известен как Амурри, по названию аморейского квартала или поселения; см. Meissner, "Altbabylonisches Privatrecht", p. 41 f., No. 42, и Meyer, "Geschichte", I., ii., p. 467 f.

[15] Среди других его строительных работ - основание царского предместья в Вавилоне, названного Шаг-дугга, на берегу канала Арахту, где он построил себе дворец; в Сиппаре он еще раз перестроил Гагум, или просторную обитель, пристроенную к храму бога Солнца.

[16] Ср. Pöebel, "Юридические и деловые документы", p. 121, и Schorr, "Urkunden", p. 602.

[17] Ссылки см. в Schorr, *op. cit.*, p. 604.

[18] Согласно устному сообщению, сделанному профессором Хильпрехтом доктору Побелю.

[19] Ср. "Письма и надписи Хаммурапи", III., p. 207 f.; в той же надписи он также претендует на власть Амурру.

[20] Маловероятно, чтобы его отождествляли с Дами-илишу, последним царем более ранней династии Нисина, погибшим за сто тридцать семь лет до этого времени. Правда, Набонид, судя по его надписям на зданиях, проявляет интерес к прошлому, но во многих отношениях он был уникальным монархом и жил в более позднюю эпоху. С другой стороны, эти ранние формулы дат всегда относятся к современным событиям, а не к вопросам, представляющим археологический интерес. Мы точно знаем, что Илума-илум (первый приморский царь) был современником Самсу-илуны и Аби-эшу, и небезосновательно находим упоминание о Дами-илишу (третьем приморском царе) в последний год жизни Амми-дитаны, сына Аби-эшу. Если принять это предположение, то можно сделать важный вывод о том, что исключительно долгий период в сто пятнадцать лет, отнесенный Списком царей к правлению первых двух царей Страны моря, несколько преувеличен. Точность некоторых более длинных цифр, приписанных в Списке царям этой династии, давно ставится под сомнение (ср. "Хроники", I., с. 111 и далее, и см. выше, с. 106), и синхронизм оправдывает эти сомнения. Хотя исторический характер Второй династии был достаточно подтвержден, мы не должны считать общую продолжительность ее правления, указанную в Списке царей, более чем приблизительно верной. В этих обстоятельствах подробные даты не были присвоены членам этой династии в "Династическом списке царей"; см. Приложение II, с. 320.

[21] Успех, несомненно, колебался то в одну, то в другую сторону: Амми-задуга в один из своих поздних годов вспоминал, что он осветил свою землю, как бог Солнца, а Самсу-дитана записал, что он восстановил свое господство оружием Мардука. Насколько обоснованными были эти довольно туманные утверждения, сказать невозможно. Кроме вотивных актов, единственной определенной записью этого периода является запись шестнадцатого года правления Амми-задуги, в которой он празднует прорубление канала Амми-задуга-нухуш-ниши.

[22] Мы можем с уверенностью считать, что эта фраза относится к анатолийским хеттам, чья столица в Богаз-Кеуи была основана гораздо раньше конца пятнадцатого века, когда мы знаем, что она носила имя Хатти. Правда, после южной миграции хеттов в двенадцатом веке Северная Сирия была известна как "земля Хатти", но, если бы вторжение в Вавилонию в царствование Самсу-дитана совершили семитские племена из Сирии, летописец, несомненно, использовал бы правильное обозначение - Амурру, которое используется в более раннем разделе текста для вторжения Саргона в Сирию. В поздней литературе знамений использование ранних географических терминов также не вызывает замешательства. Как хроники, так и тексты знамений являются расшифровками ранних письменных оригиналов, а не поздними компиляциями, основанными на устной традиции.

[23] Причина пропуска в том, что вся эта часть текста, очевидно, была пропущена переписчиком по ошибке, и впоследствии ему хватило места вставить только первую строку; ср. "Хроники", II., с. 22, н. 1.

[24] Этот район находился на пути набега хеттов, и его занятие частью захватчиков было, очевидно, более постоянным, чем Вавилона.

[25] Ср. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", XXI., pl. 12, и Кинг, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXVII., p. 22 f.

[26] См. "Cun. Texts", XXI., pl. 15 ff., и ср. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 222 f. Покупательная способность одного сикля серебра установлена на уровне трех *гур* кукурузы, или двенадцати манег шерсти, или десяти манег меди, или тридцати *ка* дерева. Главный интерес этой записи заключается в доказательстве того, что в этот период стоимость меди и серебра находилась в соотношении 600:1 (см. Мейер, "Geschichte", I., ii., p. 512).

[27] Ср. "Кун. Тексты", XXI., pl. 17.

[28] См. Hilprecht, "Old Bab. Надписи", I., pl. 15, № 26. Была найдена табличка, датируемая правлением Ан-ама, а другая табличка того же типа датируется правлением Арад-шаша, которого мы можем рассматривать как еще одного царя этой местной династии; см. Scheil, "Orient. Lit.-Zeit.", 1905, col. 351, и Thureau-Dangin, *op. cit.*, p. 238. Стиль письма на этих табличках более поздний, чем стиль первой династии Вавилона.

[29] О Пухии, сыне Асиру и царе земли Хуршиту, см. "Сум. и Акк.", с. 287. Хуршиту, возможно, был названием района на Ак-су, притоке Адема, поскольку кирпич из его дворца, как говорят, был найден в Туз-Хурмати на этом потоке; см. Scheil, "Rec. de trav.", XVI., p. 186; XIX., p. 64. Регион правления царя Манабалтела (см. Pinches, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXI., p. 158) совершенно неясен, но архаичный стиль письма на табличке, датируемой его правлением, позволяет предположить, что он был современником одного из ранних западносемитских царей.

[30] См. выше, с. 105 и далее.

ГЛАВА VII

КАССИТСКАЯ ДИНАСТИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ЕГИПТОМ И ХЕТТСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Касситское завоевание Вавилонии, хотя и увенчалось немедленным успехом в значительной части страны, на юге было постепенным процессом, осуществлявшимся независимыми касситскими вождями. Цари Страны моря некоторое время продолжали свое независимое

существование, и даже после того, как эта династия прекратила свое существование, борьба за юг продолжалась. После еще одного периода конфликта касситское господство было завершено, и управление всей страной вновь сосредоточилось в Вавилоне. К счастью для Вавилонии, новые захватчики не появились в таком количестве, чтобы подавить существующее население. Уже давно признано, что они были арийцами по расе, и мы можем с некоторой долей уверенности считать их сродни поздним правителям Митанни, которые навязали себя более раннему неиранскому населению Субарту, или Северной Месопотамии. Как и митаннийские цари, касситы Вавилонии были правящей кастой или аристократией, и, хотя они, несомненно, привели с собой множество более скромных последователей, их господство не повлияло ни на языковой, ни на расовый характер страны в какой-либо заметной степени. В некоторых аспектах мы можем сравнить их правление с правлением Турции в долине Тигра и Евфрата. Они не свидетельствуют о высокой степени культуры, и хотя постепенно переняли вавилонскую цивилизацию, долгое время старались держаться в стороне, сохраняя свои родные имена вместе с отдельной национальностью. По сути, они были практичным народом и производили успешных администраторов. Главным достижением, которое они принесли в Вавилон, был усовершенствованный метод отсчета времени. Вместо громоздкой системы формул даты, унаследованной семитами от шумеров, в которой каждый год обозначался сложным названием, взятым из какого-то великого события или культового обряда, касситы ввели более простой план датировки по годам царствования царя. И мы увидим, что именно в силу политических обстоятельств их обитания старая система землевладения, уже в значительной степени подорванная западными семитами, была еще более изменена.

Но в материальном плане наибольшие изменения в жизни Вавилонии они произвели благодаря введению лошади. Можно не сомневаться, что они были коневодческой расой,^[1] и успех их вторжения во многом объясняется их большей мобильностью. До сих пор для всех целей тяги и перевозки использовались ослы и крупный рогатый скот, но с появлением касситов лошадь внезапно становится основным тягловым животным во всей Западной Азии. До их времени "горный осел", как его называли в Вавилонии, был большой редкостью, самое раннее упоминание о нем встречается в эпоху Хаммурапи.^[2] В этот период мы имеем свидетельства того, что касситские племена уже образовывали поселения в западных районах Элама, и время от времени небольшие их отряды пробирались на Вавилонскую равнину, чтобы работать сборщиками урожая,^[3] они, несомненно, везли с собой свои товары обычным способом. Полезность лошадей, привезенных таким образом, обеспечила бы их готовую продажу вавилонянам, которые, вероятно, сохранили услуги их владельцев для ухода за диковинными животными. Но ранние касситские иммигранты, должно быть, были людьми простыми и непрогрессивными, поскольку во всей контрактной литературе того периода мы не находим никаких следов того, что они приобрели богатство или занялись коммерческой деятельностью в принятой ими стране. Единственным свидетельством того, что они занимались чем-то иным, кроме рутинной работы, является договор времен правления Амми-Дитаны, в котором говорится о двухлетней аренде необработанного поля, взятого касситом для ведения сельского хозяйства.^[4]

За набегом касситов на вавилонскую территорию в царствование Самсу-илуны^[5], возможно, последовали другие подобные набеги, но только во времена поздних царей Страны моря захватчикам удалось закрепиться в Северной Вавилонии. Согласно Списку царей, основателем Третьей династии был Гандаш, и мы получили подтверждение этой записи в неовавилонской табличке, якобы содержащей копию одной из его надписей.^[6] Вавилонский царь, чей текст воспроизводит копия, носит имя Гаддаш, очевидно, сокращенную форму Гандаша, как написано в Списке царей; запись содержит

безошибочную ссылку на касситское завоевание. Из того, что осталось от надписи, можно сделать вывод, что она посвящена восстановлению храма Бела, то есть Мардука, который, по-видимому, был поврежден "при завоевании Вавилона". Таким образом, очевидно, что Вавилон должен был оказать упорное сопротивление захватчикам, и что город держался до тех пор, пока не был взят штурмом. Похоже, что за этим успехом последовали дальнейшие завоевания вавилонской территории, поскольку в своем тексте Гаддаш, помимо того, что называет себя царем Вавилона, принимает и другие проверенные временем титулы: царь четырех четвертей (мира), а также царь Синнера и Аккада. Мы можем видеть в этом свидетельство того, что царство Страны Моря теперь было ограничено своими первоначальными пределами, хотя, возможно, предпринимались некоторые попытки остановить волну вторжения. Во всяком случае, Эа-Гамил, последний царь Второй династии, не довольствовался защитой своей территории, так как мы знаем, что он перешел в наступление и вторгся в Элам. Но, похоже, он не добился успеха, и после его смерти касситский вождь, Ула-Бурариаш или Улам-Буриаш, завоевал Страну моря и установил там свое господство.[7]

Поздний летописец, записавший эти события, рассказывает, что Улам-Буриаш был братом Каштилиаша, кассита, которого мы, вероятно, можем отождествить с третьим правителем касситской династии Вавилона. Там Гандаша, основателя династии, сменил его сын Агум, но после двадцатидвухлетнего правления Каштильаша, соперника касситов, трон перешел к нему.[8] Он, очевидно, происходил из могущественного касситского племени, ведь именно его брат, Улам-Буриаш, завоевал Страну моря. Память о правлении последнего дошла до нас в виде набалдашника или булавы из диорита, найденного при раскопках Вавилона.[9] На ней он называет себя царем Страны Моря, и из нее мы узнаем, что он и его брат были сыновьями Бурна-Бурариаша, или Бурна-Буриаша, который, возможно, оставался местным касситским вождем в Эламе, в то время как его сыновья между собой обеспечивали контроль над Вавилонией. Через некоторое время Страна Моря, должно быть, восстала против Улам-Буриаша, так как ее повторное завоевание было предпринято Агумом, младшим сыном Каштилиаша, который, как сообщается, захватил город Дур-Энлиль и разрушил Э-малга-уруна, местный храм Энлиля.[10] Старший сын Каштилиаша тем временем сменил отца на вавилонском троне, и, если Агум установил свою власть в Стране моря, мы снова имеем зрелище двух братьев, в следующем поколении касситской семьи, делящих между собой управление Вавилонией. Но поскольку летописец не сообщает, что Агум, как и его дядя Улам-Буриаш, осуществлял владычество над всей Страной Моря, возможно, он добился не более чем локального успеха. Затем вавилонский трон перешел ко второму сыну Каштилиаша, Аби-ратташу, и, возможно, именно при нем или при одном из его преемников вся страна вновь была объединена под властью Вавилона.

Нам известно еще о двух членах семьи Каштилиаша, которые продолжили его род в Вавилоне. Аби-ратташу наследовали его сын и внук, Ташши-гурумаш и Агум-какрима, о котором последний оставил нам уже упоминавшуюся запись в память о возвращении статуй Мардука и Сарпанитума из земли Хани.[11] И тут происходит большой перерыв в наших знаниях об истории Вавилона. Для периода, охватывающего около тринадцати царствований, примерно с середины семнадцатого до конца пятнадцатого века до нашей эры, наши местные свидетельства ограничиваются парой кратких записей, относящихся ко второй половине этого периода, и одним или двумя историческими упоминаниями в более поздних текстах. С их помощью мы восстановили имена нескольких отсутствующих царей, хотя их относительный порядок, а в одном или двух случаях даже их существование, все еще остаются предметом споров. Фактически, если бы мы зависели только от вавилонских источников, наши знания об истории страны, даже когда мы снова сможем установить

преемственность, были бы практически пустыми. Но, во многом благодаря торговым отношениям, установившимся с Сирией еще в эпоху западносемитских царей, влияние вавилонской культуры распространилось далеко за пределы страны. Ее метод письма на удобных и нетленных глиняных табличках переняли другие народы Западной Азии, а ее язык стал *лингва франка* древнего мира. После завоевания Ханаана Египет стал азиатской державой и перенял нынешний метод международного общения для связи с другими великими государствами и со своими провинциями в Ханаане. Так и получилось, что некоторые из наших самых поразительных сведений об этом периоде пришли к нам не из самого Вавилона, а из Египта.

Курганы, известные как Телль-эль-Амарна в Верхнем Египте, отмечают местоположение города, который имел короткое, но блестящее существование при Амен-Хетепе IV, или Ахенатене, одном из поздних царей Восемнадцатой династии. Он был знаменитым царем-"еретиком", который пытался подавить устоявшуюся религию Египта и заменить ее пантеистическим монотеизмом, связанным с поклонением солнечному диску. Во исполнение своих религиозных идей он покинул Фивы, древнюю столицу страны, и построил новую столицу дальше на севере, которую назвал Ахетатен,^[12] современный Телль-эль-Амарна. Сюда он перенес официальные записи своего правления и правления своего отца, Аменхотепа III, включая депеши из азиатских провинций Египта и дипломатическую переписку с царями Месопотамии, Ассирии и Вавилона. Около двадцати семи лет назад большое количество этих документов было обнаружено в руинах царского дворца, и они являются одним из самых ценных источников информации о ранних отношениях Египта и Западной Азии.^[13] Совсем недавно они были дополнены еще более крупной находкой подобных документов в Богаз-Кеуи в Каппадокии, деревне, построенной рядом с Хатти, древней столицей Хеттской империи. Царские и официальные архивы хранились в безопасности в древней цитадели, и те немногие выдержки, которые были опубликованы из многих тысяч документов, найденных на этом месте, позволили получить дополнительную информацию, представляющую наибольшую ценность с точки зрения хеттов.^[14]

Из этих документов мы получили очень полную картину международной политики в Западной Азии в течение двух столетий, с конца пятнадцатого до конца тринадцатого века до н.э. Мы можем в некоторой степени проследить династические отношения, установленные Египтом с другими великими азиатскими государствами, и то, как поддерживался баланс сил, в основном дипломатическими методами. В начале этого периода египетская власть доминирует в Палестине и Сирии, а царство Митанни под властью арийской династии сдерживает ассирийскую экспансию. Но Египет терял контроль над своими азиатскими провинциями, и подъем Хеттской империи совпал с падением ее могущества. Митанни вскоре пал перед хеттами, к материальному преимуществу Ассирии, которая стала представлять угрозу для своих соседей на западе и юге. После смены династии Египет тем временем частично вернул себе утраченные территории в Палестине и вновь занял место среди великих государств Западной Азии. И только с падением Хеттской империи международная ситуация полностью меняется. На протяжении всего времени Вавилон стоит, насколько это возможно, в стороне, занятый торговлей, а не завоеваниями;^[15] но во второй половине периода его взоры всегда прикованы к ассирийской границе.

ГОЛОВА КОЛОССАЛЬНОЙ СТАТУИ АМЕН-ХЕТЕПА III

Из переписки Телль-эль-Амарны мы видим, как цари Митанни, Ассирии и Вавилона отдавали своих дочерей в жены египетскому царю и стремились заручиться его дружбой и союзом. По всей видимости, Египет считал ниже своего достоинства одаривать своих принцесс в ответ, поскольку в одном из своих писем к Амен-Хетепу III. Кадашман-Энлиль выражает недовольство царем Египта за то, что тот отказал ему в одной из дочерей, и угрожает в

отместку лишить его собственной дочери.[16] Другое письмо еще более ярко иллюстрирует интимные международные связи того периода. На пике своего могущества царство Митанни, похоже, присоединило к себе южные районы Ассирии и некоторое время контролировало Ниневию, как это делал в более раннюю эпоху вавилонский Хаммурапи. Именно в качестве сюзерена Душратта отправил священную статую Иштар из Ниневии в Египет в знак своего уважения к Амен-Хетепу III. До нас дошло письмо, отправленное им вместе с богиней, в котором он пишет о ней:[17] "Воистину, во времена моего отца владычица Иштар вошла в ту землю; и, как прежде она жила там и они почитали ее, так и теперь пусть мой брат почитает ее в десять раз больше, чем прежде. Пусть мой брат окажет ей честь и позволит ей вернуться с радостью". Таким образом, мы понимаем, что Иштар посещала Египет не в первый раз, и из этого обычая можно сделать вывод о вере в то, что божество, останавливаясь в чужой стране с собственного согласия, при правильном обращении дарует этой земле благосклонность и процветание. Позже мы увидим, что Рамсес II отправил своего бога Хонсу с аналогичной миссией в Хатти, чтобы вылечить страдающую эпилепсией дочь хеттского царя, которая, как считалось, была одержима дьяволом.[18] Более ярких доказательств международного общения у нас быть не может. Правители великих государств обменивались не только своими дочерьми, но даже богами.

Но письма также свидетельствуют о ревности, которая существовала между враждующими государствами Азии. С помощью искусной дипломатии, а особенно в правление Ахенатена, подарков и крупных взяток, египетскому царю и его советникам удавалось переиграть одну державу против другой и сохранить за собой проблемные провинции Сирии и Палестины. Выплачивая либеральные щедроты и вознаграждения своим сторонникам и партии в самом Египте, Ахенатен лишь проводил традиционную политику египетской короны;[19] и он еще больше расширил этот принцип в отношениях с иностранными государствами. Но казнокрадство послов уступало лишь жадности монархов, при которых они были аккредитованы и чей аппетит к египетскому золоту рос вместе с его потреблением. Много места в письмах отведено постоянным просьбам о новых подарках и жалобам на то, что обещанные дары так и не пришли. В одном из писем, например, Ашшур-убаллит из Ассирии пишет Ахенатену, что ранее царь Ханираббат получил в подарок от Египта двадцать мане золота, и далее он требует такую же сумму.[20] Вавилонский Бурна-Буриаш, его современник, пишет в том же духе в Египет,[21] напоминая Ахенатену, что Аменофис III был гораздо более щедр к его отцу. "С тех пор как мой отец и твой установили дружеские отношения друг с другом, они посылали друг другу богатые подарки и не отказывали друг другу ни в одном желаемом предмете. Ныне брат мой прислал мне в подарок две маны золота. Пошли теперь много золота, столько же, сколько отец твой; а если меньше, то пошли половину того, что было у отца твоего. Почему ты послал только две манеи золота? Потому что работа в храме велика, и я взялся за нее и исполняю ее с силою; поэтому пошли много золота. И посылай за всем, чего пожелаешь в земле моей, чтобы взяли тебе".

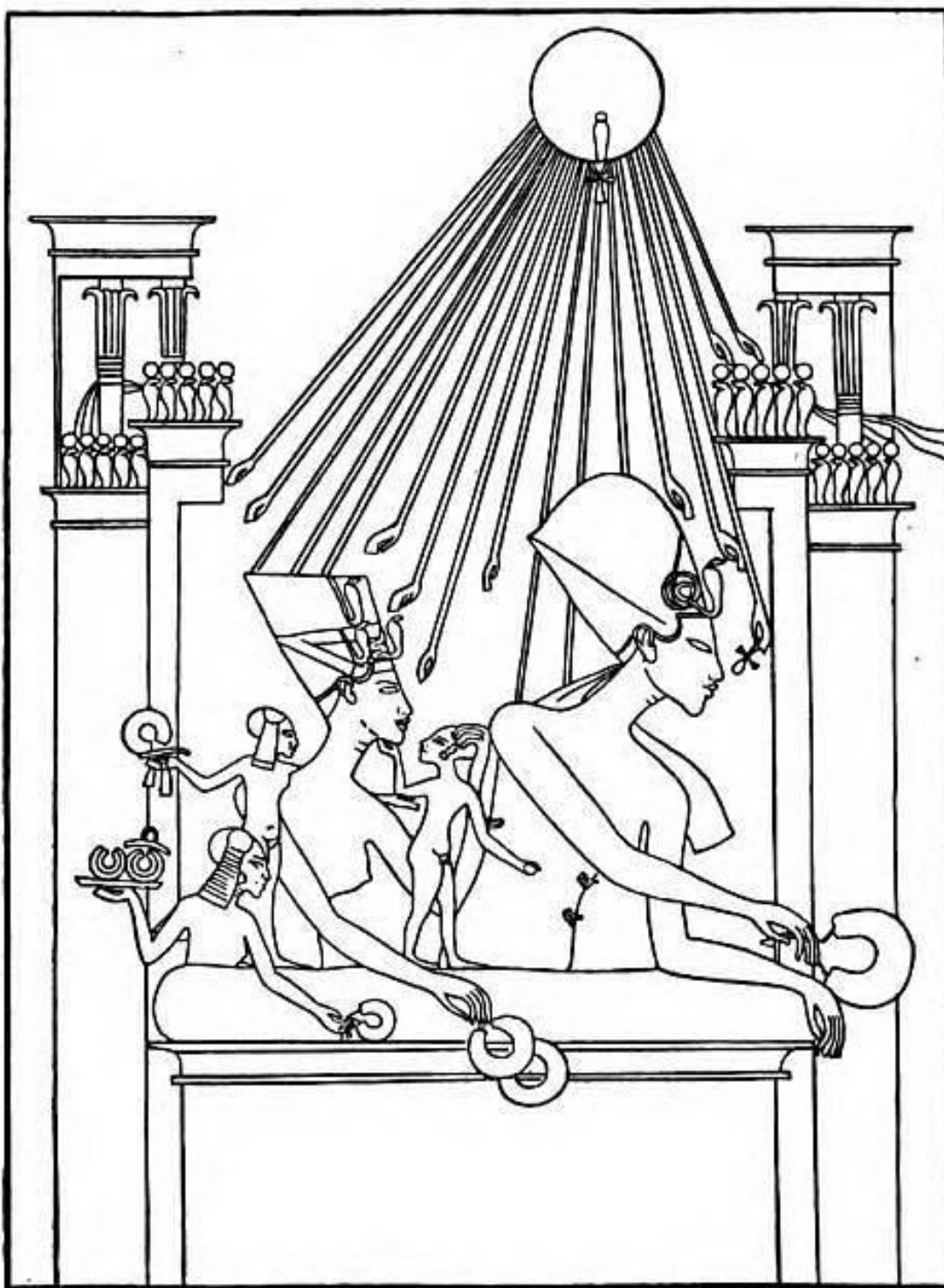

РИС. 46.

АХЕНАТЕН С ЦАРИЦЕЙ И МАЛОЛЕТНИМИ ДОЧЕРЬМИ НА БАЛКОНЕ СВОЕГО ДВОРЦА.

Царь и его семья - герои, бросающие золотые ошейники и украшения Аю, жрецу Атону и хозяину коня, который прибыл во дворец со своей женой в сопровождении многочисленной свиты. Атен, или солнечный диск, объект царского поклонения, ласкает царя своими лучами и дарит ему жизнь.

(По рисунку Н. де Г. Дэвиса).

Хотя большая часть царских писем из Телль-эль-Амарны занята такими довольно утомительными просьбами о золоте, они также дают ценные сведения о политических движениях того времени. Например, мы узнаем, что Египту удалось помешать Вавилону оказать поддержку восстаниям в Ханаане, но он без колебаний поощряет Ассирию, которая теперь начинает демонстрировать свою силу в качестве соперника Вавилона. Бурна-Буриаш ясно дает это понять, когда жалуется, что Ахенатен принял посольство от ассирийцев, которых он хвастливо называет своими подданными; и он противопоставляет Вавилону прием ханаанских предложений о союзе против Египта во времена его отца Куригальцу. "Во времена Куригальцу, моего отца, - пишет он, - ханаанеи единодушно прислали к нему, говоря: "Пойдем к границе земли и вторгнемся в нее, и заключим с тобою союз". Но отец мой отвечал им, говоря: "Не ищите союза со мною. Если вы враждуете с царем Египта, братом моим, и вступаете в союз друг с другом, то не приду ли я и не разграблю ли вас? Ибо со мной он в союзе". Отец мой ради отца твоего не послушал их".^[22] Но Бурна-Буриаш не полностью доверяет чувству благодарности египтянина за поддержку Вавилона в прошлом. Он подкрепляет свои доводы подарком в виде трех манех ляпис-лазури, пяти ярмов лошадей и пяти деревянных колесниц. Лазурит и лошади были двумя самыми ценными предметами экспорта из Вавилона в касситский период, и они в некоторой степени уравнивали почти неисчерпаемые запасы нубийского золота в Египте.

В это время Вавилон не имел территориальных амбиций, выходящих за пределы его собственных границ. Митанни никогда ей не угрожал, и только после падения последнего царства она начала беспокоиться из-за усиления ассирийской власти.^[23] Помимо защиты своих границ, ее главной заботой было держать открытыми торговые пути, особенно путь по Евфрату в Сирию и на север. Так, мы видим, что Бурна-Буриаш вступил в переговоры с Египтом, когда караваны одного из его посланников по имени Салму были разграблены двумя ханаанскими вождями, и потребовал компенсации.^[24] В другой раз он пишет, что вавилонские купцы были ограблены и убиты в Хиннатуни в Ханаане,^[25] и он снова возлагает ответственность на Ахенатена. "Ханаан - земля твоя, - говорит он, - и цари его - рабы твои"; он требует возместить убытки и убить убийц.^[26] Но Египет в этот период был настолько занят собственными делами, что у него не было ни времени, ни даже сил защищать торговые интересы своих соседей. Ведь в большинстве писем Телль-эль-Амарны мы видим, как ее азиатская империя разваливается на части.^[27] От Северной Сирии до Южной Палестины египетские губернаторы и вассальные правители тщетно пытаются подавить восстание и сдержать вторгшиеся племена.

Источником многих проблем была великая держава хеттов, расположенная к северу в горах Анатолии. Хеттские цари создали конфедерацию своих народов к северу от Тавра и теперь теснили их на юг, в Финикию и Ливан. Они жаждали плодородных равнин Северной Сирии, и Египет был той силой, которая преграждала им путь. Поначалу они не были достаточно сильны, чтобы бросить вызов Египту прямым вторжением в его провинции, поэтому ограничились тем, что подняли восстание среди местных князей Ханаана. Они побуждали их сбросить египетское иго и напасть на те города, которые отказывались присоединиться к ним. Верные вожди и правители обращались за помощью к Египту, и, судя по их письмам, как правило, тщетно. Ведь Ахенатен был слабым монархом и гораздо больше был заинтересован в своем еретическом поклонении солнечному диску, чем в сохранении чужой империи, которую он унаследовал. Именно в его правление анатолийские хетты начали принимать активное участие в политике Западной Азии.

РИС. 47 И 48.
ИЗОБРАЖЕНИЯ ХЕТТОВ В ЕГИПЕТСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ.

Эти две фигуры - части одной и той же сцены с рельефа, найденного в Карнаке, изображающего введение азиатских послов египетским принцем к Рамсесу II. Бородатых семитов легко отличить от их хеттских коллег, чисто выбритых и с длинными косами волос, или косичками, свисающими вниз по спине.

(По Мейеру.)

До обнаружения документов в Богдаз-Кеуи существование хеттов можно было определить только по следам, оставленным ими в записях Египта и Ассирии; в то время даже не было уверенности в том, что мы можем считать их работой иероглифические наскальные надписи, которые разбросаны по большей части Малой Азии. Но теперь мы можем дополнить наш материал из местных источников и проследить постепенное распространение их власти путем завоеваний и дипломатии. Они были мужественной расой, и их ярко выраженные черты лица до сих пор можно увидеть не только на их собственных наскальных скульптурах, но и на египетских рельефах рядом с рельефами других азиатов.^[28] В лицевом типе они также довольно отчетливы, поскольку нос, хотя и выдающийся и слегка изогнутый, не очень мясистый, рот и подбородок маленькие, а лоб резко отступает назад, волосы отведены назад и падают в одну, а возможно, и в две косы, или косички, на плечи.^[29] До сих пор точно не известно, к какому из больших семейств народов они принадлежали. Высказывалось предположение, что их язык имеет некоторые индоевропейские черты, но в настоящее время безопаснее рассматривать их как коренную расу Малой Азии.^[30] Их тип лица в любом случае предполагает сравнение как с арийской, так и с семитской расой.

РИС. 49.
ХЕТТСКИЕ ПЕШИЕ ВОИНЫ В БИТВЕ ПРИ КАДЕШЕ.

Рисунок иллюстрирует тип лица хетта с его выдающимся и слегка изогнутым носом и сильно покатыми бровями.

(По Мейеру.)

На их цивилизацию оказала сильное влияние цивилизация Вавилонии, возможно, через посредство ассирийских торговых поселений, которые уже были основаны в Каппадокии во второй половине третьего тысячелетия. От этих ранних семитских переселенцев или их преемников они позаимствовали глиняную табличку и клинописную систему письма. Но они продолжали использовать собственные рисунки-символы для монументальных записей; и даже в более поздний период, когда они вступили в прямой контакт с Ассирийской империей, их искусство никогда не теряло своего индивидуального характера. Некоторые из наиболее сложных наскальных скульптур до сих пор сохранились в священном святилище в Ясили-Кая, недалеко от Богаз-Кеуи. Здесь на скале, в естественной расщелине горы, высечены фигуры их божеств, главным из которых является великая богиня-мать хеттов.

РИС. 50.
ХЕТТСКИЙ ВОЖДЬ, ПЛЕННИК РАМЗЕСА III.

Рельеф двенадцатого века, возможно, самое лучшее изображение хетта на египетских памятниках; это явно портретная скульптура, так как речь идет о голове. Он также иллюстрирует манеру, в которой тяжелая коса волос заканчивается завитым хвостом.

(По Мейеру.)

Она и Тешуб, главное мужское божество, представлены здесь встречающимися, с их процессиями божеств и сопровождающих. Были ли именно из этой области хеттские племена во время своего набега вниз по Евфрату, который ускорил падение Первой династии Вавилона и, возможно, положил ей конец, мы пока не можем судить.^[31] Но в течение последующих веков мы, несомненно, можем представить медленное, но непрерывное расширение территории, контролируемой хеттами; и вполне вероятно, что власть была разделена между различными местными царствами и вождествами, которые занимали долины и возвышенности к северу от Тавра.

РИС. 51.

ФИГУРА, ВЕРОЯТНО, ХЕТТСКОГО ЦАРЯ, ИЗ ЦАРСКИХ ВОРОТ В ХАТТИ.

Поза фигуры, слегка наклоненной вправо, обусловлена наклонной стороной ворот, рядом с которыми она изваяна в рельефе.

(По фотографии Пухштейна.)

Во времена их империи столицей и центральной крепостью была Хатти, которая находилась к востоку от Халиса, на Анатолийском плато на высоте около трех тысяч футов над уровнем моря. Она занимала сильную позицию вблизи пересечения великих путей сообщения через Малую Азию; и экспансия из этой области, должно быть, началась в ранний период за западный берег реки, где страна предлагала больше возможностей для пастбищ. Другая линия продвижения проходила на юг, к прибрежным равнинам под Тавром, и несомненно, что Киликия была занята хеттскими племенами до того, как была предпринята попытка захватить Северную Сирию. О том, что сначала хетты были рассеяны без какой-либо центральной организации среди ряда независимых городов-государств, можно судить по их более поздним записям. Ведь когда в официальных документах упоминается та или иная земля, она обозначается как "страна города такого-то и такого-то", что говорит о том, что каждый важный населенный пункт был центром независимого района, которому он дал свое название. Некоторые из хеттских государств со временем достигли значительной степени важности. Так, Таркундараба из Арзавы был достаточно знатен, чтобы жениться на дочери Амен-Хетепа III из Египта.^[32] Другим городом был Куссар, один из царей которого, Хаттусил I., был отцом Шуббилулиумы, при котором хетты объединились в сильную конфедерацию, просуществовавшую почти двести лет. Должно быть, именно благодаря своему стратегическому значению Шуббилулиума выбрал Хатти в качестве столицы вместо города своих предков.

Помимо названия и традиций, связанных с ним, не может быть никаких сомнений в том, что с этого времени Хатти был центром хеттской власти и цивилизации; ведь это, безусловно, самая обширная из существующих хеттских стоянок. Он занимает всю возвышенность, включая вершину холма, над Богаз Кеуи, который лежит в долине внизу; и очень удачно, что большая часть современной деревни была построена вдали от внешних границ древнего города, так как в результате этого руины подвергались гораздо меньшему риску разрушения.^[33] Цитадель была возведена на высоком месте в чисто стратегических целях, так как с нее открывается вид на Королевскую дорогу с запада и большую магистраль с юга, приближающуюся к городским стенам. Цитадель была образована холмом с плоской вершиной,^[34] который возвышается над обнесенным стеной городом с севера, запада и юга от него. Его обрывистые склоны спускаются с северо-восточной стороны к горному потоку за стенами; такой же поток, питаемый неглубокими оврагами, течет на северо-запад через городскую территорию. От места, где они поднимаются на юге, до их слияния под городом земля опускается не менее чем на тысячу футов, и неровная поверхность была полностью использована для обороны. Стена, окружавшая южную и более высокую половину города, сохранилась сравнительно хорошо и образует три стороны неровного шестиугольника, но осыпающаяся и разрушенная земля на севере не позволила симметрично завершить контур. Ряд внутренних укреплений-стен, повторяющих уклон местности, ограждал ряд неровных участков, вспомогательные форты были построены на четырех небольших холмах вдоль самой южной поперечной стены, которая закрывала самую высокую часть города.

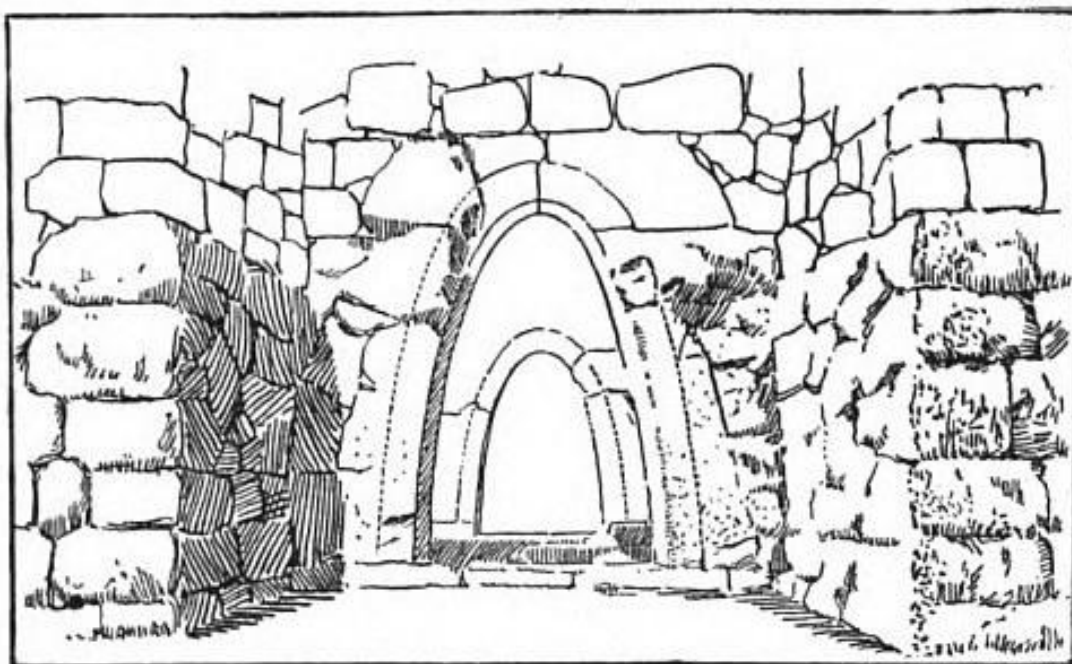

РИС. 52.

ЦАРСКИЕ ВОРОТА ХАТТИ, СТОЛИЦЫ ХЕТТОВ, ВИД СНАРУЖИ.

Массивные стены сохранились в нижнем течении, но на эскизе верхние части восстановлены в общих чертах. Арочные ворота с покатыми боками характерны для хеттской работы.

(После Пухштейна.)

Наибольшая длина города с севера на юг составляла около мили с четвертью, наибольшая ширина - три четверти мили, а весь контур существующих оборонительных сооружений, включая низменную территорию, простирался примерно на три с половиной мили. Это поразительный размер для горного города, и хотя некоторые части территории не могли быть заняты зданиями, укрепление столь обширного участка свидетельствует о могуществе хеттской империи и ее столицы. Толщина стены составляет около четырнадцати футов, но во многих местах она сохранилась на высоту более двенадцати футов. Она состоит из внутренней и внешней стены, заполненной каменной набивкой. Внешняя сторона, естественно, была более прочной из двух, и при ее строительстве использовались огромные камни, иногда пяти футов в длину. Стена была укреплена башнями, установленными через более или менее регулярные интервалы вдоль нее, их расположение иногда диктовалось контуром земли. Вокруг значительной части цепи сохранились следы внешней оборонительной стены более легкой конструкции и с меньшими башнями, но она не была непрерывной, ее опускали там, где естественное падение земли служило достаточной защитой для основной стены.

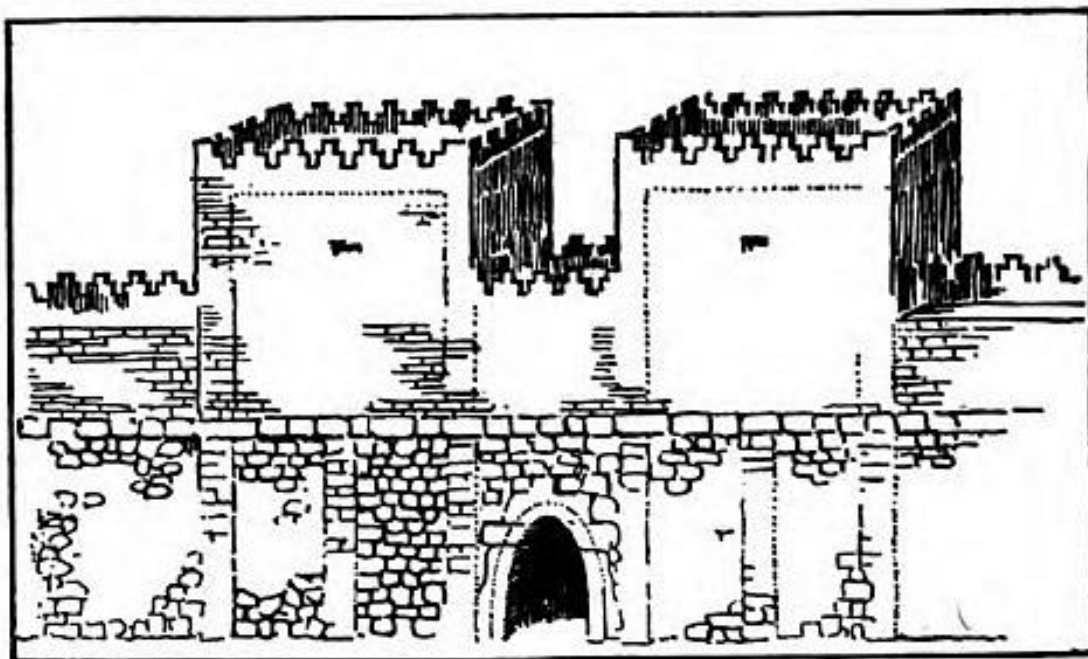

РИС. 53.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ ХЕТТСКИХ ВОРОТ ИЗНУТРИ.

Возможно, что для верхней части городской стены и ее башен использовался кирпич, как предполагается в реставрации. В таком случае не исключено, что были приняты и ступенчатые бойницы Месопотамии.

(После Пухштейна.)

Выступающие башни также фланкировали главные ворота, которые демонстрируют характерную особенность хеттской архитектуры. Это своеобразная форма ворот, состоящая из остроконечной арки с пологими боками, последние образованы огромными монолитами, скрепленными в структуру стены.^[35] Похоже, что кирпич, вероятно, использовался для верхнего строения как стен, так и башен; в других зданиях города, таких как большой храм к северо-западу от цитадели, кирпич использовался для верхнего строения стен на каменном фундаменте. Когда бы в северных землях Месопотамии, где много камня, ни применялся кирпич, последний всегда использовался в фундаменте. Поэтому не исключено, что ступенчатые бойницы Ассирии и Вавилона также были заимствованы, поскольку это был наиболее удобный и декоративный способ отделки верхних ярусов крепостной стены, построенной из этого материала.

В ранние годы правления Шуббилулиумы город, несомненно, был гораздо меньше, чем впоследствии. Но он эффективно использовал его в качестве базы и, в равной степени как дипломатическими средствами, так и фактическим завоеванием, добился того, что власть хеттов стала ощутимой за пределами их собственных границ. Сирийские восстания в правление Амен-хетепа III, в результате которых власть Египта была ослаблена в его азиатских провинциях, несомненно, получили хеттскую поддержку. Шуббилулиума также перешел Евфрат и опустошил северную территорию Митанни, главного соперника хеттов до этого времени. Позже он вторгся в Сирию в составе и вернулся в свою горную крепость Хатти, нагруженный добычей и ведя за собой двух митаннийских принцев в качестве пленников. По случаю воцарения Ахенатена Шуббилулиума написал ему поздравительное

письмо, но, когда сирийский принц Азиру признал сюзеренитет Египта, Шуббилулиума разбил его и обложил данью всю Северную Сирию, впоследствии подтвердив свое владение страной договором с Египтом. Государство Митанни также подчинилось диктату Шуббилулиумы, так как после убийства его могущественного царя Душратты он выступил на стороне Маттиуазы, которого восстановил на троне его отца, женив его на своей дочери. До нас дошел текст его договора с Митанни, и он отражает деспотическую власть хеттского царя в это время. Обращаясь к себе в третьем лице, он говорит: "Великий царь, ради своей дочери, дал стране Митанни новую жизнь".[36]

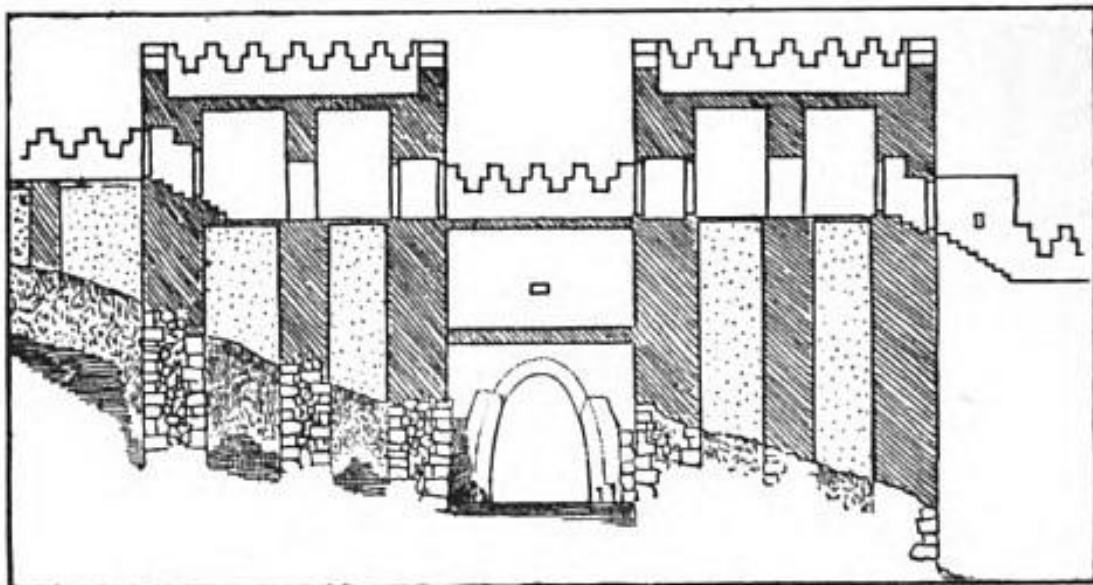

РИС. 54.

ПРОДОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ НИЖНИХ ЗАПАДНЫХ ВОРОТ В ХАТТИ.

Схема, основанная на предположительной реставрации, указывает на массивность конструкции ворот и на то, как они и стена были приспособлены к возвышенности. Проход вдоль крепостных стен должен был проходить через башни.

(После Пухштейна.)

Только во времена правления Мурсила, младшего сына Шуббилулиумы, Хеттская империя вступила в вооруженный конфликт с Египтом. Смена династии в последней стране и восстановление ее старой религии укрепили правительство, что привело к возобновлению попыток вернуть утраченные территории. В первый раз хетты были разбиты Сети I. на севере Сирии, и Египет вновь занял Финикию и Ханаан. Позже, вероятно, при Муталле, сын Мурсила, Рамсес II попытался вернуть Северную Сирию. В битве при Кадеше на Оронте ему удалось разбить хеттскую армию, хотя обе стороны понесли большие потери, а сам Рамсес на ранней стадии сражения оказался под угрозой пленения. Эпизоды этой битвы до сих пор можно увидеть в рельефе на стенах храмов в Луксоре, Карнаке и Абидосе.[37]

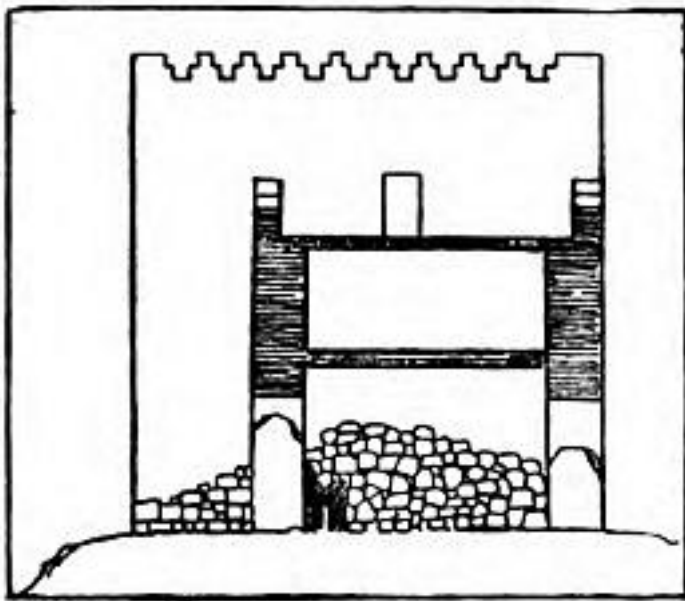

РИС. 55.

ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ НИЖНИХ ЗАПАДНЫХ ВОРОТ В ХАТТИ.

Внешний выступ каждой фланкирующей башни за пределы стены указан на схеме.

(По Пухштейну.)

Война с Египтом продолжалась с переменным успехом, хотя несомненно, что хетты в конце концов добились успеха на севере. Но в правление Хаттусила, брата Муталлу, обе стороны устали от конфликта, и был составлен тщательно продуманный договор о мире и союзе. Этот договор, выгравированный на серебряной скрижали, был доставлен послом в Египет и представлен Рамсесу. Содержание договора давно известно из египетского текста, выгравированного на стенах храма в Карнаке; а среди табличек, найденных в Богаз-Кеуи, была разбитая копия оригинальной хеттской версии,^[38] составленная клинописью и на вавилонском языке, языке дипломатии того периода. Хаттусил также поддерживал дружеские отношения с вавилонским двором и сообщал вавилонскому царю о своем договоре с царем Египта. Из копии письма, найденной в Богаз-Кеуи, ясно, что вавилонский царь слышал об этом договоре и написал письмо, чтобы узнать о нем. Хаттусил отвечает, что между ним и царем Египта сложились дружеские отношения и был заключен союз: "Мы - братья, и против врага мы будем сражаться вместе, а с другом будем поддерживать дружбу".^[39] А его следующее замечание позволяет нам идентифицировать его касситского корреспондента, поскольку он добавляет: "И когда царь Египта [ранее] напал на [Хатти], тогда я написал, чтобы сообщить твоему отцу Кадашман-тургу". Таким образом, Хаттусил был современником двух касситских царей, Кадашман-тургу и Кадашман-Энлиля II, двадцать четвертого и двадцать пятого правителей династии.

Другой раздел этого письма представляет значительный интерес, поскольку показывает, что попытка Хаттусила вмешаться в вавилонскую политику вызвала недовольство и привела к временной размолвке между двумя странами. Хаттусил старается уверить Кадашман-Энлиля в бескорыстности своих побуждений, объясняя, что его действия были продиктованы исключительно интересами самого касситского царя. Эпизод произошел после смерти Кадашман-тургу, и, согласно рассказу Хаттусила, он сразу же написал в Вавилон, чтобы сообщить, что, если преемственность Кадашман-Энлиля, который тогда был еще мальчиком, не будет признана, он разорвет союз, который заключил с покойным царем, отцом

Кадашман-Энлиля. Главный министр Вавилонии Итти-Мардук-балату обиделся на тон письма и ответил, что хеттский царь писал не в тоне братства, а отдавал приказы так, словно вавилоняне были его вассалами. В результате дипломатические переговоры были прерваны во время малолетства молодого царя, но теперь он достиг совершеннолетия и взял управление делами из рук своего министра в свои руки. Длинное сообщение от Хаттусила, должно быть, было написано вскоре после возобновления дипломатических отношений.

Дав объяснения своим нынешним отношениям с Египтом и прекращению переговоров с Вавилоном, Хаттусил переходит к вопросам, которые, несомненно, послужили поводом для его письма. Некоторые вавилонские купцы, направлявшиеся с караваном в Амурру и Угарит, город в Северной Финикии, были убиты, и, поскольку ответственность лежала на Хеттской империи в качестве сюзерена, Кудашман-Энлиль, очевидно, обратился к Хаттусилу с требованием выдать виновных родственникам убитых. Это упоминание представляет интерес, поскольку дает еще одно доказательство коммерческой деятельности Вавилона на Западе и показывает, как после того, как Египет потерял контроль над Северной Сирией, касситские правители обратились к новому сюзерену, чтобы обеспечить защиту своим караванам.

У нас есть доказательства того, что такие дипломатические действия были весьма эффективными, поскольку не только вавилонский язык и система письменности проникли в Западную Азию, но и ее уважение к закону и законодательные методы сопровождали их, во всяком случае, в пределах хеттской области. Это хорошо видно на примере одного из последних разделов этого замечательного письма, в котором рассматривается жалоба вавилонского царя на действия аморейского князя Банти-Шинни. Аморит, обвиненный Хаттусилом в том, что он "смутил землю" Кадашман-Энлиля, в ответ выдвинул встречный иск на тридцать талантов серебра против жителей Аккада. Изложив этот факт, Хаттусил продолжает свое письмо: "Теперь, поскольку Банти-Шинни стал моим вассалом, пусть мой брат предъявит ему иск; а что касается беспокойства земли моего брата, то он должен защищаться перед богом^[40] в присутствии твоего посла, Адад-шар-илани. А если брат мой не будет вести дело (сам), то пусть придет раб твой, который слышал, что Банти-Шинни беспокоит землю брата моего, и он поведет дело. Тогда я вызову Банти-Шинни для ответа на обвинение. Он - мой вассал. Если он притесняет моего брата, то не притесняет ли он и меня?"^[41]

РИС. 56.

ОДНА ИЗ ДВУХ СВЯЩЕННЫХ ЛОДОК ХОНСУ, ЕГИПЕТСКОГО БОГА ЛУНЫ, КОТОРЫЙ ОТПРАВИЛСЯ В КАППАДОКИЮ, ЧТОБЫ ИЗГНАТЬ ДЬЯВОЛА ИЗ ХЕТТСКОЙ ПРИНЦЕССЫ.

Жрец возносит благовония перед святилищем и священной лодкой, которую несут на плечах другие жрецы. В сопроводительной надписи на оригинальной стеле бог назван "Составителем планов в Фивах" и "Сокрушителем злых духов".

(По Розеллини.)

Возможно, хеттская дипломатия использует здесь вавилонское уважение к закону, чтобы найти выход из сложной ситуации; но само предложение такого судебного процесса доказывает, что обычный метод разрешения международных споров незначительного характера был создан по образцу внутренней законодательной системы Вавилона. Очевидно, что хетт стремился предотвратить напряженные отношения с Вавилоном, поскольку далее он призывает Кадашман-Энлиля напасть на общего врага, которого он не называет. Вероятно, это была Ассирия, чья растущая мощь стала угрозой для обоих государств и заставила их объединиться для взаимной поддержки.

РИС. 57.

РАМЕЗЕС II. ВОЗЛИЯНИЕ БЛАГОВОНИЙ ОДНОЙ ИЗ ЛОДОК ХОНСУ ПЕРЕД ТЕМ, КАК ОН ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ.

Священную лодку Хонсу здесь несет большая свита жрецов в присутствии царя, который не сопровождал бога в его путешествии.

(По Розеллини.)

Из рассказа об этом длинном документе можно сделать вывод о характере царской переписки, обнаруженной в Богаз-Кеуи. В некоторых отношениях она очень похожа на переписку из Телль-эль-Амарны, но представляет собой приятный контраст благодаря полному отсутствию этих плаксивых просьб о золоте и подарках, которые так часто встречаются в более ранних документах. Египетская политика дотаций и подкупов выявила худшие стороны восточного характера. Хетт не верил в подачки, да и в любом случае у него их не было; как следствие, его переписка в значительной степени ограничивается вопросами государства и высокой политики и демонстрирует гораздо большее достоинство и самоуважение. И это в равной степени, насколько мы можем судить, относится к связям с Египтом, который оправился от временного упадка. Можно не сомневаться, что царские хеттские письма, когда они будут опубликованы, позволят нам проследить политические движения этого периода в еще больших деталях.

Можно упомянуть еще об одном деянии Хаттусила, поскольку оно иллюстрирует в религиозной сфере происходившее разрушение международных барьеров. Через несколько лет после заключения великого договора Хаттусил привез свою дочь в Египет, где она была с большой помпой и церемонией выдана замуж за Рамсеса. Между двумя царскими семьями продолжала существовать тесная дружба, и когда Бентреш, его невестка, заболела в Хатти и, как считалось, была неизлечимо одержима дьяволом, Рамсес поспешил послать своего врача, чтобы вылечить ее.^[42] Но его усилия оказались бесплодными, и фараон отправил в Каппадокию священный образ египетского бога Луны Хонсу, чтобы тот исцелил ее. Бог прибыл в далекую столицу, и, пока он боролся со злым духом, говорят, что хеттский царь "стоял со своими воинами и очень боялся".^[43] Но Хонсу одержал победу, и дух с миром

удалился туда, откуда пришел, и там царило великое ликование. Этот эпизод образует интересную параллель с путешествием Иштар в Египет в царствование Аменхетепа III.

Несомненно, сын и внук Хаттусила, Дудхалия и Арнуанта, продолжали дружественную политику своего отца по отношению к Вавилону, у которого не было политических причин возмущаться вторжением египетского влияния в Хатти.^[44] Но Арнуанта - последний царь Хатти, чье имя удалось восстановить, и несомненно, что в следующем веке вторжение фригийцев и мушков в Анатолию положило конец хеттской власти в Каппадокии. Хеттов потеснили на юг через перевалы, и они продолжали оказывать ослабленное политическое влияние в Северной Сирии. Тем временем Ассирия извлекала выгоду из их падения и исчезновения на севере. Она уже расширилась за счет Митанни, и теперь, когда эта вторая преграда была устранена, баланс сил в Западной Азии перестал поддерживаться. История Вавилона с этого времени во многом определяется его отношениями с Северным царством. Даже во времена поздних хеттских царей она не смогла защитить свою границу от посягательств ассирийцев, а сама столица вскоре пала. Мы можем проследить ход этих событий в некоторых деталях, поскольку, начиная с правления Кара-индаша I., самого раннего из корреспондентов Амен-хетепа III.^[45], наши источники информации пополнились так называемой "Синхронистической историей" Ассирии и Вавилонии,^[46] которая содержит ряд кратких заметок об отношениях, поддерживаемых между этими двумя странами.

ХЕТТСКАЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ

По рисунку Хогарта, Кархемиш, пл. В, 6.

За долгий период между Агум-Какримом[47] и Кара-индашем сохранились имена только трех касситских правителей. Из кудурру,[48] или юридического документа, времен правления

Кадашман-Энлиля I. мы узнаем о двух более ранних касситских царях, Кадашман-Харбе и его сыне Куригалзу,[49] и возможно, что сын последнего, Мели-Шипак, сменил своего отца на троне.[50] Мы ничего не знаем об отношениях Вавилона с Ассирией в это время, и наш первый взгляд на их долгую борьбу за господство относится к правлению Кара-индаша, который, как записано, заключил дружеское соглашение с Ашшур-рим-нишешу в отношении их общей границы.[51] То, что такое соглашение было составлено, само по себе свидетельствует о трениях, и неудивительно, что примерно через поколение Бурна-Буриаш, корреспондент Амен-Хетеп III, счел нужным заключить аналогичный договор с Пузур-Ашуром, современным ассирийским царем.[52] Мы можем рассматривать эти соглашения как начало первого этапа в последующих отношениях Вавилона с Ассирией, который завершается дружественными соглашениями подобного характера во времена Четвертой вавилонской династии. В течение примерно трех столетий дружеские отношения постоянно прерывались вооруженными конфликтами, которые, как правило, приводили к исправлению границы в ущерб Вавилону. Лишь в одном случае она одержала победу в сражении, и дважды за этот период была взята сама столица. Но Ассирия еще не была достаточно сильна, чтобы доминировать над южным царством в течение длительного времени, и к концу периода Вавилон все еще можно считать занимающим большую часть своей прежней территории, но с сильно упавшим престижем.

Чтобы понять мотивы, побуждавшие Ассирию время от времени вмешиваться в вавилонскую политику и предпринимать спазматические попытки экспансии на юг, необходимо проследить ее собственную историю и обратить внимание на то, как ее амбиции в других областях отражались на ее политике на юге. Поскольку это было бы неуместно в настоящем томе, достаточно кратко изложить события, затронувшие Вавилон. Дружеское отношение Пузур-Ашура к Бурна-Буриашу поддерживал более могущественный ассирийский царь Ашшур-убаллит, который закрепил союз между двумя странами, отдав Бурна-Буриашу в жены свою дочь Мубаллитат-Шеруа. После смерти Бурна-Буриаша на престол взошел его сын Кара-индаш II, внук Ашшур-убаллита, и, вероятно, из-за его ассирийских симпатий касситская партия в Вавилоне подняла восстание, убила его и поставила на его место Нази-бугаша. Ашшур-убаллит вторгся в Вавилонию и, отомстив Нази-бугашу, посадил на трон Куригалзу III, другого сына Бурна-Буриаша.[53] Но юный Куригалзу не оправдал надежд своих ассирийских родственников, так как после смерти Ашшур-убаллита выступил против Ассирии,[54] и был разбит при Сугаги на Забзаллате Энлиль-нирари, которому был вынужден уступить территорию. Дальнейшее расширение ассирийской территории было обеспечено Адад-нирари I., когда он разбил сына и преемника Куригалзу, Нази-марутташа, при Каре-Иштаре в пограничном районе Аккарсаллу.[55] Из переписки Богаз Кеуи мы уже видели, как в это время Хеттская империя и Вавилон были сближены страхом перед общим врагом, несомненно, в результате агрессивной политики Шалманесера I. Мы не знаем, последовал ли Кадашман-Энлиль II. побуждениям Хаттусила, и только в правление Каштиляша II.[56] мы имеем сведения о новых конфликтах. Именно тогда Вавилон потерпел первое серьезное бедствие от рук ассирийцев. До этого времени мы видели, что два ассирийских царя разгромили вавилонские армии и добились уступки территории в результате своих побед. Тукульти-Ниниб I. лишь следовал по их стопам, когда в свою очередь победил Каштиляша. Но его достижения отличались от их, поскольку ему удалось захватить сам Вавилон, депортировать вавилонского царя, и, вместо того чтобы просто приобрести новую полосу территории, он покорил Кардуниаш[57] и управлял им как провинцией своего царства до самой смерти.[58] За восстаниями, завершившими правление и жизнь Тукульти-Ниниба[59], вскоре последовала единственная успешная кампания Вавилона против Ассирии.

Адад-шум-усур, обязанный своим тронным восстанием касситской знати против ассирийского господства, на некоторое время восстановил состояние своей страны. Он победил и убил в битве Энлиля-кудур-усура, а когда ассирийцы отступили, он последовал за ними и сразился с Ашшуром. Это успешное восстановление вавилонской инициативы было продолжено его прямыми потомками Мели-Шипаком II и Мардук-аплу-иддиной, или Меродах-баладаном I; восстановленные кудурру-письма их правления пролили интересный свет на внутренние условия страны в поздний касситский период. Но Ассирия вновь заявила о себе при Ашшурдане I, который победил Замама-шум-иддина и сумел вернуть себе утраченные пограничные провинции.[60] Касситская династия недолго пережила это поражение, хотя получила смертельный удар с другой стороны. Шутрук-Наххунте, эламский царь, вторгся в Вавилонию, победил и убил Замама-шум-иддина, а затем, при поддержке сына Кутир-Наххунте, разграбил Сиппар и увез в Элам много трофеев. Имя последнего касситского правителя, правившего всего три года, в Списке царей выбито, но возможно, что мы можем восстановить его как Белнадин-ахи,[61] которого Навуходоносор I. упоминает после вторжения, стоившего жизни Замама-шум-иддину. Независимо от того, примем мы эту идентификацию или нет, мы, безусловно, можем связать падение династии Касситов с агрессией со стороны Элама, подобной той, что так часто меняла ход вавилонской политики.

Помимо табличек касситского периода, обнаруженных в Ниппуре,[62], наш основной источник информации об экономических условиях в Вавилонии в это время можно найти в надписях кудурру, или межевых камнях, на которые уже делались ссылки.[63] Слово "кудурру" можно достаточно точно перевести как "межевой камень", поскольку тексты выгравированы на конических блоках или каменных глыбах; не вызывает сомнений, что многие из ранних камней были установлены на территории земельных владений, границы и владения которых они должны были определять и отмечать. Даже в те времена, когда сам камень перестал использоваться для обозначения границ и хранился в доме владельца или в храме его бога как грамота или титул, к которому он мог обратиться в случае необходимости, текст сохранил свои старые формулы, определяющие границы и ориентацию участка земли, к которому он относился. Важность этих записей велика не только с юридической и религиозной, но и с исторической точки зрения. Помимо упоминаний о вавилонских царях и исторических событиях, которые они содержат, во многих случаях они являются единственными дошедшими до нас документами их периода. Таким образом, они служат для преодоления разрыва в наших знаниях о цивилизации Евфрата между касситской эпохой и эпохой неовавилонских царей; и, иллюстрируя развитие, которое постепенно происходило в вавилонском законодательстве и обычаях, они доказывают непрерывность культуры во времена больших политических перемен.[64]

Кудурру, или межевой камень, возник при касситских царях, и, хотя сначала он фиксировал или подтверждал царское пожалование земли важному чиновнику или слуге царя, его целью, несомненно, было поставить вновь приобретенные права владельца под защиту богов. Серия проклятий, регулярно прилагаемых к юридической записи, была направлена против любого вмешательства в права владельца, которые также находились под защитой ряда божеств, чьи символы были выгравированы на пустых местах камня. Высказывалось предположение, что идея передачи собственности под божественную защиту не была полностью нововведением касситов. Действительно, фундаментные конусы ранних шумерских *patesi Entemena* вполне могли заканчиваться сложными проклятиями, призванными уберечь пограничный ров от нарушения.[65] Но и сами конусы, и стела, с которой они были скопированы, предназначались для защиты государственной границы, а не границ частной собственности. Ворота-розетки также рассматриваются как близкие к пограничным камням, на том основании, что порог храма может считаться его границей.[66]

Но основным назначением привратного гнезда была поддержка храмовых ворот, а его видное место и долговечность материала, несомненно, предполагали его использование в качестве подходящего места для памятной надписи. Особенность пограничного камня в том, что он, как проклятие и скульптурная эмблема, призывает божественную защиту частной собственности и прав частных лиц.

В эпоху Хаммурапи у нас нет свидетельств подобной практики, а обелиск Маништусу,^[67] гораздо более раннего семитского царя Аккада, на котором записаны его обширные покупки земли в Северной Вавилонии, не имеет защиты в виде проклятий или символов богов. Таким образом, можно с большой долей вероятности предположить, что обычай защищать частную собственность подобным образом возник в те времена, когда власть закона была недостаточно сильна, чтобы гарантировать уважение к собственности частных лиц.^[68] В частности, это относилось к пожалованиям земли привилегированным чиновникам, поселившимся среди враждебного населения, особенно если касситский царь не платил за имущество должным образом. Беспорядок и неразбериха, последовавшие за падением Первой династии, должны были возобновиться во время завоевания страны касситами, а отсутствие чувства общественной безопасности объясняет всеобщее принятие такой практики, как передача земли в частное владение под защиту богов.

Использование каменных стел для этой цели вполне могло быть предложено касситским обычаям; ведь в горах Западной Персии, где недавно жили касситские племена до завоевания ими равнины реки, камни, вероятно, использовались для обозначения границ полей, и на них вполне могли быть нанесены короткие надписи с именем и титулом владельца.^[69] Использование проклятий для обеспечения божественной защиты, несомненно, имело вавилонское, а в конечном итоге и шумерское происхождение, но идея размещения символов богов на камне, вероятно, была касситской.^[70] Более того, кудурру не был первоначальным документом, фиксирующим приобретение земли, к которой он относится. Как и в более ранние вавилонские периоды, для этой цели продолжали использовать глиняные таблички, на которых ставился оттиск царской печати как доказательство санкции и власти царя. Текст таблички, как правило, со списком свидетелей, позже переписывался гравером на камне, и к нему добавлялись проклятия и символы.^[71]

Межевой камень иногда использовался в память о подтверждении права собственности, и, подобно многим современным юридическим документам, он отражал предыдущую историю владений в течение длительного периода, охватывающего несколько царствований. Но большинство найденных камней посвящены первоначальным пожалованиям земли, сделанным королем своему родственнику или одному из своих приверженцев в обмен на какую-то особую услугу. Возможно, самой лучшей из этих хартий является та, в которой Мели-Шипак дарует определенную собственность в Би-пир-шаду-рабу, недалеко от старого города Аккад или Агаде и касситского города Дур-Куригалзу, своему сыну Меродах-баладану I., который впоследствии сменил его на троне.^[72] После указания размеров и расположения владений, а также имен высокопоставленных чиновников, которым было поручено провести межевание, в тексте определяются привилегии, дарованные Меродах-баладану вместе с землей. Поскольку некоторые из них проливают свет на систему землевладения в касситский период, их можно кратко суммировать.

КАССИТСКИЕ МЕЖЕВЫЕ КАМНИ, УСТАНОВЛЕННЫЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ МЕЛИ-ШИПАКА И НАЗИ-МАРУТТАША.

После Délég. en Perse, Mém. I, pl. XVI et XIV

Царь, передавая владение землей своему сыну, освободил ее от всех налогов и десятин и запретил перемещать ее рвы, пределы и границы. Он также освободил ее от *корвея* и постановил, что никто из жителей поместья не должен привлекаться к участию в бригадах, собираемых в его округе для общественных работ, для предотвращения наводнений или для ремонта королевского канала, часть которого поддерживалась в рабочем состоянии соседними деревнями Бо-Сиккамиду и Дами-Адад. Они не подлежали принудительному труду ни на шлюзах канала, ни на строительстве плотин, ни на рытье дна канала. Ни один земледelec, нанятый или принадлежащий к имению, не мог быть реквизирован местным правителем даже на основании королевской власти. Нельзя было взимать налог с дерева, травы, соломы, кукурузы или любого другого урожая, с повозок и телег, с ослов или слуг. Никто не должен был пользоваться оросительной канавой своего сына, и даже во время засухи не должно было взиматься никаких поборов за подачу воды. Никто не должен был косить траву на его пастбище без его разрешения, и ни один зверь, принадлежащий королю или губернатору, который мог быть приписан к округу, не должен был перегоняться или пастись в поместье. И, наконец, он был освобожден от всякой обязанности строить дорогу или мост для общественного удобства, даже если король или губернатор отдаст соответствующий приказ.

Из этих правил видно, что владелец земли в Вавилонии при поздних касситских царях, если ему не было предоставлено специальное освобождение, был обязан предоставлять принудительный труд для общественных работ как государству, так и своему округу; он должен был предоставлять пастбища и выгоны для отар и стад царя и правителя, а также платить различные налоги и десятины на землю, воду для орошения и урожай. Мы уже

отмечали преобладание подобных обычаев при Первой династии[73], и очевидно, что последовательные завоевания, которым подвергалась страна, и господство в ней иноземной расы не оказали заметного влияния ни на жизнь и обычаи народа, ни даже на общий характер административной системы.

На один вопрос межевые камни бросают дополнительный свет, которого не хватает в период Первой династии, и это старая вавилонская система землевладения. Они свидетельствуют о том, что земли, которые составляли предмет царских пожалований в касситский период, в целом были собственностью местного *bîtu*, или племени.[74] В некоторых случаях царь фактически выкупал землю у *биту*, в чьем округе она находилась, а когда за это не давали денег, мы должны просто предположить, что она была реквизирована царской властью. Примитивная система племенной или коллективной собственности, о которой свидетельствует обелиск Маништусу,[75], несомненно, сохранилась и в касситский период, когда она сосуществовала с системой частной собственности, как это, несомненно, было во времена западносемитских царей. Зачастую *bîtu* занимало обширную территорию, разделенную на отдельные районы или группы деревень. У него был свой глава, *bêl bîti*, и своя группа местных чиновников, которые совершенно отличались от официальных и военных слуг государства. Фактически, сельскохозяйственная жизнь Вавилонии в ранние периоды должна была иметь много точек аналогии с такими примерами коллективного владения, которые можно увидеть в деревенских общинах Индии в настоящее время. Как последняя система пережила политические изменения и революции многих веков, так и племенное землевладение в Вавилонии, вероятно, медленно приходило в упадок.

Главным фактором ее распада, несомненно, стала политика, проводимая западносемитскими и касситскими завоевателями, по расселению своих собственных офицеров и более влиятельных приверженцев по поместьям по всей стране. Таким образом, оба эти периода представляют собой переходное время, в течение которого старая система землевладения постепенно уступала место политике частной собственности, которая по чисто политическим причинам так сильно поощрялась короной. Нет никаких сомнений в том, что при западносемитских царях, во всяком случае, начиная со времен Хаммурапи, к политике конфискации прибегали редко. И даже ранние правители этой династии, поскольку они принадлежали к той же расовой группе, что и большая часть их новых подданных, были более склонны уважать племенные институты, которые могли найти параллель в их родной стране. Касситы, с другой стороны, не имели таких расовых ассоциаций, которые могли бы их сдерживать, и очень важно, что именно сейчас впервые появились кудурры с их угрожающими эмблемами божества и проклятиями. Сначала они использовались для защиты прав частного владения, часто основанного на неправомерных требованиях царя, а затем были сохранены для передачи земельной собственности путем покупки. В неовавилонский период, когда межевые камни фиксировали длинные серии покупок, с помощью которых создавались крупные земельные владения, проклятия и символы стали в значительной степени обычным наследием.

Но этот период был еще далек, а превратности, через которые предстояло пройти стране, не способствовали надежности владения, независимо от того, находилась ли собственность в частном или коллективном владении. Мы видели, что уже в тринадцатом веке Ассирии удалось захватить и разграбить Вавилон, и, согласно одной из традиций, она правила городом в течение семи лет. Вскоре она возобновила свои попытки подчинить южное царство, но именно Элам, еще более древний враг Вавилона, положил конец долгой и ничем не примечательной династии касситов.

[1] Доказательством того, что арии были коневодами, могут служить многочисленные иранские имена собственные, включающие в себя *asva* (*aspa*), "лошадь", как компонент; см. Justi, "Iran. Namenbuch", p. 486, и ср. Meyer, "Geschichte", I., ii., p. 579.

[2] Именно в тексте этого периода мы находим первое упоминание о лошади в древности; см. Унгнад, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 638 f., и King, "Journ. of Hellenic Studies", XXXIII., p. 359. Упоминание о нем также встречается в письме раннеавиловского периода (ср. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", IV., pl. 1), но, судя по написанию, это, вероятно, более позднее время, чем время Хаммурапи. Именно сразу после касситского периода мы имеем свидетельства принятия лошади в качестве божественного символа, несомненно, божества, введенного касситами; см. табличку XXII, напротив с. 254.

[3] Некоторые таблички Первой династии фиксируют выдачу пайков некоторым касситам, которые, очевидно, были наняты в качестве рабочих, вероятно, для сбора урожая (ср. Ungnad, "Beitr. zur Assyrl.", VI, No. 5. p. 22); а в списке собственных имен того же периода (см. "Кун. тексты", VI., pl. 23) касситский мужчина, (*awîl*) šâbum *Kashshû*, носит имя Warad-Ibari, возможно, семитский перевод исконного касситского имени.

[4] Ср. Ингнад, "Вордерас. Schriftdenkmäler", VII., pl. 27, No. 64.

[5] См. выше, p. 195 f.

[6] Ср. Winckler, "Untersuchungen", p. 156, No. 6.

[7] Ср. "Хроники", II., p. 22 f. Обсуждение того, как мы можем согласовать рассказ летописца о завоевании касситами Страны моря с известной последовательностью ранних касситских царей Вавилона, см. указ. соч., I., pp. 101 ff., и ср. Thureau-Dangin, "Journal des Savants." Nouv. Sér., VI., № 4, pp. 100 ff., и "Zeits. für Assyrl.", XXI., pp. 170 ff. Установленная генеалогия Агума-Какрима не позволяет отождествить Агума из хроники, который был сыном Каштилиаша Кассита, ни с одним из касситских царей Вавилона, носивших это имя. Он мог только совершать набеги или править в Стране моря, вероятно, в то время, когда его старший брат Ушши (или, возможно, другой его брат, Аби-ратташ) был царем в Вавилоне.

[8] Агум-какриме описывает Каштилиаша как *aplu*, вероятно, "наследника", а не *mâru*, "сына", Агума I (см. Thureau-Dangin, "Journ. Asiat.", XI., 1908, p. 133 f.).

[9] См. Weissbach, "Babylonische Miscellen", p. 7, pl. 1, No. 3.

[10] Ср. "Хроники", II., с. 24.

[11] См. выше, с. 210. Из его титулов следует, что он управлял Паданом, Алманом, Гутиумом и Ашнуннаком в качестве подвластных провинций; см. Йенсен в "Keilins. Bibl.", III., i., p. 130 f.

[12] То есть "Слава Диска", в честь его нового культа. Подробные истории этого периода см. в Budge, "History of Egypt." Vol. V., pp. 90 и далее; Breasted, "History of Egypt", pp. 322 и далее, и Hall, "Ancient History of the Near East", pp. 297 и далее.

[13] Тексты см. в Budge и Bezold, "The Tell el-Amarna Tablets in the British Museum" (1892), и Winckler, "Der Thontafelfund von El Amarna" (1889-90); а переводы см. в Winckler. "Die Thontafeln von Tell el-Amarna" в Schrader's "Keilins. Bibl.", Bd. V.. Engl. ed. 1890, и Knudtzon's "Die El-Amarna Tafeln" в "Vorderasiatische Bibliothek", 1907-12, с приложением Вебера, аннотирующим и обсуждающим содержание писем.

[14] Предварительный отчет Винклера о документах в "Mitteil. d. Deutsch. Orient-Gesellschaft", № 35, декабрь 1907 г., до сих пор является единственной публикацией, посвященной лингвистическому материалу. Топографические и частично археологические результаты раскопок уже опубликованы; см. Puchstein, "Boghasköi", 1912.

[15] Среди царских писем из Телль-эль-Амарны есть одиннадцать, которые непосредственно касаются Вавилона. Два из них являются черновиками или копиями писем, которые Аменхетеп III отправил Кадашман-Энлилю из Вавилона (см. Кундтзон, указ. соч., с. 60 и далее, 74 и далее); три - письма, полученные Аменхетепом III от того же корреспондента (указ. соч., с. 66 и далее, 68 и далее), pp. 66 ff., 68 ff., 72 ff.); пять - письма, написанные Бурна-Буриашем из Вавилона Аменхетепу IV. или Ахенатену (*op. cit.*, pp. 78 ff.); и одно - письмо Бурна-Буриаша, которое, возможно, было адресовано Аменхетепу III. (*op. cit.*, 78 f.). Мы также располагаем письмом вавилонской принцессы своему повелителю в Египте по чисто бытовому вопросу (*op. cit.*, pp. 118 ff.), а также длинными списками подарков, которые передавались между Ахенатеном и Бурна-Буриашем (*op. cit.*, pp. 100 ff.); одно из писем, похоже, является вавилонским паспортом для использования в Ханаане (см. ниже, [p. 225](#), п. 3). Таким образом, письма относятся к правлению двух касситских правителей, Кадашман-Энлиля I и Бурна-Буриаша, но из одного из писем Бурна-Буриаша к Ахенатену мы узнаем, что Амен-Хетеп III переписывался с еще более ранним вавилонским царем, Кара-Индашем I.; ведь письмо начинается с заверения фараона, что "со времен Кара-индаша, когда их отцы начали переписываться друг с другом, они всегда были хорошими друзьями" (см. Knudtzon, *op. cit.*, стр. 90 и далее). До нас не дошло ни одного письма Куригалзу, отца Бурна-Буриаша, хотя Амен-хетеп III поддерживал с ним дружеские отношения (см. ниже, [с. 224](#)). В письме Амен-хитепа III к Кадашману-Энлилю также упоминается переписка между двумя странами во времена отца Амен-хитепа III, Тотмеса IV (*op. cit.*, p. 64 f.).

[16] Вавилонский царь выражает готовность принять любую красивую египтянку, поскольку никто не будет знать, что она не царская дочь (*op. cit.*, p. 72 f.). Амен-хетеп III женился на сестре Кадашман-Энлиля, хотя вавилонский двор был недоволен обращением с этой дамой в Египте (*op. cit.*, p. 60 f.).

[17] *Op. cit.*, pp. 178 и далее.

[18] См. ниже, с. 240.

[19] Cp. Breasted, "Hist. of Egypt", p. 367 f.

[20] См. Knudtzon, *op. cit.*, p. 128 f.

[21] *Op. cit.*, p. 88 f.

[22] Knudtzon, *op. cit.*, pp. 88 ff.

[23] См. ниже, с. 241.

[24] Cp. Knudtzon, *op. cit.*, p. 84 f.

[25] Это был ханаанский город, построенный Ахенатеном и названный им Ахетатеном в честь солнечного диска.

[26] *Op. cit.*, p. 86 f. Интересное маленькое письмо, адресованное "царям Ханаана, слугам моего брата", было, очевидно, паспортом, который вез Акия, посол, которого вавилонский царь отправил соболезновать царю Египта, вероятно, по поводу смерти его отца Амен-Хетепа

III. В нем царь пишет: "Пусть никто не задерживает его; пусть поскорее доставят его в Египет" (см. указ. соч., с. 268 и далее).

[27] Мы не рассматриваем здесь этот аспект писем, поскольку Вавилон имел лишь отдаленный интерес к внутренней политике Ханаана. Ее деятельность на западе в это время была в основном торговой, а влияние ее цивилизации на Палестину рассматривается в одной из последующих глав (см. ниже, с. 289 и далее). Более подробно письма будут рассмотрены в третьем томе этой истории, когда будет прослеживаться постепенная экспансия Ассирии на запад и силы, которые отсрочили ее неизбежный конфликт с Египтом.

[28] См. рис. 47 и 48. Рельеф был найден М. Легрейн в Карнаке; см. Meyer, "Reich und Kultur der Chetiter", pl. i. Надпись на рис. 47 обозначает послов как "мариан из Нахараина (т.е. Северной Сирии)". Термин "мариан" - это арийское слово, означающее "юноши, воины", несомненно заимствованное у правящей династии Митанни (см. ниже, п. 2). На рис. 48 - конец списка хеттских городов, включая [Кар]химиш и Аруну, последний, вероятно, в Малой Азии.

[29] См. рис. 49 и 50.

[30] Митаннийцы, вероятно, были сродни им, хотя в XV веке в них господствовала династия индоевропейского происхождения, носившая арийские имена и поклонявшаяся арийским богам Митре и Варуне, Индре и близнецам Насатьям (см. Winckler, "Mitteil. d. Deutsch. Orient-Gesellschaft", № 35, p. 51, и Meyer, *op. cit.*, p. 57 f.). Несмотря на попытку Шефтеловица доказать, что митаннийская речь арийская (см. "Zeits. f. vergl. Sprachf.", xxxviii., pp. 260 ff.), Блумфилд показал, что она совершенно не индоевропейская по характеру; см. "Amer. Journ. of Philol.", xxv., pp. 4 ff., и ср. Meyer, "Zeits. f. vergl. Sprachf.", xlii., 21, и Кинг, "Journ. for Hellen. Stud.", xxxiii., p. 359.

[31] Хатти вполне мог быть важным центром с самого раннего периода, и в пользу этого мнения говорит использование названия "хетты" поздним хронистом при описании конфликтов Первой вавилонской династии: см. выше, [п. 210](#), п. 2.

[32] Это следует из письма Амен-хетепа на языке арзава, найденного в Телль-эль-Амарне; см. Knudtzon, "Die el-Amarna Tafeln", pp. 270 ff., No. 31.

[33] Часть деревни построена над продолжением внешних крепостных стен на северо-западе.

[34] Сейчас она известна как Бюк-Кале. Отчет о раскопках см. в Puchstein, "Boghasköi: die Bauwerke" (1912); а лучшее раннее описание этого места см. в Garstang, "Land of the Hittites", pp. 196 ff.

[35] В Львином проходе в Хатти на лицевой стороне каждого монолита высечено изображение льва, обращенного к любому, кто приближается к входу извне (см. Puchstein, "Boghasköi", pi. 23 f.). Рельефная фигура на внутренней стороне Царских ворот (см. [с. 229](#), [рис. 51](#)) сохраняет интересную особенность лучших хеттских работ - необычное сочетание мельчайшего украшения поверхности с большой смелостью замысла. Штриховка и завитки на одежде лишь грубо обозначены на маленьком рисунке, остальные детали опущены. Например, волосы на груди фигуры, которые, несомненно, считаются признаком силы и мужественности, условно переданы серией мелких перекрывающих друг друга завитков, которые образуют пелену, прорисованную острием. Такой рисунок можно обнаружить только на оригинальном камне или на фотографии большого размера, например, воспроизведенной Puchstein, *op. cit.*, pl. 19. Королевские ворота находятся в юго-восточном

углу города, рядом с дворцом и небольшими храмами. Большой храм, безусловно, самое крупное здание на этом участке, находится на нижней площадке к северу.

[36] Ср. Винклер, "Mitteil. d. Deutsch. Orient-Gesellschaft", № 35, p. 36.

[37] Катастрофическое начало битвы во многом объясняется излишней самоуверенностью Рамсеса и его полным просчетом сил и ресурсов противника; ведь египтяне еще никогда не встречались с таким сильным врагом, каким оказались хетты. С помощью рельефов можно проследить тактику противоборствующих армий в некоторых деталях. Сопроводительные надписи очень фрагментарны, но их дополняет исторический рассказ о битве, а также поэма в честь доблести Рамсеса, сохранившаяся на папирусе в Британском музее. Подробный рассказ о битве, иллюстрированный планами и сопровождаемый переводами текстов, см. в Breasted, "Ancient Records of Egypt", Vol. 111., pp. 123 ff.; ср. также Budge, "History", Vol. V., pp. 20 ff., и Hall, "Near East", p. 360 f.

[38] Ср. Winckler, *op. cit.*, p. 20 f.

[39] *Op. cit.*, p. 23 f.

[40] То есть под присягой, в соответствии с обычной вавилонской практикой.

[41] Winckler, *op. cit.*, p. 24.

[42] Это не единственный случай, когда мы слышим о посылке врачей из одной иностранной страны в другую в этот период. Естественно, их поставляли Египет и Вавилон, как два великих центра науки и образования. Так, Хаттусил упоминает о враче (*асу*) и экзорцисте (*ашиплу*), которые ранее были посланы из Вавилона к хеттскому царю Муталле, но не вернулись. Кадашман-Энлиль, очевидно, написал письмо, чтобы узнать о них, и Хаттусил отвечает, что экзорцист умер, но врач будет отправлен обратно; ср. Winckler, *op. cit.*, p. 26. Медицина в это время, конечно, была лишь ветвью магии, а *асу* - практикующим магом; см. выше, [с. 194](#).

[43] У нас нет ни одного современного упоминания о путешествии Ххонсу. Рассказ записан на стеле, хранящейся сейчас в Национальной библиотеке, которая была выгравирована и установлена в персидский или эллинский период жрецами Ххонсу в Фивах (см. Breasted, "Ancient Records", III., pp. 188 ff.). Во главе стелы находится рельеф, изображающий две священные лодки Ххонсу, которые несут на плечах жрецы (см. [с. 238](#) и далее, рис. 56 и далее).

[44] Свидетельством усиления египетского влияния может служить тот факт, что, судя по печатам на хеттском документе (см. Winckler, *op. cit.*, p. 29), Арнуанта, по-видимому, перенял египетский обычай жениться на своей сестре.

[45] См. выше, [с. 221](#).

[46] Ср. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", Pt. XXXIV. (1914), pl. 38 ff., и Шрадер, "Keilins. Bibl.", I., pp. 194 ff.; и ср. Budge and King, "Annals of the Kings of Assyria", pp. xxii. ff.

[47] См. выше, [с. 218](#).

[48] См. ниже, [с. 245](#) и далее.

[49] Куригалзу I. зафиксировал пожалование определенной земли, владение которой подтвердил Кадашман-Энлиль I., потомок прежнего владельца; см. King, "Babylonian Boundary Stones and Memorial Tablets in the British Museum", p. 3 f. Этот документ имеет большое значение, поскольку прочтение на нем имени Кадашман-Энлиля прояснило несколько моментов, связанных с мучительным вопросом о преемственности касситов.

[50] На булаве из красного мрамора, найденной в Вавилоне (см. Вайсбах, "Bab. Miscellen", стр. 2 и далее), начертаны его имя и имя его отца. Ни один из них не носит царского титула в тексте, но, поскольку в касситский период он иногда опускается, Мели-Шипак может условно считаться преемником Куригалзу I.; см. Thureau-Dangin, "Journ. Asiat.", XI. (1908), p. 119 f.

[51] Ср. "Анналы", p. xxii.

[52] *Op. cit.*, p. xxiii. В промежутке между Кара-индашем I. и Бурна-Буриашем следует выделить Кадашман-Энлиля I. и его сына, [...Bu]риаша (см. Hilprecht, "Old Bab. Inscr.", I., i., pl. 25, No. 68, и ср. Thureau-Dangin, *op. cit.*, pp. 122 ff.), а также Кургалзу II. отец Бурна-Буриаша (см. выше, pp. 221, 224).

[53] Ср. "Анналы", с. xxvii. Рассказ Синхронистической истории, безусловно, предпочтительнее, чем хроника 82-7-4, 38. Расхождения лучше всего объясняются предположением, что редактор последней спутал Куригалзу, юного сына Хурна-Буриаша, с Куригалзу I., сыном Кадашман-Харбе I., которому летописец приписывает успех в борьбе с суту (см. Thureau-Dangin, "Journ. Asiat.", XI., 1908, pp. 125 и далее, и ср. Knudtzon, "Die El-Amarna-Tafeln", p. 34, n. 2).

[54] Несомненно, он был воодушевлен успешной войной с Эламом, в ходе которой он захватил в плен эламского царя Хурпатилу; см. Delitzsch, "Das Bab. Chron.", p. 45.

[55] "Анналы", стр. xxviii, xxxii.

[56] Преемник своего отца и деда, Шагаракти-Шуриаша и Кудур-Энлиля, на вавилонском престоле.

[57] Объединение Вавилонии под властью касситов символизировалось именем Кардуниаш, которое они присвоили всей стране. Но более древние территориальные деления Шумера и Аккада все еще сохранялись как географические термины и в царских титулах.

[58] Ср. Кинг, "Записи Тукульти-Ниниба I.", стр. 96 и далее.

[59] Короткие царствования Энлиль-надин-шума, Кадашман-хабе II и Адад-шум-иддина следует рассматривать как частично относящиеся к периоду смутных лет сюзеренитета Тукульти-Ниниба, частично к царствованию Тукульти-Ашура, когда статуя Мардука, унесенная Тукульти-Нинибом, была возвращена в Вавилон. Царствование Энлиль-надин-шума было прервано Кидин-Хутруташем из Элама, который разграбил Ниппур и Дёр, а несколько лет спустя тот же эламский монарх проник еще дальше в Вавилонию после победы над Адад-шум-иддином; см. Delitzsch, "Das Bab. Chron.", p. 46.

[60] "Анналы", стр. xli.

[61] В списке царей это имя читается как *Bêl-nadin*-(...); а во фрагментарной надписи, в которой Навуходоносор рассказывает, как он перевернул столы Элама, он называет правителя, стоящего между (Замамма)-шум-иддином и им самим, как (*ilu*)*BE-nadin-akhi* (см. Rawlinson, "Cun. Inscr. West Asia", III., pl. 38, No. 2, и ср. Winckler, "Altorientalische Forschungen", I., pp. 534 ff.). Божественная идеограмма (*ilu*)*BE* читалась как Эа у вавилонян и как Энлиль у ассирийцев. отождествление двух царских имен ставится под сомнение на том основании, что ассирийская копия, в которой до нас дошел текст Навуходоносора, воспроизводит вавилонскую орфографию оригинала, и что в любом случае сомнительно, что Энлиль, как и Мардук, когда-либо носил синонимичный титул Бея (см. Thureau-Dangin, "Journ. Asiat.", XI., p. 132 f.). Если отбросить это отождествление, то имя последнего царя

Касситской династии следует читать как Эа-надин-[....], а Бекл-надин-ахи считать, вероятно, вторым или третьим правителем Четвертой династии.

[62] Договоры и письма этого периода очень похожи на договоры и письма времен Первой династии. Датированные документы позволили проконтролировать цифры, присвоенные в Списке царей более поздним касситским правителям; см. Clay, "Documents from the Temple Archives of Nippur", in the "Bab. Exped." Series, Vol. XIV. f., а ряд современных писем см. в Radau, *ibid.*, Vol. XVII., i.

[63] См. выше, с. 241, 244.

[64] О кудурру-надписях в Британском музее см. в статье "Babylonian Boundary-Stones and Memorial Tablets in the Brit. Mus." (1912); а ссылки на другие тексты и их обсуждение см. в Hincke, "A New Boundary-Stone of Nebuchadnezzar I." (1907), pp. xvi. ff., 10 ff.

[65] Ср. "Шумер и Аккад", с. 105.

[66] См. Hincke, *op. cit.*, p. 4.

[67] Ср. "Шумер и Аккад", стр. 206 и далее.

[68] Ср. Cuq, "Nouvelle Revue Historique", 1907, p. 707 f., 1908, p. 476 f.

[69] Было отмечено сходство между межевыми записями Древнего Египта и Вавилонии, но, конечно, из этого не следует делать вывод о заимствовании. Метод обозначения границ поля или поместья с помощью межевых камней, или межевых табличек, распространен среди народов, отказавшихся от кочевой жизни в пользу земледелия, и дальнейшая идея занесения имени владельца и его права собственности на землю, естественно, напрашивается сама собой.

[70] На это указывает тот факт, что символы и проклятия так часто не соответствуют друг другу; если бы они оба были связаны с подобным происхождением, мы должны были бы ожидать, что одно будет более тесно иллюстрировать другое.

[71] Для касситского землевладельца гравировка межевого камня была совершенно необязательной, а если он и делал это, то лишь для того, чтобы обеспечить дополнительную защиту своему титулу. Это хорошо иллюстрирует кудурру времен правления Нази-марутташа (см. табличку XXI.), которая была выгравирована только после того, как оригинальный глиняный титул был уничтожен в результате падения здания, в котором он хранился.

[72] См. табличку XXI., напротив; и ср. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", I., pp. 99 ff., pl. 21 ff.

[73] См. выше, с. 167 и далее.

[74] Ср. Cuq, "Nouv. Rev. Hist.", 1906, pp. 720 ff., 1908, p. 474 f. Эта точка зрения кажется предпочтительнее теории, согласно которой земля, пожалованная касситскими царями, была взята из общинного или общественного надела города или района, которым царь имел право распоряжаться (см. Hincke, "Boundary Stone of Nebuchadnezzar I.", p. 16).

[75] См. выше, с. 247.

ГЛАВА VIII

ПОЗДНИЕ ДИНАСТИИ И АССИРИЙСКОЕ ГОСПОДСТВО

Историк древней Вавилонии имеет основания быть благодарным Шутрук-Наххунте и его сыну за их набеги в долину Евфрата, поскольку некоторые из памятников, которые они унесли с собой в качестве трофеев, сохранились в курганах Сузы, пока французская экспедиция вновь не извлекла их на свет. Благодаря несчастьям Вавилона в это время, мы восстановили некоторые из ее лучших памятников, включая знаменитую Стелу Нарам-Сина, Свод законов Хаммурапи и важную серию касситских кудур, или межевых камней, которые, как мы видели, бросают значительный свет на экономическое состояние страны. Несомненно, они представляют собой лишь небольшую часть добычи, полученной Эламом в этот период, но их достаточно, чтобы показать, каким образом великие вавилонские города лишались своих сокровищ. При предыдущих царях Четвертой династии Элам, по-видимому, продолжал представлять угрозу, и только в правление Навуходоносора I земля была избавлена от дальнейшей опасности эламского вторжения. Мы располагаем двумя интересными свидетельствами его успешных походов, в ходе которых он не только отвоевал свои территории, но и перенес войну в страну противника. Одна из них - привилегированная грамота, которой царь наградил Ритти-Мардука, капитана своих колесниц, за отличную службу против Элама. Текст гравирован на глыбе известняка, а на одной стороне - ряд божественных символов, изваянных в высоком рельефе, чтобы поместить запись под защиту богов, в соответствии с обычаем, введенным в касситский период. Поход в Элам, послуживший поводом для создания грамоты, был предпринят, согласно тексту,^[1] с целью "отомстить Аккаду", то есть в отместку за набеги эламитов на Северную Вавилонию. Поход был предпринят из пограничного города Дера, или Дур-илу, и, поскольку он проходил летом, вавилонская армия сильно пострадала на марше. Солнечный зной был так велик, что, по словам летописца, топор горел как огонь, дороги опалялись как пламя, а от недостатка питьевой воды "бодрость огромных коней иссякла, и ноги сильного человека отклонились в сторону". Ритти-Мардук, как начальник колесниц, воодушевлял войска своим примером и в конце концов привел их к Эвхею, где они дали бой эламской конфедерации, созданной для противостояния им.

Летопись описывает последующую битву в ярких выражениях. "Цари встали кругом и предложили сражение. Огонь разгорелся посреди них; от их пыли омрачился лик солнца. Ураган проносится, буря бушует; в буре битвы воин на колеснице не замечает товарища". Здесь Ритти-Мардук снова сослужил хорошую службу, возглавив атаку. "Он обратил зло против царя Элама, так что гибель настигла его; царь Навуходоносор одержал победу, он захватил землю Элама, он разграбил ее владения". По возвращении из похода Навуходоносор даровал Ритти-Мардуку грамоту, освобождавшую города и селения Бит-Карзиабку, старостой которых он был, от юрисдикции соседнего города Намар. Помимо свободы от всех налогов и *корве*, привилегии ограждали жителей от ареста императорскими солдатами, расквартированными в округе, и запрещали размещать в них войска. Эта часть текста дает интересное представление о военной организации королевства.

Второй памятник тоже имеет отношение к этой войне, поскольку показывает Навуходоносора как покровителя эламских беженцев. Это копия документа, фиксирующего пожалование земли и привилегий Шамфию и его сыну Шамфию, жрецам эламского бога Риа, которые в страхе перед эламским царем бежали из своей страны и заручились защитой Навуходоносора. В тексте говорится, что, когда царь отправился в экспедицию по их поручению, они сопровождали его и привезли статую бога Риа, культ которого Навуходоносор открыл в вавилонском городе Ху, после того как ввел чужеземного бога в

Вавилон на праздник Нового года. В документе зафиксировано пожалование пяти владений двум эламским жрецам и их богу, а также освобождение этих земель в будущем от налогов и принудительного труда.^[2]

Хотя Навуходоносор восстановил состояние своей страны, он не был основателем династии.^[3] Из трех его предшественников имя одного теперь может быть восстановлено как Мардук-шапик-зекрим. Его имя было прочитано на фрагменте кудурру в Йельской коллекции, который датируется восьмым годом Мардук-надин-ахке и относится к двенадцатому году Мардук-шапик-зэрим.^[4] То, что его нельзя отождествлять с Мардук-шапик-зекр-мати, несомненно, поскольку из "Синхронистической истории" мы знаем, что последний сменил Мардук-надин-ахке на вавилонском престоле, причем один был современником Тиглата-Пилесера I, а другой - его сына Ашшур-бекл-кала.^[5] Тесная последовательность правления Навуходоносора I, Энлиль-надин-апли и Мардук-надин-ахха давно уже признана на основании упоминания одних и тех же должностных лиц в юридических документах того периода.^[6] Поэтому мы должны поместить вновь найденного правителя в промежуток перед Навуходоносором I; он должен быть одним из первых трех царей династии, возможно, ее основателем, чье имя в Списке царей начинается с божественного титула Мардук и который правил семнадцать лет согласно тому же авторитету. Другой из этих пропавших правителей, возможно, может быть восстановлен как Эа-надин[....], если царское имя в разбитой надписи Навуходоносора I., на которую уже была сделана ссылка,^[7] следует читать именно так, а не идентифицировать как имя последнего члена династии касситов. В первые годы правления династии Исины Вавилония, должно быть, подвергалась дальнейшей эламской агрессии, и часть страны могла на какое-то время признать сюзеренитет ее правителей.

БОЖЕСТВЕННЫЕ ЭМБЛЕМЫ НА ГРАМОТЕ НАВУХОДНОСОРА I.

Brit. Mus., No. 90858.

Успехи Навуходоносора против Элама и соседнего района Лулубу^[8], несомненно, позволили ему более решительно защищать свою северную границу; и когда Ашшур-рекши попытался вторгнуться на вавилонскую территорию, он не только отбросил ассирийцев назад, но и преследовал их, осадив пограничную крепость Занки. Но Ашшур-рекши вынудил его снять осаду и сжечь осадный поезд, а когда Навуходоносор вернулся с подкреплением, вавилонская армия потерпела новое поражение, потеряв свой укрепленный лагерь вместе с

генералом Карашту, командовавшим армией, который был увезен в Ассирию в качестве военнопленного. Таким образом, Вавилон доказал, что, хотя он достаточно силен, чтобы восстановить и сохранить свою независимость, он не способен на активное наступление в больших масштабах. Правда, Навуходоносор претендовал на титул "Завоеватель Амурру"[9], но сомнительно, чтобы мы считали этот термин означающим нечто большее, чем набег в район среднего Евфрата.[10]

О том, что в пределах своих границ Вавилон поддерживал эффективное управление, свидетельствует межевой камень периода правления преемника Навуходоносора, Энлиля-надина-апли, в котором зафиксировано пожалование земли в районе Эдины в Южной Вавилонии Э-анна-шум-иддиной, правителем Страны моря, который управлял этим районом при вавилонском царе и был обязан ему своим назначением.[11] Но в царствование Мардук-надин-ахка ей суждено было потерпеть второе большое поражение от Ассирии. Она участвовала в двух походах с Тиглатом-Пилесером I. во второй половине его правления, после его успехов на севере и западе.[12] В первой она добилась некоторого успеха[13], но во второй Тиглат-Пилесер полностью переломил ситуацию, и за победой последовал захват самого Вавилона с другими великими северными городами, Дур-Куригалзу, Сиппар из Шамаша, Сиппар из Анунитума и Опис. Но Ассирия не пыталась оккупировать Вавилон на постоянной основе, так как мы видим, что сын Тиглата-Пилесера, Ашур-бекль-кала, был в дружеских отношениях с Мардук-шапик-зекр-мати; а когда последний после процветающего правления[14] потерял свой трон в пользу арамейского узурпатора Адада-аплу-иддина,[15] он еще больше укрепил союз, заключив брак с дочерью нового царя.[16]

Так завершился первый этап отношений Вавилона с растущей ассирийской державой. Около трех столетий между ними сохранялось состояние попеременного конфликта и временного перемирия, и вот уже более полувека внутреннее состояние обеих стран было таково, что положило конец любой агрессивной политике. Причиной упадка Вавилона стало завоевание страны суту, полукочевыми семитскими племенами из-за Евфрата,[17] которые впервые появились в поздние годы правления Адада-аплу-иддина, и, согласно неовавилонской хронике, унесли с собой добычу из Шумера и Аккада. Вероятно, это был первый из многих набегов, и свидетельством неустроенности страны могут служить эфемерные вавилонские династии, сменявшие друг друга в быстрой последовательности.[18]

Более поздний правитель Набу-аплу-иддина, описывая восстановление великого храма бога Солнца в Сиппаре,[19] оставил нам некоторые подробности этого беспокойного времени; и факты, которые он рассказывает об одном из великих городов Аккада, можно рассматривать как типичные для общего состояния страны. Храм был разрушен сутами, несомненно, во времена Адада-аплу-иддина, и только в правление Симмаша-Шипака, пришедшего из Страны моря и основавшего Пятую династию,[20], была предпринята попытка восстановить прерванное служение божеству. Его преемник, Эа-мукин-зкр, продержался на троне не более пяти месяцев, а в правление Кашшунадин-ахи, при котором династия прекратилась, страну постигли новые несчастья: общее бедствие, вызванное набегами и гражданскими беспорядками, усилилось голодом. Таким образом, служба в храме снова страдала, пока при Э-ульмаш-шакин-шуме из Бит-Базы, основавшем Шестую династию, не произошло частичное восстановление храма. Но его полуразрушенное состояние продолжало свидетельствовать о бедности страны и ее правителей вплоть до более благополучных времен Набу-аплу-иддина. Э-Ульмаш-Шакин-Шум сменили два члена его собственного дома, Ниниб-кудур-усур и Шиланум-Шухамуна; но они правили между собой менее четырех

лет, а затем трон на шесть лет перешел к эламиту[21], чье правление рассматривается позднейшими летописцами как само по себе составившее Седьмую Вавилонскую династию.

РИС. 58.

СЦЕНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ, КАК НАБУ-МУКИН-АПЛИ САНКЦИОНИРУЕТ ПЕРЕДАЧУ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Арад-Сибитти в сопровождении своей сестры получает царскую санкцию на передачу поместья, расположенного в округе Ша-мамиту, своей дочери в качестве приданого.

(Из пограничного камня № 90835 в Британском музее).

Стабильное правительство в Вавилонии вновь установил Набу-мукин-апли, основатель Восьмой династии,[22] хотя даже в его правление арамеи продолжали доставлять беспокойство, удерживая Евфрат в окрестностях Вавилона и Борсиппы, перерезая коммуникации и совершая набеги на сельскую местность. Однажды они захватили паромные ворота Кер-бхельматати и не позволили царю провести новогодний праздник, так как статую бога Набу нельзя было перевезти через реку в Вавилон.[23] Грубый портрет этого монарха сохранился на межевом камне его правления, на котором он изображен дающим царскую санкцию на передачу поместья в районе Ша-мамиту; и можно добавить, что впоследствии произошли значительные трения по поводу действительности титула между первоначальным владельцем Арад-Сибитти и его зятем, ювелиром по имени Буруша.[24] Грубый стиль гравюры, вероятно, объясняется ее провинциальным происхождением, хотя не

приходится сомневаться, что внутреннее состояние страны в предшествующий период негативно сказалось на уровне вавилонского искусства.

Именно во времена Восьмой династии произошло возрождение Ассирии, кульминацией которого стали победы безжалостного завоевателя Ашшур-насир-пала и его сына Шалманесера III. Его влияние впервые ощутилось в Вавилоне при Шамаш-мудаммике, который потерпел серьезное поражение в окрестностях горы Иалман от Адад-нирари III, деда Ашшур-насир-пала. Против Набу-шум-ишкуна I, убийцы и преемника Шамаш-мудаммика, Адад-нирари одержал еще одну победу, в его руки попало несколько вавилонских городов с большим количеством добычи. Но впоследствии мы находим его в дружеских отношениях с Вавилоном и в союзе с Набу-шум-ишкуном или, возможно, с его преемником, причем каждый монарх женился на дочери другого.^[25] Его сын Тукульти-Ниниб II Ассирийский, пользуясь возрожденным чувством безопасности от нападения на его южную границу, начал предпринимать пробные попытки экспансии на запад в Месопотамию. Но Ашшур-насир-пал, его сын, перешел Евфрат и снова повел ассирийские армии на сирийскую территорию. Укрепив свои границы на востоке и севере Ассирии, Ашшур-насир-пал обратил свое внимание на запад. Перед его натиском пали арамейские государства Бит-Хадиппи и Бит-Адини, расположенные на левом берегу Евфрата. Затем, переправившись через Евфрат на плотам из шкур, он получил в подчинение Сангар из Кархемиша и с триумфом прошел через Сирию к побережью.

Вавилон, естественно, рассматривал это посягательство на путь по Евфрату на запад как опасность для своих торговых связей, и неудивительно, что Набу-аплу-иддина попытался противостоять продвижению Ашшур-насир-пала, вступив в союз с Шадуду из Сухи.^[26] Но вооруженные силы, которые он послал на помощь жителям Сухи, не смогли противостоять натиску ассирийцев, а его брат Сабдану и вавилонский вождь Бел-аплу-иддин попали в руки Ашшур-насир-пала. Записывая свою победу, ассирийский царь называет вавилонян касситами,^[27] - яркая дань славе иноземной династии, прекратившей свое существование более трех веков назад. Набу-аплу-иддина, очевидно, осознал тщетность попыток дальнейшего противостояния ассирийским целям и был рад установить дружеские отношения, которые он продолжал и в царствование Шалманесера. Он попытался забыть о неудаче своей военной экспедиции, восстанавливая ущерб, нанесенный во время многочисленных набегов арамейцев на древние культовые центры Вавилонии.

ПАМЯТНАЯ ТАБЛИЧКА НАБУ-АПЛУ-ИДДИНА, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩАЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ
ИМ ХРАМА СОЛНЦА В СИППАРЕ.

Brit. Mus. No., 91000.

Это тот самый царь, который так богато восстановил и одарил храм Шамаша в Сиппаре, копаясь в развалинах прежних строений, пока не нашел древнее изображение бога. Он заново украсил святилище и с большим количеством церемоний восстановил ритуал и жертвоприношения богу, передав их под контроль Набу-надин-шума, потомка прежнего жреца Э-кур-шум-ушабши, которого Симмаш-Шипак установил в Сиппаре. Скульптурная сцена на каменной памятной табличке, которая фиксирует повторное обретение храма, представляет Набу-аплу-иддина, которого жрец Набу-надин-шум и богиня Айя ведут в присутствие бога Солнца, восседающего в своем храме Э-баббар.

РИС. 59. МАРДУК И ЕГО ДРАКОН ИЗ ВОТИВНОГО ПОДНОШЕНИЯ МАРДУКА-ЗАКИР-ШУМА. (По Вейсбаху.)

Перед богом находится солнечный диск, покоящийся на алтаре, который поддерживают сопровождающие его божества, чьи тела свисают с крыши святилища.[\[28\]](#)

О мастерстве вавилонских ремесленников в этот период свидетельствует цилиндр из ляпис-лазури с выгравированной в низком рельефе фигурой Мардука и его дракона, который был посвящен в Э-сагиле в Вавилоне Мардук-закир-шумом, сыном и преемником Набу-аплу-иддина. Изначально она была покрыта золотом, а дизайн и исполнение фигуры можно сравнить со скрижалю бога Солнца, как дополнительный пример декоративного характера вавилонской гравюры на камне в IX веке.

Именно в правление Мардук-Закир-шума Ассирия завершила свои завоевания этого периода, став сюзереном Вавилона. При Ашшур-насир-пале и Шалманесере военная организация страны была обновлена, и оба они эффективно использовали свои необычайно эффективные армии. Политика Ашшур-насир-пала была направлена на уничтожение, и

скорость, с которой он наносил удары, обеспечивала ему успех. Так, когда он переправился через Евфрат после взятия Кархемиша, царь Дамаска, самого могущественного и важного государства в Сирии, не предпринял никаких попыток противостоять ему или организовать оборону. Очевидно, он был застигнут врасплох.

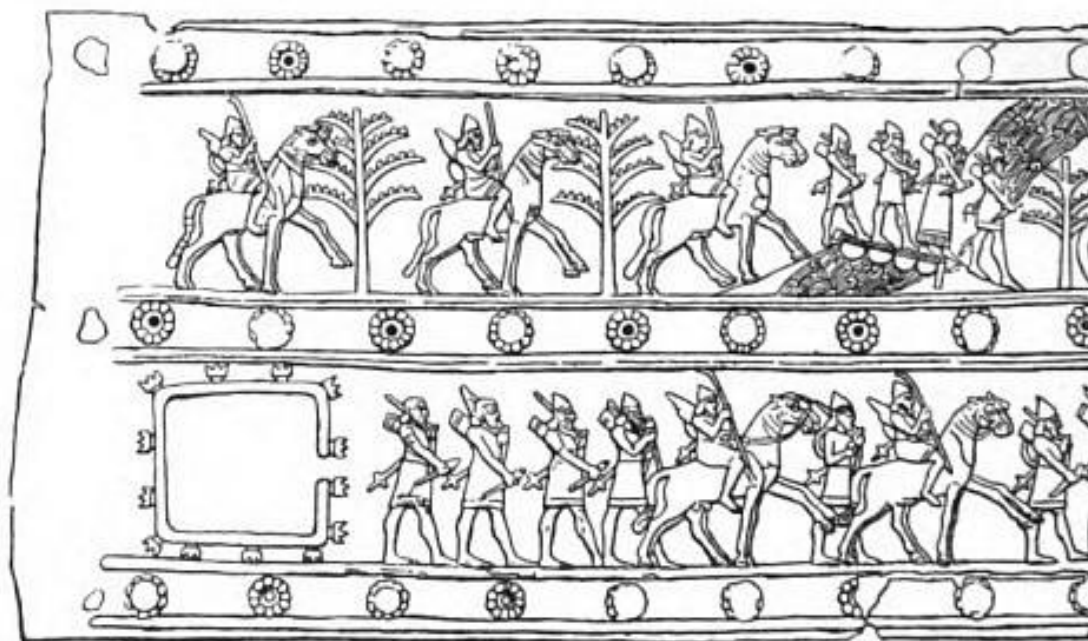

РИС. 60.

Ассирийская армия в Халдее, 851 год до н.э.

В верхнем регистре ассирийские пешие солдаты и конница переправляются через ручей по мосту из лодок, а внизу изображена армия, покидающая свой укрепленный лагерь.

(Из "Врат Шалманесера" в Британском музее).

Но Сирия усвоила урок, и в битве при Каркаре в 854 году до н. э. Шалманесеру противостояла конфедерация северных царей, и, хотя в итоге ему удалось опустошить территорию Дамаска, сам город устоял. Фактически, упорное сопротивление Дамаска предотвратило любые дальнейшие попытки Ассирии в этот период проникнуть дальше в Южную Сирию и Палестину. Поэтому Шалманесеру пришлось довольствоваться походами на север через гору Аманус, покоряя Киликию и взимая дань с районов к северу от Тавра. Он также провел успешную кампанию в Армении, откуда вскоре должен был появиться один из самых могущественных врагов Ассирии. Но именно в Вавилонии он добился своего главного политического успеха. Он оставил нам живописную запись своих походов на бронзовой обшивке двух кедровых дверей своего дворца, и, поскольку одна из полос посвящена его триумфальному шествию по Халдее в 851 году до н. э., она дает нам некоторое представление о состоянии страны в это время.

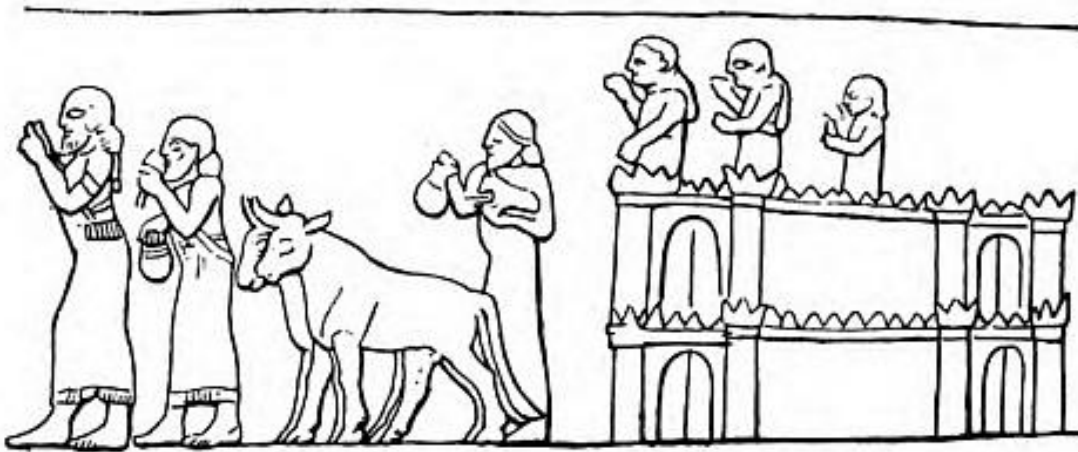

РИС. 61.

Халдейский город IX века до н.э.

Изображены мужчины, уходящие со скотом и данью для Шалманесера III, а женщины наблюдают за ними со стен.

(Из книги "Ворота Шалманесера").

Поводом для вмешательства Шалманесера в вавилонские дела послужили внутренние разногласия.^[29] Когда Мардук-бель-усат, брат Мардук-закир-шума, поднял восстание и разделил страну на два вооруженных лагеря, Шалманесер с готовностью откликнулся на призыв последнего о помощи и, отправившись на юг, сумел разгромить мятежников и опустошить подвластные им районы. Во время второй экспедиции в следующем году он завершил свое дело, убив в бою Мардук-бель-Усата, после чего Мардук-закир-шум признал его своим сюзереном. В этом качестве он объехал главные города Аккада, принося жертвы в знаменитых храмах Кутхи, Вавилона и Бурсиппы. Он также повел свою армию в Халдею и, взяв штурмом ее пограничную крепость Бакани, получил покорность ее правителя Адини и тяжелую дань от него и от Иакина, халдейского царя Страны моря, расположенной дальше на юге. В своем изображении похода Шалманесер изображен марширующим по стране, и получающим дань от халдеев, которую они несут из своих городов и переправляют через ручьи, чтобы сдать на хранение в присутствии царя и его чиновников.

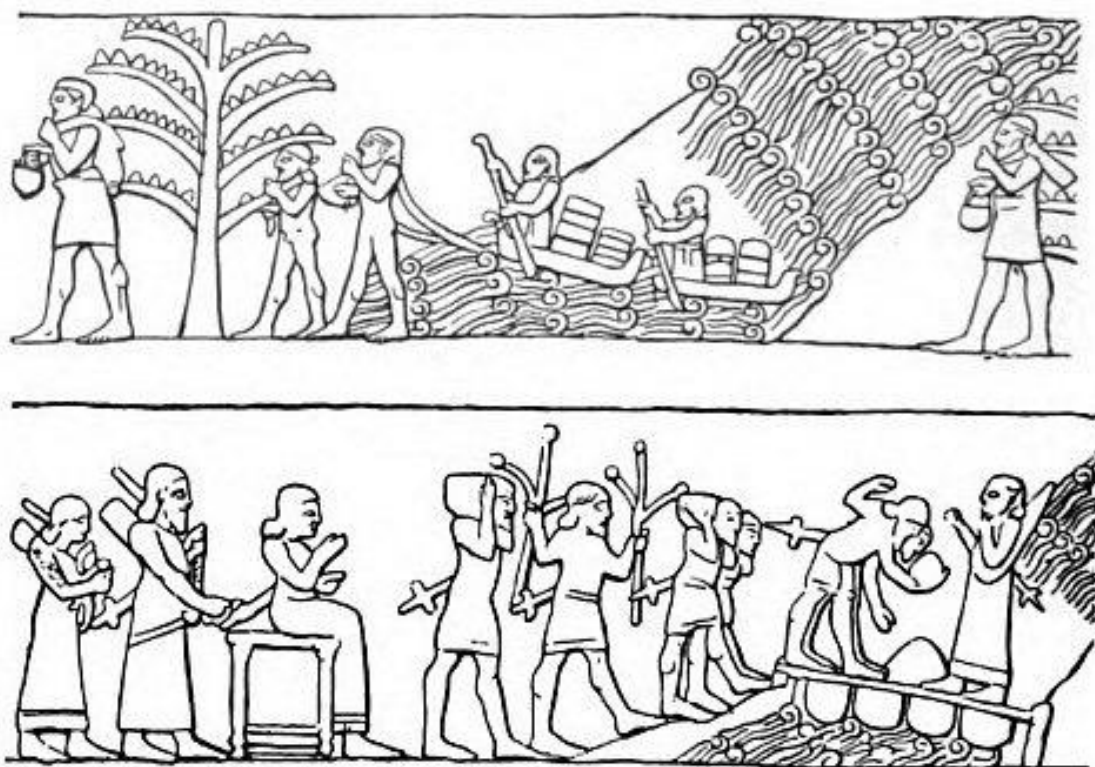

РИС. 62 И 63.

ДАНЬ ХАЛДЕЕВ,

На рис. 62 халдеи переправляют дань через ручей на лодках; на рис. 63 они складывают ее на плацдарме, удерживаемом ассирийцами.

(Из "Врат Шалманесера").

Но Вавилон недолго оставался в положении вассального государства, и сын и преемник Шалманесера. Шамши-Адад IV., попытался вновь завоевать его, разграбив множество городов, прежде чем встретил серьезное сопротивление. Мардук-Балацу-Икби, вавилонский царь, тем временем собрал свои силы, в которые входили вооруженные отряды из Элама, Халдеи и других районов. Две армии встретились у города Дур-Папсукал, вавилоняне потерпели полное поражение, а их завоевателю досталась богатая добыча. Во время последующего междоусобия престол занял Эрба-Мардук, сын Мардук-шакин-шума, избрание которого объясняется его успехами в изгнании арамейцев с возделанных полей Вавилона и Борсиппы.^[30] Но царствовал он недолго, и когда Вавилон продолжал доставлять хлопоты Ассирии, Адад-нирари IV, преемник Шамши-Адада, вновь подчинил себе значительную часть страны, уведя в плен в Ассирию вавилонского царя Бау-ахи-иддина вместе с сокровищами его дворца.^[31]

В течение последующего полувека наши знания о вавилонских делах остаются пустыми, и мы до сих пор не восстановили даже имена последних представителей Восьмой династии. Эта эпоха соответствует периоду слабости и бездействия Северного царства, который уже не раз следовал за продвижением вперед с его стороны. Расширение Ассирии, по сути, происходило в виде нескольких последовательных волн, и когда одна из них исчерпывала себя, откат предшествовал следующему продвижению. Основная причина ее сокращения после блестящего правления Шалманесера III и его отца, несомненно, связана с

возвышением новой державы в горах Армении. Из своей столицы на берегу озера Ван урарты продвигались на юг и угрожали северной границе самой Ассирии. Ее цари больше не могли мечтать о дальнейших приключениях на Западе, которые оставили бы их родную территорию на милость этого нового врага. Урарту стало главным препятствием для амбиций Ассирии, роль которого впоследствии так эффективно сыграл Элам в союзе с Вавилоном.

Именно к этому периоду, вероятно, можно отнести интересный провинциальный памятник, обнаруженный в Вавилоне, [32], который иллюстрирует независимое положение, которым пользовались правители местных районов в то время, когда центральный контроль любого царства, и особенно Ассирии, был ослаблен. Памятник отмечает основные достижения Шамаш-рекш-усура, правителя земель Сухи и Мари на среднем Евфрате. [33] Возможно, своим назначением он был обязан Ассирии, но он говорит как царствующий монарх и датирует запись тринадцатым годом своей жизни.

РИС. 64.

БАРЕЛЬЕФ ШАМАШ-РЕКШ-УСУРА, ПРАВИТЕЛЯ ЗЕМЕЛЬ СУХИ И МАРИ.

Сцена изображает Шамаш-реш-Усур, стоящего перед богом Ададом и богиней Иштар. Камень был установлен в Габбари-ибни, городе, который он основал, и посвящен его достижениям, из которых наибольшую гордость вызывало введение медоносных пчел в земле Сухи.

(По фотографии Вайсбаха).

На ней он описывает подавление восстания племени туману, которые угрожали его столице Рибанишу, когда он проводил праздник в соседнем городе Бака. Но он напал на них с людьми, которые были с ним, убил триста пятьдесят из них, а остальные покорились. Он также рассказывает, как вырыл канал Сухи, когда тот заилился, и как посадил пальмы в

своим дворце в Рибанише. Но самым примечательным его деянием, по его собственному рассказу, было введение пчел в Сухи, что, несомненно, стало возможным благодаря его улучшенному орошению района. "Пчел, собирающих мед, - говорит он нам, - которых никто не видел со времен моих отцов и праотцов и не привозил в землю Сухи, я свел с гор племени Хабха и поселил их в саду Габбари-ибни". В конце текста приводится небольшая интересная заметка о пчелах: "Они собирают мед и воск. Приготовление меда и воска я понимаю, и садовники понимают это". И добавляет, что в грядущие дни какой-нибудь правитель спросит старейшин своей земли: "Правда ли, что Шамаш-рекш-усур, правитель Сухи, ввел медоносных пчел в землю Сухи?" Вполне возможно, что памятник был перевезен в Вавилон Навуходоносором II, когда он включил этот район в состав своей империи.

Последующий период демонстрирует постепенное ужесточение власти Ассирии над южным царством, сменяющееся сравнительно неэффективной борьбой и восстаниями со стороны Вавилона, чтобы избежать потери независимости. Временный упадок ассирийской власти позволил Вавилону на некоторое время восстановить свое прежнее положение при Набушум-ишкуне II, раннем царе Девятой династии, и его преемнике Набонассаре. Но военное восстание в Ассирии, в результате которого в 745 году до н. э. на трон взошел Тиглат-Пилесер IV,^[34] положило быстрый конец надеждам Вавилона на окончательное восстановление власти. Его воцарение знаменует собой начало последнего периода ассирийской экспансии, а начатая им административная политика оправдывает приписывание термина "империя" территории, завоеванной им и его преемниками в последней половине восьмого и первой половине седьмого веков до н. э. Но это была империя, которая с самого начала несла в себе семена упадка. В ее основе лежала политика депортации - последний ответ Ассирии на насущную проблему, как управлять обширными территориями, которые она присоединила. Предыдущие ассирийские цари уводили завоеванных в рабство, но Тиглат-Пилесер IV положил начало регулярному перемещению народов. Эта политика, безусловно, достигла своей непосредственной цели: она позволила сохранить спокойствие в подвластных провинциях. Но как постоянный метод управления она неизбежно должна была оказаться неудачной. Уничтожая патриотизм и любовь к родине, она одновременно положила конец всем стимулам к труду. Накопленные богатства страны уже были израсходованы на благо ассирийской казны, а в руках полуголодных колонистов они вряд ли могли стать постоянным источником силы или богатства для сюзерена.

Первой задачей Тиглат-Пилесера, прежде чем направить свои армии на север и запад, было обезопасить южную границу, что он и сделал, вторгшись в Вавилонию и вынудив Набонассара признать ассирийский контроль. В ходе кампании он захватил северные районы и применил политику депортации, уведя в плен многих их жителей. Бедственное положение в стране, вызванное вторжением ассирийцев, усугублялось внутренними разногласиями. Сиппар отказался от власти Набонассара, и восстание было подавлено только после осады города.^[35] Девятая династия закончилась, когда страна была в смятении; Набу-Надин-Зекр, сын Набополассара, процарствовав всего два года, был убит во время восстания Набу-Шум-Укином, правителем одной из провинций.^[36] После воцарения последнего династия вскоре прекратилась. Он не успел насладиться своим положением более месяца, как царство снова перешло в руки царя, и трон занял Набу-мукин-зекр.

С момента падения Девятой династии и до возвышения Невавилонской империи Вавилония была полностью поглощена могуществом Ассирии. Она стала всего лишь подвластной провинцией империи, а ее Десятая династия состоит в основном из ассирийских правителей или их выдвиженцев. Набу-мукин-Зекр процарствовал всего три года, когда Тиглат-Пилесер вновь вторгся в Вавилонию, взял его в плен и взошел на вавилонский престол, где правил

под именем Пулу.[37] После его смерти, которая произошла через два года, ему наследовал Шалманесер V., который, как сюзерен Вавилона, принял имя Улулай. Но Вавилония вскоре продемонстрировала свою способность препятствовать ассирийским планам, так как после окончания правления Шалманесера, когда армия Саргона обеспечила захват Самарии, он был вынужден отозвать свои войска с запада из-за угрозы со стороны южной провинции. На вавилонский престол теперь претендовал Меродах-баладан, халдейский вождь из Бити-Иакина[38] в верховьях Персидского залива. Сам по себе он не был бы грозен для Ассирии, но его поддерживал неожиданный и опасный союзник. Элам веками не вмешивался в вавилонские дела, но постепенно его стал тревожить рост ассирийского могущества. Поэтому эламский царь Хумбанигаш, вступив в союз с Меродах-баладаном, вторгся в Вавилонию, осадил пограничную крепость Дёр или Дюр-илу на нижнем Тигре и разбил Саргона и ассирийскую армию у ее стен. Вавилоняне признали Меродах-баладана своим царем, и он продолжал быть занозой в боку Ассирии.

ШАЛМАНЕСЕР III ПРИНИМАЕТ ПОКОРНОСТЬ ХАЛДЕЕВ.

Из ворот Шалманесера в Брит. Mus.

После поражения Шабаки и египтян при Рафии Саргон был занят окончательным покорением Урарту на севере, который так долго представлял опасность для Ассирии. Но Урарту пришлось сражаться не только с ассирийцами, но и с новым врагом - киммерийцами, которые теперь появились с севера и востока. Фактически, завоевание Урарту Саргоном привело к уничтожению этого народа как буферного государства и открыло Ассирию для прямого нападения варварских захватчиков, хотя их активность стала грозной только при Эсархаддоне. Тем временем, покорив других своих врагов, Саргон смог вновь обратить свое внимание на Вавилон, из которого он изгнал Меродах-баладана. Его появление было встречено жреческой партией, и, войдя в город в государственном облачении, он принял титул правителя и последние семь лет своей жизни правил в Вавилоне фактически как царь. Памятником его правления до сих пор является причальная стенка, которую он построил вдоль северного фронта Южной цитадели.[39]

После смерти Саргона в 705 году до н. э. подвластные провинции империи восстали. Восстание возглавил Вавилон, где при поддержке эламитов вновь появляется Меродах-

баладан,^[40] а Езекия Иудейский возглавил конфедерацию государств Южной Сирии. Сначала Сеннахериб занялся Вавилоном, где ему не составило труда разгромить Меродах-баладана и его союзников. Затем он получил свободу действий в Сирии и Палестине; при Эльтеке, близ Экрона, он разгромил египетскую армию, пришедшую на помощь мятежным государствам. Затем он добился подчинения Экрона и после осады взял Лахиш, хотя Тир сопротивлялся. После изгнания из Вавилона Меродах-баладан укрылся в вавилонских болотах, где вступил в союз с халдейским царевичем Мушезиб-Мардуком, а Вавилон оставил под управлением молодого коренного вавилонянина Бекл-ибни, воспитанного при ассирийском дворе. Восстание, возглавленное Мушезиб-Мардуком, вновь привело в страну Сеннахериба, который, разгромив восставших, увел Бель-ибни и его вельмож в Ассирию, оставив на троне собственного сына Ашшур-надин-шума.

Страна находилась в состоянии постоянного недовольства, и через несколько лет новое восстание возглавил вавилонянин Нергал-ушезиб. Но он правил не более года, после чего был разбит Сеннахерибом и отправлен в цепях в Ниневию. Это произошло после возвращения ассирийской армии из Нагиту, куда она была переправлена Сеннахерибом через Персидский залив, против халдеев, которых поселил там Меродах-баладан.^[41] Затем Сеннахериб направил свои силы против Элама и, разграбив значительную часть страны, был остановлен в своем продвижении вглубь страны наступлением зимы. В его отсутствие халдей Мушезиб-Мардук захватил вавилонский престол и вступил в союз с Эламом. Но объединенные армии были разбиты при Халуле, и после смерти эламского царя Умман-менану в 689 году Сеннахериб захватил Вавилон. Раздраженный ее недовольством, он попытался навсегда покончить с ее постоянной угрозой, разрушив город. Ему удалось нанести огромный ущерб и, отклонив русло Евфрата, стереть с лица земли большие территории, превратив их в болота.^[42] Последние восемь лет правления Сеннахериба в стране царила анархия.

РИС. 65.

БОГ АДАД ИЗ ВОТИВНОГО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННОГО ЭСАРХАДДОСОМ В ЭСАГИЛЕ.

(По Вейсбаху.)

В 681 году Сеннахериб был убит своими сыновьями, и после борьбы за престол Эсархаддон занял трон. Первой его мыслью было полностью переломить вавилонскую политику своего отца и, отстроив город и восстановив древние привилегии, задобрить жреческую партию, поддержкой которой заручился его дед Саргон.^[43] В 668 году до н. э. статуя Мардука была возвращена в свое святилище, а сын Эсархаддона, Шамаш-шум-укин, был провозглашен царем Вавилона. Эсархаддон попытался примирить военную и агрессивную партии в собственной столице, короновав Ашшур-бани-пала, своего старшего сына, царем Ассирии. Но в то же время Вавилон все еще был приучен смотреть на Ассирию как на своего сюзерена, и дух недовольства удалось загнать лишь на время в подполье. Целью Эсархаддона было удержание территории, уже включенной в состав Ассирийской империи, и, если бы он смог ограничить энергию своей страны в этих пределах, ее существование как государства могло бы быть продлено. Но он не смог обуздать амбиции своих полководцев и, пытаясь найти занятие для армии, добился конечной цели западных походов своего отца - завоевания Египта.

Вскоре стало ясно, что оккупация этой страны Эсархаддоном была лишь номинальной, поэтому его сыну Ашшур-бани-палу пришлось продолжить египетскую войну и завершить

дело, которое оставил незаконченным его отец. И хотя он добился гораздо большего успеха, в конце концов задача постоянного завоевания оказалась ему не по силам.^[44] Вскоре его руки были заняты проблемами на родине, в результате чего его власть над Египтом постепенно ослабла. Уртаку из Элама, вторгшийся в Вавилонию, похоже, не продолжил свой успех, а за последующим вторжением в страну Теуммана последовало лишь поражение и смерть этого правителя в битве. Но сила Элама не была сломлена этим поражением, и, когда Шамаш-шум-укин поднял восстание, он получил активную эламскую поддержку.

Не только в Эламе, но и на всей территории, контролируемой Ассирией, Шамаш-шум-укин нашел поддержку в своем восстании, что свидетельствует о неприятии ассирийского правления в разрозненных провинциях империи, которые продолжали держаться вместе только на страхе. Но силы, находившиеся в распоряжении Ашшур-бани-пала, были еще достаточно мощными, чтобы подавить пожар и на время предотвратить катастрофу. Он совершил поход в Вавилонию, осадил и захватил Вавилон, а его брат Шамаш-шум-укин погиб в пламени своего дворца в 648 году до н. э. Затем ассирийский царь вторгся в Элам и, захватывая по мере продвижения его города, подверг страну огню и мечу. Сузы были защищены рекой, которая в то время разливалась, но ассирийская армия навела переправу, и древняя столица оказалась во власти захватчиков. Взяв город, Ашшур-бани-пал решил навсегда сломить его могущество, подобно тому, как Сеннахериб расправился с Вавилоном. Он не только разобрал храмы и унес сокровища дворца, но даже осквернил царские гробницы, а завершил дело разрушения пожаром. Так Сузы были разграблены и разрушены, а в самом Вавилоне Ашшур-бани-пал продолжал оставаться верховным правителем до самой своей смерти.^[45]

АШШУР-БАНИПАЛ КАК ВОССТАНОВИТЕЛЬ Э-САГИЛЫ, ХРАМА МАРДУКА В ВАВИЛОНЕ.

Brit. Mus., No. 90864.

Вавилония оказалась несопоставима с легионами Ассирии на пике ее могущества; но промышленная и торговая жизнь ее городов, основанная, в конечном счете, на богатой отдаче, которую ее земля давала ее сельскохозяйственному населению, позволила ей выдержать удары, которые навсегда вывели бы из строя страну, менее благосклонную к ней природой. Более того, она всегда рассматривала ассирийцев как заносчивый народ, который заимствовал ее культуру и чьи земли были всего лишь провинцией ее царства в то время, когда ее собственное политическое влияние простиралось от Элама до границ Сирии. Даже в самый тяжелый час ее поддерживала надежда на возвращение древней славы, и она не упускала возможности нанести удар по северному царству. Поэтому она всегда мешала продвижению Ассирии к Средиземноморью, ведь когда армии последней шли на запад, они оставляли Вавилон и Элам у себя в тылу.

В своих последующих отношениях с Вавилоном Ассирия пробовала альтернативную политику запугивания и утаивания, но с одинаковым неуспехом; она достигла своего апогея в царствование Сеннахериба и Эсархаддона. Вполне возможно, что любая из этих политик, если бы она проводилась последовательно, была бы одинаково тщетной в своей цели принудить или умиротворить Вавилонию. Но их чередование было гораздо худшей ошибкой, так как оно только показало вавилонянам их собственную силу и утвердило их в упрямом сопротивлении. Именно с этим связано длительное восстание при Шамаш-шум-укине, когда Вавилон с Эламом за спиной нанес ряд ударов, которые помогли в значительной степени уменьшить мощь ассирийской армии, уже ослабленной египетскими походами. А в 625 году до н. э., когда скифы захватили Ассирийскую империю, и ее могущество пошло на убыль, Набополассар провозглашает себя царем в Вавилоне и основывает новую империю, которая почти на семьдесят лет пережила саму Ниневию.

[1] Ср. "Пограничные камни в Brit. Mus.", pp. 29 и далее.

[2] См. "Boundary-Stones in the Brit. Mus.", pp. 96 и далее.

[3] Четвертая династия была известна как династия Исина, и тот факт, что ее основатель должен был происходить оттуда, объясняется масштабами бедствия, постигшего Северную Вавилонию. В более ранний период город был известен как Нисин (см. выше, [р. 91](#), п. 1**), но уже тогда наблюдалась тенденция к отбрасыванию начальной буквы "н".

[4] Этой информацией я обязан профессору Клэю, который готовит текст к публикации.

[5] См. ниже, [с. 256](#).

[6] *Op. cit.*, p. 37.

[7] См. выше, [р. 245](#), п. 1.

[8] Навуходоносор претендовал на титул "Завоеватель могущественной земли Лулубу"; см. "Пограничные камни", p. 31, 1. 9.

[9] Там же, 1. 10.

[10] Современное преувеличение вавилонского владычества на Западе при Навуходоносоре I, по-видимому, возникло из-за путаницы с авторством фрагментарной надписи Навуходоносора II в Нахр-эль-Кельбе, которая написана архаичными символами.

[11] Ср. "Boundary-Stones in the Brit. Mus.", pp. 76 и далее.

[12] Тиглат-Пилесер был первым ассирийским монархом, за исключением, возможно, Шамши-Адада III, который перенес ассирийское оружие на побережье Средиземного моря; в связи с этим он привлек внимание египтян.

[13] Именно тогда Мардук-надин-ахек, должно быть, вывез из Экаллати статуи Адада и Шалы, которые Сеннахериб впоследствии вернул при взятии Вавилона в 689 г. до н. э.; см. "Записи Тукульти-Ниниба I.", с. 118 и далее.

[14] Более поздняя хроника приписывает ему установление сюзеренитета над большим числом мелких царей и правителей и добавляет, что они "видели изобилие"; см. King, "Chronicles", I., p. 190, II., p. 57 f.

[15] В "Синхронистической истории" Адад-аплу-иддина назван сыном Э-сагил-шадуни, человека скромного происхождения; но, согласно вавилонской традиции, его отцом был Итти-Мардук-балату, арамейец (*op. cit.*, I., p. 191, II., p. 59), и это, скорее всего, верно.

[16] См. "Анналы царей Ассирии", с. liii. и далее.

[17] О сутях и их связи с арамеями см. Streck, "Klio", VI., pp. 209 и далее.

[18] Обсуждение доказательств, предоставленных Списком царей и фрагментарной Ассирийской династической хроникой в отношении Пятой, Шестой и так называемой Седьмой династий, см. в "Хрониках", I., pp. 183 и далее.

[19] См. ниже, с. 260 и далее.

[20] Мы знаем лишь имена трех преемников Адада-аплу-иддина, Мардук-ахи-эрба, Мардук-зекр-[...] и Набу-шум-либур, с правлением которого завершилась Четвертая династия (см. King, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", p. 221). Династию, основанную Симмашем-Шипаком, некоторые считают халдейской по происхождению; возможно, что халдейские племена, хотя они и не упоминаются в надписях до периода Ашшур-насир-пала и Шалманесера, уже начали завоевывать южные районы Вавилонии. Обсуждение отрывка из религиозной хроники, который, возможно, фиксирует солнечное затмение в седьмой год правления Симмаша-Шипака, см. в King, "Chronicles", I., pp. 232 ff., и Cowell, "Monthly Notices of the Roy. Astr. Soc", LXV., pp. 865, 867.

[21] О возможном восстановлении его имени как Ae-aplu-usur см. "Хроники", I., p. 200 f.

[22] В Восьмой династии было около тринадцати царей, и, хотя их имена полностью отсутствуют в Списке царей, некоторые из них сохранились в записях, касающихся их отношений с Ассирией. В промежутке между Набу-мукин-апли и Шамаш-мудаммиком мы, вероятно, можем поместить Сибира, вавилонского царя, которого Ашшур-насир-пал упоминает как основателя Атлилы, города в Замуа, который он сам перестроил в качестве царской резиденции и переименовал в Дур-Ашур (см. "Анналы", с. 325). Маловероятно, что Сибир был одним из пропавших правителей династии Касситов, единственного периода, к которому можно отнести его правление. О сломанном имени [...-akh]ê-iddina, возможно, принадлежавшем другому правителю этого периода, см. "Хроники", II., с. 63.

[23] *Op. cit.*, II., p. 81 f.

[24] См. [рис. 58](#); и ср. "Boundary-Stones in the Brit. Mus.", pp. 51 ff.

[25] Ср. "Анналы", с. lvii. и далее. Имя Набу-шум-ишкуна, засвидетельствованное в "Syn. Hist.", III., 9 и далее, по-видимому, передано как [Nabù-sh]um-ukîn в "Chron.", II., p. 64.

[26] Сухи лежал на среднем Евфрате, недалеко от устья Хабура. Его положение точно указано Тиглатом-Пилесером I, который сообщает, что за один день разграбил арамеюв Ахлами от окрестностей Сухи до Кархемиша (см. "Анналы", с. 73). Более поздний памятник из этого района см. ниже, с. 205 и далее.

[27] Ср. "Анналы", р. 351 f.

[28] См. табличку XXIII. Перевод мемориала см. в "Bab. Boundary-Stones and Memorial Tablets in the Brit. Mus.", pp. 120 ff. Скрижаль была найдена в глиняном сундуке, в который она была помещена позднее Набополассаром вместе с глиняными оттисками скульптурной сцены, чтобы сохранить дизайн рельефа на случай, если сама скрижаль в конце концов будет разбита.

[29] См. King, "The Gates of Shalmaneser", pp. 18 ff., 31 f.

[30] Ср. "Хроники", II., с. 66 и далее.

[31] Ср. "Keilins. Bibl.", I., р. 202 f. На этом запись "Синхронистической истории" прекращается; и только с правления Набонассара, второго царя Девятой династии, наши знания о вавилонской преемственности становятся более полными. В дополнение к свидетельствам, предоставленным Списком царей, становится доступной информация, содержащаяся в Вавилонской хронике и Птолемеевском каноне.

[32] См. Weissbach, "Babylonische Miscellen", pp. 9 и далее.

[33] См. выше, р. 200, п. 1.

[34] Это был ассирийский полководец по имени Пулу, предводитель восстания, и он принял знаменитое имя Тиглат-Пилесер, чтобы отметить свое вступление в царский сан; но в Вавилоне он сохранил свое собственное имя (см. с. 268).

[35] Хотя мы располагаем лишь несколькими договорными таблицами этого периода, тот факт, что Птолемеевский канон начинается с правления Набонассара (см. выше, с. 265, п. 1), свидетельствует о том, что он ознаменовал возрождение литературной деятельности, сопровождавшееся изучением хронологии и, возможно, пересмотром календаря.

[36] Так, "Bab. Chron.", I., 16; в Списке царей он описывается как сын Набу-надин-зекра.

[37] См. выше, р. 267, п. 1.

[38] Меродах-баладан претендовал на происхождение от Крба-Мардука, царя Восьмой династии, который добился вавилонского трона своими заслугами в борьбе с арамеями (см. выше, с. 204). Он приобрел популярность в Вавилоне, вернув прежним владельцам имущество, конфискованное ассирийцами. На фронтисписе к этому тому он изображен дарующим землю своему вавилонскому наместнику.

[39] См. выше, с. 32 f.

[40] Согласно Птолемеевскому канону, два года после смерти Саргона были периодом междоцарствия, хотя "Список царей" закрепляет трон за Сеннахерибом. Как бы то ни было, мы знаем, что в 703 году Мардук-закир-шум провозгласил себя царем, но он процарствовал всего один месяц, когда был убит Меродах-баладаном.

[41] Несмотря на то что Сеннахериб опустошил Халдею, Меродах-баладан помог Мушезиб-Мардуку в его восстании, но затем вместе со своими сторонниками бежал на кораблях к побережью Элама, где и умер. Сеннахериб построил корабли на Тигре и перетащил их по суше к Евфрату, где высадились его войска.

[42] Интересное описание состояния Вавилона после воцарения Эсархаддона дано в недавно опубликованном цилиндре, надписанном в год его воцарения; см. King, "Kouyunjik Catalogue (Supplement)", pp. xviii. f., 7 f., и "Cun. Тексты в Брит. Mus.", XXXIV., pl. 1 f.

[43] Мы обнаружили цилиндрическую печать из ляпис-лазури с выгравированной фигурой "Адада из Э-сагилы", которую он посвятил в этом храме; см. рис. 65, и ср. Weissbach, "Bab. Misc.", p. 17.

[44] Эсархаддон разграбил Мемфис, но через несколько месяцев он был возвращен Египтом, а ассирийский гарнизон истреблен. Во время своего последнего египетского похода в 661 году Ашшур-бани-пал разграбил и разрушил Фивы, и в течение нескольких лет после этого Египет продолжал признавать ассирийский контроль.

[45] Тема вероятного отождествления Ашшур-бани-пала с Кандалану и последующих отношений Вавилона с Ашшур-этил-ихини, Син-шуни-лиширом и Син-шар-ишкуном будет рассмотрена в третьем томе этой истории.

ГЛАВА IX

НЕОВАВИЛОНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Освободившись от ассирийских угнетателей, Вавилон вновь обрел молодость, и город достиг такого материального блеска и великолепия, какого не достигал за всю свою долгую историю. Но потребовалось не одно поколение, чтобы в полной мере реализовать свои вновь пробудившиеся амбиции. После провозглашения независимости влияние Набополассара не простиралось дальше стен Вавилона и Борсиппы. Другие великие города, как на севере, так и на юге, некоторое время продолжали признавать ассирийское господство. Но сыновья Ашшур-бани-пала, сменившие его на троне, унаследовали уменьшившуюся империю, единственная опора которой, ассирийская армия, теперь состояла в основном из разочарованных наемников. В правление Ашшур-бани-пала появились признаки грядущих перемен и появления новых рас, перед которыми ассирийцы были обречены исчезнуть. Разрушение Урарту устранило жизненно важный барьер против вторжения кочевых племен, и с его исчезновением в Западную Азию проникают новые расовые элементы, принадлежащие к той же индоевропейской семье, что и меды и их иранские сородичи. Это были скифы, которые в середине седьмого века вытеснили киммерийцев в Малую Азию, и именно они поколение спустя нанесли смертельный удар по Ассирийской империи, нахлынув на нее неукротимыми ордами. У Ассирии не было в резерве сил, которые могли бы противостоять их продвижению или исправить их опустошения.

На протяжении столетий эта великая военная держава наводила ужас на всю Западную Азию; но ненасытная жажда владычества теперь получила свое вознаграждение. Со времен Сеннахериба ряды армии пополнялись за счет сборов, набранных из подвластных народов, или наемных войск, и они были плохой заменой тем выносливым бойцам, которые были принесены в жертву в бесчисленных войнах своей страны. Поэтому, когда медяне захватили

Ниневию при возможной помощи скифов и пассивном содействии Вавилона, столица не могла рассчитывать на помощь своих провинций. Согласно Геродоту[1], мидяне уже дважды вторгались в Ассирию до окончательного вторжения; естественно, что Набополассар считал их своими союзниками и заключил с ними определенный союз, женив своего сына Навуходоносора на дочери Киаксара, мидийского царя.[2] Мощные стены Сеннахериба сдерживали врага в течение трех лет, но в 606 году до н. э. город был взят штурмом, и последующие века сохранили предание, что Син-шар-ишкун, Саракос греков, скорее погиб в пламени своего дворца, чем попал живым в руки осаждающих.

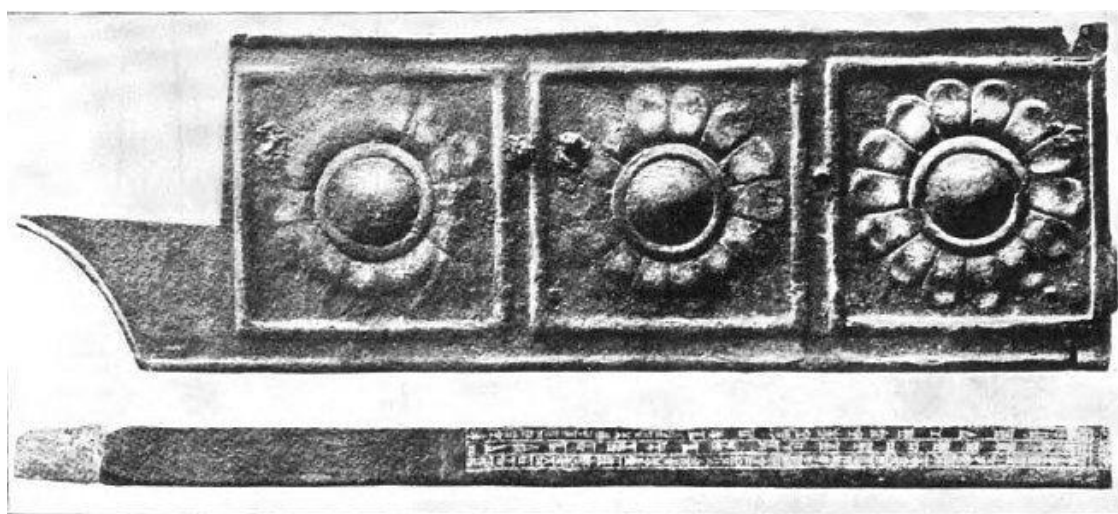
Хотя Набополассар, судя по всему, не принимал активного участия в долгой осаде Ниневии, он не замедлил получить свою долю в расчлененной империи. Северная территория Ассирии, включая Северную Месопотамию,[3] перешла к мидянам, а южные районы стали частью империи Набополассара под возможным мидийским сюзеренитетом.[4] Но вскоре Вавилону предстояло испытать на прочность свою недавно организованную армию. За два года до падения Ниневии Египет воспользовался возможностью, предоставленной ему бессилием Ассирии, и занял Палестину и Сирию.[5] Она разгромила Иосию и его еврейскую армию при Мегиддо, и, хотя нет уверенности в том, что Иудею поддерживали другие союзники, ясно, что Нехо не встретил эффективного сопротивления во время своего продвижения к Евфрату. Но Набополассар не собирался позволить этой части Ассирийской империи беспрепятственно отойти к Египту, и он направил вавилонские войска на северо-запад вдоль Евфрата под командованием наследного принца Навуходоносора. Две армии встретились при Кархемише в 604 году до н. э., где египтяне были полностью разбиты и отброшены назад через Палестину.[6] Но Навуходоносор не стал преследовать египтян дальше границ Египта, так как в Пелусии до него дошли вести о смерти Набополассара, и он был вынужден сразу же вернуться в Вавилон, чтобы провести в столице необходимые церемонии, связанные с его восшествием на престол.

Несмотря на его уход из страны, большая часть Сирии и Палестины не теряла времени, чтобы передать свою верность Вавилону. Исключением стало маленькое государство Иудея, которое, хотя и платило дань поначалу, вскоре отмахнулось от предупреждений пророка Иеремии, а ее недальновидный бунт привел к захвату Иерусалима Навуходоносором в 596 году до н. э. и уведению значительной части населения в плен. Несколько лет спустя Египет предпринял последнюю попытку вновь захватить Палестину и Сирию, и Иудея вместе с финикийскими городами Сидоном и Тиром выступила в ее поддержку. В 587 году Навуходоносор продвинулся в Северную Сирию и занял сильную стратегическую позицию в Рибле на Оронте, откуда он отправил часть своей армии осаждать Иерусалим. Попытка египетского царя Априса освободить город не увенчалась успехом, и в 586 году Иерусалим был снова взят, а большая часть остатков евреев последовала за своими соотечественниками в изгнание.[7] Затем вавилонская армия захватила Финикию, хотя город Тир оказал упорное сопротивление и только признал свою верность Вавилону после долгой осады, которая, как говорят, длилась тринадцать лет.[8]

Так Навуходоносор завершил дело, начатое его отцом, Набополассаром, и, умело и энергично проводя свои кампании, создал на прочной основе Невавилонскую империю, так что ее авторитет был непререкаем от Персидского залива до египетской границы. О его последующих походах пока ничего не известно, кроме отрывочных упоминаний о конфликте с Амасисом Египетским на тридцать седьмом году его правления.[9] Хотя нам неизвестны обстоятельства, при которых он произошел, можно предположить, что вавилонская армия вновь одержала победу над египетскими войсками и греческими наемниками, сражавшимися в их рядах. Иосиф сохранил предание о том, что Навуходоносор сделал

Египет вавилонской провинцией, и хотя это, конечно, преувеличение, факты говорят о том, что он вполне мог провести по крайней мере одну успешную кампанию на египетской территории. Проблемы Априса, вызванные его непродуманной экспедицией против Кириinei, а затем восстание Амасиса и его собственное низложение и смерть вполне могли послужить поводом для успешного вторжения Навуходоносора в эту страну.

Было найдено очень много надписей неовавилонских царей, но, в отличие от записей об основаниях Ассирии, они не содержат рассказов о военных походах, а ограничиваются воспоминаниями о восстановлении или возведении храмов и дворцов в Вавилоне и других великих городах страны. Учитывая его военные успехи, это удивительно в случае с Навуходоносором, и было высказано предположение, что он мог так мало рассказать о своих походах и сражениях, потому что они, возможно, были предприняты по приказу Медии как его сюзерена.^[10] Киаксарес был его родственником, и роль, которую сыграл Вавилон в конфликте Медии с Лидией, вполне можно объяснить на основе этой гипотезы.

Бронзовая дверная ступенька из Э-Зиды, надписанная именем и титулами Навуходнезара ii.
Brit. Mus., No. 90851.

С уходом ассирийской власти политическое значение Лидии значительно возросло, и при Садиятесе и Аляттесе, преемниках Ардиса на лидийском престоле, были восстановлены разрушения, причиненные киммерийским нашествием. Эти монархи провели длинную серию нападений на города-государства Ионии, и, хотя в основном они были успешными, они израсходовали ресурсы нации, не получив взамен материальных преимуществ. Оказавшись в таком положении, Лидия вступила в пятилетнюю борьбу с растущим могуществом Киаксара, который оттеснил ее на восточную границу. Все встало на свои места в 585 году до н. э., когда 28 мая на реке Галис произошла великая битва между Киаксаресом и Аляттом. Битва знаменита полным затмением солнца, которое произошло в тот день и, как говорят, было предсказано греческим астрономом Фалесом Милетским.^[11] Последующим договором Галис был закреплен как граница между Лидией и Мидийской империей, и, по словам Геродота, он был заключен отчасти при посредничестве Навуходоносора.^[12] Вмешательство Вавилона должно было быть предпринято в интересах мидийцев, и вполне возможно, что Киаксарес мог рассчитывать на Навуходоносора в случае необходимости больше, чем на благожелательный нейтралитет.

В своих надписях Навуходоносор предстает как могущественный строитель, и мы уже видели, как он преобразил город Вавилон. Он полностью перестроил и расширил царский дворец своего отца[13] и в ходе своих перестроек поднял его террасированную платформу на такую большую высоту над окружающим городом и равниной, что его Висячий сад стал одним из семи чудес древнего мира.[14] Он перестроил великие храмы Э-зида в Борсиппе и Э-сагила в Вавилоне, а улицу Священной процессии в городе роскошно вымостил, соединив ее между храмом Нинмах и собственным дворцом знаменитыми воротами Иштар, украшенными быками и драконами с эмалированным рельефом.[15] Он также значительно укрепил укрепления города, расширив двойную линию стен и возведя новые цитадели.[16] В течение своего долгого сорокадвухлетнего царствования он посвятил свои силы и новые богатства своего царства этой работе по восстановлению как столицы, так и других древних религиозных центров Вавилонии.[17] Украшение фасада дворца самого Навуходоносора отражает влияние Запада на вавилонское искусство, и мы можем представить себе его рынки и набережные, переполненные иностранными караванами и товарами. Свидетельством расширения ее кругозора в этот период может служить интерес, который Навуходоносор проявлял к морским перевозкам по Персидскому заливу, что, несомненно, заставило его построить гавань в болотах и защитить ее от арабских набегов, возведя город Тередон к западу от Евфрата в качестве форпоста на пустынной границе.[18]

Сын Навуходоносора, Амел-Мардук, был недостойным преемником своего отца. Во время своего короткого правления он не сдерживался ни законом, ни приличиями[19], и неудивительно, что менее чем через три года партия жрецов добилась его убийства и поставила на его место Нериглиссара, его шурина, человека с гораздо более сильным характером и воина.[20] Сын рядового вавилонянина Бел-шум-ишкуна, Нериглиссар женился на дочери Навуходоносора, и мы, несомненно, можем отождествить его с Нергалом-шарезером, вавилонским полководцем Раб-магом, присутствовавшим при осаде Иерусалима.[21] Яркое доказательство того, что Нериглиссар занимал высокое военное положение в царствование Навуходоносора, недавно было получено из письма из Эреха, которое написал капитан, командовавший войсками, расквартированными в окрестностях этого города.[22] Датировка письма не вызывает сомнений, поскольку капитан ссылается на воинов из списков Навуходоносора и Нериглиссара; кроме того, оно дает нам представление о неудовлетворительном состоянии вавилонской армии в последние годы правления Навуходоносора. Капитан беспокоится о том, чтобы истощенное состояние его роты и меры, которые он планирует принять для пополнения ее рядов, не стали известны Губару, который занимал высокий пост в армии Навуходоносора. Не исключено, что мы можем отождествить этого генерала с правителем Гутиума, который сыграл столь заметную роль в персидском завоевании. Зная, без сомнения, о неудовлетворительном состоянии сил своей страны, он, возможно, считал задачу противостояния захватчикам совершенно непосильной.[23] Смерть Нериглиссара, последовавшая менее чем через четыре года после его воцарения, несомненно, стала смертельным ударом для всех надежд его генералов поставить военную организацию и оборону страны на прочную основу. Ведь его сын был еще ребенком, а после девяти месяцев правления партия жрецов в столице добилась его смещения в пользу одного из своих приближенных, Набонида, человека жреческого происхождения[24] и основательно проникшегося традициями иерархии. Новый царь с энтузиазмом продолжил традицию Навуходоносора по строительству храмов, но не обладал военными способностями своего великого предшественника. К своей собственной священнической отстраненности он добавил непрактичный характер археолога, любившего заниматься изучением прошлой истории восстановленных им храмов, вместо того чтобы контролировать управление страной. Склонность его ума хорошо отражена в оставленном им рассказе о посвящении его дочери, Бекль-Шалти-Наннар, в главы коллегии верующих

при храме Луны в Уре.[25] Очевидно, что этот акт и сопутствующая церемония интересовали его гораздо больше, чем воспитание сына; и любые военные способности Белшаззара, возможно, развивались не под влиянием его отца или друзей отца. Лишь когда враг оказался на границе, царь, должно быть, осознал свое ничтожество.

Таким образом, с приходом к власти Набонида наступает конец последнего периода величия Вавилона. Но империя не рухнула сама собой, ведь в одном из своих основополагающих документов царь хвастается, что вся Месопотамия и Запад, вплоть до Газы на границе с Египтом, продолжали признавать его власть.[26] Потребовалось давление извне, чтобы разрушить распадающуюся империю, которая с самого начала была обязана своим успехом в немалой степени дружественному и защитному отношению со стороны Медии. Когда эта существенная поддержка перестала оказываться, она оказалась во власти новой силы, перед которой сама Медия уже пала.

Персидское царство Кира, поднявшееся на новой волне индоевропейской миграции, без особого труда поглотило царство медов.[27] Через пять лет после воцарения Набонида Кир сверг Астиагеса и, объединив своих сторонников с юга Ирана с их родственниками-медийцами, начал разбираться с лидийским Крёзом. При последнем царе, преемнике Алятта, могущество Лидии достигло своего наивысшего расцвета, а слава о богатстве Креза привлекла ко двору в Сардах многих культурных греков. Но когда Кир стал хозяином Медийской империи, Крез начал опасаться его растущего могущества. В 547 году до н. э. он провел нерешительную битву с персами при Птери в Каппадокии, недалеко от места старой хеттской столицы, а затем отступил в Сарды. Здесь он послал за помощью в Спарту, Египет и Вавилон. Но Кир не стал медлить с возобновлением атаки и неожиданно появился перед столицей. Лидийская армия была разгромлена; Сарды, в которых укрылся Крез, были взяты после осады, и лидийской империи пришел конец. После этого Кир смог направить свое внимание на Вавилон.

I. Цилиндр из печеного глиняного фундамента из Набонида, относящийся к поражению Астиагов от Кира (Brit. Mus., No. 91109.)

II. ЦИЛИНДР КИРА ИЗ ОБОЖЖЕННОЙ ГЛИНЫ С ЗАПИСЬЮ ЕГО ВХОДА В ВАВИЛОН БЕЗ БИТВЫ И СРАЖЕНИЯ.
(Brit. Mus., No 90920.)

Если мы правильно отождествим Гобриаса или Губару, правителя Гутиума, с вавилонским полководцем этого имени, занимавшим высокий пост при Навуходоносоре,[\[28\]](#) мы можем проследить скорость и легкость персидского завоевания Вавилонии непосредственно за его действиями по поддержке дела захватчика. Предвидя, что единственная надежда для его страны заключается в ее скорейшем подчинении, он, возможно, считал, что будет действовать в ее интересах, если не станет противиться ее включению в состав Персидской империи, а сделает революцию, насколько это возможно, мирной. Это объясняет действия Кира, доверившего вторжение в основном его рукам; а последующее восстание Сиппара тем

легче объяснить, если вавилонский полководец с репутацией Губару явился в качестве посланника персидского царя. В любом случае мы должны предположить, что значительная часть населения Аккада придерживалась такого образа мыслей, не считая оппозиции, которую Набонид вызвал к себе в жреческой партии столицы.

Оборону страны Набонид поручил своему сыну Белшаззару, который встретил наступающих персов у Описа, где потерпел поражение; и сколько он ни пытался собрать свои силы, они снова рассеивались.^[29] Тогда Сиппар без боя открыл свои ворота, Набонид бежал, а Губару, наступая на столицу, добился ее мирной сдачи. Туземный летописец этих событий сообщает, что в первые дни персидской оккупации города щиты Гутиума окружали двери Э-сагила, так что ни одно копьё не входило в святилище и военный штандарт не был внесен внутрь.^[30] Запись приобретает новый смысл, если предположить, что губернатор Гутиума сам был уроженцем города и бывшим генералом вавилонской армии. На третий день следующего месяца Кир совершил государственный въезд в столицу и был принят всеми сословиями, особенно жречеством и знатью, как освободитель. Он назначил Губару своим правителем Вавилона, и тот, похоже, подавил дальнейшее сопротивление, преследуя Белшаззара и предавая его смерти.^[31] Набонид уже был взят, когда столица сдалась.

Возможно, примечательно, что туземное жречество, из рядов которого происходил сам Набонид, приветствовало персидского царя как избавителя своей страны, победа которого была одержана Мардуком, национальным богом. Но, получив светскую власть, Набонид дал волю своим священническим амбициям и, как следствие, отдалился от своей собственной партии. Возможно, его воображение разгорелось неким непродуманным планом централизации поклонения; но, каковы бы ни были его мотивы, царь собрал в столице множество культовых изображений по всей стране, мало задумываясь о том, что тем самым он отрывает богов от их древних мест обитания. Вернув богов в их местные святилища, Кир приобрел популярность и полностью подчинил себе жречество - самую влиятельную политическую часть общества.^[32] Так случилось, что Вавилон больше не боролся за свою свободу, и вся территория, которой он пользовался, была без сопротивления включена в состав Персидской империи.

С окончательной потерей независимости Вавилона период, охватываемый этой историей, подходит к концу. Эпоха представляет собой удобную точку остановки; но, в отличие от падения Ассирийской империи, ее завоевание мало что изменило в жизни и деятельности населения в целом. Поэтому можно заглянуть немного вперед и отметить ее дальнейшую судьбу как подвластной провинции под иностранным господством держав, сменявших друг друга в управлении этим регионом Западной Азии. Спокойствие страны при Кире составляло разительный контраст с беспорядками и интригами, которыми характеризовалось ее положение при Ассирии; это объяснялось тем, что политика, которую он начал проводить в провинциях своей империи, полностью противоречила ассирийским методам. Национальность каждой покоренной расы уважали и поощряли ее к сохранению собственной религии, законов и обычаев. Поэтому торговая жизнь и процветание Вавилона не прервались в связи с изменением его политического статуса. Налоги не были существенно увеличены, и мало что изменилось, кроме имени и титула царствующего царя в датах на торговых и юридических документах.^[33]

Такое положение вещей, несомненно, продолжалось бы и дальше, если бы авторитет самой Персидской империи не был грубо поколеблен во время правления Камбиса, сына и преемника Кира. Завоевание Египта и включение его в состав Ахеменидской империи, на что он направил свои основные усилия, было достигнуто после битвы при Пелусии и падения Мемфиса. Но, пытаясь распространить свою власть на Нубию на юге, он получил известие о

восстании в Персии. Перед отъездом в Египет он убил своего брата Бардию, известного грекам под именем Смердиса. Убийство держалось в секрете, и теперь восстание против отсутствующего царя возглавил магиец по имени Гаумата, который выдавал себя за пропавшего Смердиса и истинного наследника престола.[34] Камбиз принял меры для подавления восстания, но на обратном пути умер в Сирии в 522 году. Смерть царя придала новый импульс силам восстания, которые теперь начали распространяться по провинциям Персидской империи. Но Гаумата, персидского мятежника, вскоре постигла участь. После смерти Камбиса персидскую армию возглавил Дарий, принц из того же дома, что и Кир, и его сын; Гаумата был застигнут врасплох и убит, а Дарий прочно утвердился на троне. Дарий продолжал действовать с необычайной энергией и в течение одного года сумел подавить восстания в Вавилоне и в различных провинциях.[35] На скале Бехистун в Персии, на пути из Вавилона в Экбатаны, он оставил нам скульптурные портреты себя и покоренных им вождей мятежников. Среди последних - Нидинту-Бель и Араха, два претендента на вавилонский престол.[36]

Осада Вавилона Дарием знаменует собой начало упадка города. Ее оборона не была серьезно ослаблена Киром, но теперь она значительно пострадала. В последние годы правления Дария в городе снова было неспокойно[37], а в царствование Ксеркса, когда вавилоняне предприняли последние попытки обрести независимость, ему был нанесен еще больший ущерб.[38] Считается, что Ксеркс не только разобрал стены, но и разграбил и разрушил сам великий храм Мардука. Большие площади города, который раньше был чудом народов, теперь стали окончательно лежать в руинах. Вавилон вступил в новую фазу в 331 году до н. э., когда долгая борьба между Грецией и Персией была завершена поражением Дария III при Гавгамелах. Сузы и Вавилон подчинились Александру, который, провозгласив себя царем Азии, взял Вавилон в качестве своей столицы. Мы можем представить его, любующегося великими зданиями города, многие из которых теперь лежат в руинах и запустении. Как и Кир до него, он приносил жертвы вавилонским богам; говорят, что он хотел восстановить Эс-Сагилу, великий храм Мардука, но отказался от этой идеи, так как десяти тысячам человек потребовалось бы более двух месяцев, чтобы убрать мусор с развалин. Однако, похоже, он предпринял некоторую попытку в этом направлении, так как была найдена табличка, датированная шестым годом его правления, на которой записана плата в десять манехов серебра за "очистку от пыли Эс-Сагилы".[39]

ОТТИСКИ НЕОВАВИЛОНСКИХ И ПЕРСИДСКИХ ЦИЛИНДРИЧЕСКИХ ПЕЧАТЕЙ.

Brit. Mus., Nos. 18249, 89146, 89352.

В то время как старые здания ветшали, на их месте возникали новые, в том числе греческий театр для использования большой греческой колонией.^[40] Многие вавилоняне сами переняли греческие имена и моду, но более консервативные элементы, особенно среди жречества, продолжали сохранять свою собственную обособленную жизнь и обычаи. В 270 году до н.э. Антиох Сотер восстановил храмы Наирна и Мардука в Вавилоне и Борсиппе,^[41] а недавние раскопки в Эрехе показали, что старый храм в этом городе сохранил свой древний культ под новым названием.^[42] Во втором веке мы знаем, что в одном из углов великого вавилонского храма Мардуку и Богу Неба поклонялись как двуединому божеству под именем Анна-Бель; и мы слышим о жрецах, прикрепленных к одному из старых вавилонских святилищ уже в 29 году до н.э. Служения в честь поздних форм вавилонских богов, вероятно, продолжались и в христианскую эпоху.

Жизнь древнего города, естественно, дольше всего текла вокруг разрушенных храмов и мест поклонения. В светском плане, как торговый центр, он был лишь призраком себя прежнего. Настоящий упадок наступил, когда Селевк, получив после смерти Александра сатрапию Вавилоня, осознал, что Тигр дает больше преимуществ для морского сообщения. После основания Селевкии Вавилон как город начал быстро приходить в упадок. Покинутый сначала чиновниками, а затем и купцами, он уменьшался в своем значении по мере того, как рос его соперник. Так постепенно и чисто экономически, без внезапных ударов, Вавилон медленно истек кровью.

[1] I., 102 f.

[2] Согласно Абидену в Евсевии, "Chron., lib. I.", ed. Schoene, col. 37; этот рассказ сохранился в армянской версии.

[3] Это, по-видимому, следует из упоминаний Набонида об Э-хулхуле, храме Сина в Харране, и его разрушении Умман-мандой после падения Ниневи (см. Langdon, "Neubab. Königsinschriften", pp. 220 f., 272 ff.); см. Hogarth, "The Ancient East", p. 123. Термин "Манда" используется в надписях в свободном смысле.

[4] См. ниже, с. 278 f., 282.

[5] После сброса ассирийского ига Египет при XXVI династии вступил в последний период независимости, и было вполне естественно, что она снова стала мечтать об азиатской империи.

[6] Египетская армия в это время, должно быть, представляла собой очень смешанное войско, набранное в значительной степени из африканских провинций Египта, а ее пополнение из греческих и карийских наемников было, вероятно, ненадежным; см. Maspero, "Histoire ancienne", III., p. 530 f., и Hall, "Ancient History of the Near East", p. 543 f.

[7] Седекия, последний из царей Иудеи, дорого заплатил за свое восстание. Он был схвачен во время бегства из Иерусалима и доставлен в Риблу, где Навуходоносор на его глазах убил своего су, ослепил его, а затем отправил в цепях в Вавилон (II Царств, xxv., I и далее).

[8] С 585 по 573 гг. до н.э.

[9] Текст таблички см. в Strassmaier, "Nabuchodonosor", p. 194, No. 329, а полное обсуждение ее содержания см. в Winckler, "Altorient. Forsch.", I., pp. 511 и далее; в Rev., 1. I, упоминается "[Ам]усу, царь Египта".

[10] Ср. Hogarth, "The Ancient East", p. 124 f.

[11] Геродот (I., 74) рассказывает, что медяне и лидийцы, увидев, что день внезапно сменился ночью, прекратили воевать (очевидно, приняв это за предзнаменование богов) и стали договариваться о пенсах.

[12] Вавилонским царем, должно быть, был Навуходоносор, хотя имя, названное Геродотом "Лабинет", лучше всего объяснить как искажение имени Набонид (*Nabû-na'id*).

[13] См. выше, с. 38 и далее.

[14] Предположительное отождествление Висячих садов со зданием в северо-восточном углу дворца на Южной цитадели см. выше, с. 40 и далее.

[15] См. выше, с. 51 и далее.

[16] См. выше, сс. 24 и далее, 58.

[17] О храмах в Вавилоне, которые Навуходоносор в значительной степени перестроил, см. выше, с. 61 и далее. О его строительной деятельности в других городах свидетельствуют записи о его фундаментах; см. Langdon, "Neubab. Königsinschriften", pp. 70 и далее.

[18] Ср. Abydenus, в Евсевии, "Chron. lib. I.", ed. Schoene, Col. 39 f., или Müller, "Fragm. Hist. Graec.", IV., p. 284, где, возможно, воспроизводится высказывание Беросса; см. Bevan, "House of Seleucus", I., p. 247.

[19] Согласно Бероссу, он царствовал ἀνόμως καὶ ἀσελγῶς (ср. Josephus c. Apion. I., 20, в Müller, *op. cit.*, p. 507).

[20] Свидетельством того, что он был обязан своим избранием партии священников, может служить одобрение, оказанное ему Набонидом; ср. Nab. Stele, Col. IV., 11. 24 и далее (Langdon, "Neubab. Königsinschriften", p. 276 f.).

[21] 7 Иер. xxxix., 3, 13.

[22] Ср. Scheil, "Rev. d'Assyr.", XI., No. iv. (1914), pp. 105 ff.

[23] См. ниже, с. 283.

[24] Ср. Dhorme, "Revue Biblique", 1903, pp. 131 ff.

[25] Ср. Dhorme, "Rev. d'Assyr.", XI., No. iii. (1914), pp. 105 ff. Дублированный отчет о посвящении появится в предстоящей работе профессора Клея "Различные надписи в Вавилонской коллекции", № 45.

[26] См. его цилиндр в Британском музее, 82-7-4, 1025, на котором записано восстановление храмов в Харране и Сиппаре, Col. I., 11. 38 и далее; ср. Langdon, "Neuhab. Königsinschriften", p. 220 f.

[27] Хотя Кир поначалу был всего лишь царем Аншана в Эламе со столицей в Сузах, он, несомненно, был арийского происхождения. Возвышение южной, или персидской, группы

иранцев совпало с расширением Мединской империи на запад, и слиянию этих двух ветвей вполне могло способствовать недовольство на севере, вызванное благосклонностью мединских царей к своим скифским подданным. Это в значительной степени объясняет легкость, с которой Кир овладел Медийской империей; см. Hogarth, "The Ancient East", pp. 150 и далее.

[28] См. выше, с. 281.

[29] См. "Хронику Набонида-Кира", Rev., Col. 111., 11. 12 и далее; и ср. Hagen, "Beitr. zur Assyrl.", II., p. 222 f.

[30] Ср. "Nab.-Cyr. Chron.", Col. III., 11. 16 и далее.

[31] Отрывок в хронике, который, по-видимому, фиксирует этот поступок со стороны Губару (Col. III., 1. 22 f.), оборван, и его чтение не является определенным; но тот факт, что следующая запись относится к периоду национального траура в Аккаде, говорит в пользу предложенной интерпретации.

[32] Ср. "Nab.-Cyr. Chron.", Col. III., 11. 18 и далее.

[33] Их огромное количество, которое было найдено, свидетельствует о продолжающемся процветании страны.

[34] Ср. Кинг и Томпсон, "Скульптуры и надписи Дария", стр. 6 и далее.

[35] Ср. Вайсбах, "Zeits. für Deutsch. Morgenland. Gesellschaft", Bd. LXII. (1908), pp. 631 ff. Большинство национальных восстаний, вероятно, было подавлено в год воцарения Дария и в начале первого года его правления. Более поздние восстания в Сузиании и Скифии также не вызвали особых затруднений; Вайсбах (ib., p. 641) предлагает восстановить персидский текст Бехистунской надписи, чтобы отнести их к четвертому и пятому году правления Дария.

[36] См. King and Thompson, *op. cit.*, Plates iii., xv. and xvi.

[37] Только к концу правления Дария, после египетского восстания, мы имеем свидетельства, указывающие на возобновление вавилонских волнений (см. ниже, п. 4). Страх, внушенный Дарием при его восшествии на престол, очевидно, ощущался во всех его азиатских провинциях, и именно восстание в Египте, а не в Азии, остановило его действия против греков.

[38] Список документов, датированных короткими правлениями Бел-симанни, Шамаш-эрбы и двух других вавилонских узурпаторов этого периода, см. в Weissbach, *op. cit.*, p. 044. Необычные варианты написания вавилонской формы имени Ксеркса показывают, что вавилоняне испытывали трудности с его произношением; но Акшимакшу вряд ли можно считать таким вариантом, и он вполне может принадлежать мятежнику, который получил власть на короткий срок (см. также Boissier, "Orient. Lit.-Zeit.", 1013, p. 300). На основании имен собственных, встречающихся в договорах, его и других можно отнести к царствованию Ксеркса или к последним годам правления Дария.

[39] Ср. Oppert, "Comptes rendus", 1898, pp. 414 ff.

[40] См. выше, стр. 83, рис. 31, "I. Театр был построен из глинобитного кирпича; для колонн и их оснований использовался своего рода бетон, сделанный из обломков жженого кирпича и гипсового раствора, покрытый белой штукатуркой".

[41] Ср. Роулинсон, "Cun. Inscr. West. Asia", V., pl. 66.

[42] В контрактных табличках с этого места, датируемых третьим и вторым веками до н. э., старый храм Э-анна всегда упоминается под именем Bît-rêsh, "Главный храм" или "Главное здание" (см. Clay, "Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan", Pt. II., 1913). Профессор Клей недавно прислал мне расшифровку очень интересной строительной надписи с того же места, сделанной в 244 году до н.э., которая появится под № 52 в его готовящемся к изданию сборнике "Разные надписи". В ней говорится о перестройке Биот-рекша неким Ану-убаллитом, вторым префектом (*шану*) Эреха, который также носил греческое имя Νίκαρκος *Nikīkarḫusu, Nikarḫusu*; очевидно, что носить греческое имя было привилегией, поскольку он говорит нам, что получил его от "Антиоха, царя земель". Этот текст служит дополнительным доказательством сохранения вавилонского литературного языка для официальных записей и консерватизма религиозного культа.

ГЛАВА X

ГРЕЦИЯ, ПАЛЕСТИНА И ВАВИЛОН: ОЦЕНКА КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ

В персидский и эллинистический периоды Вавилон оказал на современные расы влияние, которое мы можем проследить в цивилизации современного мира. Она была матерью астрономии, а двенадцать делений на циферблате наших часов были в конечном счете заимствованы, через греческие каналы, из ее древней системы деления времени. Именно при неовавилонских царях древнееврейская раса впервые тесно соприкоснулась с ее культурой, и нет никаких сомнений в том, что евреи во времена своего плена возобновили интерес к ее мифологии, когда обнаружили в ней некоторые параллели со своей собственной. Но в ходе этой истории было показано, что в гораздо более ранние периоды вавилонская цивилизация проникла в значительную часть Западной Азии. Признается, что в результате ее экспансии на запад во времена Первой династии ее культура распространилась в последующие периоды на средиземноморском побережье и в определенной степени повлияла на развитие тех народов, с которыми она соприкасалась. А поскольку религиозный элемент преобладал в ее деятельности в большей степени, чем у большинства других народов древности, было высказано мнение, что многие черты древнееврейской религии и греческой мифологии могут быть правильно объяснены только вавилонскими верованиями, в которых они имели свое происхождение. Цель этой главы - рассмотреть теорию внешнего влияния Вавилона, которую пропагандирует целая школа писателей и которая определила направление многих последних исследований.

Вряд ли стоит настаивать на том, как материал, почерпнутый из вавилонских и ассирийских источников, помог прояснить моменты политической и религиозной истории Израиля. Не менее поразительны, хотя и не столь многочисленны, отголоски вавилонских легенд, которые уже давно признаны существующими в греческой мифологии. Самым известным примером прямого заимствования, несомненно, является миф об Адонисе и Афродите, основные черты которого тесно перекликаются с вавилонской легендой о Таммузе и Иштар. В данном случае был заимствован не только миф, но и сопутствующий ему праздник и обряды, попавшие в Грецию через Библос на сирийском побережье и Пафос на Кипре, оба центра поклонения Астарте.[1] Другая греческая легенда, явно вавилонского происхождения, - это легенда об Аксеоне, которого явно следует отождествить с пастухом,

возлюбленным Иштар и превращенным ею в леопарда, так что он был выслежен и убит своими же гончими.[2]

Между национальными героями Гераклом и Гильгамешем также давно были отмечены некоторые параллели. Действительно, у большинства древних рас есть истории о национальных героях, обладающих сверхчеловеческой силой и мощью, но в традициях, касающихся Геракла, есть определенные черты, которые могут иметь некоторую конечную связь с циклом легенд о Гильгамеше.[3] Менее убедительна аналогия между Икаром и Этаной, вавилонским героем или полубогом, которому удалось взлететь на самое высокое небо, чтобы головой вниз упасть на землю. Ведь в случае с Этаной речь не идет о полете человека: его унес на небо его друг орел, за крылья которого он уцепился, пока они поднимались к небесным вратам. Но уже приведенных примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать то, как давно было решено, что вавилонская мифология могла наложить свой отпечаток на греческую.

Но взгляды, которых сейчас придерживается значительная часть ученых, предполагают гораздо более широкое распространение вавилонского влияния, чем это следует из ряда изолированных и случайных связей; а поскольку характер этого влияния *ex hypothesi* астрономический, любая попытка точно определить его границы представляет собой определенную трудность. Ведь очевидно, что если мы предположим астрономическую основу или фон для любых двух мифологий, то сразу же обнаружим огромное количество общих черт, о существовании которых в противном случае мы бы и не подозревали. И причину этого искать далеко не надо; ведь астрономические явления, с которыми мы работаем, неизбежно ограничены по количеству, и им приходится многократно выполнять свои обязанности в качестве фона в каждой системе.[4] Несмотря на этот недостаток, присущий их теории, Винклер и его школа оказали хорошую услугу в разработке общих отношений, которые, как считали вавилоняне, существуют между небесными телами и землей.[5] Он показал веские основания для предположения, что, согласно догматам вавилонской астрологии, события и институты на земле в определенном смысле были копиями небесных прототипов.

Хорошо известно, что вавилоняне, как и евреи, представляли себе вселенную состоящей из трех частей: неба над головой, земли под землей и вод под землей. Постепенно вавилоняне развили эту концепцию мироздания и проследили в небесах параллель с троичным делением земли, разделив вселенную на небесный и земной мир. Земная вселенная, как и прежде, состояла из трех частей, то есть неба (ограниченного воздухом или атмосферой над землей), самой земли и вод под ней. В небесном мире им соответствовали северное небо, Зодиак, и южное небо, или небесный океан. К позднему вавилонскому периоду большие боги уже давно отождествлялись с планетами, а меньшие - с неподвижными звездами, причем каждое божество имело свой особый дом или звезду на небе в дополнение к своему храму на земле. Эта идея, по-видимому, была продолжена более поздними греческими астрологами, которые считали, что земли и города, помимо храмов, имеют свои космические двойники.[6] Но даже для вавилонян движущиеся звезды были не просто символами, служившими для людей толкователями божественной воли; их движение было фактической причиной событий на земле. Если воспользоваться подходящим выражением Уинклера, считалось, что небеса связаны с землей так же, как движущийся предмет, увиденный в зеркале, связан со своим отражением.[7]

ИЗВЕСТНЯКОВАЯ СТАТУЯ БОГА НАБУ В НИМРУДЕ.

Для того чтобы проиллюстрировать, каким образом эти астральные идеи, как говорят, поставляли материал в греческую мифологию, можно выбрать тестовый пример, предлагаемое объяснение которого включает одну из существенных особенностей астральной системы Уинклера, как он ее в итоге разработал.^[8] Возьмем историю о золотом ягненке Атрея и Тиесте, которую Еврипид ввел в один из хоров в своей *"Электре"*^[9] Согласно этой истории, на которую ссылается, но не пересказывает Еврипид, ягненок с золотым руном был принесен Паном Атрею и рассматривался аргивянами как знак того, что он истинный царь. Но его брат Тиест с помощью жены Атрея украл его и объявил себя царем; так возникли раздоры, добро обратилось в зло, и звезды пошатнулись в своих курсах. Любопытно, что похищение Агнца оказало такое особое влияние на небеса и погоду, ведь об этом определенно говорится во второй строфе и антистрофе хора.^[10] Хотя детали неясны, ясно, что перед нами легенда с ярко выраженными астрологическими элементами. Кража Агнца меняет курс солнца, и из других строк припева мы узнаем, что это изменение привело к нынешним климатическим условиям мира: дождевые облака улетели на север и оставили "места Амниона", то есть Ливийскую пустыню, без росы.

В своем первоначальном виде легенда вполне могла быть рассказом о Первом грехе, после которого мир изменился до своего нынешнего состояния, как морального, так и атмосферного.^[11] Существуют определенные доказательства того, что Золотой Агнец отождествлялся с созвездием Овна; а поскольку Вавилон, по общему признанию, был родиной астрологии, то, несмотря на упоминание Аммона, не так уж невероятно предположить, что мы должны рассматривать эту легенду как одну из утраченных вавилонских легенд. Согласно теории вавилонской религии Уинклера, мы должны пойти дальше и проследить происхождение легенды до конвульсии в вавилонской мысли, которая произошла в девятом и восьмом веках до нашей эры. В этот период, как утверждается, солнце во время весеннего равноденствия перемещалось из созвездия Тельца в Овен, Бык, согласно теории, отождествлялся с Мардуком, богом Вавилона,^[12] и все то время, пока он уступал свое место Овну, Вавилон приходил в упадок перед властью Ассирии. С этим событием была связана дезорганизация календаря и времен года, вызванная несовершенным способом отсчета времени, что дало толчок к рождению новых легенд, одна из которых в греческом одеянии попала в хор Еврипида. Или, как это было сказано совсем по-другому, эта история - неправильно понятый фрагмент вавилонской астрономии.

Теория, лежащая в основе такого толкования легенды, базируется на аксиоме, что вавилонская религия была по сути звездопоклонством и что за каждым разделом национальной литературы, как светской, так и религиозной, стояла одна и та же астральная концепция Вселенной. Прежде чем рассматривать эту теорию более подробно, следует выяснить, насколько история страны подтверждает эту точку зрения. В самый ранний период, от которого до нас дошли материальные остатки, не может быть никаких сомнений в том, что поклонение изображениям составляло характерную черту вавилонской религиозной системы, хотя у нас нет возможности проследить его постепенную эволюцию из фетишей и культа камней, которые неизбежно предшествовали ему.^[13] Внеземная цивилизация, которую принесли шумеры, скорее всего, включала культовые изображения их богов, и они вполне могли быть уже антропоморфными. Созданное в форме бога, изображение, как считалось, закрепляло его присутствие, и для вавилонян всех периодов оно никогда не теряло этого анимистического характера.

РИС. 66. РИС. 67. РИС. 68.

БОГ ПОГОДЫ И ДВЕ БОГИНИ С АССИРИЙСКОГО БАРЕЛЬЕФА.

Богини носят головные уборы вавилонских божеств, и, поскольку их несут солдаты, они, вероятно, были взяты из захваченного вавилонского города.

(По Лэйярд.)

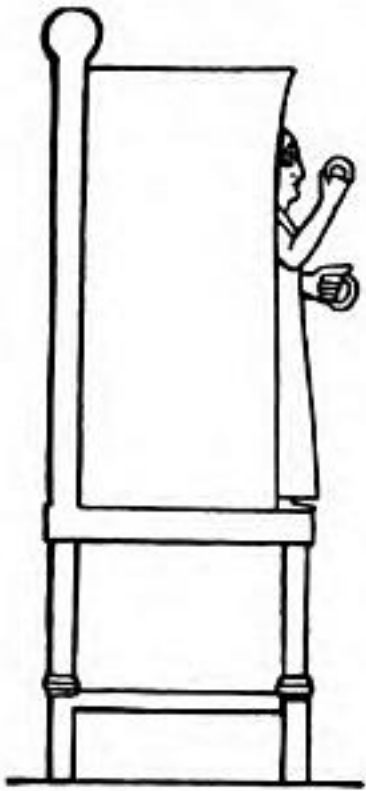

РИС. 69.

ФИГУРА БОЖЕСТВА В СВАТИЛИЩЕ.

(По Лэйярду.)

Племенной или городской бог на ранней стадии своего развития, несомненно, полностью отождествлялся со своим культовым изображением. Поклонялись не более чем одному образу каждого из них, и идея существования бога помимо этой видимой формы должна была постепенно развиваться.^[14] Несчастья материального образа, особенно если они не сопровождались национальными бедствиями, должны были способствовать развитию веры в существование бога помимо его видимого тела из дерева или камня. И такая вера в конце концов переросла в вавилонскую концепцию небесного деления вселенной, в которой обитали великие боги, являя свое присутствие людям в виде звезд и планет, движущихся по небу. Но это развитие ознаменовало собой большой шаг вперед по сравнению с чистым поклонением образам и, несомненно, последовало за ростом пантеона из собрания отдельных и обособленных богов-горожан. У нас нет возможности датировать ассоциацию некоторых из великих богов с природными силами. По-видимому, в более ранний шумерский период религиозные центры страны уже были связаны с лунными и солнечными культами, а также с другими подразделениями поклонения природе. Но совершенно точно, что на всех последующих этапах вавилонской истории божественный образ никогда не вырождался в простой символ божества. Не выдвигая сознательно теорию в объяснение своей веры, вавилонянин без труда примирял локализацию божественной личности с ее присутствием в других культовых центрах и, в конечном счете, с отдельной жизнью в небесной сфере.

То, что так оно и было на самом деле, доказывает ряд исторических примеров. С возвышением Вавилона мы можем отметить ту важную роль, которую реальное изображение Мардука играло в каждой церемонии коронации и в обновлении клятвы царя на каждом последующем празднике Нового года; руки царя не могли держать никакое другое изображение, кроме того, что находилось в Э-сагиле. В правление Хаммурапи мы видим, как представление вавилонянина о

своих видимых богах отражается в его отношении к чужим изображениям.^[15] О международном обмене божествами в четырнадцатом и тринадцатом веках уже говорилось,^[16] и возвращение захваченных изображений всегда отмечалось с энтузиазмом.^[17] Ведь сами изображения были главным оружием нации, и всегда существовал шанс, что при правильном обращении с ними похитители смогут передать свое влияние другой стороне. Эта тесная связь между богом и его изображением сохранилась и в неовавилонский период, и преступление Набонида в глазах жречества заключалось лишь в том, что он пренебрег этим чувством. Таким образом, исторические свидетельства говорят о том, что астральный аспект божественности в Вавилонии не был изначальной чертой ее религиозной системы и что он никогда не был принят в качестве исключения из более примитивных идей.

Аналогичный результат следует, если мы рассмотрим отношение вавилонского божества к его скульптурной эмблеме, с помощью которой его власть или присутствие могли быть в определенных обстоятельствах обеспечены или обозначены. Происхождение таких эмблем не было астрологическим, и не следует искать его в печеночной аугрии: они не были порождены причудливым сходством с животными или предметами, представленными либо созвездиями на небе, либо отметинами на печени жертвы. Очевидно, что они возникли в первую очередь из характеров или атрибутов, принятых богами в мифологии; их перенос на созвездия был вторичным процессом, а их обнаружение в метках на печени привело не к их собственному происхождению, а к происхождению предзнаменования.^[18] В ранний период эмблема городского бога могла символизировать мощь его города,^[19] и эмблемы других божеств выражали какие-то качества в характере их обладателя, либо были взяты из оружия, предмета или животного, с которым они ассоциировались в традиции.^[20]

Другим классом изображений были формы животных, также в значительной степени взятые из мифологии, которые украшали ранние храмы и воспроизводились в эмалированной кирпичной кладке светских зданий неовавилонскими царями. Большинство из них, как в более поздний, так и в более ранний период, располагались у входов в храмы, а там, где камня было так много, что его можно было использовать в большом количестве в конструкции зданий, сами дверные проемы вырезались таким же образом. О том, что животные формы использовались для символизации звука, говорит изображение большой арфы или лиры на шумерском бас-рельефе, где фигура быка, возвышающегося над корпусом, очевидно, призвана передать особые глубокие и яркие тона этого инструмента.^[21] Более того, на цилиндрических печатях с выгравированной фигурой бога Солнца, выходящего из Восточных небесных врат, два льва часто располагаются непосредственно над открывающимися дверями, а в одном образце ворота-повороты опираются на вторую пару, расположенную симметрично под ними.^[22]

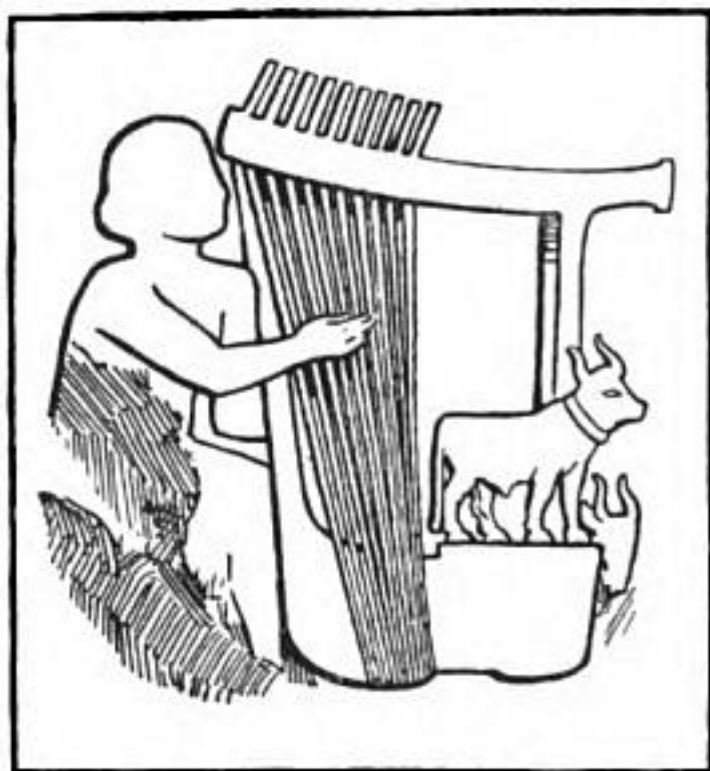

РИС. 70.

СУМЕРИЙСКИЙ ХАРП.

(По мотивам *Déc. en Chald.*, pl. 23.)

Символика этих и подобных им чудовищ вполне могла быть навеяна скрежетом тяжелых дверей в их каменных гнездах и лязгом засовов.[23] Эти звуки наводили на мысль о криках животных, которые, соответствии с догматами первобытного анимизма, считались обитателями дверей и ворот и их охраной. Вероятно, к этому времени восходят колоссальные львы и крылатые быки, которые украшали дверные проемы ассирийских и персидских дворцов и, подобно эмалированным чудовищам Вавилона и Персеполя, продолжали воспроизводиться в качестве божественных хранителей здания после того, как их примитивные ассоциации были забыты или изменены.[24]

РИС. 71.

ЛЬВЫ-ХРАНИТЕЛИ ВОСТОЧНЫХ ВРАТ РАЯ.

(По Хейзи.)

Таким образом, археологические данные подтверждают мнение, уже выведенное из исторических соображений, что астрология не доминировала в религиозной деятельности Вавилона. К такому же выводу приводит и изучение литературы. Магия и гадания занимают значительное место в найденных текстах, и в них нет ничего, что могло бы навести на мысль об астрологическом элементе.[25] Поэтому мы менее склонны принять аксиому, что астральная концепция вселенной настолько пронизывала и окрашивала вавилонскую мысль, что не только мифы и легенды, но даже исторические события записывались в терминах, отражающих движения солнца, луны и планет и другие явления небес. Если допустить это предположение, то, возможно, как утверждают астральные мифологи, верования вавилонских звездопоклонников стали преобладающей доктриной Древнего Востока и оставили свои следы в записях древности. Но первоначальное предположение представляется несостоятельным, и теория может найти поддержку, только если рассматривать поздние свидетельства как применимые ко всем этапам вавилонской истории.

РИС. 72.

КРЫЛАТОЕ ЧУДОВИЩЕ НА ЭМАЛИРОВАННОМ ФРИЗЕ В ПЕРСЕПОЛИСЕ.

(По Дьелафуа.)

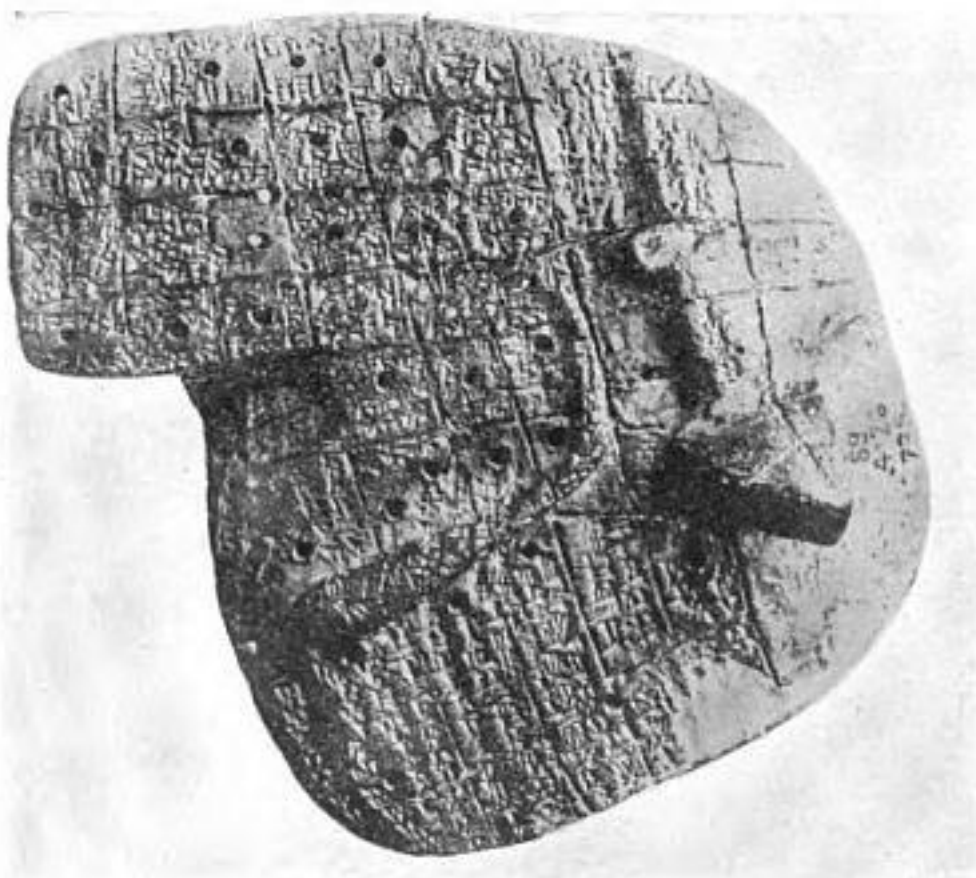
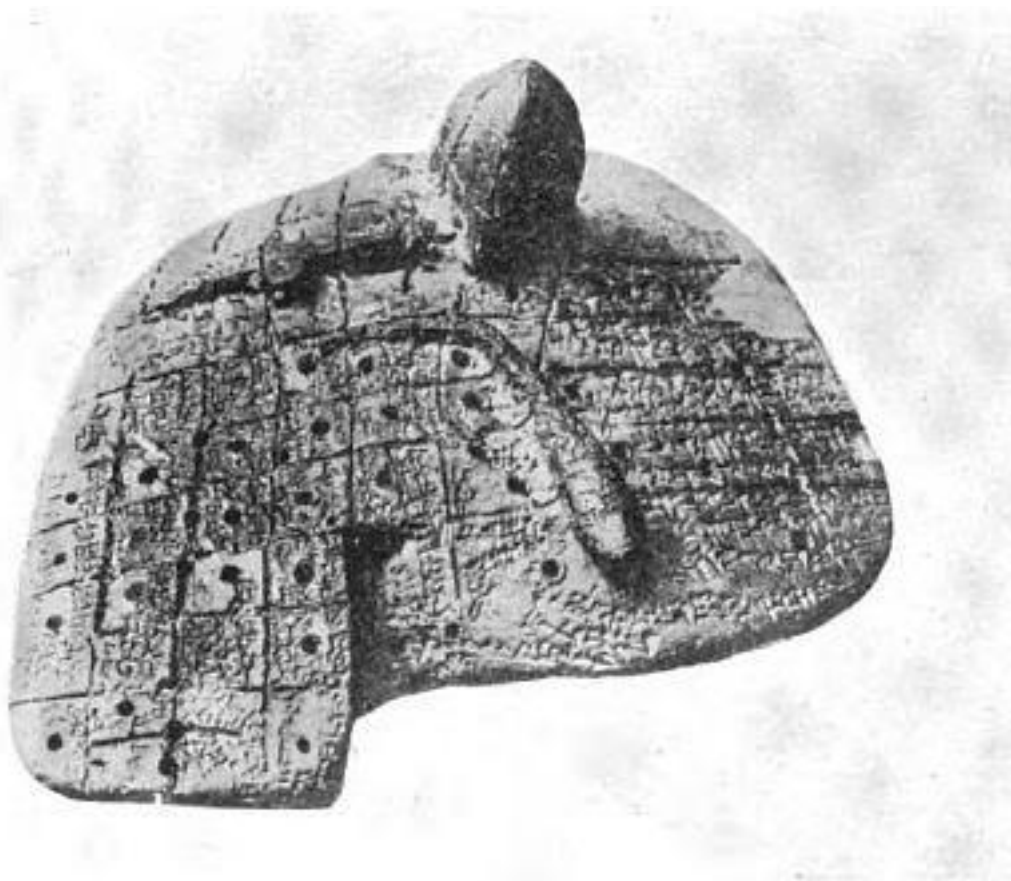
Корни теории уходят в чисто воображаемую эпоху, где отсутствуют доказательства в пользу или против нее. Так, древнейшие памятники, найденные на вавилонских территориях, не считаются реликвиями ранних этапов вавилонской культуры.^[26] Утверждается, что за ними существовала сложная и высокоразвитая цивилизация, лежащая во тьме за пределами самых ранних сохранившихся записей. При полном отсутствии материальных свидетельств не составляет труда изобразить эту эпоху в красках, которые не встречаются ни у одной другой ранней или примитивной расы в мировой истории. Предполагается, что в Вавилонии в этот доисторический период не существовало войны и насилия. Интеллект доминировал и контролировал страсти первобытных, но высокоодаренных людей, и в частности одна из форм интеллектуальной концепции, основанная на научном знании астрономии. Предполагается, что чисто астрономическая теория Вселенной лежала в основе их цивилизации и управляла всем их мышлением и поведением. Это было не учение ученого священства, а общепринятая вера, которая пронизывала все сферы национальной и индивидуальной жизни. В своем совершенном и неповрежденном виде эта теория исчезла вместе с другими реликвиями ее изобретателей. Но она была унаследована семитскими переселенцами в Вавилонию и, хотя использовалась ими в измененном и испорченном виде, оставила, как говорят, свои следы в более поздних записях. Таким образом астральный мифолог объясняет фрагментарный характер своих данных, на основании которых он утверждает, что восстанавливает первоначальные верования во всей их полноте.

Одно из таких верований сохранилось у Сенеки,^[27] который, ссылаясь на Беросса, ссылается на халдейскую теорию великого года, длинного космического периода, имеющего, как и год, лето и зиму. Лето ознаменовано великим пожаром, вызванным соединением всех планет в Раке, а зима характеризуется всеобщим потопом, вызванным аналогичным соединением всех планет в Козероге. Эта идея, очевидно, основана на представлении о том, что, поскольку чередование дня

и ночи соответствует смене времен года, то и сам год должен соответствовать большим циклам времени. Хотя Бероссус является нашим самым ранним авторитетом, доктрина считается примитивной вавилонской. Далее утверждается, что даже в самый ранний период жители Вавилонии считали, что история мира развивалась в ряде последовательных эпох, имевших такое же отношение к этим эонам мирового цикла, какое год имел к ним.

Теория веков мира достаточно хорошо знакома по классической концепции, впервые встречающейся в "Трудах и днях" Гесиода,[\[28\]](#) которая оказала глубокое влияние на поздние греческие спекуляции. В концепции Гесиода о четырех эпохах, различающихся по основным металлам и демонстрирующих прогрессирующую деградацию, нет ничего особенно астрального. Но утверждается, что теория Гесиода и все параллельные концепции Мировых Эпох происходят от вавилонского прототипа, а Золотой Век Гесиода отражает общее состояние доисторической Вавилонии. Предполагая тесное соответствие между зодиаком и землей в ранней вавилонской мысли, утверждается, что жители страны с самых ранних времен делили историю мира на эпохи примерно по две тысячи лет каждая, в соответствии с определенным знаком зодиака, в котором солнце находилось каждый год в момент весеннего равноденствия, когда отмечался праздник Нового года.[\[29\]](#) Хотя эти эпохи никогда не назывались и не упоминались в надписях, астральные мифологи называют их эпохами Близнецов, Быка и Овна,[\[30\]](#) от зодиакальных созвездий Близнецов, Тельца и Овна.

Это важнейший пункт теории, который предполагает наличие у ранних вавилонян очень точных знаний в области астрономии: он предполагает знание хода равноденствий, которое могло быть основано только на очень жесткой системе астрономических наблюдений и записей.[\[31\]](#) Однако предполагается, что древние вавилоняне были хорошо знакомы с этими фактами и прослеживали тесную связь между ними и мировой историей. Предполагается, что определенные мифы характеризовали каждую из этих мировых эпох, не только влияя на религиозные верования, но и настолько овладевая вавилонской мыслью, что оказывали влияние на исторические труды. Как солнце в весеннее равноденствие постепенно продвигалось по созвездиям эклиптики, так, согласно теории, история мира развивалась в согласии с его ходом, и предначертанная судьба вселенной медленно разворачивалась.

ДВА ВИДА ГЛИНЯНОЙ МОДЕЛИ ПЕЧЕНИ ОВЦЫ, АННОТИРОВАННОЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ГАДАНИЯ.
Brit. Mus., No. 90668.

До этого момента астральная теория очень полна, и, принимая во внимание ее первоначальные гипотезы, все идет достаточно гладко. Но как только ее авторы пытаются подогнать существующие легенды под свою теорию, начинаются трудности. В вавилонской мифологии мы не находим пары героев, хоть сколько-нибудь похожих на Диоскуров. Но лунные культы были заметны в самую раннюю вавилонскую эпоху, и, за неимением более близких параллелей, две фазы растущей и убывающей луны стали рассматриваться как характеристика мифов и легенд эпохи близнецов. Заимствуя термин из музыки, они описываются как характерный *мотив* эпохи. Вторая эпоха, эпоха Быка, начинается примерно с приходом к власти Вавилона. Существует очень мало доказательств связи Мардука, бога Вавилона, с зодиакальным созвездием Быка, но эта связь уверенно предполагается.[32] Третья эпоха, эпоха Овна, представляет еще большие трудности, чем две ее предшественницы, поскольку никакая изобретательность не может найти материал для *мотива* Овна в Вавилоне. Но Юпитер Амнион был изображен с головой барана, и предполагается, что он был идентичен по своей природе Мардуку. Таким образом, предполагается, что новое летоисчисление перешло в Египет, а Вавилон остался незатронутым.[33] Объясняется это тем, что Эпоха Овнов началась в то время, когда власть Вавилона пошла на спад; но почему вавилоняне должны были игнорировать истинное положение солнца в момент весеннего равноденствия, не совсем очевидно.

Считается, что иностранное влияние вавилонской концепции мироздания наложило сильнейший отпечаток на еврейскую историческую письменность. Утверждается, что библейские повествования, относящиеся к ранней истории евреев, в особенности подверглись влиянию вавилонских мифов о Вселенной, и что большое количество отрывков, как следствие, имеет астральное значение. Эта сторона вопроса была детально проработана доктором Альфредом Иеремиасом,[34] и нескольких примеров будет достаточно, чтобы проиллюстрировать предлагаемую систему интерпретации. Возьмем одну из вавилонских легенд, которая, как говорят, наиболее часто встречается в древнееврейских повествованиях, - спуск богини Иштар в подземный мир в поисках своего молодого мужа Таммуза, который в своей вавилонской форме, несомненно, является природным мифом. Не приходится сомневаться, что в этом мифе Таммуз олицетворяет весеннюю растительность; она, иссушенная летним зноем, отсутствует на земле в течение зимних месяцев, пока ее не восстановит богиня плодородия. Несомненно, культ Таммуза распространился и в Палестине, ведь Иезекииль в своем видении видел женщин у северных ворот Иерусалимского храма, оплакивающих Таммуза.[35] Мы уже отмечали его появление в Греции в истории об Адонисе и Афродите.[36] В греческой форме состязание между Афродитой и Персефоной за обладание Адонисом воспроизводит борьбу между Иштар и Эрешкигаль в Обители мертвых; а ежегодное исчезновение и повторное появление Таммуза приводит в греческой версии к решению Зевса, что Адонис должен проводить одну часть года над землей с Афродитой, а другую часть - под землей с Персефоной.[37] Таковы основные факты, которые не оспариваются, касающиеся этого конкретного вавилонского мифа. Теперь мы можем обратить внимание на то, как говорится, что *мотивы* из него переплетаются в Ветхом Завете с традициями, касающимися ранней истории евреев.

Хорошо известно, что в раннехристианских сочинениях, таких как сирийский "Гимн души", гностическое сочинение второго или третьего века н. э.,[38] земля Египта иногда упоминается в метафорическом или аллегорическом смысле. Существует предположение, что история о путешествии Авраама с женой Сарой в Египет[39] могла быть написана по параллельной системе аллегорий в терминах, отражающих спуск в подземный мир и спасение из него. Правда, в рассказе дом фараона поражен, вероятно, бесплодием, что напоминает о прекращении плодородия на земле, пока богиня любви остается в подземном мире. Но тот же *мотив* прослеживается и в спасении Лота из Содомы: здесь Содом - это подземный мир. Яма, в которую Иосифа бросают его братья, и тюрьма, в которую его бросает Потифар, также представляют

подземный мир: а два его сокамерника, главный пекарь и главный дворецкий, - это два второстепенных божества в доме Мардука.[40] Пещера в Мекке, в которой спрятались пять царей аморреев после поражения от Иисуса Навина,[41] , как говорят, имеет в своей основе тот же *мотив*. Короче говоря, любая пещера, или тюрьма, или состояние страдания, упомянутые в древнееврейских повествованиях, могут, согласно астральной интерпретации, представлять подземный мир.[42]

Еще один *мотив*, который мы возьмем из вавилонской мифологии, - это борьба с драконом, поскольку он иллюстрирует основной шаблон, или систему, по которой астральный мифолог выстраивает свой материал. В вавилонской истории о Сотворении вспоминается, как Тиамат, дракон хаоса, восстала вместе с Апсу, богом бездны, против новых и упорядоченных путей богов; как Мардук, защитник богов, победил ее и, разрубив ее тело пополам, использовал одну ее половину в качестве небесной тверди, а затем приступил к другим своим делам творения.[43] Уже давно отмечена вероятность того, что борьба с драконом могла послужить основой для некоторых метафорических фраз или описаний в древнееврейской поэтической и пророческой литературе.[44] Но астральный мифолог использует его как доминирующий *мотив* своей эпохи Тельца; и поскольку эта эпоха началась, согласно его теории, еще до эпохи Авраама, мифы о Мардуке встречаются в Ветхом Завете чаще, чем любые другие. Астральный бог играет в мифологии роль освободителя: поэтому любой библейский герой, о котором говорится, что он спас кого-либо, избавил свою семью или народ, является удобным колышком, на который можно повесить *мотив*. Так же и рождение основателя династии или открывателя новой эпохи, как говорят, отражает солярный *мотив* рождения весеннего солнца.[45]

В этом процессе обнаружения скрытых *мотивов* важную роль играют числа. Вот один пример: по словам , они указывают на то, что бой Давида с Голиафом отражает миф о годовом цикле. Сорок дней, в течение которых Голиаф, отождествляемый с драконом Тиамат,[46] утром и вечером приближался к израильтянам, символизируют зиму. В еврейском тексте его рост указан как шесть локтей с пролетом;[47] эта цифра изменена на пять локтей с пролетом, поскольку в противном случае число не соответствовало бы пяти с четвертью эпагоменальным дням.[48] При всем желании убедиться в этом нельзя не почувствовать, что, даже если допустить обоснованность теории, ее авторы позволили ей уйти от них. Конечно, нельзя отрицать, что астрологические представления могут окрашивать некоторые истории в Ветхом Завете. Триста лисиц с привязанными к их кистям огненными лентами, которыми Самсон уничтожил кукурузу филистимлян, находят поразительную параллель в церемонии, которая ежегодно происходила в цирке Рима во время Цереалий,[49] и вполне могут рассматриваться как народная мифология астрологического происхождения.[50] Огненная колесница Илии могла быть вызвана каким-то астрономическим явлением, возможно, кометой; вероятно, она была результатом той же ассоциации идей, что и драконья колесница Медеи, дар Гелиоса. Но это едва ли готовит нас к тому, чтобы принять такую аллегоризацию деталей, какая предлагается в других отрывках.

Точно такие же принципы интерпретации были применены к героям греческой легенды. Профессор Йенсен из Марбурга в своей работе о вавилонском эпосе о Гильгамеше попытался проследить почти каждую фигуру не только в Ветхом Завете, но и в классической мифологии до вавилонского источника.[51] Но его довольно монотонный метод восприятия со всех сторон рефлексий на собственного героя Гильгамеша уже достаточно критиковался, и мы возьмем несколько примеров из более поздней работы доктора Карла Фриза,[52] , который внес и другой вклад менее спекулятивного характера в изучение греческих и восточных связей. Развивая

опубликованное предложение профессора Йенсена, доктор Фрис с энтузиазмом применил астральный метод интерпретации к "Одиссее". Такой эпизод, как путешествие Одиссея в Аид, чтобы посоветоваться с фиванским пророком Тейресиасом, несомненно, представляет собой близкую параллель с путешествием Гильгамеша к Ксисутросу в вавилонской легенде; и, хотя подобные традиции нередки в эпохах других рас, греческая форма этой истории, возможно, сохранила отголосок вавилонской. Но можно предположить и более тесную связь.

Часть "Одиссеи", которая, как говорят, в основном подверглась вавилонскому влиянию, - это пребывание Одиссея в Схерии; весь эпизод его развлечения у феакийцев, как говорят, отражает вавилонский праздник Нового года. С момента его пробуждения на острове мы начинаем воспринимать астральные *мотивы*. В хоровой игре Наусикаа в мяч со своими девами мяч символизирует солнце или луну, которые вращаются от одного края неба к другому; когда он падает в реку, это заходящее солнце или луна. Одиссей, разбуженный пронзительным криком девы, выходит из темноты леса: он - восходящее солнце. Путь в город, который описывает Одиссею Наусикаа, соответствует священной улице Шествия в Вавилоне, по которой Мардука несли из его храма через весь город на праздник Нового года. Культовый образ во время путешествия должен быть защищен от взглядов неосвященных глаз; поэтому Афина окутывает Одиссея туманом, чтобы никто из феакийцев не встретил его на пути. Предлагаются и другие астральные элементы, не имеющие специфически вавилонской окраски.^[53]

Мы не касаемся здесь теории доктора Фриса о происхождении греческой трагедии, но можем мимоходом отметить, что Одиссей, рассказывая о своих приключениях, выступает в роли жреца на празднике бога Света. В других частях "Одиссеи" доктор Фриз не пытается проследить многие астральные *мотивы*, хотя, конечно, замечает, что приключения Одиссея - это всего лишь выжившие астральные мифы, и, несмотря на сотню трансформаций, в конечном итоге они связаны только с путешествием светлого бога по небесному океану.^[54] Заключительные сцены "Одиссеи" также получают тщательную астрологическую интерпретацию, в них часто встречаются лунные и *солнечные мотивы*. Из речи Антиноя во время испытания лука мы знаем, что убийство сватов произошло в праздник новолуния, так как после того, как Эвримах и другие сваты не смогли склонить его, он меньше всего оправдывается, предлагая перенести испытание на утро. Этот факт позволяет предположить, что в Одиссее, вернувшись на праздник новолуния, мы узнаем самого бога Луны, торжествующего над тьмой с помощью своего лука или полумесяца. С другой стороны, двенадцать осей, через которые летит стрела, указывают, предположительно по их количеству, на солнце. Пенелопа, которую сватают женихи, - луна, которую окружают звезды, а ее плетение и распутывание паутины - лунный мотив. Затем приближается Одиссей, как солнце, и все звезды затмеваются при его появлении.

В таких руках астральная теория несет свое противоядие, ибо нельзя не поразиться легкости, с которой она может быть применена. Как правило, нет необходимости доказывать мифологическую основу повествования; все, что нужно, - это предположить наличие астрального смысла в тексте.^[55] На самом деле, одним из способов продемонстрировать несостоятельность этой теории было применение ее методов к записям о жизни исторических личностей.^[56] Но этот аргумент в лучшем случае сводится к *абсурду*, а наиболее разрушительная критика была направлена с чисто астрономической стороны.

Хорошо известно, что различные эклиптические созвездия, составляющие знаки Зодиака, не занимают по тридцать градусов эклиптики, но некоторые из них длиннее, а некоторые короче, чем другие. Кроме того, созвездия вавилонских астрономов позднего периода не полностью совпадали с нашими. Например, самую восточную звезду нашего созвездия Девы вавилоняне эпохи Арсакидов считали принадлежащей к следующему по эклиптике созвездию - Льва, поскольку она была известна как "задняя лапа льва".^[57] Но, к счастью для нашей цели, не может

быть больших сомнений относительно восточной границы Близнецов и западной границы Овна, которые отмечают начало и конец трех мировых эпох астральных мифологов. Ведь две яркие звезды, Кастор и Поллукс, от которых Близнецы получили свое название, несомненно, были причислены к этому созвездию еще неовавилонянами. А самая восточная звезда нашего созвездия Рыб (*piscium*), вероятно, находилась далеко за пределами вавилонского созвездия Хама.

НЕОВАВИЛОНСКИЙ ТРАКТАТ ПО АСТРОНОМИИ.
Brit. Mus., No 86378.

Исходя из этого предположения и принимая по тридцать градусов на каждое из трех промежуточных созвездий, доктор Куглер вычислил годы, в которые солнце входило в эти знаки Зодиака в момент весеннего равноденствия, то есть точки, в которых начинались и заканчивались астральные Мировые Эпохи. Его цифры полностью опровергают претензии Уинклера на астрономическую основу его астральной системы. Эпоха Близнецов, вместо того чтобы закончиться, согласно теории, около 2800 года до н.э., на самом деле закончилась в 4383 году до н.э. Таким образом, Эпоха Быка началась более чем за пятнадцать сотен лет до рождения Саргона I, который, как предполагается, положил ей начало; и закончилась она в 2232 году до н.э., то есть значительно раньше рождения Хаммурапи, при котором, как нам говорят, *мотивы* Эпохи Быка были в основном развиты. Более того, со времен Первой династии и вплоть до 81 года до н. э. - то есть на протяжении всей своей истории - Вавилон действительно жил в эпоху Хама, а не Быка. Таким образом, все *мотивы* и мифы, которые были так изобретательно связаны со знаком зодиака Бык, на самом деле должны были быть связаны с Овном. Но даже астральные мифологи признают, что в вавилонской мифологии нет ни малейшего следа *мотива* Овна. Если допустить все предположения, сделанные Уинклером и его школой в отношении астрономических знаний ранних вавилонян, то теория, развитая на их основе, оказывается необоснованной. Астрономия Винклера была неисправна, а его три астрологические эпохи мира не соответствуют периодам истории.[58]

Вавилон, действительно, был матерью астрономии не меньше, чем астрологии, и классическая античность была обязана ей в немалой степени: но, строго говоря, ее научные наблюдения датируются не очень ранним периодом. Правда, у нас есть свидетельства того, что уже в конце третьего тысячелетия астрономы записывали наблюдения за планетой Венера, [59] а также есть фрагмент раннего текста, который показывает, что они пытались приблизительно измерить положение неподвижных звезд. Но их искусство измерения долгое время оставалось примитивным, и только поздние вавилоняне, жившие в период с шестого по первый век до нашей эры, смогли с достаточной точностью зафиксировать движения планет, особенно Луны, и таким образом основать надежную систему измерения времени. Тот факт, что астрологические тексты даже позднеассирийского периода рассматривают затмения как возможные в любой день месяца и используют этот термин для обозначения любого вида затмения солнца и луны, является достаточным доказательством того, что в то время они не отмечали их регулярность и все еще имели сравнительно грубые представления об астрономии. [60]

Самый ранний научный документ в строгом смысле этого слова датируется второй половиной шестого века, когда мы впервые обнаруживаем, что относительные положения солнца и луны были рассчитаны заранее, также как и соединения луны с планетами и планет друг с другом, их положение было отмечено в знаках зодиака. Но таблички не дают никаких доказательств того, что вавилонские астрономы обладали какими-либо знаниями о прецессии равноденствий до конца II века до н. э., и традиционная приписка этого открытия Гиппарху Никейскому, работавшему между 161 и 126 годами до н. э. по наблюдениям своих вавилонских предшественников, может быть принята как точная. [61]

Короче говоря, нет никаких оснований для теории о том, что вавилоняне делили историю мира на астральные эпохи, и что их мифы и легенды имели какую-то особую связь с последовательными знаками Зодиака. То, что астрология с раннего периода составляла важный раздел вавилонской религиозной системы, не вызывает сомнений; но в то время звезды и планеты не оказывали преобладающего влияния на религиозные верования, и многие черты системы, для которых уверенно предполагается астральное происхождение, должны быть отнесены к более простой и примитивной ассоциации идей. [62] Но необходимая модификация астральной теории все же оставляет открытой возможность того, что древнееврейская литература могла приобрести сильный астрологический оттенок в эксильские и постэксильские периоды. Были ли еврейские традиции затронуты в Вавилоне, например, таким же образом, как персидские легенды о Митрее? Поскольку астральная теория не претендует на то, чтобы диктовать нам ответ, вопрос должен решаться по обычным правилам исторических и литературных свидетельств.

Если мы допускаем, что вавилонская астрология оказала столь заметное влияние на евреев изгнания, то должны, по крайней мере, ожидать найти ее следы в практических вопросах и терминологии. И в этой связи есть некоторые факты, которые никогда не были справедливо встречены астральными микологами. [63] Верно, что вернувшиеся изгнанники при Зоровавеле приняли вавилонские названия месяцев для гражданского использования; но идея часов, то есть деления дня на равные части, похоже, пришла в голову евреям только после изгнания, и даже тогда нет никаких следов вавилонского двойного часа. [64] Другой факт еще более значителен. За исключением единственного упоминания планеты Сатурн пророком Амосом, [65] ни одно из еврейских названий звезд и созвездий, встречающихся в Ветхом Завете, не соответствует тем, которые, как мы знаем, были в употреблении в Вавилоне. Такой такт, несомненно, является решающим против любого массового заимствования астральной мифологии из Вавилона со стороны авторов или редакторов Ветхого Завета, будь то в доэксильские или послеэксильские времена. Но это вполне совместимо с мнением, что некоторые образы и даже

некоторые направления мысли, встречающиеся в поэтических и пророческих книгах Евреев, имеют вавилонскую окраску и могут найти свое объяснение в клинописной литературе. Нет никаких сомнений в том, что вавилонские тексты оказали неоценимую помощь в попытке проследить работу восточного разума в древности.

Что касается предполагаемого влияния Вавилона на греческую религиозную мысль, важно понимать, что темпераменты вавилонянина и эллина были совершенно разными, фанатичный и самоуничижительный дух Востока ярко контрастировал с хладнокровием, гражданской трезвостью и уверенностью в себе Запада. На это обратил внимание доктор Фарнелл, [66], который делает особый акцент на полном отсутствии в месопотамских культах следов тех религиозных мистерий, которые, как он показал в других источниках, составляли столь существенную черту эллинского и эгейского общества. [67] Другой факт, в котором он видит значение, заключается в том, что использование благовоний, универсальное с незапамятных времен в Вавилонии, не было введено в Греции до восьмого века до н.э. Этот маленький продукт, как он с готовностью признает, было гораздо легче импортировать, чем вавилонскую теологию. Мало кто не согласится с ним в том, что предположение о том, что на протяжении долгих веков Хеттская империя была барьером между Месопотамией и побережьем Малой Азии, [68] как достаточная причина для этого препятствия в прямом распространении вавилонского влияния на запад. Но никакие политические барьеры не могут противостоять преданиям, которые помнят странствующие купцы и пересказывают у костров караванов. То, что Вавилон внес определенный вклад в богатый запас легенд, бытующих в различных формах по всему региону восточного Средиземноморья, вполне ожидаемо.

Культурное влияние Вавилонии с древнейших времен проникало на восток, а цивилизация Элама, ее ближайшего соседа, в значительной степени формировалась под влиянием Шумера. Но уже в то время торговые пути были открыты на запад, и до возвышения Вавилона воины и купцы проходили от низовьев Евфрата в Сирию. С экспансией западных семитов эти два региона оказались в более тесной связи, и за политическим контролем над средним Евфратом, впервые установленным в эпоху Хаммурапи, последовало усиление торгового оборота, который с небольшими перерывами продолжался в неовавилонский и более поздние периоды. Во внешней политике Вавилона всегда преобладала необходимость поддерживать открытые связи с западом: и в основном благодаря ее коммерческой предприимчивости, а не территориальным амбициям, ее культура достигла дальних пределов Палестины и оставила некоторые следы в греческой мифологии.

[1] Культ Адониса проник в Грецию не позднее седьмого века до нашей эры, и есть свидетельства того, что его обряды впоследствии отмечались как в Апроце, так и в Аттике; см. Frazer, "Adonis, Attis, Osiris", I., pp. 13 if., 226 f. О шумерском происхождении легенды см. Zimmern, "Sumerisch-babylonische Tamûzlieder" (1907), и Langdon, "Tammuz and Ishtar" (1913).

[2] Хотя Актеон был превращен Артемидой в оленя, основные черты вавилонского мифа - разгневанная богиня, превращение героя в зверя и его смерть от собственных гончих - сохраняются в различных версиях греческой истории.

[3] Помимо других подробных сходств, труды и страдания, которым подвергается Геракл из-за ненависти Геры, что характерно для всех форм греческой легенды, находят близкую параллель в преследовании и суде Иштар над Гильгамешем. Последнее обсуждение возможного влияния легенд о Гильгамеше на еврейские традиции см. в дополнительной заметке "Мифический

элемент в истории о Самсоне" в готовящемся к изданию томе профессора Берни "Судьи" в "Оксфордском церковном библейском комментарии".

[4] Именно эта небрежность в применении и, как следствие, соблазн злоупотреблять ею привели к тому, что многие критики отрицают всякую ценность исследований покойного Хьюго Уинклера и его последователей.

[5] Основную литературу, в которой излагается их астральная теория, см. ниже, р. 292, п. 3.

[6] По этому вопросу см. Cumont, "La plus ancienne géographie astrologique" в "Klio", IX. (1909), Hft. 3, pp. 263 ff.

[7] Ярким примером того, как эта астральная концепция вселенной, бытовавшая, во всяком случае, среди позднейшей школы вавилонских астрологов, наложила свой отпечаток на еврейскую литературу, может служить Ис. xxvii, 1, эсхатологическое пророчество послеэксильского периода, где образность явно заимствована из вавилонских источников. "Извивающийся" или "кривой змей" в этом отрывке - это созвездие Драко, вращающееся вокруг Северного полюса; Серпенс, расположенный немного севернее эклиптики, - "беглый змей"; а Гидра, водяная змея, обитающая на южном небе или в небесном океане, - "дракон, который в море". Впервые этот отрывок был объяснен таким образом Берни, "Journ. Theol. Stud.", XI. (1910), pp. 443 ff.

[8] Работа Штукена "Astralmythen" (1896-1907), по-видимому, сильно повлияла на Винклера, чья теория привлекла всеобщее внимание после ее изложения в "Preussische Jahrbücher" в 1901 году (Bd. 104, pp. 224 ff.) и в "Himmels- und Weltenbild der Babylonier als Grundlage der Weltanschauung und Mythologie aller Völker" в "Der alte Orient", III., 2-3. Особые моменты он развил в своих "Altorientalische Forschungen" (1902-1905); см. также Winckler и Jeremias, "Im Kampfe um den alten Orient", Leipzig, 1907-8. Защиту астрономических предпосылок теории см. особенно в Jeremias, "Das Alter der babylonischen Astronomie" (*op. cit.*, Hft. 3, 1908); и ср. Weidner, "Orient. Lit.-Zeit.", 1911, Col. 345 ff., и 1913, № I и 2 (Sonderabdruck, 16 стр.); см. далее, стр. 304, 308.

[9] Объяснение Винклера цитирует профессор Гилберт Мюррей в своей "Электре Еврипида", р. 91 f., и профессор Берроуз в своих "Открытиях на Крите", р. 133.

[10] Ll. 726 и далее.

[11] Ср. Мюррей, *указ. соч.*, стр. 91.

[12] На самом деле корпус был связан с Ададом, богом погоды, и, естественно, символизировал бога грома.

[13] Ср. Taylor, "Primitive Culture", II., pp. 143 и далее.

[14] Можно предположить обстоятельства, которые могли бы подтолкнуть к спекуляциям в этом направлении. Захват и изгнание бога, если за этим последовало замещение его другой фигурой и последующее восстановление оригинала, привело бы к включению двух фигур в одно святилище. А стремление царя перестроить или украсить храм могло распространяться и на само изображение, если оно было повреждено или обветшало.

[15] Не просто как добычу, а чтобы завоевать их расположение, Син-идиннам со своим войском увез некоторых эламских богинь в свою страну, бережно храня их в своих святилищах; а после возвращения изображений в Элам сами богини вернулись туда (см. "Письма Хаммурапи", III., с. 6 и далее). В том же духе Навуходоносор I предоставил убежище жрецам-беженцам из Элама и ввел их бога Риа в Вавилон (см. выше, [с. 253](#) и далее).

[16] См. выше, с. 221 f., 240.

[17] В качестве примера можно привести возвращение Агум-Какримом изображений Мардука и Сарпанитума (см. выше, с. 210, 218). Но, пожалуй, самым ярким примером является возвращение Ашшуром Бани-Палом изображения Наны из Суз, которое было вывезено из Эреха за шестнадцатьсот тридцать пять лет до этого (см. выше, с. 113). Он, вероятно, нашел ее установленной в ее сузском святилище, возможно, в храме Шушинака, национального бога.

[18] Копье Мардука было подходящей эмблемой для убийцы Тиаджмата, демона хаоса, а Стилус, или клин, Набу - для бога письма и архитектуры. Эмблемы некоторых великих богов природы, естественно, были астрологическими, например, вилы-молнии Адада, лунный и солнечный диски для бога Луны и бога Солнца; но этот характер не разделяло большинство эмблем.

[19] Эмблема Нингирсу из Лагаша, например, представляла собой львиноголового орла, схватившегося со львами; см. "Грешник и Аккад", с. 100.

[20] Некоторые божественные эмблемы были чисто животными, например, собака Гула, ходячая птица Бау и скорпион Ишхара. Можно добавить, что в этих случаях ничто не указывает на тотемистическое происхождение, а аналогия с рыбой-козлом Энки или Эа, бога глубин, позволяет предположить, что они не выходят за рамки мифологической стадии.

[21] См. рис. 70; и ср. Heuzey, "Musique chaldéenne" в "Rev. d'Assyr.", IX., No. iii. (1912), pp. 85 ff. М. Хозей подкрепляет свое предположение цитатой описания подобного музыкального инструмента из современного текста: "Портик" лиры был похож на ревущего быка".

[22] См. с. 299, рис. 71, и ср. Пластина XVI. (№ 89110), напротив с. 192.

[23] Хейзи (Heuzey, *loc. cit.*) приводит следующее описание дверей, установленных Гудеа в храме Нингирсу: "Двери из кедрового дерева, установленные в воротах, были подобны Богу Грома, громяющему в небесах; ворота храма Э-нинну были подобны дикой собаке; шарниры были подобны льву; ... на ..., расположенных над дверями, он (Гудеа) заставил молодого льва и молодую пантеру" (см. Thureau-Dangin, "Sum. und Akkad. Königsinschriften", p. 118 f., Col. 20, 11. 20 ff.).

[24] Ср. "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXIV. (1912), pp. 270 ff.

[25] Наши знания о вавилонской литературе в значительной степени почерпнуты из ассирийских источников, и, поскольку цивилизация обеих стран была тесно связана, эти две ветви предмета будут рассмотрены вместе в конце третьего тома этой истории. После публикации недавно обнаруженного шумерского кодекса (см. выше, с. 153, п. 2) можно будет более уверенно говорить о сравнительной роли шумерского и семитского языков в развитии вавилонского права. Кстати, этот документ прольет свет на то, в какой степени примитивные семитские обычаи, возможно, разделяемые евреями, могли сформировать некоторые положения кодекса Хаммурапи.

[26] Грубые надписи из такого кургана, как Фара (см. "Шумер и Аккад", стр. 24 и далее), где находился город Шуруппак, упоминаемый в истории о потопе, не считаются архаичными. Печати из раковин, медное оружие и грубые каменные ожерелья из могил под городом рассматриваются со скудным вниманием. Все они относятся к сравнительно поздней стадии развития.

[27] "Quiest. Natur.", 111., 29, ed. Haase, p. 235.

[28] LI. 108 и далее.

[29] Это был самый важный праздник в вавилонском календаре; см. выше, с. 190, 296.

[30] См. выше, с. 293 и далее.

[31] Положение солнца в момент весеннего равноденствия, конечно, очень незначительно меняется из года в год. Его смещение составляет всего один день примерно за семьдесят два года, и, если приписать по тридцать градусов каждому из двенадцати эклиптических созвездий, то на прохождение таким образом одной фигуры Зодиака уйдет 2151 год.

[32] Тот факт, что бык был использован для украшения ворот Иштар в Вавилоне, не дает оснований связывать его с городом-богом. Бык всегда ассоциируется с богом грома (см. выше, с. 294, п. 1), тогда как Мардук был, по сути, солнечным божеством. Этот последний факт используется микологами, которые утверждают, что эпоха Солнца естественным образом следует за эпохой Луны, и что солнечные мифы следует искать как характерные для этого второго периода.

[33] Признание того, что мифы Мардука не были затронуты Рамой, трудно совместить с тем значением, которое астральный мифолог придает наступлению новой эпохи.

[34] См. его "Das alte Testament im Lichte des alten Orients" (1-е изд., Лейпциг, 1904), и особенно пересмотренное и дополненное английское издание, опубликованное в 1911 году в "Библиотеке теологических переводов". В своем предисловии к этому изданию каноник Джонс, заявляя, что в обязанности автора предисловия не входит борьба с мнениями автора, признает, что по многим вопросам он расходится с мнением д-ра Иеремиаса. Рецензент тома в "Церковном ежеквартальном обозрении", том LXXIV, № 147 (апрель, 1912), стр. 166 и далее, отмечает "апологетический импульс, который так же замечен у д-ра Иеремиаса, как и его своеобразная форма". Читателей, которые могут быть склонны увидеть в этой работе основания для осуждения результатов, полученных литературной критикой Ветхого Завета, каноник Джонс предупреждает в своем предисловии, что им "было бы неразумно слишком сильно опираться на этот посох Вавилонии".

[35] Иезек. viii., 14.

[36] См. выше, с. 290.

[37] О близком соответствии греческой формы легенды ее вавилонскому оригиналу см. Frazer, "Adonis Attis Osiris", I., pp. 6 ff.

[38] Прим. ред. Беван в "Текстах и исследованиях", V., 3.

[39] Gen. xii.

[40] Ср. Jeremias, "Old Testament", I., p. (60, II., p. 65). На них были боги Мина-икул-бели, "Что будет есть мой господин?", и Мина-ишти-бели, "Что будет пить мой господин?". (ср. King, "Cun. Texts," XXIV., 1908, p. 5); но нет ничего, что связывало бы с ними древнееврейский рассказ.

[41] Иош, х., 10, 16.

[42] В поддержку таких астральных *мотивов* можно найти свидетельства прямого поклонения Иштар в неожиданных местах. Так, объясняется, что люди из Гилеада выбрали

слово *shibboleth*, "колос зерна", в качестве пароля для эфраимцев не потому, что это было обычное слово, содержащее требуемый сибилант, а в честь богини Иштар, небесной Девы с колосьями кукурузы. И хотя покрывало было частью обычного одеяния древнееврейских женщин, считается, что такой естественный акт, как рассказ о Ребекке, которая, как говорят, покрыла себя при приближении Исаака, отражает культ Иштар.

[43] Ср. "Семь скрижалей творения", I., pp. 32 и далее.

[44] См. особенно Gunkell, "Schopfung und Chaos in Urzeit und Endzeit", pp. 16 ff.

[45] Моисей, например, в особенности является освободителем и открывателем новой эры в истории Израиля; традиции о нем, таким образом, наполнены астральными *мотивами*. Когда его преследует фараон в Египте, фараон - это Дракон; когда он спасается младенцем из Нила, дочь фараона - это Иштар, царица небес, и мы имеем *мотив* Таммуза-Иштар. Когда он выводит Израиль из Египта, мы имеем *мотив* победы над Драконом. Переход через Красное море - это рассечение дракона надвое, так же как и переход Иисуса Навина через Иордан. Короче говоря, Иисус Навин в своем образе избавителя соперничает с Моисеем по количеству *мотивов*, которые, как говорят, группируются вокруг него.

[46] Иеремиас (указ. соч., II., с. 182) связывает имя Голиаф с ассир. *galittu*, которое он переводит как "море", отсюда дракон Тиамат; но *galittu*, хотя и применяется к морю, является просто женским родом от прил. *galtu*, "страшный".

[47] I. Samuel, xvii., 4; Иосиф и некоторые MSS Септуагинты читают как четыре локтя с пролетом.

[48] Как и во многих других своих спекуляциях, представители астральной школы смешали здесь ценные предположения с чистым теоретизированием. Некоторые числа были особо священны у вавилонян и использовались в качестве божественных имен. Например, лунный бог Син был богом "тридцати", что объясняется обычной длиной лунного месяца; а боги "четыре" и "семь", возможно, представляли различные аспекты лунного бога: первый - четыре фазы луны, второй - семидневную неделю как лунную четверть. Если эта идея распространилась на запад, то мы получаем удовлетворительное объяснение таких палестинских названий, как Кириаф-арба и Беэр-Шеба'. По этому вопросу см. в особенности готовящуюся работу профессора Берни о "Судьях" (см. выше, [p. 290](#) п. 3), p. 43 f. Там обсуждаются и другие моменты, иллюстрируемые вавилонскими текстами, среди которых можно особо отметить исчерпывающие заметки о Яхве (pp. 243 ff.) и Ашере (pp. 196 ff.), а также ценный раздел о ранней древнееврейской поэзии.

[49] Овидий, *Фасты*, IV., 679 и далее; и ср. Фрейзер, "Духи кукурузы", I., p. 297 и далее.

[50] См. Берни, указ. соч., дополнительное примечание к "Мифическому элементу в истории Самсона".

[51] См. "Das Gilgamesch-Epos in der Weltliteratur" (Strassburg, 1906).

[52] "Studien zur Odyssee" в "Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft", 1910, Hefte 2-4; 1911, Heft 4.

[53] Например, пятьдесят два благородных юноши, которым Алкиной поручает подготовить корабль и проводить Одиссея домой, могут соответствовать пятидесяти двум неделям года, солнечным героям, сопровождающим солнце в его путешествии по году. В вызове Эвриала Одиссею и триумфе последнего в метании диска мы видим отблеск старого мифа о свете.

Танец Галиуса и Лаодамы с пурпурным шаром, который сделал для них Полибий, снова символизирует битву света, причем цвет шара имеет особое значение. Действительно, этой системе астрологической интерпретации можно поставить лишь некоторые пределы, поскольку, по мнению д-ра Фриса, даже теннис на газоне восходит к той же идее: он отмечает, что "ailes Ballspiel ja bis herab zum Lawn-Tennis auf denselben Gedanken [der Lichtkampf] zurückgeht" ("Studien zur Odyssee", i., p. 324).

[54] Один момент, в котором окраска, как говорят, является специфически вавилонской, - это пророчество о том, что смерть придет к Одиссею из моря; поскольку это связано с вавилонской легендой о Оаннесе, благодетеле человечества, который всегда возвращается в море, из которого он поднялся, но и здесь Одиссей - бог неба, который тонет при наступлении ночи.

[55] Что касается его применения к древнееврейским повествованиям, рецензент "Церковного квартала" на работу д-ра Иеремиаса (см. выше, [p. 304](#), п. 1**) указывает на сходство между этой процедурой и методом толкования Филона.

[56] В 1870 году тот же план был принят для дискредитации теории профессора Макса Мюллера о Солнечном мифе. Демонстрация, хотя и юмористическая (поскольку ее объектом был сам профессор), представляла собой законную форму критики, и она была заимствована доктором Куглером, голландским астрономом, и применена к астральной теории. Ведь астральная теория - это, по сути, старый солярный миф, возрожденный и привитый к вавилонскому стволу. В своей книге "Im Bannkreis Babels" (1910) д-р Куглер выбирает наугад историческую фигуру Людовика IX Французского и без труда демонстрирует с помощью астральных методов, что сохранившиеся записи о его жизни и правлении полны солнечных и астральных *мотивов*.

[57] Ср. Куглер, указ. соч.

[58] Его интерпретация истории Еврипида о золотом агнце должна разделить судьбу основной структуры его теории, но сама легенда вполне могла быть вавилонского происхождения (см. выше, [с. 293](#)).

[59] См. выше, [с. 106](#) и далее.

[60] Исчерпывающее обсуждение астрологического материала, содержащегося в литературе о предзнаменованиях, см. в Jastrow, "Religion Babylonians und Assyriens", II., pp. 138 ff. (1909-12). Неовавилонский астрономический трактат, недавно приобретенный Британским музеем (см. Plate XXXII., напротив с. 310), содержащий классифицированные и описательные списки главных звезд и созвездий, с их гелиакальными восходами и заходами, кульминациями на юге и т. д., не гарантирует глубоких познаний в астрономии со стороны его составителя (см. King, "Cun. Texts", XXXIII., 1912, pp. 30 ff., и "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXV., 1913, pp. 41 ff.).

[61] См. "Sternkunde und Sterndienst", II., pp. 30 ff.; ср. также Cumont, "Babylon und der griechische Astrologie", в "Neue Jahrbücher für das klassische Altertum", Bd. 27 (1911), pp. Off., и предыдущую часть его "Американских лекций по истории религий", опубликованную под названием "Astrology and Religion among the Greeks and Romans" (1912).

[62] См. выше, [p. 208 f.](#)

[63] Их подчеркивает Скиарпарелли в своей "Астрономии в Ветхом Завете" (англ. перевод), стр. 39 и далее, 99 и далее, 104 и далее.

[64] Во время своей пастушеской и сельскохозяйственной жизни в Палестине евреи считали вполне достаточным обозначать время, описывая период суток: см. далее, Schiarparelli, *op. cit.*, p. 96.

[65] Амос, ст. 20.

[66] Ср. "Греция и Вавилон" (опубликована как "Лекции Уайльда", 1911).

[67] См. его "Культы Крикских государств", Оксфорд, 1896-1909.

[68] Ср. Хогарт, "Иония и Восток", стр. 27 и далее, 64 и далее.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.- СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ДИНАСТИЙ НИСИНА, ЛАРСА И ВАВИЛОНА.

II.- ДИНАСТИЧЕСКИЙ СПИСОК ВАВИЛОНСКИХ ЦАРЕЙ.

Запятая после имени царя означает, что его сменил сын. Цифры в скобках, стоящие после имени царя, указывают на количество лет его правления. В параллельных колонках напротив друг друга указаны времена правления, но их продолжительность лишь приблизительно обозначена интервалом между именами.

I.- СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ДИНАСТИЙ НИСИНА, ЛАРСА И ВАВИЛОНА.

DYNASTY OF NISIN (16 kings; 225½ years).	DYNASTY OF LARSA (16 kings; 267, or 289, years).	FIRST DYNASTY OF BABYLON (11 kings; c. 300 years).
1. Ishbi-Ura, (32) 2339-2308	1. Naplanum (21) 2336-2315	
2. Gimil-ilishu, (10) 2307-2298	2. Emišu (28) 2314-2287	
3. Idin-Dagan, (21) 2297-2277	3. Samum (35) 2286-2252	
4. Ishme-Dagan(,) (20) 2276-2257	4. Zabāia (9) 2251-2243	
5. Libit-Ishtar (11) 2256-2246	5. Gungunum (27) 2242-2216	
6. Ur-Ninib, (28) 2245-2218		
7. Bûr-Sin II., (21) 2217-2197	6. Abi-sarê (11) 2215-2205	1. Sumu-abum (14) 2225-2212
8. Itêr-plaha (5) 2196-2192	7. Sumu-ilum (29) 2204-2176	2. Sumu-la-ilum, (36) 2211-2176
9. Ura-imitti (7) 2191-2185		
10. [.....] (½) 2185		

I. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ДИНАСТИЙ НОСИНА, ЛАРСЫ И ВАВИЛОНА (продолжение).

DYNASTY OF NISIN (continued).			DYNASTY OF LARSA (continued).			FIRST DYNASTY OF BABYLON (continued).		
11. Enlil-bani	YEARS. (24)	B.C. 2184-2161	8. Nûr-Adad	YEARS. (16)	B.C. 2175-2160	3. Zabum,	YEARS. (14)	B.C. 2175-2162
12. Zambia	(3)	2160-2158	9. Sin-idinnam	(7?)	2159-2153	4. Apil-Sin,	(18)	2161-2144
13. [...]	(5)	2157-2153	10. Sin-iribam	(2)	2152-2151			
14. [...]	(4)	2152-2149	11. Sin-ikisham	(6?)	2150-2145			
15. Sin-magir,	(11)	2148-2138	12. Šili-Adad	(1)	2144	5. Sin-muballiṭ,	*(20)	2143-2124
16. Damiḱ-ilishu	(23)	2137-2115	13. Warad-Sin	(12)	2143-2132	6. Hammurabi,	(43)	2123-2081
Capture of Nisin		2115	14. Rim-Sin	(61)	2131-2071	7. Samsu-iluna,	(38)	2080-2043
			15. Hammurabi	(12?)	2092-2081	8. Abi-esbu',	(28)	2042-2015
			16. Samsu-iluna	(12 +?)	2080-2069	9. Ammi-ditana,	(37)	2014-1978
						10. Ammi-zaduga,	(21)	1977-1957
						11. Samsu-ditana	(31)	1956-1926

II. ДИНАСТИЧЕСКИЙ СПИСОК ЦАРЕЙ ВАВИЛОНА.

CONTEMPORANEOUS RULERS.	DYNASTIES I. AND III.	
II. SECOND DYNASTY (11 kings). 1. Iluma-ilum (60) 2. Itti-ili-nibi (55) 3. Damki-ilishu (36) 4. Ishkibal (15) 5. Sushshi (27) 6. Gulkishar, (55) 7. Peshgal-daramash, (50) 8. A-dara-kalama (28) 9. Akur-ul-ana (26) 10. Melam-kurkura (7) 11. Ea-gamil (9)	I. FIRST DYNASTY (11 kgs. ; c. 300 yrs.).	
		B.C.
	1. Sumu-abum (14)	2225-2212
	2. Sumu-la-ilum, (36)	2211-2176
	3. Zabum, (14)	2175-2162
	4. Apil-Sin, (18)	2161-2144
	5. Sin-muballit, (20)	2143-2124
	6. Hammurabi, (43)	2123-2081
	7. Samsu-iluna, (38)	2080-2043
	8. Abi-eshu', (28)	2042-2015
	9. Ammi-ditana, (37)	2014-1978
	10. Ammi-zaduga, (21)	1977-1957
	11. Samsu-ditana (31)	1956-1926
<i>Contemporaneous kings of Assyria.</i> Ashur-rim-nishêshu..... Puzur-Ashur..... Ashur-uballit Enlil-nirari Adad-nirari I. Tukulti-Ninib I. Enlil-kudur-usur Ashur-dân I.....	III. THIRD DYNASTY (36 kgs. ; 576½ yrs.).	
	1. Gandash, (16)	1760-1745
	2. Agum (22)	1744-1723
	3. Kashtiliash I., (22)	1722-1701
	4. Ushshi (8)	1700-1693
	5. Abi-rattash,	1692
	6. Tashshi-gurumash,	
	7. Agum-kakrime	
		
	Kadashman-Kharbe I.,	
	Kurigalzu I.,	
	Meli-Shipak I.	
		
	16. Kara-indash I.	c. 1425
	17. Kadashman-Enlil I.,	
	18. [.....]-[Bu]riash	
	19. Kurigalzu II.,	
	20. Burna-Buriash (25)	c. 1385
	21. Kara-indash II.	
	Nazi-bugash (usurper)	
	22. Kurigalzu III., (23)	1357-1335
	23. Nazi-maruttash, (26)	1334-1309
	24. Kadashman-turgu, (17)	1308-1292
	25. Kadashman-Enlil II. (6)	1291-1286
	26. Kudur-Enlil, (9)	1285-1277
	27. Shagarakti-Shuriash, (13)	1276-1264
	28. Kashtiliash II. (8)	1263-1256
	29. Enlil-nadin-shum (1½)	1255-1254
	30. Kadashman-Kharbe II. (1½)	1254-1253
	31. Adad-shum-iddin (6)	1252-1247
	32. Adad-shum-usur, (30)	1246-1217
	33. Meli-Shipak II., (15)	1216-1202
	34. Merodach-baladan I. (13)	1201-1189
	35. Zamama-shum-iddin (1)	1188
	36. Bel-nadin-[akhi] (3)	1187-1185

Запятая после имени царя означает, что его сменил сын.

II. ДИНАСТИЧЕСКИЙ СПИСОК ЦАРЕЙ ВАВИЛОНА (продолжение).

DYNASTIES IV.-IX.	LATER PERIODS.
IV. FOURTH DYNASTY (11 kgs. ; 132½ yrs.). 1. Marduk-[shapik-zêrim] (17) B.C. 1184-1168 2. (6) 1167-1162 3. 4. Nebuchadnezzar I. c. 1140 5. Enlil-nadin-apli 6. Marduk-nadin-akhi c. 1110 7. Marduk-shapik-zêr-mâti c. 1100 8. Adad-aplu-iddina (22) 1095-1074 9. Marduk-akhi-erba (14) 1073 10. Marduk-zêr-[.....] (12) 1072-1061 11. Nabû-shum-libur (8) 1060-1053 V. FIFTH DYNASTY (3 kgs. ; 21½ yrs.). 1. Simmash-Shipak (18) 1052-1035 2. Ea-mukin-zêr (1½) 1035 3. Khashshû-nadin-akhi (3) 1034-1032 VI. SIXTH DYNASTY (3 kgs. ; 20½ yrs.). 1. E-ulmash-shakin-shum (17) 1031-1015 2. Ninib-kudur-uûr (3) 1014-1012 3. Shilaniim-Shukamuna (4) 1012 VII. SEVENTH DYNASTY (1 kg. ; 6 yrs.). 1. [Ae-aplu-uûr] (6) 1011-1006 VIII. EIGHTH DYNASTY (about 13 kgs.). 1. Nabû-mukin-apli (36) 1005-970 Sibir Shamash-mudammik c. 910 Nabû-shum-ishkun I., Nabû-aplu-iddina, c. 885 Marduk-zakir-shum, c. 855 Marduk-balâtsu-ikbi c. 830 Erba-Marduk Bau-akhi-iddina c. 815 IX. NINTH DYNASTY (about 5 kgs.). Nabû-shum-ishkun II. Nabonassar, (14) 747-734 Nabû-nadin-zêr (1) (2) 733-732 Nabû-shum-ukin (1½) 732	X. PERIOD OF ASSYRIAN DOMINATION (107 years). B.C. 1. Nabû-mukin-zêr (3) 732-730 2. Pulu (Tiglath-pileser IV.), (2) 729-727 3. Ululai (Shalmaneser V.) (5) 727-722 4. Merodach-baladan II. (12) 721-710 5. Sargon, (5) 709-705 6. Sennacherib (2) 704-703 7. Marduk-zakir-shum (1½) } 703-702 8. Merodach-baladan II. (2) } 9. Bêl-ibni (3) 702-700 10. Ashur-nadin-shum (6) 699-694 (son of Sennacherib) 11. Nergal-ushezib (1½) 693-692 12. Mushozib-Marduk (4) 692-689 13. Sennacherib, (8) 688-681 14. Esarhaddon, (12) 681-669 15. Shamash-shum-ukin (20) 668-648 16. Kandalanu 647-626 17. Ashur-etil-ilâni 625-c. 618 18. Sin-shum-lishir c. 618 19. Sin-shar-ishkun c. 616 (Capture of Nineveh by the Medes, 606.) XI. NEO-BABYLONIAN EMPIRE (6 kgs. ; 86 yrs.). 1. Nabopolassar, 625-604 2. Nebuchadnezzar II., 604-561 3. Amêl-Marduk 561-559 4. Neriglissar, 559-556 5. Labashi-Marduk 556 6. Nabonidus 555-539 XII. ACHAEMENIAN KINGS (11 kgs. ; 208 yrs.). 1. Cyrus, 539-529 2. Cambyses 529-522 3. Darius I. Hystaspis, 522-486 4. Xerxes I., 486-465 5. Artaxerxes I. Longimanus 465-424 6. Xerxes II. (45 days) 424 7. Darius II., 424-404 8. Artaxerxes II. Mnemon, 404-359 9. Artaxerxes III. Ochus, 359-338 10. Arsos 338-336 11. Darius III. Codomannus 336-331 (Capture of Babylon by Alexander, 331)